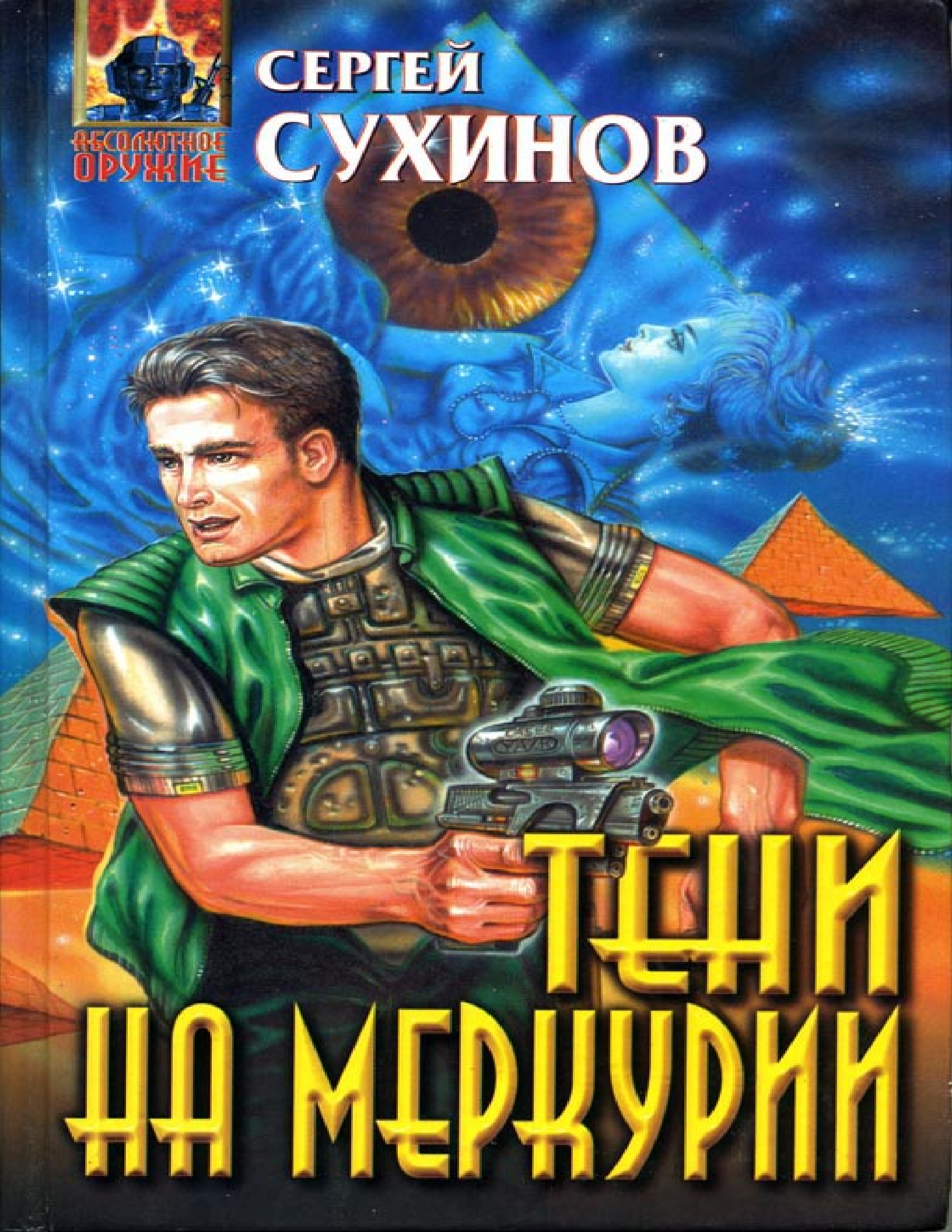

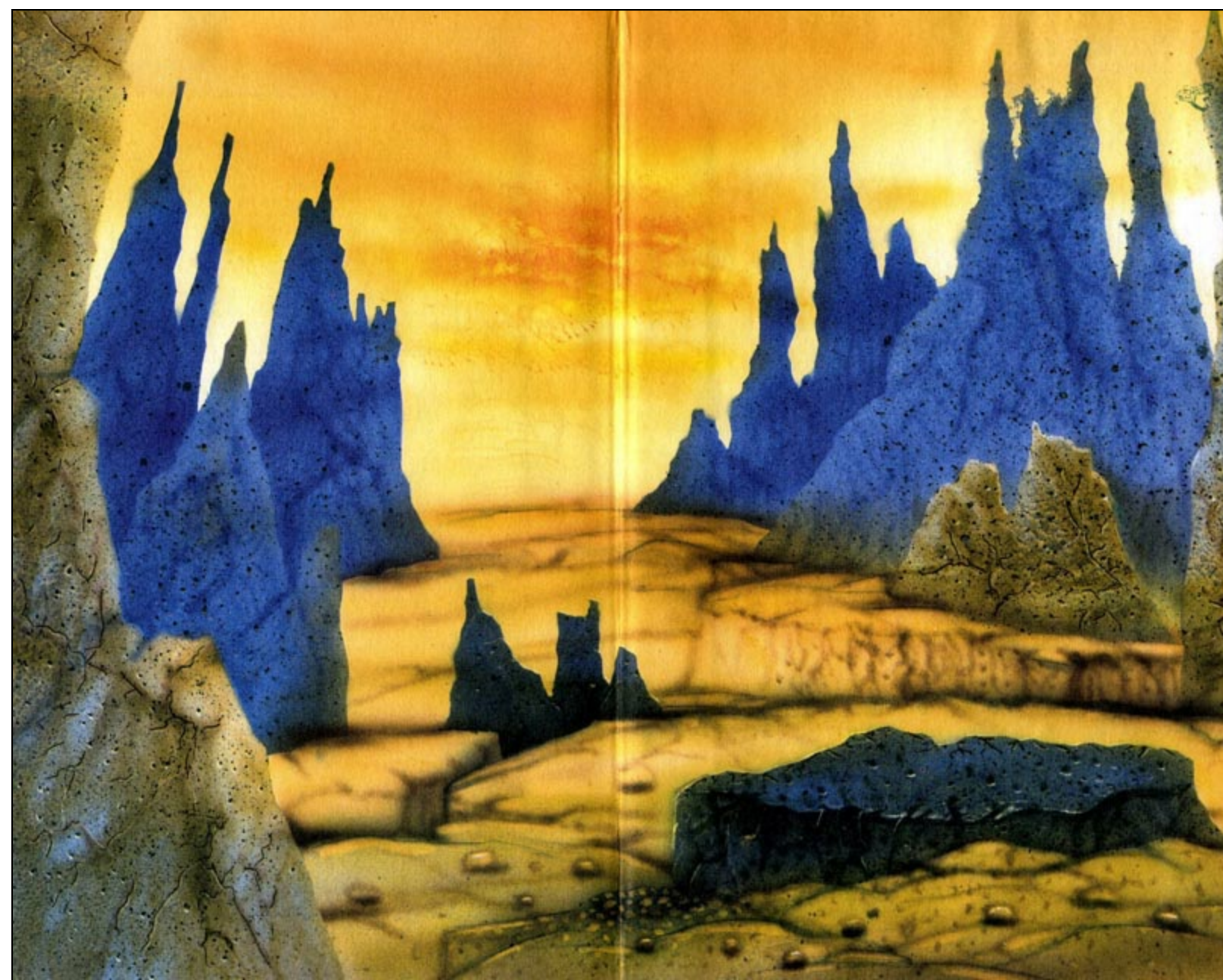
СЕРГЕЙ
СУХИНОВ

ТЕНИ
НА МЕРКУРИИ

Команда отважных хроноспасателей «Дельта», выполняя свою обычную работу на Луне и Меркурии, на Венере и в Поясе астероидов, невольно вступает в единоборство с загадочными именами — высшей расой космоса, издревле контролирующей ход земной истории. Ставка в этой схватке — судьба Вселенной поэтому Игорю Корину, Марте Шадриной и их товарищам приходится поставить на кон все то, чем они обладают: мужество профессионализм и... обаяние.

Сергей Сухинов
Тени на Меркурии

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

СЕРГЕЙ СУХИНОВ

ТЕНИ НА МЕРКУРИИ

ЛУННЫЙ КОКТЕЙЛЬ

Луна, 2025 год

ЛУННЫЙ КОКТЕЙЛЬ, ЛУНА, 2025 Г.

ПОВЕСТЬ

За широким бронированным стеклом до самого горизонта расстилалась марсианская пустыня. Бурорыжие барханы словно волны накатывались на Большой Сырт — три с лишним десятка огромных стальных куполов, связанных между собой пуповинами трубчатых переходов. На западе, прямо под бледным пятном Солнца, из песка поднималась редкая гряда серых скал, напоминающих зубы дракона, а чуть поодаль в фиолетовое небо уходила серебристая стела — скромный памятник первым астронавтам, высадившимся на планету в 2010 году. У подножия обелиска, под стеклонитовым куполом, рос гидропонный садик — плод общих усилий русских и американских колонистов. Усилий, впрочем, тщетных, поскольку три хилые яблоньки упорно не желали цвести. Не обмануть их было искусственным теплом и светом. Возле купола стоял пассажирский пескоход, а это означало, что очередная партия туристов с Земли сейчас дружно пускала слюни умиления, глядя на маленькие, скрученные словно подагрой листочки, сдуру вылезшие из теплых, уютных почек, чтобы оцепенеть, увидя чужое, холодное солнце и еще более чужую пустыню, где даже оазисы напоминали тюрьмы...

Корин помрачнел, недовольный таким поворотом мыслей. Каждый день вот уже два месяца он направлялся сюда, на обзорную террасу, чтобы хоть как-то развеяться, отвлечься от невеселой действительности. И каждый раз, как заколдованный, приходил к одним и тем же ассоциациям: оазис — тюрьма, город — тюрьма, охранники — тюремщики, мэр, вернее, мэриха Сандра Дебейлок — змея подколодная... Мысли двигались словно по замкнутому кругу — ни уйти из него, ни даже вырваться с боем...

Да и куда, собственно, вырываться? И от чего бежать? Группу хроноспасателей «Дельта» во главе со знаменитым Владимиром Поплавским никто особенно и не обвинял. Но и хвалить не собирались, по крайней мере, до окончания следствия по делу об «украденном» Марсе.

Корин поуютнее уселся в кожаном кресле, взял в руку высокий бокал с безалкогольным коктейлем (ибо на Марсе, где вся пустыня была усыпана бутылками из-под виски, официально царил сухой закон) и, потягивая сладковатую жидкость через пластмассовую соломинку, стал от нечего делать вспоминать бурные события последних месяцев.

Еще весной он, Игорь Корин, двадцатипятилетний м.н.с. московского Института Времени, и не помышлял о космосе. Во-первых, потому, что ему никогда и не хотелось о нем особенно помышлять. Во-вторых, человеку, получившему пять пуль в грудь, ни на Марсе, ни даже на Луне делать нечего. И никого из высоких космических начальников не интересовало, что он, Корин, был партнером самого великого Литвинова, основавшего Службу Спасения во времени на планетах Солнечной системы. Все, конечно, слышали про сенсационный случай трехлетней давности, когда Литвинов, спасая пропавших возле Селигера туристов, случайно извлек из прошлого отряд фашистов и погиб в схватке с ним. Но почти никто не знал, что Литвинов был тогда не один, а вместе с дипломником-практикантом Игорем Кориным. Конечно, это несправедливо, но не ему, Корину, обижаться на судьбу — ведь он-то выжил во время селигерского эксперимента. Выжил, несмотря на то, что автоматная очередь прошла его буквально насквозь!

Наверное, он так бы и просидел серой мышкой до пенсии в тихой компьютерной келье

Института Времени, если бы не Владимир Поплавский. Прославленный хроноспасатель один из любимых учеников Литвинова, прибыл этой весной на Землю в отпуск, и вовсе не для того, чтобы увеличить число своих любовных побед, о которых постоянно судачили во всем Внеземелье. Нет, на этот раз отъявленный авантюрист и сердцеед решил заняться разгадкой происшествий на Марсе. Поплавский и его группа не раз встречали в пустынях следы пескоходов, идущие словно бы ниоткуда в никуда. Хроноспасатели не сомневались, что кто-то ведет на Марсе нечистую игру. А когда с Земли поползли слухи о неких марсианских драгоценностях, за которые земные богачи выкладывают многомиллионные суммы, командир «Дельты» решил провести свое тайное расследование. Да, вроде никаких следов древней цивилизации на Марсе не обнаружено, но чем черт не шутит?

Пользуясь миниатюрным хронощупом, Поплавский сумел снять хронограмму с красивейшего браслета, в котором щеголяла жена алмазного короля из ЮАР. Проанализировав полученные данные, можно было определить, находился ли браслет в хронотрещине и как долго. Автором этой методики, хотя далеко не общепринятой, был м.н.с. Игорь Корин...

Так они встретились — Корин и Поплавский. А затем все закрутилось словно в лихом голливудском боевике. Узнав, что скромный сотрудник Института Времени участвовал Вместе с Литвиновым в селигерском эксперименте, Поплавский растрогался и, используя связи, сумел провезти Корина на Марс, где включил в состав своей группы. Могучий лунотанк «Белка», оборудованный хроноизлучателем, немедленно направился в глубь пустыни. Началась борьба с марсианскими контрабандистами. Первый раунд выиграли бандиты, умело спровоцировав драку в баре международной Базы-2, расположенной вблизи Большого Каньона. В результате был убит один из геологов, Иван Слоучек, а полиция обвинила в этом водителя «Белки» Ашота Мирзояна. В сопровождении трех полицейских краулеров лунотанк отправился к Большому Сырту, но хроноспасателям удалось бежать.

Вскоре «Дельта» нашла следы, ведущие к хронотрещине Литвинова, где некогда прославленный спасатель безуспешно пытался извлечь из прошлого пропавшую группу астробиологов. Оказалось, что там- то и находится таинственный марсианский город! Однако существовал он не в настоящем, а в прошлом, что было устроено руками контрабандистов. Окружив город мощными хронобашнями, они «утопили» древний город где-то в восемнадцатом веке, чтобы без помех рыться в развалинах, извлекая оттуда бесценные драгоценности, статуи, приборы и машины. Лишь изредка по ночам древний город, словно кит, всплывал на поверхность времени, чтобы старатели могли передать своим сообщникам все найденное, а взамен получить баллоны с кислородом, воду и продукты.

Члены группы «Дельта» устроили совещание. Всем было ясно, что голословным утверждениям о марсианском городе никто в Большом Сырте не поверит, а хроноспасателей просто арестуют — ведь на них повесили убийство бедного Слоучека! К властям надо идти имея на руках веские доказательства, а раздобыть их можно лишь сунув голову в пасть к тигру. Однако сделать это мог лишь совершенно новый на Марсе человек.

Вот так и получилось, что идти на разведку в марсианский город пришлось Корину, космонавту без году неделя. Оказалось, что в марсианских развалинах орудует отряд старателей, возглавляемый беспощадным гигантом Мелвиллом по прозвищу Мастоdont. В плену у него находилась Марта Шадрина — единственная оставшаяся в живых из провалившихся в хронотрещину пять лет назад астробиологов.

Корин встретился с этой молодой женщиной, прозванной за редкую красоту Царевной

Внеземелья, в марсианской тюрьме. Им удалось бежать, а затем незаметно для преследователей пробраться к хронобашням. Корин переключил их в другой режим работы и тем самым пробил в периметре города ворота в XII век. В образовавшийся проход немедленно въехала «Белка». Туда же прибыли и старатели во главе с Мелвиллом. Между одним из хроноспасателей — могучим Вадимом Асташевским и Мастодронтам произошла схватка. Главарь бандитов погиб, и лишь тогда выяснилось, что истинным главой всех контрабандистов планеты был... сам комиссар Марса Книшевич! Положение хроноспасателей становилось безнадежным, и тогда Корину пришла в голову счастливая мысль. Он сумел с помощью хроноизлучателя «Белки» устроить в периметре города нечто вроде короткого замыкания, и перед изумленными туристами с Земли неожиданно всплыли из глубины веков древние развалины...[\[1\]](#)

Со времени окончания тех бурных событий прошло два месяца, а положение «Дельты» оставалось неопределенным. Давно уже прибыла с Земли группа эмиссаров ООН, задачей которой было подготовить доклад о происшествиях на Марсе. Вместе с ними прилетели и следователи ООН, начавшие опрос свидетелей и сбор материалов о грандиозной афере с «украденным» Марсом. Всех хроноспасателей подвергли многочасовым допросам, которым, казалось, не будет конца. Дав подписку о невыезде из Большого Сырта, спасатели практически оказались под домашним арестом в одном из куполов города. Под предлогом необходимости обеспечения безопасности свидетелей (мера, кстати сказать, вовсе не лишняя) этаж, на котором они жили, тщательно охранялся сотрудниками СБ, подчинявшимися непосредственно новому комиссару Марса Ван Гельду. Охрана поняла свою задачу слишком буквально и под разными предлогами не позволяла выходить из купола никому, кроме Поплавского, да и то лишь по специальному разрешению Ван Гельда. О том, что происходило на Марсе, хроноспасатели знали в основном из передач ТВ Внеземелья.

А на Красной планете, судя по этим передачам, не происходило вообще ничего существенного! О марсианском городе сообщалось нечто весьма смутное и неопределенное. То ли город был найден в песках экспедицией археологов, то ли ученые увидели мираж, то ли вообще приняли за развалины группу причудливых скал... Ни слова о контрабандистах. Ни слова о роли бывшего комиссара Марса Книшевича. Ни слова о «Дельте». Ни слова об эмиссарах ООН и начавшемся следствии.

Поплавский время от времени встречался в Большом Сырте с новым комиссаром, а также с представителями русской колонии и кое с кем из своих многочисленных друзей. От него хроноспасатели узнали, что на специальном заседании секретариата ООН дело об «украденном» Марсе было решено предельно засекретить. Разумеется, исключительно в интересах начавшегося расследования. «Лишних» журналистов с Марса — удалить. Всю информацию с Красной планеты — подвергать жесткой цензуре. Доступ туристов на Марс — под благовидными предлогами резко сократить. Арестованных старателей и Марту Шадрину — перевезти на Землю и там временно изолировать. Никаких скандалов. Никаких сенсаций. Никаких громких обвинений. И вообще, ЕСТЬ МНЕНИЕ, что все происшедшее — лишь плод чьих-то измышлений. Даже туристы, оказавшиеся возле трещины Литвинова в момент ЯКОБЫ ПОЯВЛЕНИЯ ГОРОДА, рассказывают о происшедшем по-разному. Большинство склоняется к тому, что на самом деле увидели лишь мираж. Кое-кто, правда, поначалу настаивал на противоположном, но затем неожиданно сменил свои показания.

На Марсе тоже воцарилась удивительная тишина. В Большом Сырте все были заняты обычными делами, и даже в ресторанах никто не давал волю языку, так как на этот счет было специальное распоряжение. Возле хронотрещины Литвинова установили тройной кордон из «голубых шлемов» ООН, которых привезли на планету специальным рейсом.

Достоверно колонистам Марса известно было лишь одно. Знаменитая группа хроноспасателей «Дельта» вляпалась в какое-то грязное дело. Поговаривали, что на их совести убийство геолога Слоучека на Базе-2, где русские устроили дебош. Хотя не исключено, что словака убил некто Рикардо Мелано, скрывшийся ныне в неизвестном направлении.

«СЛЕДСТВИЕ О ПРИЧАСТНОСТИ ГРУППЫ «ДЕЛЬТА» К УБИЙСТВУ ВЕД. СПЕЦСЛУЖБЫ». Вот об этом говорили свободно и открыто — и в ресторанах, и в курилках и в фойе кинотеатра. Кое-кто возмущался тем, что на Марсе нет даже элементарного следственного изолятора и потому приходится терпеть ПРЕСТУПНИКОВ здесь же, в городе.

Русская колония о них словно бы забыла. Никаких официальных запросов. Никаких предложений помощи. Только ЧАСТНЫЕ встречи с Поплавским, где ему предлагалось вести себя тихо и осторожно. Мол, все ДОЛЖНО ОБОЙТИСЬ. Надо проявить терпение и не делать резких шагов. Поскольку ситуация сложная, известная по поговорке: «То ли у него шубу украли, то ли он украл...»

— Мистер, вас просят вернуться в гостиную, — прервал невеселые размышления Корина плечистый атлет в голубой форме марсианской Службы Безопасности.

Корин давно уже привык, что этот темноглазый крепыш с коротким ежиком соломенных волос и равнодушной, словно бы приклеенной улыбкой, ходит за ним как тень. Вот и сейчас Дик Трейси вынырнул из ниоткуда, будто чертик из шкатулки. Возможно, он стоял в тени кресел и потому был незаметен. А может, лежал на ковровом покрытии и с помощью какого-нибудь хитроумного прибора изучал мысли своего подопечного. На всякий случай Корин послал ему по-английски телепатический сигнал: «Чтоб ты сдох, чертов осел! Тебя давно нужно спустить в унитаз, поскольку на человека ты похож не больше, чем туалетная бумага!»

Офицер вздрогнул и слегка изменился в лице, словно на самом деле мог читать мысли.

— Вас очень просят вернуться в гостиную, — повторил Трейси. — Простите, что отвлекаю от размышлений.

Корин со вздохом поднялся, с хрустом потянулся, а затем, покопавшись в кармане спортивного костюма, достал однодолларовую купюру.

— Возьми, Дик, — сказал он, протягивая доллар офицеру. — В благодарность за то, что ты отвлек меня от паршивых мыслей. Ты ведь знаешь каких, верно?

Офицер флегматично пожал плечами, но доллар принял и аккуратно спрятал в верхний карман кителя. Он был бережливым парнем и, как поговаривали, собирался по возвращении на Землю купить небольшую ферму в Канзасе и жениться. На Марс; затерянные города, контрабандистов и прочую суету ему было в общем-то наплевать.

Они вышли из обзорной террасы — Корин впереди, демонстративно заложив руки за спину, а Трейси сзади на три шага, прошли по округлому пустому коридору, все двери которого были тщательно опечатаны, и, свернув налево, поднялись по лестнице на второй этаж.

Здесь, у двери из бронированного стеклонита, дежурили еще двое парней. Они так впились глазами в пришедших, что Корину показалось: сейчас потребуют пропуска. Но нет,

на этот раз обошлось. Рыжий поляк Стас Гнальски улыбнулся и, зазвенев ключами, открыл дверь. Второй охранник, сенегалец Ален Рош, укоризненно взглянул на напарника, но от замечаний воздержался.

Треysi вошел вслед за Кориным в коридор, сделал несколько шагов, но, убедившись, что сопровождаемый не собирается бежать, четко повернулся на каблуках и вышел на лестничную площадку. Через несколько мгновений Корин услышал, как все трое гогочут над каким-то анекдотом.

В гостиной царила тюремная скука. Могучий Асташевский возлежал на не менее могучем диване в позе турецкого султана и, прикрыв глаза, с удовольствием курил очередную трубку. В воздухе висел сизый туман, но никто, даже педант Саблин, не делал бывшему космодесантнику замечаний. Курить на Марсе разрешалось только в специально отведенных местах, а спасателям такие вещи были категорически запрещены. Но сейчас они сами оказались как бы вне закона, так что обычно требовательный Поплавский старался не обращать внимания на маленькие нарушения дисциплины.

Ашот Мирзоян и Виталий Саблин сидели у окна возле маленького столика и азартно играли в блицшахматы. Оба так энергично хлопали ладонями по кнопкам часов, что бедный столик с раскоряченными металлическими ножками содрогался от каждого хода.

— А-а, созерцатель прибыл, — вяло отреагировал на появление Корина Ашот, лишь на мгновение оторвав глаза от шахматной доски. — Как пустыня? Все метет?

— Метет, — коротко ответил Корин, усаживаясь в одно из кресел рядом с широкоэкранным телевизором. — Чего звали?

— Командир предупредил, чтобы в двенадцать ноль-ноль все были в сборе, — ответил Саблин.

— Как предупредил? — опешил Корин. — У нас что, в номерах заработали телефоны?

— Стас предупредил, — объяснил Ашот. — Хороший он все-таки парень. А анекдотов знает — ого-го! И не изображает из себя жителя зоны вечной мерзлоты, как все остальные служаки из СБ. Я вчера одному из этих шагающих механизмов говорю: слушай, милый, сделай милость, смазывай суставы перед вахтой только машинным маслом, а то у меня мороз по коже идет от скрипа твоих мослов. Этот чудила отвечает: простите, мистер, но я работаю только на чистом сливочном. Все-таки хоть какой-то юмор, а?

Дверь в гостиную стремительно распахнулась, и Поплавский влетел в комнату. Это был двухметрового роста атлет со лбом Помпея и короткими вьющимися волосами. Его движения были по-спортивному точны и элегантны, в них чувствовалась немалая скрытая сила. В этом Корин мог убедиться во время злосчастной драки на Базе-2, когда командир «Дельты» показал себя отличным кикбоксером. Но сейчас хроноспасатели ждали от Поплавского отнюдь не умения работать мускулами.

Плотно закрыв за собой дверь, Владимир оглядел товарищей и неожиданно поморщился.

— Тьфу, как здесь накурено... Вадим, выкинь в сортир эту гадость!

— А зачем... — начал было возражать Асташевский, но, поймав суровый взгляд командира, встал с дивана и старательно затушил трубку.

Поплавский стоял посреди комнаты и, сложив руки на груди, терпеливо ждал, пока Асташевский закончит свой скорбный труд. Ашот тем временем торопливо ссыпал шахматные фигуры в ящик. Саблин спокойно сидел, прислонив широкие плечи к стене. На его круглом, добродушном лице можно было прочесть обычное: «Я же говорил, что

командир вытащит нас из этого болота». А Корин почувствовал, как вопреки его воле сердце забилось быстрее. «Наконец-то!» — подумал он.

Выждав долгую паузу, Поплавский пододвинул к себе стул и, оседлав его, обхватил руками высокую спинку.

— Я пришел, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, — произнес он без тени улыбки. — От нас уехал ревизор!.. Вернее, с Марса улетели все посланники ООН: и эмиссары, и следователи. Понимаете — все до единого!

Спасатели молча переглянулись.

— Все высшие чины Марса в шоке, — продолжил командир после выразительной паузы. — Комиссар Ван Гельд так разводит руками, словно поймал двухметровую акулу. Его, мол, никто не предупреждал, и он ничего не знает и ни о чем не ведает. Врет, конечно. Но сегодня мне удалось встретиться с одним очень надежным человеком, который рассказал такие вещи, что даже мои вьющиеся волосенки разом стали дыбом.

— Ну, не тяни, Володя, — пробасил Асташевский. — Давай уж, начинай с самой паршивой новости!

Поплавский покачал головой.

— Нет, ее я оставлю на закуску, иначе кое-кто из вас сразу подавится... Начну с того, что марсианский город снова исчез! Похоже, за эти два месяца хронобашни периметра привели в порядок, а затем с их помощью вновь утопили развалины в глубинах времени. А знаете, почему? В земных газетах то там то здесь стали появляться фотоснимки этого города, сделанные астрономами разных стран. Потихоньку начал разгораться скандал, и его надо было срочно погасить. Теперь астрономы остались в дураках, а их умные коллеги только посмеиваются и всю громят в газетах авторов «лженаучных сенсаций».

— Та-а-ак, хорошая новость... — задумчиво протянул Ашот. — Без нее я как-нибудь прожил бы. Выходит, никакого мальчика и не было? А как же старатели Мелвилла?

Поплавский невесело усмехнулся.

— До сегодняшнего дня я тоже так думал. Но оказалось, что этих парней отпустили по домам, взяв подписки о невыезде. Мол, чтоб к началу следствия все были в Нью-Йорке как штык! Однако когда следствие все-таки сдвинулось с мертвой точки, никого из бывших старателей разыскать не смогли. Все словно в омут канули. Теперь-то следователи ООН локти себе кусают, но как-то не очень натурально.

Корин вдруг почувствовал, что у него в горле мигом пересохло.

— Но... — прокашлявшись, выдавил он. — Ведь остался еще один, главный свидетель...

Поплавский погрузился.

— В том-то и штука... Как вы знаете, нашу всеми обожаемую Царевну повезли на Землю под присмотром аж троих эмиссаров ООН еще полтора месяца назад. Вблизи орбиты Луны что-то произошло с маршевым двигателем... Такие вещи порой случаются. И как в такой ситуации должен был поступить командир корабля?

В гостиной воцарилась тишина. Наконец Асташевский, вид у которого был на редкость обалдевший, сипло произнес:

— Согласно уставу, он обязан остановить основной двигатель и на аварийном добираться до ближайшего космодрома. Даже если последний находится на самом задрипанном астероиде...

Саблин, выглядевший, как всегда, спокойным, прямо спросил:

— Выходит, Марта Шадрина оказалась вместо Земли на Луне?

Поплавский кивнул.

— Да. Она и сейчас вроде бы там. Наше консульство уже делало запрос комиссару Луны, но тот ответил нечто невразумительное. Мол, госпожа Шадрина отправилась с друзьями в какую-то то ли экспедицию, то ли просто увеселительную поездку. Три остолопа- эмиссара что-то не то съели в ресторане и в этот момент маялись животами в местном госпитале, а потому упустили свою подопечную из виду. Комиссар также заметил, что Луна, к большому его сожалению, ныне обрела статус свободного города. Сюда бесконтрольно прилетают-улетают сотни человек. Частных космолетов типа «Земля — Луна» уже десятки, и проконтролировать их челночные рейсы совершенно невозможно. А госпожа Шадрина с самого начала резко заявляла, что считает себя совершенно свободным человеком и не желает действовать по чьей-либо указке. Поэтому не исключено, что она сейчас может находиться где-нибудь на Венере или на Меркурии, или даже в поясе астероидов.

Некоторое время все ошеломленно молчали, переваривая услышанное. В первые дни «заклучения» они часто встречались с Мартой, которую поначалу поселили в этом же куполе, только на первом этаже. Они вместе обедали в одном из ныне пустующих ресторанов и дважды устраивали вечеринки с дружеским застольем, пением под гитару и, конечно же, танцами под магнитофонные записи. Царевна так истосковалась по нормальным людям, что сумела за эти дни покорить всех: горячего Ашота, и могучего Асташевского, и даже молчаливого, сдержанного Саблина. О космическом Дон-Жуане Поплавском и речи не было. Когда-то он изрядно помотался по Солнечной системе, надеясь встретиться с загадочной Царевной, первой королевой красоты Венеры и объектом тайных воздыханий всей мужской части обитателей Внеземелья. Но тогда ему не повезло — Марта провалилась в хронотрещину вместе с отрядом астробиологов за три дня до его прибытия на Марс. Понятно, что прославленный сердцеед по прозвищу Викинг был ныне совершенно неотразим. Оказалось, что у него приятный баритон, что он танцует как бог и неистощим на анекдоты, карточные и прочие фокусы.

А вот Корин остался в тени. Он был несколько моложе своих новых друзей-хроноспасателей и выглядел по сравнению с ними хилым подростком. Селигерская трагедия лишь убелила его виски сединой, а в душе он постарел лет на десять. Даже во времена беззаботной молодости он не рискнул бы и подойти к такой жар-птице, как Царевна, а тем более сейчас... Правда, они с Мартой немало пережили вместе, выбираясь из марсианского города, и молодая женщина за глаза называла его чуть ли не своим спасителем.

И вот теперь выяснилось, что Марта пропала где-то на Луне!

Асташевский сурово сдвинул брови и, поднявшись с дивана, пошел к двери. Вид у него был настолько решительный, что Корин мысленно перекрестил охранников, дежуривших на лестничной площадке, а заодно и всех остальных служащих СБ, кто решился бы встать сейчас на пути Слона. (Так спасатели прозвали Вадима за его внушительные размеры.)

— Сядь на место, Вадим, — не поворачивая головы, резко сказал Поплавский.

— Хватит, засиделся!

— Сядь, тебе говорю!

Асташевский остановился у двери. Его тяжелое, с крупными чертами лицо запорожского казака побагровело от ярости.

— И не жди, командир, больше я на этот чертов диван не лягу! — заорал он. — Хватит, все бока отлежал! Два месяца ты кормил нас, словно манной кашкой, сказочками о

начавшемся следствии. Мол, в интересах дела, чтобы мы все согласились, как последние идиоты, сидеть сложа ручки под домашним арестом. Мол, стоит нам покинуть Большой Сырт, как за нами начнут охоту, и тогда у контрабандистов будет шанс спрятать концы в воду. А как все обернулось на самом деле? Концы-то уже почти что спрятаны: город исчез, бандиты разбежались, словно тараканы, а такая гарная дивчина, как Марта, вообще пропала где-то среди лунных кратеров! Может, ее уже и в живых-то нет... И ты хочешь, чтобы я лежал, задрав ноги, и... Нет, черта с два, я здесь все разнесу!

Поплавский тоже покраснел от гнева. Корин впервые видел обычно выдержанного командира в таком состоянии.

К всеобщему удивлению, Поплавский вовсе не собирался оправдываться.

— Да, ты прав, Слои, нас провели словно детей, — произнес он. — Вернее, меня провели! Только ради справедливости стоит вспомнить, что мы все дружно считали, будто на Марсе орудовала наглая шайка контрабандистов. С большими деньгами, с огромными связями, но — шайка! А теперь оказалось, мы недооценили этих ребят. У них такие масштабы, такие возможности... Только сегодня я узнал, что моего друга, вице-пре-мьера российского правительства, недавно отправили в отставку. А еще один мой близкий приятель в верхах отправлен послом в Швецию. Случайность? Не знаю, не знаю...

— Стало быть, идем на прорыв? — с надеждой спросил Асташевский.

— Да брось ты молоть чепуху! — в сердцах крикнул Поплавский. — Кое-кто только того и ждет, чтобы начать пальбу по нам. Нет, такого подарка я таинственному мистеру Иксу, кто бы он ни был, не дам! Мы улетим с Марса тихо-мирно.

— Так бы и сказал, — проворчал Асташевский и вновь уселся на диван.

— Володя, нас что, хотят сбаврить отсюда? — спросил Саблин.

Поплавский кивнул.

— Точно. На Марсе мы теперь нежелательные элементы. Впрочем, все это подается под самым изысканным соусом. Комиссар Ван Гельд сегодня поведал мне, что на Меркурии, оказывается, тоже обнаружены хронотрещины. А поскольку на этой планете ныне развернулась промышленная добыча многих полезных ископаемых, то и народу стало полно — что-то около тысячи человек. И более тридцати из них сгинуло за последние полгода безо всяких следов... Словом, Международная Организация Спасателей приглашает нас перебраться поближе к теплему Солнцу.

— С «Белкой»? — быстро спросил Ашот.

— Конечно. Она уже завтра будет погружена на космолет.

— Завтра? — поразился Корин.

— Да. Для нас спешно организовали спецрейс. Что, есть возражения?

— Нет, конечно... Но как же Марта?

Впервые за весь разговор Поплавский улыбнулся.

— Не беспокойся, Игорек, еще не всех моих друзей отправили послами в Швецию. Словом, до орбиты Луны мы долетим, надеюсь, без всяких происшествий. А там... Космическая техника — вещь не вполне надежная, всякое может случиться...

— Володя — ты гений! — восторженно воскликнул Ашот.

Поплавский усмехнулся.

— Кто бы спорил... А теперь, бездельники и лежебоки, за дело. Нам дано на все сборы десять часов. Ашот, сейчас мы отправимся в мастерские взглянуть на нашу «Белку». А ты, Виталий, вместе с Игорем займись техобеспечением. На Слона лягут, как всегда,

скафандры и оружие. За дело, парни! И помните — с этого момента мы вступаем в серьезную игру с таинственным мистером Икс. И чувствует мое сердце — это не просто мафиози...

Луноград находился на «берегу» моря Облаков, в двух километрах от кратера Альфонса. Первые купола были возведены здесь в 2012 году, на два года позже первой марсианской экспедиции, но затем интерес к Луне возрос, и город стал бурно развиваться. Сейчас он представлял из себя скопление разнокалиберных куполов числом более пятидесяти, окруженных серыми ангарами складов и мастерских. Космодром располагался неподалеку и поражал количеством огромных барж класса «Луна — Земля».

Корин впервые оказался на Серебряной планете, и потому, стоя у окна космопорта, с любопытством разглядывал лунный город. В отличие от Большого Сырта купола выглядели более приземистыми, покрытыми грубо сделанными теплоизоляционными плитами. Здесь не было видно трубообразных переходов, типичных для Марса. Как объяснил Поплавский, резкие перепады температур в дневное и ночное время заставили строителей углубить основную часть города в базальтовые породы, где столбик термометра недалеко уходит от нуля. Кроме того, для обогрева города используются обнаруженные в кратере Альфонса еще в прошлом веке вулканические газовые истечения. «По сравнению с Большим Сыртом это не город, а курорт, — сказал командир «Дельты» сразу же после посадки. — Только не думаю, что нас встретят здесь с распростертыми объятиями».

Над куполами Лунограда в черном небе ослепительно сияло Солнце. Шли первые часы долгого, двухнедельного дня, и температура поверхности уже поднялась до плюс сорока. По словам старожилов, это было самое приятное для прогулок время, но спасателям из «Дельты» пришлось запастись терпением. Аварийная посадка их космолета вызвала непонятное раздражение мэра Лунограда Нейла Грина, и тот запретил нежданном гостям выходить из здания космопорта «до выяснения всех обстоятельств». Сейчас в помещении на втором этаже эти обстоятельства и выяснялись в присутствии капитана и главного инженера корабля, а также вездесущего Поплавского. Остальные хроноспасатели, изнывая от безделья, бродили по огромному фойе, стараясь не встречаться друг с другом.

Наконец на лестнице появились Поплавский и Мальцев — капитан космолета. Оба энергично о чем-то спорили. Внизу их немедленно обступили члены группы «Дельта».

— Все в порядке, — бодро сообщил Поплавский. — Авария двигателя признана специалистами из космопорта достаточно серьезной, так что восстановительные работы займут не менее двух недель. Жаль, конечно, что нам придется побездельничать здесь, на Луне, но ничего не поделаешь. Меркурий не волк, в лес не убежит. Вопросы есть?

— А где мы будем жить? — спросил Асташевский. — Если опять меня втиснут в мою гномью каюту, эту жуткую камеру пыток...

— Нет, нет! — поспешил успокоить его Поплавский. — На борту во время ремонтных работ останутся только члены экипажа, да и то не все... Олег, ты все понял?

Капитан космолета кивнул.

— Да, Володя, не беспокойся, все будет тип-топ. Ну, я пошел, дела не терпят... Приятных развлечений, парни!

Спасатели обменялись с Мальцевым дружескими рукопожатиями. Все старались выглядеть спокойными и беззаботными — ведь отныне они должны были следить за каждым своим словом и даже взглядом.

Когда Мальцев ушел, Поплавский сказал:

— Ну, а теперь и нам пора. Мэр Грин предоставил нам недурные номера в одной из гостиниц. Обещал, что не даст скучать. Например, сегодня нас приглашают на банкет в парламентскую ассамблею Луны. Завтра — по земному исчислению суток, конечно, — организуют экскурсию в один из ближайших рудников, а затем начнут подробно знакомить с хозяйством Луно- града... Понятно?

Все спасатели кивнули. «Да и что здесь понимать, — подумал Корин. — Хотят держать нас под постоянным контролем, чтобы при случае задушить в объятиях».

В этом не было ничего неожиданного. В течение всего двухнедельного полета члены группы «Дельта» прорабатывали различные варианты своих действий на Луне. Оставалось неизвестным, куда поведут следы Марты Шадриной. А в том, что руководство Луны должно быть в курсе странного исчезновения главной свидетельницы обвинения по делу об «украденном» Марсе, сомнений не возникало. Внезапное появление «Дельты» не в дальней ссылке на Меркурии, а на Луне должно было заставить этих людей перейти к активным действиям. Конечно, их попробуют просто изолировать, но если прославленные хроноспасатели не пожелают две недели кряду глазеть на местные достопримечательности, слуги таинственного мистера Икс могут начать и более решительные шаги. И при этом наделать ошибок, которые «Дельта» просто обязана использовать.

Если только они сами не натворят такого, что смогут использовать их неведомые противники...

В фойе перед шлюзовой камерой спасатели надели скафандры и спустя несколько минут вышли на лунную поверхность. Каждый из них не раз бывал на Серебряной планете, и потому никто не испытывал особых эмоций. Кроме Корина. Так уж случилось, что благодаря Поплавскому он миновал все обязательные для любого космонавта ступени — отборочную комиссию и Центр подготовки к полетам. Ни разу не крутанулся на центрифуге и не провел ни одного дня на знаменитой Тренировочной базе, где в огромных куполах имитировались условия буквально всех планет Солнечной системы. Понятно, что на Марсе Игорю пришлось нелегко. И вот теперь совершенно иной мир, с еще более резким перепадом ночных и дневных температур, с малой гравитацией, полным отсутствием атмосферы, шокирующе близким горизонтом и резко выраженными границами тьмы и света. Конечно же, за время полета друзья щедро поделились с ним своим опытом пребывания на Луне, но это были только слова... Нельзя сказать, что Корин трусил — нет, он просто боялся в трудные минуты оказаться обузой для «Дельты». А то, что хроноспасателей ожидали трудности, сомневаться не приходилось.

С волнением Игорь сделал свой первый шаг по Луне. Ноги сразу по щиколотку ушли в рыхлый реголит, подняв легкое облачко пыли. Встречавший их луноход еще находился на полпути между городом и космодромом, и Поплавский решил использовать свободное время для разминки. По его команде спасатели, вытянувшись в цепочку, совершили небольшую пробежку к стоявшей метрах в ста от них башне радиомаяка и обратно. Корин старательно повторял невысокие прыжки друзей, дававшиеся с чарующей легкостью. К счастью, опыт его пребывания на Марсе оказался как нельзя кстати, и уже на втором круге он почувствовал себя куда увереннее. Сложнее было приспособиться к неуклюжему лунному скафандру, регулируемым светофильтрам шлема и хитроумной системе обогрева, но и с этим в конце концов с помощью товарищей он справился.

Наконец пассажирский луноход, отдаленно напоминавший «Белку», подкатил к зданию космопорта. Перед тем как забраться в обширный салон, Корин еще раз взглянул на звездное

небо и неожиданно увидел бело-голубой шар Земли, нависающий невысоко над горизонтом. «Как там мама? — с тоской подумал он. — Наверное, до сих пор считает, что ее неугомонный сынок блуждает сейчас где-нибудь в джунглях Юго-Восточной Азии... Или ей рассказали правду? Может, и рассказали, ведь никакой тайны в его пребывании во Внемземье больше нет. Надо попытаться связаться с ней из Лунограда. Обязательно!»

Настроение Корина сразу же улучшилось. Оказалось, что в пребывании на Луне есть и свои приятные стороны!

Хроноспасателей разместили в одной из гостиниц, расположенных в центральном здании города, двумя этажами выше мэрии и тремя — офисов правительства Луны. Обычно сюда поселяли лишь особо важных чиновников, и потому апартаменты были по лунным масштабам просто роскошными: двухкомнатные, с отдельным душем и туалетом. Поплавскому достался номер даже с мраморной ванной! Впрочем, вода не являлась в Лунограде особым дефицитом, поскольку на обоих полюсах планеты были обнаружены довольно значительные подземные запасы льда.

Гостям дали два часа на то, чтобы привести себя в порядок после длительного перелета, а затем пригласили в мэрию. Городской глава Нейл Грин принял их в обширном кабинете. Из окна открывался эффектный вид на серую гряду скал, за которой высилась полу-утопленная в тени стена кратера Альфонса.

После обмена обычными любезностями мэр откинулся на спинку кресла и, слегка барабанив пальцами по подлокотнику, внимательно оглядел сидевших за столом спасателей. Это был поджарый, очень высокий человек с редкими седыми волосами, покатым лбом и впалыми, идеально выбритыми щеками. Он носил старомодные очки в тяжелой оправе, что делало его похожим на профессора какого-нибудь заштатного американского университета.

— Что ж, я рад, очень рад... — после паузы сказал Грин уже далеко не столь любезным тоном. — И в то же время огорчен. Рад тому, что прославленная группа хроноспасателей волей случая стала гостем Луны. А огорчен тем, что случай же помешал вам в выполнении долга. Насколько я понял, МОС командировала вас на Меркурий, где срочно понадобились опытные хроноспасатели. Увы, вам придется задержаться минимум на две недели. Поломка маршевого двигателя вашего космолета оказалась весьма серьезной, и главный инженер лунного космопорта не гарантирует, что сумеет устранить неполадку раньше этого срока. Жаль, очень жаль... Других кораблей, способных совершить рейс на Меркурий, в моем распоряжении, увы, нет.

— Мы понимаем ваши трудности, мистер Грин, — с грустной улыбкой произнес Поплавский. — Но что поделаешь! Скажу вам по секрету — мои парни вовсе неубиты горем. Нечасто у нас случаются непредвиденные дни отдыха, да еще в таком цивилизованном месте, как Луноград. С вашего разрешения, мы несколько дней посвятим невинным развлечениям. Нельзя сказать, что Марс — чисто мужской монастырь, но Луна все же куда ближе к Земле.

Грин понимающе улыбнулся.

— О, да! Могу похвастать: не без моего участия на Луну в последние два года стало прибывать все больше и больше очаровательных женщин. Среди них и врачи, и учителя, и административные работники, и инженеры... Да вы и сами убедитесь, если проведете сегодняшний вечер в нашем ресторане на первом этаже. Уверяю вас, мы умеем развлекаться не хуже, чем на Земле. И таких ресторанов в городе двенадцать! Кроме того, Луна не Марс. Здесь нет сухого закона. Признаюсь, это создает городской администрации некоторые

проблемы, но они вполне решаемы. В конце концов, все мы взрослые люди... да и космолеты на Землю отправляются каждые три дня.

Спасатели вежливо рассмеялись.

«Отлично, — подумал Корин. — Нам ясно дают понять, что в девочках и алкоголе недостатка не будет. Начнем ерепениться — недолго оказаться высланными «за недостойное поведение». К такому ходу мы готовы. А вот готовы ли вы к нашему ходу?»

И Поплавский сделал его.

— Развлечения — это замечательно, — прочувствованно сказал он. — Но две недели безделья... Мои парни могут окончательно выйти из формы. А ведь, сами понимаете, Меркурий — далеко не подарок. Марс сравним с ним по силе тяготения, а в остальном — никакого сходства! Луна — другое дело. И рельеф похож, и температурный режим, и радиационный фон. Словом, мы бы хотели с вашего разрешения через несколько дней совершить на нашей «Белке» два-три тренировочных пробега.

На лице мэра мелькнула тень сомнения, но она сразу же сменилась вежливой улыбкой.

— Ну конечно же, мистер Поплавский. Однако мы очень серьезно относимся к безопасности людей. Вы и ваши коллеги давно не работали на Луне, а мистер Корин, насколько я понимаю, вообще ни разу здесь не был, верно?

Корин кивнул.

— Вот видите! По нашим правилам в таких пробегах должен непременно участвовать опытный инструктор. Сами понимаете, это очень коварный мир. Чуть стоит уйти от накатанных трасс, как сразу появляется опасность провалиться в какую-нибудь незаметную глазом трещину или каверну, или утонуть в озере лунной пыли, или... Да мало ли случайностей!

Асташевский помрачнел и что-то пробормотал себе под нос по-украински. Еще будучи космодесантником, он провел на Луне три года, и сейчас его негодованию не было предела. Но Поплавский предостерегающе поднял бровь, и Слоп замолк.

Спасатели встали из-за стола и, распрощавшись с мэром, направились к двери. На пороге Поплавский остановился, словно о чем-то вспомнив, и с очаровательной улыбкой сказал:

— Прошу прощения, мистер Грин, я хотел бы кое о чем вас спросить.

— Буду рад помочь, мистер Поплавский.

— На Марсе наша группа недавно участвовала в одном... э-э... деле вместе с астробиологом Мартой Шадриной. Полтора месяца назад она отправилась на Землю, но, как утверждает наш консул на Марсе, оказалась на Луне. Хотелось бы встретиться, вспомнить наши приключения в пустыне, распить бутылочку шампанского... Вы не могли бы нам посоветовать, как ее разыскать?

Улыбка мэра стала заметно холоднее.

— Госпожа Шадрина? — он удивленно приподнял брови. — Нет, не помню... Знаете, на Луну еженедельно прибывают десятки, а порой и сотни людей, и столько же покидает нашу планету. Не все из них посещают Лу-ноград. Многие сразу отправляются в шахтерские поселки или на научные станции — а их на Луне почти полсотни.

— О-о, Марту Шадрину вы бы сразу запомнили, — усмехнулся Поплавский. — Это та самая знаменитая Царевна Внесемелья, которая пять лет назад пропала в одной из марсианских хронотрещин вместе с группой Цин Яна. Неужели, не припоминаете?

Мэр с извиняющейся улыбкой развел руками.

— Да, я что-то слышал про эту странную историю... Так вам удалось спасти Царевну? Очень рад. Но, поверьте, эту даму я ни разу не видел. О чем, кстати, сожалею. Впрочем, если она действительно находится на Луне, то иммиграционная служба должна быть в курсе. Хотите, я сделаю соответствующий запрос?

— Были бы вам признательны.

— Сделаю все, что в моих силах.

Поплававшись с любезным мэром, спасатели вышли в коридор. Они молча поднялись по лестнице и прошествовали к своим апартаментам. Поплавский пригласил всех к себе и, как только дверь закрылась, немедленно достал из кармана плоскую белую коробочку и обвел ею стены, потолок и даже пол. Характерного тонкого писка не было, а это означало, что подслушивающих устройств в комнате нет.

— Очень мило со стороны местных властей, — усмехнулся Поплавский, пряча коробочку в карман комбинезона. — Играют с нами, словно кошка с мышкой.

— Ничего, они скоро узнают, что у мышки очень острые зубки! — гневно воскликнул Ашот. Он в возбуждении стал расхаживать по комнате взад-вперед. — Нет, каков этот мэр, а? Оказывается, готов сделать запрос про Царевну! Слона-то, как говорится, он и не заметил... Это я не про тебя, Вадим.

— Меня-то он заметит, — с угрозой сказал Асташевский. — До чего обнаглел чиновничий хмырь! Я пропахал на Луне три года, когда он еще пузыри пускал где-нибудь в нью-йоркском офисе и ворковал «гули- гули» со своими няньками-начальниками. А теперь эта земная крыса хочет приставить ко мне какого-нибудь сопливого инструктора! Да я его утоплю в первой же луже лунной пыли...

— Кого: инструктора или мэра? — поинтересовался Саблин.

— Обоих!

Поплавский слушал эту перепалку, стоя у широкого окна, откуда открывался экзотический вид на купола Лунограда, вершины которых сияли в лучах восходящего Солнца, а основания все еще освещались фонарями. На улицах почти не было видно прохожих, зато один за другим проносились луноходы самых причудливых конструкций, начиная с одноместных открытых лунокатов и кончая солидных размеров пассажирскими лунобусами, рассчитанными на тридцать-сорок человек.

— Хм... — пробормотал он. — Похоже, лунный туризм процветает. Целых два лунобуса направились на экскурсию в море Облаков. Наверное, сначала пойдут к Синим скалам, затем туристы совершат пеший поход в кратер Армстронга, а потом будут дружно размазывать сопلي возле обломков корабля Девятой экспедиции...

— К чему ты это, Володя? — удивился Саблин.

— Так, ни к чему... Ладно, принимаемся за активный отдых. Виталий, бери с собой Ашота и Вадима, и дуйте на космодром. Нашу «Белку» надо привести в порядок и переналадить на местные условия. Что-то диффузор атомной печки мне не нравится... А я тем временем обойду своих давних друзей и попробую неформальным образом прощупать обстановочку. Не может быть, чтобы никто хоть краем уха не слышал о Царевне!

— А я? — спросил Корин. — Мне что делать?

Поплавский весело подмигнул молодому хронофизику.

— Ну а нашему новичку достанется самое трудное задание. Сначала прими у меня ванну, затем побрейся, надень парадный костюм и ровно в двадцать ноль-ноль спускайся в ресторан. Будешь представлять там нашу группу. Насчет спиртного скажу просто: пей, да

себя разумею. Танцуй с дамочками напропалую, загибай анекдоты, соври что-нибудь про свои встречи с марсианами — словом, веди себя как дома. Задача одна: слушать в оба уха. Если мы окончательно не заболели шизофренией, то на такого зеленого новичка непременно кто-нибудь да клюнет.

— Э-э, я не хочу быть живцом! — запротестовал Корин.

— Тогда стань щукой — если сможешь, конечно. Только не забывай уроки Базы-2 и ни во что не вмешивайся. Ясно? Ну а теперь команде занять места согласно расписанию.

Ашот с Вадимом завистливо посмотрели на Корина, но вышли вслед за Саблиным из комнаты, не издав ни звука. Поплавский расселся в кресле, взял в руки телефонную книгу и стал внимательно проглядывать страницу за страницей, время от времени делая пометки в записной книжке. А Корин, тяжело вздохнув, направился в свой номер за полотенцем и мылом.

Вечером Корин, одетый в цивильный костюм и модный в этом году галстук с «павлиньим глазом», спустился в ресторан. Он никак не мог привыкнуть к обуви с магнитными подошвами и потому немного приволакивал ноги, что было свойственно всем новичкам. Однако он с ужасом думал о весьма возможных танцах. Господи, ну почему Поплавский уже второй раз подряд выбирает для него самое сложное задание?

В большом округлом зале царил красноватый полумрак. Почти все столики были заняты. Большинство мужчин красовались в смокингах, а дамы блистали модными вечерними туалетами. На сцене, освещенной мерцающим серебристым сиянием, свое искусство демонстрировала пара танцоров в легких, едва прикрывающих тела туниках, напоминающих греческие. Разумеется, никакой магнитной обуви они не использовали и потому парили в воздухе, словно птицы.

Корин был поражен изяществом и легкостью их движений. Как ни странно, только сейчас он осознал по-настоящему, что находится вдали от Земли, в ином, чуждом мире. Еще три месяца назад Игорь и думать не смел о Внеземелье, а ныне за его спиной — бурные приключения на Марсе. Луна тоже не обещала стать санаторием, а всего через две недели он отправится просто в преисподнюю — раскаленный ад Меркурия, ближайшего спутника самого Солнца. Психика не справлялась с таким калейдоскопом впечатлений...

— Вам нравится? — услышал он позади женский голос. «Американка, — подумал Корин и невольно сглотнул. — Ну вот, начинается...»

Он обернулся и увидел невысокую миловидную девушку с короткими темно-рыжими волосами, белой, чуть веснушчатой кожей, тонким, с горбинкой носом и ярко накрашенными губами. Пожалуй, в незнакомке привлекали внимание лишь серо-голубые глаза да стройная, немного худощавая фигурка. Корина всегда тянуло на пышных брюнеток и потому он испытал некоторое разочарование. Неведомый мистер Икс мог бы подобрать для него Мату Хари и поэффектней.

— Очень нравится, — ответил Корин на стерильноуниверситетском английском. — Впервые вижу лунные танцы.

— О-о, я так сразу и поняла. Простите, вы так смешно приволакиваете ноги... — Девушка не выдержала и фыркнула, словно смешливая девчонка, прикрыв рот ладонью.

Корин озадаченно смотрел на незнакомку. Она решительно не походила на коварную соблазнительницу, некую мафиозную Далилу, которая получила приказ завлечь новичка в постель, а затем, после ночи наслаждений, отрубить ему голову. «Черт побери, мы все

действительно скоро станем шизофрениками, — подумал Игорь. — Скорее всего эта девушка никогда не слышала ни о «Дельте», ни о деле об «украденном» Марсе».

— Я прибыл на Луну только сегодня, — немного растерянно сказал он. — Но и вы, судя по загару, тоже...

— О, нет! — рассмеялась девушка. — Просто мне вредно загорать, и я стараюсь не попадать под эти ужасные ультрафиолетовые лучи. Верите, но я за три года пребывания на Луне даже ни разу не надевала эти ужасные скафандры!

— Та-а-ак... Выходит, вы все время просидели взаперти в Лунограде?

— Да нет же, нет. Я не раз совершала с папулей экскурсии на лунобусах и даже однажды провела две недели на одном из рудников в кратере Арзахель. Там такая скукота! Все лунатики — редкостные зануды. Скажите, на Марсе все тоже помешаны на бизнесе и деньгах?

Спохватившись, Корин представился. Девушка оказалась дочерью главы правительства Луны. Ее звали Айрин Вагнер, она прослушала два курса по филологии в Чикагском университете, а затем, разругавшись с женихом, сумела с помощью папиных знакомых в сенате добраться до Луны. Отец был в ужасе, но все попытки вернуть домой строптивницу оказались безуспешными. Здесь, в Лунограде, Айрин работала в отделе культуры, но куда больше ее привлекали развлечения с заезжими знаменитостями. У девушки уже было два или три серьезных романа, и ни о ком на Луне больше не сплетничали, чем о ней.

Все это Айрин высыпала на голову ошеломленного Корины, не сходя с места и не обращая внимания на иронические взгляды входивших и выходивших из ресторана людей.

Встряхнув головой, Корин натужно улыбнулся.

— Да что же мы стоим здесь, у двери? Если не возражаете, мы могли бы провести этот вечер вместе. Здесь есть свободные столики, и мы...

На лице девушки появилась гримаска досады.

— Да, конечно, но я надеялась... то есть я думала... Разве ваш капитан, мистер Поплавский...

— Он не капитан, а командир нашей группы, — механически поправил ее Корин и только затем догадался:

— Вот в чем дело! Вы ждали Поплавского?

Девушка слегка покраснела.

— Нет... то есть, да. Я столько слышала о нем! Говорят, он очень интересный человек и пережил множество приключений на разных планетах... А где он сейчас?

Корин холодно ответил:

— Боюсь, он занят делами.

— Сейчас, поздно вечером?

— Да. Такова уж нелегкая доля командира. Впрочем, могу открыть тайну: он живет в номере...

— О, я знаю!

— Тогда больше ничем не могу вам помочь. Простите, Айрин, я немного устал от мистера Поплавского, а также от других моих прекрасных, замечательных товарищей. Поверьте, они станут еще замечательнее, если за две недели нашего пребывания на Луне я буду встречать их как можно реже. На сем разрешите откланяться...

Раздраженный неудачным знакомством, Корин повернулся и хотел было направиться к ближайшему столику, но Айрин неожиданно схватила его за руку.

— Ну что вы, Игорь! — воскликнула она. — Не обижайтесь, ради Бога! Вы меня неправильно поняли...

Корин осторожно высвободился.

— Напротив, Айрин, я прекрасно понимаю девушек, которые жаждут познакомиться со знаменитым Викингом. Я даже не осуждаю тех, кто готов добровольно увеличить собою список его блестящих побед. Но я-то здесь при чем?

Повернувшись, он торопливо пошел в глубь зала. Ему казалось, что буквально все сидящие за столиками с интересом наблюдали за ним — кто с сочувствием, а кто с иронией. Вечер был окончательно испорчен...

Черт побери, где же коварная обольстительница Мата Хари? Сейчас он почти жаждал ее появления.

— Подождите, куда вы? — громко крикнула Айрин. — Я хотела рассказать о госпоже Марте Шадриной. Ведь вы ее ищете на Луне, верно?

Сейчас на Корины смотрели уже буквально все люди в зале. «Ну все, — тоскливо подумал он, — прощай, спокойная жизнь». У него было ощущение, словно он прямо с перрона прыгнул на подножку мчавшегося мимо поезда.

Изобразив на одеревеневшем лице нечто вроде улыбки, он подошел к Айрин, взял ее за руку и почти грубо потащил на танцевальную площадку, где под тихие блюзовые звуки медленно кружили несколько пар. Обняв девушку (хотя куда больше хотелось ее придушить), Корин затеял нечто вроде танго. Танцевать ему не приходилось больше пяти лет, но Айрин оказалась на удивление чуткой и отзывчивой партнершей, реагирующей на все его нелепые па.

Уведя ее в самый затемненный угол площадки, Корин прошепел:

— Черт бы вас побрал, красавица, насчет Марты можно было кричать и потише.

Айрин удивленно округлила глаза.

— Ах да... Я совсем забыла. Левис предупреждал меня, чтобы я постаралась поговорить с Поплавским наедине. Но вы так грубо себя повели, что я немного растерялась...

— Я — грубо? — возмутился Корин. — Да я просто ангел. Поплавский на моем месте задрал бы вам юбку и отшлепал при всем честном народе.

Айрин кокетливо улыбнулась.

— Ой, правда? Это было бы очень эротично...

Корин так сжал руку девушки, что она вскрикнула от боли.

— Глупая, развратная девчонка... — злобно зашипел он. — Только тебя нам не хватает для полного счастья. Кстати, а кто такой Левис?

— Это известный журналист, работает в журнале «Свободная Европа», — горячо зашептала Айрин, тесно прижимаясь к Корину.

— Ваш очередной любовник?

— О, да!

— А без «О» можно?

— О, конечно же.

— Понятно. И чем же мы заинтересовали мистера Левиса?

— Он уже восемь лет ведет в журнале рубрику «Хроника Внеземелья». В прошлом месяце опубликовал статью «Грабители Марса». А потом разразился сильный скандал, и Рода уволили.

— Вот как? И что же это была за статья?

— О, это давняя история... Род несколько лет собирал материалы по Марсу. Мы встретились с ним в Женеве, куда я однажды приехала покутить с... Ну, это неважно. Когда мы познакомились поближе, Род признался, что ему кажется, будто на Марсе что-то нечисто.

— Хм... он имел в виду марсианские драгоценности?

— Нет! У Рода много друзей среди ученых, и кое-кто сообщил ему секретные сведения о марсианских машинах.

— Каких машинах?

— Ну, вы много от меня хотите... Что-то Род говорил про силовые поля, атомные генераторы невероятной мощности, супервездеходы и какие-то гравитолеты...

— И он вам поведал об этом где-нибудь в баре, за рюмкой мартини?

— О, конечно же, нет! Род — человек очень осторожный. Он сказал, что нам надо поехать на прогулку куда-нибудь в горы. Однако я просто пригласила его к себе в номер гостиницы.

— У вас все просто, Айрин. И чем же вы так приворожили мистера Левиса?

— Как это чем? — обиделась девушка.

— Э-э... я хотел сказать: почему он так с вами разоткровенничался?

— Ну он же знал, что мой папа — глава правительства Луны.

— А при чем здесь Луна?

— Ну как же при чем? Род считает, что все перевалочные базы контрабандистов находятся именно здесь, на Луне.

— Прекрасно...

— Ничего прекрасного, — фыркнула Айрин. — Мне даже в Нью-Йорке не было так страшно, как здесь, в Лунограде. Только в прошлом месяце произошло три убийства.

— Убийства? Странно... На ТВ Вnezемелья об этом не говорилось ни слова.

— Это ваше ТВ надо давно...

Выслушав несколько очень образных фраз, Корин даже крикнул от удивления.

— Айрин, Айрин... Вас просто пороть некому.

— О, вы бы хотели эти заняться?

— Непременно! Особенно если вы будете продолжать стрекотать, как сорока. Так о чем же вы говорили?... Ах да, о статье, за которую уволили Левиса. Что в ней было?

— О, Род отправился в Испанию и встретился там с неким Родригесом, только что вернувшимся с Марса. Они пили три дня подряд в какой-то маленькой деревушке, в полусотне миль от Бадахоса. И Родригес много чего рассказал — о марсианском городе, о старателях-рабах, об их главаре некоем Маскохонде...

— Может, Мастодонте?

— О, вы его знали?

— К счастью, очень недолго. А что случилось дальше? Левис догадался сохранить пленки?

— Ну да. Только вот сам Родригес куда-то исчез.

— Бедняга. Я так понимаю, его останки надо искать где-нибудь на Юпитере... И мистер Левис написал обо всем этом в своей статье?

— Нет, конечно, он же не сумасшедший. Только кое о чем намекнул. А закончил так: мол, со времен Скипарелли Марс считался таинственной планетой. А сейчас, похоже, тайн там стало еще больше.

— И за это его уволили?

— Да. Но прежде он обратился в департамент Вnezемелья ООН с просьбой аккредитовать его на Марсе.

— Замечательно. Но вернемся к пленкам с записями и Марте Шадриной.

— Ну, тогда Род записал... Впрочем, это неважно. Он послал мне умоляющую телеграмму, и я нажала на папу... Словом, месяц назад Род прилетел на Луну. Записи разговора с Родригесом он привез с собой.

— Зачем?

— Он хотел передать их вашему Поплавскому.

— Странно...

— Ничего странного нет. Я предупредила его в письме, что Поплавский скоро прилетит на Луну.

— На Луну?

— Ну конечно. Не мог же Викинг забыть о такой чудесной женщине, как Царевна Внеземелья. Она мне очень понравилась.

Корин облизал внезапно пересохшие губы.

— Вы... виделись с Мартой? Здесь, на Луне?

— Ну не на Сатурне же!

— И где... где она сейчас?

— Наверное там же, где и мой Род.

— Не понял... Где?

— Откуда я знаю?

Корин остановился, и сразу же в них врезалась соседняя танцующая пара. Красивая шатенка с божественной фигурой одарила Игоря негодующим взглядом и, чарующе улыбнувшись, унеслась в вихре зажигательного танца, затерявшись среди множества других пар. Корин только сейчас заметил, что людей в ресторане стало намного больше и от бывлой чинной атмосферы не осталось и следа. Некоторые женщины, сбросив обувь, почти летали, выделявая невероятные воздушные па. В зале стало шумно, звуки оркестра то и дело заглушал смех.

— Пойдемте, сядем за столик, — предложил Корин. — Мне надо выпить пару бокалов виски, чтобы хоть слегка протрезветь. Может, тогда я соберусь с мыслями... У вас очень странная манера разговаривать, Айрин!

Девушка смущенно улыбнулась.

— О, это действительно так. Но за две недели, я надеюсь, вы сможете ко мне привыкнуть, Игорь.

Корин не нашел слов, чтобы ответить. Он не привык к такой прямоте и напору со стороны прекрасного пола.

Айрин прижалась к нему и ласково погладила по спине.

— Бедный, бедный Игорь... Еще на Земле я обливалась слезами, когда читала о вашей ужасной встрече с фашистами где-то в джунглях Сенегала...

— Вы хотите сказать: в лесах Селигера.

— А разве это не одно и то же? — искренне удивилась Айрин.

Корин не знал, смеяться ему или плакать. Такой чудной девушки он еще не встречал. Но... но она ему нравилась.

— Нам надо как следует выпить, — решительно сказал он. — Знаете, Айрин, я человек малопьющий, но марсианский сухой закон встал мне поперек глотки.

Айрин отстранилась и изумленно посмотрела ему в глаза.

— Ой, вы, наверное, шутите, Игорь. Может, у вас на Марсе не было и ни одной женщины?

Корин только молча помотал головой.

— Не может быть!.. Тогда... тогда пойдемте сразу же ко мне. Выпивки там полный бар. Я покажу записи бедняжки Рода, а вы расскажете, как перебили фашистов...

— ...в джунглях Сенегала, — продолжил за нее Корин. — А потом я покажу колчан со стрелами и духовую трубку из бамбука. Ну что ж, уговорили!

У выхода из зала Корин встретился взглядом с той самой очаровательной шатенкой,

которую так неудачно толкнул во время танца. Она курила в компании лысого, невзрачного на вид спутника. Красавица пренебрежительно посмотрела на раскрасневшуюся, возбужденную Айрин, а затем насмешливо взглянула Корину прямо в глаза.

«Наверное, это Мата Хари, — подумал Корин, торопливо шагая по полутемному коридору вслед за Айрин. — Обычно такие красавицы меня просто не замечают...»

Но тут Айрин остановилась, открыла дверь в свой номер, и Корин думать забыл о таинственной незнакомке с дымящейся сигаретой в руке.

Наутро Корин проснулся от легкого скрипа, словно мышь прогрызала норку в полу. В их с матерью старой квартире на Живописной улице мыши не переводились уже лет восемьдесят, и даже старый кот Бармалей не мог справиться с этой напастью...

«Стоп, — одернул себя Корин, — но я же на Луне. Откуда здесь взяться мышам?»

Открыв глаза, он увидел рядом Айрин. Она сладко спала, забавно свернувшись калачиком, словно кошка. Ее рыжие волосы были всклокочены, а на обнаженном плече темнели два синяка.

«Неужели это я ее так хватанул? — смущенно подумал Корин. — Кажется, я на самом деле был груб... но ей это нравится. Она так хохотала над моей неловкостью... А чего, собственно, смеяться: ведь я впервые занимался любовью при такой низкой гравитации...»

Он вновь услышал тихий скрип и немедленно повернул голову к окну. Оказалось, что этот звук издавали металлические жалюзи. Понятное дело: окно выходило на солнечную сторону, и при двухнедельном лунном дне жалюзи должны были автоматически закрываться и открываться, чтобы в комнате имитировались стандартные двадцатичетырехчасовые сутки.

«Кстати, а который сейчас час?» — подумал Корин.

Он осторожно встал и подошел к столику, где оставил наручные часы. Здесь царил полный хаос — три пустые бутылки из-под шампанского «Дом Периньон», фрукты, остатки пиццы... И маленький компьютер возле стены.

Только теперь Корин вспомнил вчерашний бурный вечер. Внезапное, беспорядочное знакомство в ресторане, долгий разговор во время танцев, вызывающий взгляд красавицы-штенки... Затем они с Айрин пришли сюда и, распив первую бутылку, попытались говорить о деле. Айрин достала из искусно встроенного в стену сейфа коробочку с информкристаллом, и некоторое время они вместе слушали сбивчивый рассказ Родригеса. Корин сразу же узнал этого смуглого, угловатого парня. Вряд ли он на самом деле был заместителем Мастодонта, но среди старателей, копавшихся в развалинах марсианского города, пользовался определенным влиянием.

Это чертово шампанское... Наверное, оно здорово ударило ему в голову. Вместо того, чтобы прослушать запись от начала до конца, он то и дело отвлекался — то на очередную бутылку, то на Айрин, а в конце концов завелся и выключил компьютер. Ладно, ничего страшного, еще раз послушает запись в номере Поплавского...

Нажав на клавишу, он извлек голубоватый информкристалл из считывающего устройства и аккуратно положил в округлую коробочку. Затем торопливо оделся, стараясь не разбудить спящую Айрин. Та тихонько вздохнула и перевернулась на другой бок, заодно натянув одеяло по самый подбородок. В постели она казалась совсем еще девчонкой, хотя ночью больше напоминала валькирию. Не удержавшись, Корин тихо подошел к ней и нежно поцеловал в затылок. «Напрасно ты ввязалась в это дело, — подумал он. — Хотя, пожалуй,

мы все свалили большого дурака».

Он еще раз взглянул на часы — было полседьмого, и пошел к двери. Здесь ему пришлось изрядно повозиться. Такого количества хитроумных замков и запоров он еще никогда не видел. Наверное, постарался папаша Вагнер, и, видит Бог, не зря. Так, а куда поворачивать этот стальной рычаг? Айрин что-то ему объясняла...

Лишь минут через десять Корин сумел выбраться в коридор. Здесь было тихо и безлюдно. «А-а, кажется, сегодня воскресенье, — вспомнил он. — Черт, как же хочется спать...»

Он поднялся на третий этаж и нажал на кнопку звонка в двери номера командира. Дверь плавно отъехала в сторону.

Казалось, Поплавский и не ложился. Он сидел за столом в глубине комнаты в роскошном японском халате и работал на компьютере. Рядом лежали коробочки с информкристаллами.

Нажав кнопку «сброс», Владимир повернулся и пытливо взглянул на раннего гостя.

— Ого, — негромко сказал он. — Запах словно из парфюмерной лавки во времена сухого закона. А духи- то хороши... Выходит, клюнуло?

Корин кивнул и уселся в соседнее кресло.

— Клюнуло — мне в темечко, — вяло произнес он. — Голова просто раскалывается...

— Много пил?

— Да не так чтобы уж много...

— И кто тебя подцепил? Надеюсь, не местная жрица любви?

— Ее зовут Айрин. Она дочь главы правительства Луны Вагнера.

— Ого! Айрин Вагнер, да будет тебе известно, самая скандальная местная секс-бомба.

— Это я уже знаю.

— Так, будем считать, что про безумную ночь с этой рыжей девчонкой ты мне уже рассказал. А что еще принес наш птенец в своем клюве?

Корин достал из кармана пиджака коробочку с информкристаллом и подробно рассказал командиру о событиях вчерашнего вечера. Поплавский, сощурился, внимательно слушал, не перебивая.

— Неплохо для первого дня, — наконец проговорил он, когда Корин закончил. — Как всегда, новичкам везет. Девочка искала меня, а поймала такого пескаря... Ладно, теперь давай послушаем господина Родригеса.

Он вставил в гнездо считывающего устройства информкристалл и, быстро пробежав пальцами по клавиатуре, впился взглядом в небольшой плоский дисплей.

Ничего не произошло.

Экран был пуст.

Поплавский нахмурился и вновь застучал по клавишам. Диагностика подтвердила: кристалл был пуст, словно ледышка.

Корин похолодел, не веря собственным глазам.

— Чудесно, — сухо произнес Поплавский. — Это что, шутка?

Игорь лихорадочно вспоминал события вчерашнего вечера. Может, Айрин поменяла кристалл? Нет... точно нет. Тогда выходит, что она встала рано утром, когда он еще спал, и подсунула ему подарочек в виде пустого кристалла. Но зачем?!

— Подожди, Володя... — с трудом выдавил из себя Игорь и, вскочив на ноги, поспешил в свой номер.

Он вернулся через пару минут с несколькими информкристаллами из своей личной коллекции. Поплавский молча уступил место у компьютера.

Прошло не менее часа, прежде чем вспотевший Корин дрожащей рукой вновь разложил кристаллы по коробочкам.

— Информацию стерли, — тихо произнес он, не поднимая глаз.

— Это точно? Айрин могла сыграть с тобой забавную шутку, и...

— У меня свои методы, Володя.

— Выходит, ночью кто-то пробрался в номер? Или она сама...

— Нет, способ стирания иной, чем в стандартных компьютерах. Кто-то использовал направленный Нуль- луч. Скорее всего человек находился в соседнем номере.

— М-да... Но откуда он мог знать, что вы забудете вынуть кристалл из машины и не спрячете его в экранированную коробочку?

— Не знаю. Скорее всего нас подслушивали.

— Это был оригинал-кристалл или копия?

— Копия. Айрин сказала, что ее друг журналист Род Левис снял только одну копию, а оригинал всегда держал при себе.

— Очень умно. А еще можно выпить стакан серной кислоты и закусить битым стеклом. Придется как следует расспросить девочку — что-то она должна помнить!

— Должна, конечно. Но не помнит.

— Это еще почему?

— Ну, когда журналист принес к ней в номер кристалл и включил компьютер... словом, Айрин осушила полбутылки шампанского и ее повело... сам понимаешь, куда. Девчонка совершенно не умеет пить!

— Жаль, — грустно сказал Поплавский.

Корин насторожился.

— Но погоди... Ведь можно же разыскать самого Левиса! Айрин видела его в последний раз возле главной шлюзовой камеры. В руках у него была солидных размеров сумка. В тот день они поссорились, но девушка утверждает, что ее друг отправился на Дальнюю базу, чтобы оттуда...

— Нет, на Дальнюю базу он не попал.

Корин опешил.

— А ты откуда знаешь?

Поплавский пожевал губами, глядя в окно, откуда открывался чудесный вид на море Облаков.

— Видишь ли, Игорь, я тоже провел бессонную ночь. Но встречался отнюдь не с девушками, хоть пить пришлось, и не мало.

— И что же ты узнал? — с надеждой спросил Корин.

— Многое. И в то же время почти ничего нового. Да, на Луне при внешнем относительно благополучии творится черт знает что. Научные работы, шахтерские разработки, постройка новых поселков — это, что называется, «крыша». В этом сходятся все мои друзья. Почти все считают, что здесь тайно проворачиваются какие-то очень серьезные дела. И они связаны не только с Марсом. Отсюда тянутся какие-то невидимые нити во все Внеземелье, но особенно крепкие — на Меркурий.

— Господи... — пробормотал Корин. — А там-то мафии что понадобилось?

— Мафии?... По-моему, у нашего друга мистера Икс какая-то другая фамилия.

— И те убийства в Лунограде, о которых говорила Айрин, тоже дело его рук?

— Ну, зачем же так обобщать... Скажем, два месяца назад престарелый супруг разбил локтем зеркало шлема у своей юной невесты. Отметил, так сказать, жалкий итог медового лунного месяца. Были здесь и кровавые драки, и заурядная поножовщина, и неосторожное обращение с огнестрельным оружием... Словом, все как у людей. Но кое на что меня попросили обратить внимание.

Поплавский вставил в компьютер информкристалл, и на экране дисплея появилось благообразное лицо пожилого человека с пышными бакенбардами, залысинами над лбом и темными цепкими глазками под тяжелыми надбровными дугами. Снизу вверх побежали строчки.

— Это сэр Арнольд Брэнхельд, один из директоров Британского национального банка, — пояснил Поплавский. — Большой любитель лошадей, гончих собак и бриджа на четверых в Английском клубе. Очень почтенный человек, близкий друг самой королевы. Имел замки и особняки в Шотландии, Бретани, Греции и так далее. За месяц до своего шестидесятилетия внезапно все продал, обналичил счета и под чужим именем прилетел на Луну, выдавая себя за финансового инспектора. А еще через три дня застрелился в своем номере. Мой друг из полиции утверждает, что покойник оставил на столе очень подробное письмо, адресованное генеральному секретарю ООН. Вроде бы в нем речь шла о каком-то невероятном заговоре, целью которого была вся Солнечная система.

— Так-ак... Письмо, конечно же, пропало?

— Разумеется. Есть мнение, что его вообще не было. Следствие установило, что банкир под старость лет заболел шизофренией в тяжелой форме и отправился на Луну, скрываясь от несуществующего маньяка-убийцы.

— Неплохо для начала. Впрочем, я уже и сам начинаю бояться собственной тени.

— И правильно делаешь. На Луне тень — очень коварная штука... А теперь взгляни на этого молодца.

На дисплее появилось лицо человека лет этак тридцати, но совершенно мальчишеское. Ясные веселые глаза, наивные и вместе с тем поразительно умные; припухлые губы, торчащие ежиком соломенные волосы...

— Да это же Грэхем Шарп! — воскликнул Корин. — Компьютерный гений из Англии... Я читал кое-какие его работы — настоящий фейерверк идей!

— Вот-вот, — покивал Поплавский. — И одной из его последних идей был метод взлома суперзакрытых компьютерных сетей. Так, шутка гения, каприз мальчишки-переростка... Сначала он слегка пошалил, внедрив жуткой силы компьютерный вирус в программы запуска ракет средней дальности НАТО. Шарпа нашли, приспустили штаны и отстегали розгами. Он сказал, что больше не будет хулиганить, и взялся за несколько заказных работ, связанных с новыми атомными станциями и полетами на дальние планеты. А три месяца назад, когда мы били морды нехорошим парням на Базе-2, Шарп бежал на Луну.

— И он тоже застрелился? — в ужасе воскликнул Корин.

— Нет. Наглотался снотворного и не проснулся. Врачи говорят, что причиной было нервное истощение. А пока Грэхема везли в морг, по приказу главного инженера Луны все местные компьютерные сети отключили. Понимаешь — все! Что здесь творилось,

пересказать невозможно. Оказалось, что не во всех системах жизнеобеспечения предусмотрен режим ручной регулировки, и потому за ночь тихо-мирно скончались восемь человек. Кто-то задохнулся, кто-то замерз... Под утро компьютеры включили, а затем через минуту опять отключили. И так раз пять, с двухчасовыми перерывами.

— Ого... Наверное, Грэхем запустил в сеть какую-то нежелательную информацию?

— Да. Он каким-то образом сумел впихнуть ее кусочки даже в такие мелкие подпрограммы, как, скажем, программа меню в ресторане. Один мой друг своими глазами видел, как за перечнем вторых блюд неожиданно поползли слова: «Люди! Вы в страшной опасности! Я, покойный Грэхем Шарп, сумел проникнуть в тайные планы...» Затем табло вырубилось и двое суток не работало.

Корин невольно сглотнул. В горле першило, и он откашлялся.

Поплавский похлопал его по спине.

— Ладно, пожалуй, хватит с тебя этих двух покойников. Хотя были и другие, не менее колоритные фигуры. И все они, узнав что-то страшное про Внеземелье, отправлялись на Луну и там либо кончали с собой, либо их очень искусно убивали профессиональные киллеры. Следствие всегда останавливалось на первом варианте. Я, кстати, тоже к нему склоняюсь.

— Но почему?

— Это отдельный разговор... Однако, по крайней мере, один человек из моего списка умер не по собственной воле.

На экране появилось еще одно лицо. Корин вздрогнул. Он видел точно такую же фотографию вчера вечером на трюмо у Айрин. Симпатичное, открытое лицо, длинные светлые волосы, приятная улыбка, карие, умные и дерзкие глаза...

— Род Левис... — пробормотал он.

— Да. Его нашли — заметь! — вчера поздно вечером, когда луноход с шахтерами возвращался по трассе из рудника в западной части кратера Птолемея. Это совсем недалеко, километрах в тридцати отсюда. Старая история — стекло шлема разбито.

— Черт побери... Смелый был парень. Но он же исчез почти две недели назад!

— В том-то и дело. Его тело, к счастью, обследовал мой знакомый врач. Он клянется, что Левис погиб, по крайней мере, десять дней назад. А шахтеры ездят по своей трассе несколько раз в день. Сообщаешь?

— Тело специально подбросили?

— Да.

— Как предупреждение нам?

— Без сомнения.

— Но почему с нами так вежливо обходятся? Если мы на самом деле наступили великану на большую мозоль, зачем он терпит и стреляет поверх голов?

Поплавский усмехнулся и помахал пальцем перед носом Корина.

— Имя Викинга кое-что значит во Внеземелье! Не хочу быть нескромным, но моя гибель наделала бы слишком много шума. Ее связь с марсианскими событиями была бы слишком очевидна, и тогда дело могло принять для нашего друга мистера Икс крайне нежелательный оборот. Но зато он постарался и подрезал нам крылышки очень основательно. И в то же время зачем-то дал в руки нить.

— Что за нить?

Поплавский с силой потер ладонью лицо.

— Бред, чертовщина какая-то... Помнишь «Остров сокровищ»? Так вот, какой-то остряк положил труп журналиста самым странным образом. Он лежал поперек дороги, на спине, и его руки были вытянуты над головой.

— Господи Иисусе... И куда же указывал этот «компас»?

— Туда, куда я и так собирался отправиться. И это совпадение меня жутко ободряет. Впервые за все утро на лице Корина появилась робкая улыбка.

— Ты нашел следы Марты?!

Поплавский кивнул. Но на его лице не было заметно даже тени радости.

— С нами играют в какую-то странную игру, Игорек... — тихо произнес он. — Дурацкое положение: я знаю все ближайшие ходы — наши и противника, но правила игры никак не могу понять. Чего-то от нас очень хотят, и пока мы не сделаем это ЧТО-ТО, нас и пальцем не тронут. Представляешь — меня, Поплавского, кто-то разглядывает сверху, словно жука в лабиринте из спичечных коробков! И мне не остается ничего другого, кроме как идти вперед.

Командир так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

— Но я обязательно дойду до конца и тогда посмотрю наверх. И вот тут мы начнем новую игру — уже по моим правилам. Как там поется в пиратской песне?

Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

К полудню «Белка» перевалила через высокий кольцевой вал и, плавно раскачиваясь на ходу, въехала в кратер Птолемея. Непривычно близкий горизонт скрадывал истинные размеры этого огромного лунного цирка, но Корин все равно был потрясен. Еще перед самой посадкой космолета он в течение нескольких минут разглядывал редкую даже для Луны цепочку из трех огромных, соприкасающихся кратеров — Птолемея, Альфонса и Арзахеля, расположенных в южном полушарии на берегу темного моря Облаков. В центрах двух из них заметно выделялись горки — следы некогда бурной вулканической активности Серебряной планеты. Величественный триплет окружали более мелкие кратеры и несколько лучеобразных лунных трещин, частично погруженных в тень. Асташевский указал на одну из трещин, идущую на северо-запад от кратера Птолемея. Она носила имя Ивана Градова — геолога из Нижнего Волочка, обнаружившего здесь пятнадцать лет назад целую кладовую минералов и ценных металлов. Сам Градов назвал трещину Малым Уралом, но название не прижилось. Зато прижился поселок, основанный русско-американской экспедицией в километре от кратера Альфонса. Он быстро разрастался и вскоре обрел почетное имя Луноград, став международной столицей спутника Земли.

Вскоре оказалось, что место для Лунограда выбрано как нельзя удачно. Еще в середине XX века русский астроном Козырев из Пулковской обсерватории наблюдал на Альфонсе нечто вроде вулканического извержения. Бурение доказало это, и в результате город получил даровой источник тепла в виде горячих газовых истечений. Затем геологи исследовали гористый район, примыкающий к триплету цирков с востока, и обнаружили богатые месторождения меди, железа, никеля, вольфрама и прочее, прочее... Огромная, почти в сто километров в диаметре область получила название Лунного Клондайка. С той поры в Луноград хлынул поток инвестиций, а на смену легким палаткам пришли многоэтажные купола, уходящие глубоко в лунный базальт.

И все же большая часть местного населения обитала в шахтерских поселках, обильно рассыпанных по Клондайку, и в нескольких научно-исследовательских станциях, расположенных в море Облаков и в центрах всех трех суперкратеров.

Марта Шадрина должна была находиться где-то там.

Корин вспомнил, как незадолго до отъезда зашел попрощаться к Айрин. Девушка лежала на диване, вся в слезах. Она уже узнала о страшной находке по дороге к трещине Градова, и казалась безутешной. На гостя она взглянула почти с ненавистью.

— Только подумать... — всхлипнула Айрин. — Пока мы с тобой кувыркались в постели, бедный Род лежал там... совершенно один... Наверное, прежде чем задохнуться, он звал меня на помощь... ведь он меня так любил! А я... шлюха...

Корин понял, что любые попытки утешения вызовут лишь истерику, и потому решил действовать иначе.

Он наклонился, взял сотрясающуюся от рыданий девушку за плечи и рывком поставил на ноги.

— Хватит ныть, девчонка! — рявкнул он и так сверкнул глазами, что Айрин в испуге отшатнулась. — Левис умер минимум десять дней назад, его просто подбросили вчера вечером на дорогу. И знаешь, почему? Потому что он слишком глубоко копал в деле о марсианских находках.

Айрин еще раз всхлипнула и испуганно взглянула на гостя.

— Да... — прошептала она. — Наверное, ты прав, Игорь. Род не раз говорил, что чувствует за собой слезку. Он так надеялся, что вы с Поплавским прилетите на Луну еще в прошлом месяце... Хорошо, что я сохранила запись его встречи с Родригесом...

— Записи больше нет, — горько сообщил Корин. — Ее стерли направленным Нуль-лучом, скорее всего из соседнего номера.

— Как стерли? Но мы же...

— Это уже неважно, — нетерпеливо перебил Корин. — Через час мы с друзьями отправляемся в небольшое путешествие. Может так случиться, что в Луноград мы больше не вернемся. Айрин, попытайся еще раз вспомнить хоть что-нибудь. Ведь ты слышала рассказ Родригеса минут десять, если не больше. Неужели ты так ничего существенного не запомнила?

Девушка заморгала покрасневшими от слез глазами.

— Но я же тебе говорила... Род был в тот вечер на взводе. Он много пил, а затем стал ласкать меня... Я вся растаяла и слушала вполуха...

— И все же слушала! Да пойми же наконец: за всеми нами ведется охота! И если мы не сумеем опередить противника, они... Э-эх, напрасно Род втянул тебя в это дело. Ладно, не дрейфь, главный удар мы примем на себя.

Он повернулся и собрался было уйти, но Айрин остановила его, схватив за рукав.

— погоди, Игорь... — прошептала она. — Господи, как же мне страшно... Я до сих пор думала, что это какая-то игра в тайну...

— Мне надо идти, — ласково сказал Корин, осторожно высвобождаясь. — Я же сказал: никто и пальцем не тронет девушку, которая впускает тайну в одно ухо, а в другое тут же выпускает.

— Да... но я кое-что вспомнила...

— Что?!

— Какие-то обрывки фраз Родригеса... Вот: Марта Шадрина знала кое-что, очень важное для главаря их шайки, Мастодронта, но ее начальник-китаец что-то сделал... то ли гипнозом, то ли специальным иглоукалыванием... и она это «что-то» забыла. И ничем, даже наркотиками, эту тайну из нее выжать не удалось.

— Господи... только этого не хватало, — ошеломленно пробормотал Корин. — Это все?

— Нет, еще что-то было... да! Родригес однажды назвал два имени, похожие на древнегреческие или римские...

— Какие?

— Да не помню я...

— Может, Меркурий? Или Плутон? Или Нептун?

— Н-нет... Кажется, нет.

— Может, Церера?

— О, да! Точно — Церера!

— У-уф, уже легче. А второе имя? Эрос? Адонис? Гермес?

— Нет... Не помню.

Корин шумно вздохнул. Он привлек к себе Айрин, поцеловал в щеку и торопливо вышел из комнаты.

... Спустя час «Белка» пересекла кратер Птолемея и вышла на хорошо укатанную

трассу, ведущую к трещине Градова. Здесь Корин увидел хорошо знакомую по Марсу картину: на обочинах то там то тут валялись старые колеса, канистры, смятое железо и прочий мусор. Солнце уже довольно высоко поднялось над горизонтом, и на освещенных участках температура достигла ста градусов по Цельсию, хотя в ползущих от скал теневых областях по-прежнему сохранялся жуткий холод. Мощные гусеницы «Белки» довольно глубоко уходили в мягкий реголит. Порой они наезжали на достаточно крупные камни, и тогда решетчатая ферма хроноизлучателя резко раскачивалась. «Полегче, Ашот», — говорил в таких случаях Поплавский, но Ашот, казалось, ничего не замечал. Впервые почти за два месяца он был занят делом, и на его смуглом лице цвела восторженная улыбка. Асташевский, как обычно, предпочитал сидеть верхом на башне, облачившись в тяжелый лунный скафандр («Здесь лучше дышится», — объяснял бывший космодесантник). Саблин же первую часть пути захотел провести в тесном машинном отсеке — его тревожило поведение маршевого двигателя. Поплавский, как всегда, находился за капитанским пультом, наблюдая обстановку сразу на трех экранах: круговом обзорном, радиолокационном и инфракрасном.

Без дела остался один Корин. На Луне до сих пор не было обнаружено ни одной хронотрещины, так что его хозяйство: хроноизлучатель, атомные батареи, компьютеры и пульт управления вряд ли могли понадобиться в пути. На всякий случай он сидел на своем месте в глубине салона, возле дверцы, ведущей в машинный отсек, и не сводил глаз с маленького экрана. Справа и слева от трассы в черное небо уходили гряды уродливых скал, наполовину погруженные в тень. Однажды справа промелькнула сетчатая ограда, по периметру которой стояло несколько высоких мигающих фонарей. Поплавский объяснил, что здесь, наверное, находится озеро лунной пыли. В среднем ее слой на Луне не превышал десяти — пятнадцати сантиметров, но порой встречались довольно большие впадины в грунте, куда за многие тысячелетия стекли миллионы тонн пыли. Во время строительства в одно из таких озер попали два лунохода с монтажниками, и их не удалось спасти. В заключение Поплавский невесело усмехнулся и добавил: «Для жизни людей Луна плохо приспособлена, а вот для их смерти к услугам буквально все. Здесь настоящий рай для убийц. Труп можно спрятать где угодно: в озере пыли, в километровой трещине между скал, да и просто на открытом месте, но в вечной тени, куда никогда не проникают лучи Солнца».

Он внезапно замолчал, вероятно, вспомнив о судьбе Марты. Корин тоже подумал о Царевне. Официальные власти Луны так ничего и не смогли сказать о ее судьбе. Мэр Грин даже намекнул, что строптивая красавица давно уже покинула планету. У нее, мол, столько поклонников, а на Луну практически бесконтрольно чуть ли не ежедневно прилетают частные космолеты...

Из головы Корина не выходил его последний разговор с Айрин. Церера... Что связывает аферу с марсианскими находками и главную планету пояса астероидов? Может, там находится основная база космических контрабандистов, и Марту тайно перевезли туда?.. Чушь. На Церере расположен поселок местных колонистов и большая астрофизическая станция. В системе астероидов работают около тысячи человек, половину которых составляют шахтеры. По словам Поплавского, пояс астероидов — единственное место во Внеземелье, где царит относительный порядок. Ни о каком криминале, кроме чисто бытового, здесь и слыхом не слыхивали. Нет, Церера скорее всего ни при чем. Командир почему-то уверен, что следы Царевны ведут в глубь Лунного Клондайка, но ничего объяснять пока не хочет...

— Стоп, — приказал Поплавский. — Приехали. Я выйду наружу вместе с Вадимом, а остальные могут отдыхать.

Когда командир, облачившись в массивный скафандр, поднялся по лесенке в кессон башни, Корин торопливо занял командирское место. Большой панорамный экран давал совершенно иное впечатление об окружающем. Слева, посреди гладкой, как стол, темной равнины уходили ввысь отвесные стены небольшого кратера, чем-то напоминавшего корону. Его зубцы были не сглаженными, как обычно, а острыми, порой даже иглообразными.

— Свежая воронка, — объяснил Ашот, поймав недоуменный взгляд Корина. — Понимаешь, этот метеорит грохнулся о Луну всего триста лет назад! По нынешним меркам — считай, вчера. Когда ученая братия перебралась через зубцы и заглянула внутрь кратера... ой-ой! Нашли три здоровенных обломка, два из них — размером с нашу «Белку», один — с лужниковский стадион. А главное, метеорит-то оказался внесистемным! Его химический состав — считай, вся таблица Менделеева и кое-что вдобавок. Теперь там небольшой поселок ученых. Говорят, столько уже диссертаций накатали — можно кратер с верхом засыпать. А в этом году ученая братия претендует на Нобелевку. Хочешь Нобелевку, Игорек?

На экране появились две серебристые фигуры. Большими прыжками они направились вперед по дороге, а затем свернули влево, к небольшому треугольному камню. Нет... это был не камень, а обычный геологический знак. Корин не сразу сообразил: ну конечно же, там вчера обнаружили труп Левиса.

Поплавский и Асташевский стояли около обелиска минут двадцать. Их радиофоны были отключены, но судя по тому, как они часто соприкасались стеклами шлемов, спасатели о чем-то беседовали тет-а-тет. Затем один из них, скорее всего Асташевский, махнул рукой и большими прыжками направился в сторону коронообразного кратера.

Вернувшись в «Белку», Поплавский снял скафандр и коротко пояснил:

— Я отправил Вадима в гости к метеоритчикам. У него там есть знакомые. Не исключено, они что-то видели или слышали — я имею в виду таинственное появление трупа Левиса вчерашним вечером. Тем более, что этот «вечер» — понятие условное, а на самом деле здесь царит лунный день. Кто-то же должен был приехать и привезти беднягу журналиста!

— Зачем Вадим побежал пешком, а? — спросил Ашот. — До кратера добрых два километра, я бы мигом подбросил.

Поплавский покачал головой.

— Нет. Не стоит оставлять лишних следов. Мы вернемся в это же место часов через десять. А сейчас поедem навестим Ржавый Храм.

Ашот не выдержал и тихо выругался по-азербайджански.

— Володя, ты случайно не перегрелся? Только этих тронутых лунатиков нам не хватало! Еще открутят что-нибудь от «Белки» или гранату в гусеницы положат... Психи, одно слово.

Корин вопросительно посмотрел на друзей. Поплавский с легкой усмешкой пояснил:

— Луна очень близко от Земли, и сюда слишком часто летают космолеты. Понятное дело, что вместе с нормальными людьми на Луну всеми правдами и неправдами попадают Бог знает какие чудаки — и нью-панки, и буддисты, и сектанты всех мастей, и даже пациенты психбольниц. Большую их часть власти ухитряются вернуть обратно на Землю, но остальные... Да ты и сам увидишь. Ашот, помнишь дорогу к Ржавому Храму?

— Рад бы забыть... — пробормотал Ашот и, продолжая тихо ворчать себе под нос, включил двигатель и тронул «Белку» с места. Чуть позже распахнулась дверца, и из

машинного отделения, полусогнувшись, выбрался Саблин. Вид у него был озабоченный. Вытирая ветошью перемазанные маслом руки, он спросил:

— Куда путь держим?

— К Ржавому Храму, — коротко пояснил Поплавский, уже занявший свое командирское кресло.

— А-а... — поморщившись, протянул Саблин. — А где Вадим?

— Пошел в гости к метеоритчикам.

— Ого. Что называется, хрен редьки не слаще.

— Как двигатель?

— Кажется, очухался. Его здорово потрянуло при старте с Марса, но вроде бы все обошлось.

— Первая хорошая новость за сегодняшний день, — заметил Поплавский. — И, боюсь, последняя...

Корин ничего не понимал, но, судя по хмурым лицам Саблина и Мирзояна, догадался: ничего хорошего посещение Ржавого Храма не сулит.

Проехав по трассе еще километра три, лунотанк свернул направо и двинулся в сторону одного из небольших кратеров, своими неровными стенками напоминавшего гнилой зуб. На вершине одной из скал что-то блестело. Приглядевшись, Корин понял — это многометровый металлический крест.

Рубчатые следы колес привели «Белку» к широкому проему в стенках кратера. Вход в него загораживал луноход, выглядевший так, будто он побывал под метеоритной бомбардировкой. Из шести колес лишь половина выглядела прилично, а остальные лохматились, словно тюк старых тряпок.

«Белка» остановилась метрах в двадцати от лунохода. По сравнению с ним машина спасателей выглядела гигантом, но охраняющие кратер люди быстро сравняли счет, когда из открывшегося в боковой стенке лючка лунохода высунулось дуло пулемета.

В динамике коммуникатора послышались хрипы, и сквозь них чей-то сиплый голос:

— Какого черта?

Поплавский подмигнул Корину и сказал:

— Именем Небесного Креста, прошу приюта у хозяина Ржавого Храма.

— Оружие есть?

— Только штатное. Мы хроноспасатели с Марса, находимся на Луне проездом на Меркурий...

— Кислород?

— Как обычно, готовы пожертвовать три баллона общине братьев во Кресте.

— Четыре! И хотя бы пару аккумуляторов. Можно наполовину сдохших.

— Договорились.

— Ладно, проезжайте. Но если среди вас есть легавые...

— Ручаюсь именем Владимира Поплавского — легавых среди моих людей нет.

— А-а... Слыхал. Валяй, будет тебе приют.

Луноход, выпустив струю сизого дыма, дернулся раз, другой, но не тронулся с места.

— Ходовая часть — ни к черту, — заметил Саблин, глядя на экран поверх плеча командира. — И откуда эти монахи берут такую рухлядь?

— Как откуда? На свалках, конечно, — усмехнулся Поплавский.

— Но в Ржавый Храм, насколько я слышал, время от времени делают богатые взносы.

Психов везде полно!

— Верно. Денег у этих чертей хватает. Наверное, им просто нравится играть в космическую голытьбу.

Командир взглянул на недоумевающего Коруна и пояснил:

— Все началось после того, как ученые обнаружили в кратере Коруна — мы его только что проехали — обломки огромного метеорита. Среди первых исследователей был, как потом выяснилось, один представитель секты Второго Пришествия Мессии. Слышал о такой, Игорь?

— Да вроде бы... Знаете, последние три года мне было как-то не до газет. А телевизор я с детства не терплю.

— С тобой все ясно. Так вот, ученый-сектант прибыл на Луну с тайным заданием своих братьев: найти некий Знак. Считалось, что Мессия не так давно побывал вблизи Земли, но являться людям не стал. Мол, он ужаснулся, в какой тяжкий грех впали дети Господа. Судный День стал бы не очищением человечества, а полным его уничтожением. И Мессия дал людям еще один срок, чтобы очиститься от греха, и оставил об этом на Луне некий Знак.

— И сектант нашел его в кратере Коруна?

— Да. Когда ученые откопали из пыли самый крупный из обломков, то действительно обнаружили на его поверхности выступы, формой напоминающие крест. Сектант вернулся на Землю и сообщил об этом братьям. Поднялся жуткий шум почти на всех материках. Папа римский назвал сообщение о Небесном Кресте богохульством и запретил причислять его к святыням церкви. В результате сектантам перекрыли все пути на Луну. Но они все-таки проникли сюда всеми правдами и неправдами и обнаружили, что кратер Коруна уже оккупировали ученые. Их вежливо попросили оставить святыню в покое и убраться. Те, естественно, показали сектантам кукиш. Произошло несколько потасовок, так что пришлось вмешаться лунной полиции. Сектантов как зачинщиков беспорядков выслали на Землю, но вскоре они вновь просочились назад и обосновались в этом кратере, поблизости от своей святыни. А затем началось нечто вроде войны за Гроб Господень.

— С крестовыми походами?

— А как же! Их было два, и о них сняли в Голливуде штук пять роскошных боевиков... Да что я говорю, ты же не смотришь телевизор.

С десятой попытки луноход сумел-таки стронуться с места и открыл проход. «Белка» медленно въехала внутрь небольшого, приблизительно километрового диаметра кратера. В центре него находилась довольно высокая горка, на вершине которой располагалось весьма странное сооружение. В основании стоял старый, отслуживший свой срок лунный грузовик, покрытый толстым слоем окарины. По бокам разместились пять разнокалиберных первых ступеней ракет, кое-где сваренных, а кое-где просто связанных металлическими тросами. К этому своеобразному храму по крутому склону горки вел длинный трап.

У подножия горки теснились три десятка небольших металлических куполов, фургончиков и даже снятых с шасси старых лунобусов. Вид этого табора был весьма колоритный. Не меньше впечатляли и сектанты-охранники, разгуливающие в видавших виды скафандрах с бластерами в руках. Они носили длинные белые плащи, на которых была изображена овальная глыба с черным крестом посередине.

Корин не удержался и хохотнул. Товарищи осуждающе посмотрели на него.

— Э-э, брат, — предостерегающе поднял палец Поплавский, — смеяться здесь не стоит. У этих парней с чувством юмора не очень. И потом, они столько натерпелись от властей, что

заводятся с пол-оборота. Особенно достается пронырливым журналистам. Дело не раз доходило до членовредительства. Так что будь тих, как мышка... Виталий, доставай кислородные баллоны и аккумуляторы. Здесь любят получать подношения, а скупым приходится платить дважды.

Саблин, заведовавший всей материальной частью лунотанка, поморщился, но спорить не стал. Надев скафандры, все спасатели, кроме Ашота, выбрались из «Белки» с баллонами и аккумуляторами в руках. Поплавский на всякий случай поднял свой «дар» повыше, чтобы обитатели странного поселка сумели как следует разглядеть подношения.

Наконец в радиофонах вновь раздался сиплый голос:

— Вижу, вижу. И сердце мое радуется, ибо братья в седьмой келье уже вторые сутки дышат черт знает чем. Прости меня, Господи, за богохульство.

Спустившись с лунотанка, спасатели пошли к поселку. Там их встретил один из охранников и жестом показал, где надо оставить дары.

— Оружие есть? — спросил он, подозрительно оглядывая гостей.

— Нет, — ответил Поплавский.

— Зачем вы явились к преподобному Питеру?

— Нам нужен его совет.

— Ха, за совет надо еще платить...

— Брось, Бенкс, — прервал его хриплый голос. — Не сквалыжничай, парням тоже трудно дышать. Пускай поднимаются в храм, я готов их принять.

Охранник тихо выругался, но отступил в сторону. Спасатели один за другим поднялись по почти стометровому трапу и, пройдя небольшую площадку, выложенную брусками ракетной теплоизоляции, вошли в Ржавый Храм. К их немалому удивлению, в основании нелепой конструкции располагался весьма приличный кессон. Пройдя его, гости оказались в круглом зале. В центре находился алтарь из титана, на котором лежал обломок черного камня. Чуть выше, на металлической стене, висела огромная фотография с изображением метеорита в воронке кратера. На его поверхности действительно можно было разглядеть нечто вроде креста. Рядом стоял человек в скафандре, казавшийся просто мошкой по сравнению с громадным черным обломком.

Из-за алтаря вышел высокий грузный человек с мясистым лицом, пористым носом старого пропойцы, косматыми бровями и седой львиной гривой. У него были маленькие, слезящиеся глаза, а во рту явно не хватало доброй половины зубов. С могучих плеч мешком свисала темная ряса, явно сшитая из чехла какой-то машины. На рясе живописно расположились винные и масляные пятна.

Преподобный Питер был изрядно пьян. Оглядев гостей мутным взором, он срыгнул и, протянув руку за обломок метеорита, достал початую бутылку виски.

— Причащаться будете? — просипел он.

— Нет. Спасибо, отец, но мы скоро вновь отправимся в путь.

Питер сделал солидный глоток.

— Вольному воля. Но жаль. Таких лунотанков на этой паршивой планетке уже не осталось. Мы бы пустили его впереди нашей армии во время следующего крестового похода... Ладно, мы этих тонкошеих очкариков и так передадим, словно цыплят. Зачем прибыли?

— Ищем одного человека, — ответил Поплавский.

— Здесь все кого-то ищут, — пробурчал Питер. — Не мир, а шар из заплесневелого

голландского сыра. Все куда-то проваливаются... А все потому, что погрязли в суете сует. Каждый грешник должен помнить: грядет Судный день! И оставил Господь на Луне Знак...

— Ее зовут Марта Шадрина, — нетерпеливо прервал Питера командир спасателей. — Она летела на Землю в сопровождении трех эмиссаров ООН, но у корабля что-то случилось с двигателем. В Лунограде она пробыла всего два дня, а затем якобы направилась куда-то в глубь Клондайка с геологической партией. Или с туристами. Или еще с кем-то. Власти делают вид, что ничего толком не знают.

Преподобный Питер снова начал бурчать. Успокоившись, он сказал:

— Власти — гниды. Это слуги дьявола, отдавшие Знак Господний на растерзание каким-то тонкошеим недоумкам. Если они отковырнут от Небесного Креста хоть кусочек, мы их всех испедем в ракетной камере сгорания, не будь я Питером!

Поплавский терпеливо выслушал его тираду и продолжил:

— Отец Питер, богохульники есть не только на Земле и Луне, но и на Марсе. Наверное, вы слышали, что какие-то нечестивцы нашли в песках древний марсианский город и тайно вывезли оттуда всякие вещи. Говорят, там были машины...

Отец Питер сделал еще один солидный глоток, а затем посмотрел на Поплавского довольно осмысленным взглядом.

— Как не слышать, Викинг, — сказал он. — Я знаю, что это дело рук самого дьявола, который хочет ввести людей в новое искушение.

Спасатели приободрились.

— Очень рад, что вы так считаете, отец, — сказал Поплавский. — Один человек в Лунограде намекнул, будто вы можете что-то знать про Марту Шадрину. И вы наверняка в курсе, что вчера на дороге...

Питер поднял руку, и Поплавский замолчал.

— Тебя здесь давно ждут, Викинг, — произнес он почти трезвым голосом. — Слуги дьявола окопались на этой гнилой планетке и пожирают людей, которые пытаются встать у них на пути. Мне тоже угрожали... Да, мои люди видели, как со стороны Белых гор приехал луноход, выгрузил тело и быстро уехал.

— Белые горы... — задумчиво сказал Поплавский. — Именно туда указывали руки покойника. В той стороне находятся пять рудников...

Отец Питер встряхнул своей седой гривой.

— Чушь. Это просто подстава. Номер на луноходе был замазан, но я здесь не зря сижу семь лет. Ищи этих слуг дьявола не на севере, а на юге, в заброшенном горняцком поселке возле Пыльной реки. И твою Марту это отродье держит где-то там. Мои разведчики видели, как в тех местах садятся большие ракеты. Наверное, с Марса.

Поплавский благодарно поклонился.

— Спасибо, отец Питер, вы очень помогли нам.

Питер хмыкнул.

— Я служу только Господу. И ты, Викинг, делами своими служишь тоже ему, хотя по недомыслию не понимаешь этого. Ну а теперь выпьешь?

Командир спасателей молча шагнул вперед и, взяв бутылку с виски, сделал три глотка. Отец Питер одобрительно наблюдал за ним.

— Все верно, Викинг. Запомните: делайте все, что делаете, нечетное число раз... Нет, не то хотел сказать. Зачем ты послал своего человека в кратер Небесного Креста?

Поплавский усмехнулся.

— А разве вы, отец, не потеряли там свой плащ во время второго Крестового похода?

— Хм... черт... Прости меня Господи за очередное богохульство. И они... вернут мой плащ?

— Вернут. Среди ваших врагов у меня есть хорошие друзья.

— Жаль. Но я буду рад, если боевой плащ вернется ко мне.

К утру следующих стандартных суток «Белка» пересекла обширный гористый район и оказалась в юго-западной части Клондайка. Переход был нелегким и для могучей машины, и для водителей, роль которых по очереди выполняли Мирзоян, Саблин и Поплавский. Все трое имели опыт работы на Луне, но ни с чем подобным им сталкиваться не приходилось. Казалось, над этим районом взорвалась атомная бомба, превратив горы в лес из причудливо искривленных, иззубренных скал, достигающих высоты в сто и более метров. Лунотанк с трудом пробирался через каменные чащи, то и дело утыкаясь то в тупики, то в узкие щели между скалами, через которые даже человеку нелегко протиснуться.

Понятно, что эта часть Клондайка была почти не тронута людьми. Лишь дважды спасатели встречали следы геологических партий, совершавших пробные бурения на довольно больших полянах среди каменного леса. Саблин и Поплавский осматривали оставшиеся после скважин куски минералов. По их мнению, в глубинах лунной почвы находились руды, весьма богатые медью и вольфрамом. Однако рудников на юго-западе Клондайка пока почти не было — основные разработки велись в северо-западных и западных областях, где рельеф был куда более сглаженным и не возникало серьезных проблем в прокладывании дорог.

Чем дальше «Белка» уходила в лабиринт из скал, тем быстрее иссякал оптимизм Поплавского. Эти места как нельзя лучше подходили для устройства базы контрабандистов, но как ее обнаружить? Не было сомнений, что дорога от базы до Лунограда существует, вопрос в том, где она проходит? Отец Питер не знал или по каким-либо причинам не стал об этом рассказывать.

Поплавский и Саблин почти не отходили от навигационного компьютера, куда была введена карта Клондайка, сделанная с помощью спутника в лунный день. На вид она казалась довольно четкой и подробной, но неистребимые тени изрядно все запутали. Однако опаснее всего оказались незаметные с высоты небольшие трещины и впадины. Не раз и не два всем спасателям приходилось вылезать из машины и прокладывать мосты из раздвигающихся титановых секций. Низкое тяготение помогало справляться с этой непростой работой, Однако Корин каждый раз возвращался в машину вспотевший, с дрожащими коленями. Больше всего он боялся провалиться в трещину и разбить стекло шлема. Ашот тоже держался довольно скованно, а вот Асташевский чувствовал себя как рыба в воде. Что-то тихо напевая себе под нос, он с легкостью перемахивал через извилистые трещины, порой совершая прыжки в десять — пятнадцать метров.

И все же именно Асташевский однажды попал в типичную для Луны ловушку, едва не утонув в небольшом, но очень глубоком озере, или, вернее, омуте, лунной пыли. Когда «Белка» остановилась перед очередной трещиной, Асташевский спустился с башни и, взяв в руку конец каната, намотанного на свободно вращающуюся катушку, после короткого разбега совершил изящный, высокий прыжок. Приземлившись на противоположной стороне, он вдруг со сдавленным криком ушел в лунную почву с головой.

Поплавский тревожно закричал:

— Вадим, ты жив?

В радиодинамках спасателей зашуршало, послышался негромкий голос:

— Вроде бы...

- Это трещина?
- Нет... Пыль... Черт, как быстро засасывает...
- Сейчас мы тебя вытащим. Я прыгаю!
- Нет... Тоже вляпаешься...
- Но тогда мы вытянем тебя канатом!
- Я его выронил... от неожиданности...

Поплавский выругался сквозь зубы. Асташевский совершил непростительную для бывшего космодесантника ошибку. Он обязан был прикрепить карабин на конце троса к специальной петле на поясе, но по самонадеянности не сделал этого. Теперь надо быстрее вытащить его из опасной ловушки, которая грозит многими неприятностями для человека в скафандре, и в первую очередь из-за нарушения теплообмена. Но почему Вадим так быстро ушел с головой в пыль? Она, конечно, очень текучая, но...

— Володя, меня куда-то несет... — вновь послышался голос Асташевского, на этот раз еще более тихий.

— Куда? Вглубь? — тревожно спросил командир.

— Н-нет... куда-то вбок...

— Пылевой поток, — мрачно констатировал Саблин. — На карте он не отмечен. Здесь опасно переправляться.

Поплавский не ответил. Он подбежал к «Белке», быстро взобрался по трапу на овальную башню и затем начал карабкаться по решетчатой ферме хроноизлучателя. Поднявшись таким образом на почти десятиметровую высоту, он некоторое время осматривал противоположную сторону расщелины, затем поспешно спустился.

— Все в машину! — крикнул он. — Вадим, мы переправимся на ту сторону метрах в ста ниже по течению. Будем ловить тебя на донку, ясно?

Ответ был почти полностью заглушен шорохом и треском. Видимо, в пыли встречались и металлические частички, они-то и служили своеобразным экраном, нарушая радиосвязь.

Спасатели торопливо забрались в лунотанк. Машину повел сам Поплавский. Никогда еще Корин не видел его таким встревоженным.

— Пылевые потоки — это что, очень опасно? — робко спросил он Саблина.

— Еще как, — ответил заместитель командира. — Обычно на поверхности их скорость невелика, и потому они на первый взгляд почти незаметны. Но на глубине пыль может двигаться довольно быстро, до одного-двух метров в секунду. Были случаи, когда люди просто разбивались об острые выступы на дне. И все же самое страшное — нарушение теплообмена. Если мы не выловим Вадима минут за пятнадцать — двадцать... Даже думать об этом не хочется!

«Белка» прошла вдоль расщелины около сотни метров, объезжая крупные валуны. Затем началось торопливое возведение моста. Саблин перепрыгнул на другую сторону трещины с канатом в руке и стал подтягивать к себе мост, не давая его краю упасть в пропасть. Остальные спасатели толкали решетчатую конструкцию сзади. Все спешили и потому излишне суежились. Минут через пять «Белка» уже перебралась на противоположный берег. Оставив мост на месте, спасатели осторожно подъехали к краю пылевого потока.

Корин впервые увидел это необычное явление природы. Между скал проходила ровная, словно стол, серая «дорога». По цвету она ничем не отличалась от остальной лунной поверхности, но на ней не было заметно ни единого камушка, ни одной выбоины. Только присмотревшись как следует, он убедился: да, поток на самом деле двигался, хотя и

довольно медленно.

Тем временем Поплавский с Мирзояном вытащили на верх башни металлоискатель и направили его спиралевидную антенну вверх по потоку. Увы, дисплей прибора ничего определенного показать не мог.

Затем Поплавский начал... забрасывать донки! Он взял одну из запасных катушек с тонким канатом, торопливо привязал к ее концу солидных размеров подшипник и, размахнувшись, бросил груз к противоположному берегу. Подшипник сразу же утонул в пыли, натянув канат.

Остальные спасатели последовали примеру командира. Быстро соорудив подобные же «донки», они сделали свои забросы, целясь в разные участки потока.

Корин был знаком с этой нехитрой рыбацкой снастью и потому действовал не менее уверенно, чем остальные. Замысел командира был ясен. Асташевский, стиснутый со всех сторон тоннами пыли, оказался практически беспомощен и сам не смог бы выбраться, шагая, скажем, по дну лунной реки. Однако в этой не слишком плотной пыли он имел возможность в определенной степени шевелить руками. Если на его пути попала бы «леса», Асташевский в случае удачи ухватился бы за нее. А поскольку никто не знал, в какой зоне реки он находится, забросы надо было делать так, чтобы перекрыть всю ширину потока.

Тросы очень быстро стали уходить вправо. Это означало, что течение у дна довольно сильное. Спасатели положили к ногам катушки и начали торопливо вытягивать свои «донки», чтобы сделать очередной заброс. Наверное, со стороны это выглядело весьма забавно, но всем было не до смеха. С каждым новым пустым забросом шансы на спасение Асташевского падали.

Наконец «донка» Ашота за что-то зацепилась, и трос натянулся, словно струна. Водитель издал радостный вопль. Корин было бросился к нему на помощь, но его остановил окрик командира.

Действительно, радость Ашота оказалась преждевременной. Как он ни натягивал трос, груз не трогался с места.

— Зацепилось... — проворчал Ашот. — А что б тебя!

— Осел, это же замечательно! — отозвался Поплавский. — Хоть в чем-то повезло. Если Вадим упал в поток недалеко от берега, он точно наткнется на твой канат... Виталий, да не спеши так перезабрасывать!

Прошло две, три, четыре минуты... Корин прикинул возможную скорость течения потока у дна и похолодел. Получалось, что Вадим вполне уже мог «проплыть» мимо этого места...

И тут канат вырвался из рук Ашота и упал на землю. Катушка развернулась и стала сползать с берега.

К ней одновременно бросились Корин и Саблин. Только чудом они не ударились шлемами, что могло обоим стоить довольно дорого. Но все же им удалось схватить катушку прежде, чем она успела утонуть. Взявшись за канат, они изо всех сил начали тянуть. Через несколько мгновений к ним присоединился и Ашот.

Однако вытянуть «донку» они не смогли. Видимо, груз намертво зацепился за какой-то камень. Оставалось надеяться, что Асташевский — если, конечно, на «донку» попался именно он — попытается выбраться из потока сам, держась за туго натянутый канат.

Командир не разделял этого оптимизма. Он схватил катушку, подбежал к лунотанку и, закрепив ее на одном из кормовых люков, торопливо полез в башню. Вскоре машина

медленно поползла назад. Спасатели сразу же отпустили трос и отошли в сторону.

Ситуация стала критической. Очевидно, Поплавский не верил в то, что Вадим сможет самостоятельно выбраться из потока, и потому решил пойти на риск. Конечно, если «зацеп» окажется очень серьезным и канат не выдержит...

Но канат выдержал. «Белка» отъехала метров на десять назад, когда из пылевого потока внезапно появился серебристый шлем.

Спасатели издали дружный вопль радости. Они бросились на помощь, и вскоре Асташевский уже лежал на берегу. Оказалось, что он сумел, уже теряя сознание, зацепиться за трос одним из карабинов, висевших на поясе. Это и позволило вытащить несчастного Вадима из пылевого плена.

Прошло не менее часа, прежде чем Асташевский пришел в себя. Он подвергся не только резкому перегреву, но едва не задохнулся, так как от попадания лунной пыли вышли из строя очистительные фильтры. Проклятая пыль ухитрилась проникнуть даже через гибкие сочленения внутрь скафандра, а оттуда — в легкие Вадима. Саблин, исполнявший в экипаже «Белки» роль врача, весь этот час работал не покладая рук, использовав весь арсенал имевшейся у спасателей медицинской техники. Он вздохнул с огромным облегчением, когда Вадим открыл глаза.

— Повезло нам, братцы... — хрипло произнес Саблин, выключая аппарат искусственного дыхания и снимая с лица Асташевского прозрачную маску. — Еще бы минут десять — пятнадцать...

Асташевский посмотрел вокруг мутным взором, хотел что-то сказать, но закрыл глаза и заснул, тяжело дыша.

Этот эпизод произвел на Корина глубокое впечатление. До сих пор он чувствовал себя за плечами опытных товарищей словно за каменной стеной. Однако оказалось, что они далеко не боги.

Спасатели продолжили путь, следуя вдоль берега пылевого потока. Это было небезопасно, но значительно ускорило движение, поскольку никаких серьезных препятствий перед ними больше не появлялось.

Когда Поплавского сменил Мирзоян, командир с усталым видом уселся в своем кресле возле обзорного экрана. Игорь пристроился рядом и тихо спросил:

— Володя, а откуда взялись эти пылевые потоки? Это же мертвый мир, и здесь...

Поплавский усмехнулся и с силой потер ладонями лицо.

— Не такой уж и мертвый... На Луне обнаружена и вулканическая деятельность, и ледяные шапки на полюсах, и даже простейшие формы микроорганизмов на тех же полюсах, в подземных кавернах, где сохранились остатки атмосферы, вода и тепло. Но лунные реки — действительно нечто особенное. Когда-то считалось, что вся поверхность планеты должна быть покрыта многометровым слоем пыли — из-за резкого перепада температур почвы, падения метеоритов и прочее. Но ты сам видел — по реголиту ходить совсем нетрудно. Повинуясь закону всемирного тяготения, большая часть образовавшейся в течение миллионов лет пыли потихоньку стекала в различные углубления. Так появилось множество лунных озер. Некоторые из них образовались в кратерах, если рядом находились, скажем, большое плато, откуда пыль сползала в глубь воронки. Порой встречаются кратеры, до самых краев наполненные пылью. А теперь представь, что в стенке такого кратера появляется пролом...

— Ого! Неужели там возникают водопады... то есть пылепады?

— Еще какие! А внизу, естественно, берут начало пылевые реки. В этой части Клондайка, кстати, протекает одна из самых больших лунных рек. А этот поток — так, мелочь, один из ее притоков, не нанесенный на карту... Пстой!

Словно вспомнив о чем-то, командир наклонился над пультом и включил дисплей навигационного компьютера. На экране вновь возникла карта юго-западного района Лунного Клондайка.

Пальцы командира забегали по кнопкам пульта управления. Масштаб карты резко увеличился, и вскоре большую часть экрана занял один из участков гористой поверхности. Здесь, рядом с небольшим плато, примыкая к нему западной частью своей округлой стены, находился кратер. Чаша его почти на две трети была заполнена пылью. На противоположной стороне кратера в стене виднелся треугольный пролом. Только при большом увеличении стало заметно, что через пролом низвергается мощный пылевой поток.

— Пылепад... — пробормотал Поплавский. — Черт, как же я раньше не подумал...

— О чем, Володя? — удивленно спросил Корин.

— А вот мы сейчас проверим.

Поплавский вставил в компьютер один из тех информкристаллов, что раздобыл в Лунограде перед началом путешествия, и вновь торопливо забегал пальцами по кнопкам пульта управления. На экране появилось описание туристических маршрутов. В одном из них конечным пунктом значилась «Лунная Ниагара». Взглянув на его схему, Корин даже присвистнул: ну конечно же, это то самое место! Маршрут лунобуса шел широкой дугой, огибающей с северо-запада скалистый массив.

— Вот так, — удовлетворенно сказал командир. — «Все врут календари»... В смысле карты. Та-ак, а когда же появился на свет этот замечательный маршрут? Полгода назад. На два месяца позже, чем была составлена карта.

— Ну и что, Володя? — удивленно спросил Корин.

— Не знаю, не знаю... Но очень любопытно. Судя по всему, где-то в этом скальном массиве находится база контрабандистов. Меня очень смущал вопрос: а как они поддерживают прямой контакт со своими людьми в Лунограде? Дорог в этом районе вроде бы нет, а пробираться через пылевые потоки, сам видишь, совсем невесело. И вдруг к Ниагаре проложили дорогу, пусть и далекую, обходную. Понятное дело: на Луне не так много больших пылепадов. Туристы должны туда валом валить... да и дорога быстро становится наезженной. Пойди попробуй потом установи, лунобус здесь проехал или луноход, или грузовик...

Саблин, сидевший возле спящего на откидной койке Асташевского, покачал головой.

— Думаешь, эта ниточка ведет к секретной базе? Сомнительно.

— Да нет, конечно. Не к самой базе. Она наверняка находится от пылепада на солидном расстоянии, да еще, не дай Бог, в какой-нибудь пещере или каверне. Поди найди ее в этом каменном лесу! Можно целый год проплутать, пока не утонешь в очередном пылевом потоке. И потом, если бы контрабандистам этот туристический маршрут не был нужен, они просто не дали бы его открыть. Кто бы он ни был, этот таинственный мистер Икс, но человек он очень влиятельный и в Лунограде у него все схвачено. Та-ак, а теперь посмотрим, когда к Ниагаре должен прибыть очередной лунобус...

На экране появились цифры. Корин не удержался и присвистнул.

Лунная Ниагара посещалась туристами раз в месяц. И очередной приезд лунобуса был запланирован на 16 сентября по земному исчислению, в 12 часов дня.

До этого момента оставалось чуть больше восемнадцати часов.

Командир приказал Ашоту остановить машину и провел короткое совещание. Он предложил оставить поиски базы до лучших времен, а вместо этого поспешить к Лунной Ниагаре.

— У меня нет никаких аргументов, — закончил он. — Только чистая интуиция. Три дня назад в Луноград прибыла с Земли группа крупных бизнесменов, большинство — с семьями. Ручаюсь, многие из них захотят посмотреть это чудо природы. А мы понаблюдаем за ними, естественно, со стороны. Мало ли что может произойти... Какие есть возражения?

— У меня вопрос, — заявил Ашот. — До этого замечательного пылепада километров восемьдесят — и это по прямой. А где здесь можно пройти по прямой? Но если опять сунуться в чащу скал...

— Нет, — мотнул головой Поплавский. — Короткие пути на Луне оказываются самыми длинными. Карте я больше не доверяю. Поэтому предлагаю пойти вдоль потока. Он должен вывести нас к реке, а дальше мы повернем направо и вдоль берега дойдем до пылепада. Только придется держать ухо остро. Будем вести машину по очереди. Смена — через час. Игорь, приглядишь за Вадимом, пока Саблин будет рулить.

Корин кивнул. Он болезненно ощущал собственную бесполезность.

Словно угадав его мысли, Поплавский улыбнулся и сказал:

— А сейчас, светило хронофизики, полезай-ка на башню, проветрись. Все-таки сверху все виднее, а наш славный десантник сейчас не в форме.

Корин просиял и начал вновь надевать скафандр.

Путь вдоль берега пылевой реки оказался относительно несложным. Проблемы появлялись лишь тогда, когда впереди «Белки» возникали черные полосы теней, отбрасываемых соседними скалами. Поначалу лунотанк быстро преодолевал эти участки, но однажды едва не угодил в небольшое озерцо ныли, после чего Корин на всякий случай начал предварительно проходить теневую область, закрепив трос на поясе скафандра. Роль поводыря пришлась ему по вкусу. Впервые за время этого похода он почувствовал себя полноценным членом экипажа, и это грело его душу.

Лунная река произвела на Игоря огромное впечатление. Среди скал и бугристой, засыпанной разнокалиберными камнями почвы вдруг появилась почти идеально гладкая серая полоса, достигающая ширины более сотни метров. Взяв свою «донку», Корин ради любопытства измерил глубину «реки» в нескольких местах и выяснил, что она не менее десяти — пятнадцати метров. Скорость течения возле дна тоже впечатляла. «Неплохо бы прокатиться по этой реке на лунной яхте, — подумал Корин. — Вот была бы славная приманка для богатеньких туристов! Только над конструкцией яхты надо как следует поломать голову, и особенно над системой безопасности. В такой «воде» надевать спасательный пояс — то же самое, что вешать камень на шею...»

Последние полсотни километров «Белка» прошла по широкому отлогому берегу, с редкими валунами и скалами, почти не затрудняющими движение. В результате к Лунной Ниагаре машина прибыла за три часа до ожидаемого прихода лунобуса с туристами. Спасатели воспрянули духом. Да и Асташевский постепенно приходил в себя после пережитого потрясения. Человеком он был бывалым, испытавшим множество передраг, и потому вспоминал о своем плавании в глубине лунного потока не без юмора. Он утверждал, что несколько раз ловил на дне руками крупных лунных рыб, но они всякий раз ускользали

из перчаток.

Пылепад оказался величественным зрелищем. Посреди холмистой равнины подымались крутые стены лунного кратера, достигающие почти двухсотметровой высоты. В одном месте в стене был пролом шириной метров в сто. Из него низвергался чудовищный поток пыли и по широкой дуге обрушивался в русло лунной реки. Полное отсутствие всяческих звуков еще более усиливало ощущение грандиозности и фантастичности этого природного явления.

В полусотне метров у подножия Лунной Ниагары находилась ровная площадка. Поплавский включил увеличение, и вскоре на обзорном экране вполне отчетливо различались рубчатые следы колес и рядом — отпечатки десятков сапог.

Лунотанк стоял метрах в трехстах от смотровой площадки, укрывшись в тени невысокой скалы. Командир вместе с Саблиным пошли на разведку, а остальным было приказано ни в коем случае не покидать машины и ни во что не вмешиваться. Это вызвало бурю протестов у Асташевского, который торопился вновь заняться делом. Однако диагноз Саблина был суров: больному необходим покой по крайней мере в течение еще нескольких часов.

— Это кто больной — я больной? — гневно вопрошал Асташевский. — Подумаешь, глотнул чуток пыли. Так она же, говорят, для здоровья дюже полезная!

— Помолчи, Вадим, — поморщившись, возразил Ашот. — Ты чего раскричался? Вот меня в разведку тоже не взяли, а я хоть бы что. Даже не бьюсь в истерике, а мужественно собираюсь вздремнуть часок-другой. Устал, понимаешь, рычагами ворочать...

Корин, сидевший в командирском кресле, предостерегающе поднял палец:

— Тихо...

— Что, уже приехали туристы?.. — прошептал Ашот. — Рановато.

Он осекся, увидев, как из-за соседней скалы, из черной тени, показалась чья-то рука и тут же вновь исчезла.

— Что за диво... — пробормотал Асташевский. — Зачем нашим там прятаться... ага!

Фигура в скафандре наполовину выдвинулась из тени, и стало ясно, что это кто-то чужой. На спине незнакомца не было обычных опознавательных номеров, и потому спасатели поняли: перед ними скорее всего связной, пришедший на встречу с кем-то из группы туристов.

Но спасателей ожидал и еще один сюрприз. Через несколько минут возле стен кратера появилась большая, овальной формы машина. Слегка покачиваясь на ходу, она направлялась в сторону пылепада.

Однако по расписанию до прибытия группы туристов оставалось еще около двух часов!

Ответ напрашивался один — расписание маршрута по каким-то причинам изменили. И они лишь чудом успели к встрече кого-то из соратников таинственного мистера Икс с контрабандистом.

— Надо предупредить наших, — взволнованно сказал Корин и потянулся было к радию, но Асташевский остановил его.

— Не делай глупостей, Игорь. Никаких переговоров по радио! Володя с Виталием люди опытные, сами поймут, что делать. А нам надо быть наготове.

Он сделал знак Корину, и оба стали торопливо надевать скафандры, время от времени бросая взгляды на обзорный экран. А Ашот повернул кресло к пульта управления, готовясь включить двигатель в любой момент.

Между тем лунобус неторопливо подкатил к Лунной Ниагаре и остановился на приличном расстоянии от нее. После довольно длительной паузы в машине открылась

дверца, и наружу выбралось около тридцати людей в скафандрах. Судя по размерам, среди туристов были и подростки.

Человек в скафандре, с красной эмблемой Лунограда на груди, пошел в сторону лунной реки, приглашающе махнув рукой. По-видимому, это был экскурсовод. Корина так и подмывало переключить рацию на прием общей волны, но он на всякий случай удержался от этого. Впрочем, рассказ об удивительном явлении природы сейчас интересовал его меньше всего.

Экскурсия продлилась около получаса. Затем экскурсовод указал на пологий берег. Похоже, он разрешил своим подопечным совершить небольшую свободную прогулку. Группа сразу же рассыпалась. Одни пошли к гигантскому пылепаду, другие начали швырять в гладкий серый поток камни, третьи вереницей растянулись вдоль берега, направляясь в сторону «Белки». Кое-кто не удержался от соблазна и нырнул в чашу скал, немедленно исчезнув в тени. Это взволновало экскурсовода, и он направил туда двух своих помощников.

Спасатели напряженно смотрели на экран. В сторону «Белки» двигались шесть человек. Корин на всякий случай записал номера их скафандров. Возможно, кто-то из этих шести и был связным некоего неведомого Центра. Зачем-то ему было необходимо лично встретиться с одним из контрабандистов, и этот момент надо было обязательно засечь.

Однако посланник базы больше не появлялся из тени. Возможно, он уже покинул свое место и пошел в намеченный среди скал пункт встречи. Кто шел ему навстречу? Кто-то из тех, кто прогуливался по берегу, делая небольшие прыжки? Или же один из тех, кто быстро исчез среди скал в районе лунобуса?

Внезапно один турист остановился и, сделав два больших прыжка, исчез за огромным валуном.

— Он... — выдохнул Асташевский. — Игорь, делаешь видеозапись?

— Да, — кивнул Корин. Его слегка трясло от возбуждения. Пятеро туристов продолжали идти к «Белке». До них оставалось не более ста метров. Если кто-то подойдет ближе и догадается посветить нашлемным фонарем в тень за одной из скал...

Но происходившее волновало не только его. Экскурсовод, видимо, устав созывать своих подопечных, махнул рукой и решительно направился к лунобусу. Это подействовало на туристов словно холодный душ. В течение нескольких минут они вернулись к машине. Здесь экскурсовод и двое его помощников устроили переключку и, только убедившись в том, что никто не отстал, дали команду всем садиться в лунобус.

Спасатели молча наблюдали за тем, как последний из туристов забрался в машину и захлопнул дверь кессона. Лунобус двинулся с места и, развернувшись, направился назад, к трассе.

Когда машина исчезла среди скал, Асташевский негромко выругался.

— Отлично, хлопцы, — добавил он. — Это называется: по усам текло, а в рот не попало. Ох и хитер этот бандит с базы!

— Надеюсь, наши оказались еще хитрее, — огорченно отозвался Корин.

Им ничего не оставалось, кроме как ждать.

Наконец на берегу реки вновь появились фигуры в скафандрах. Корин и Асташевский радостно пожали друг другу руки. Сомнений не было: командир и Саблин не зря провели время среди скал: впереди себя они вели человека с базы, держа его за руки. Тот не вырывался — видимо, уже понял, что это бесполезно.

Спустя несколько минут все трое оказались в салоне лунотанка. Поплавский и Саблин

сняли шлемы и мрачно посмотрели на друзей.

— Что случилось, Володя? — тихо спросил Корин.

Командир раздраженно махнул рукой.

— В том-то и дело, что ничего не случилось! Мы следили за каждым шагом этого субчика. Он чуть ли не бегом направился к одной, изогнутой, словно крюк, скале и спрятался в тени. Но никто из туристов к нему даже близко не подошел. Понимаете — никто!

В салоне повисло тревожное молчание.

Поплавский шагнул к незнакомцу и хлопнул его по плечу.

— Снимай шлем, парень, — сказал он по-английски. — Пора знакомиться.

Его звали Люсьен. Это был человек лет тридцати, с коротким ежиком смоляных волос, темными живыми глазами и хищным носом с горбинкой. На спасателей он смотрел со страхом, смешанным с изумлением.

— Откуда вы взялись, черт побери? — спросил он на скверном английском. — Кто вы такие?

Асташевский одобрительно расхохотался и так хлопнул Люсьена по плечу, что тот едва не упал.

— Мне этот хлопец нравится! — заявил он. — Как в том анекдоте: попалась мышка в лапы коту и спрашивает, есть ли у него ордер на арест. Может, отпустим его, а? Только шлем я себе оставлю на память.

Люсьен вздрогнул.

— Эй, эй, не надо так шутить! Нам всем осточертела эта дурацкая война в скалах. Вы считаете себя очень крутыми? Сколько вас — пятеро? Маловато, чтобы штурмовать базу, можете мне поверить. А транспортные колонны мы охраняем так, что к ним и комар не подлетит — если бы, конечно, на этой проклятой планете водились комары.

Поплавский выразительно взглянул на друзей, словно давая понять: не вмешивайтесь.

— Нечего нам баки заливать, парень, — резко заявил он, угрожающе сдвинув брови. — Там, где делают сыр, всегда водятся мыши. Делиться надо, понятно? Моя дражайшая супруга прямо бредит марсианскими побрякушками. Неужели ты не поможешь мне порадовать старушку?

Люсьен насупился.

— Как бы твоей жене не стать вдовой, — с угрозой произнес он. — Сколько таких хабрецов уже лежит на дне реки!

— А ты не хочешь к ним присоединиться?

— И что это вам даст? Я — мелкая сошка, в заложники не гожусь. Если хотите, отвезу вас к базе. Но до нее мы не доедем. Вокруг базы три кордона охраны, а в скалах полно патрулей с гранатометами. У них приказ: стрелять без предупреждения. Уж лучше бы вы рискнули ограбить форт Нокс.

Поплавский пожевал губами, раздумывая.

— Ладно, — неохотно сказал он. — Уговорил, штурмом базу брать не будем. Просто угостим ее десятком-другим ракет. Хороший фейерверк получится! То-то радость будет у земных астрономов — они-то, сердешные, решат, что на Луне началось извержение вулкана.

Люсьен встревоженно оглядел спасателей.

— Вы что, психи? Что вам даст эта дурацкая стрельба? База находится в огромной каверне на солидной глубине, так что вам ее не достать никакими ракетами...

— А как насчет «вулкана»? — с улыбкой перебил Поплавский. — Или вы надеетесь остановить вулканологов со всего мира своими тремя кордонами охраны?

Люсьен выругался, злобно глядя на Поплавского.

— Ну точно, психи... — процедил он. — Или вы чего-то добиваетесь? Но чего?

Командир кивнул.

— Да, конечно же, добиваемся. Видишь ли, Люсьен, у нас в группе была женщина, Марта Шадрина. Мы вместе здорово пошалили на Марсе, пощипывая местных

гробокопателей. Но затем Марту захватили в плен ваши люди и перевезли на Луну. У нас есть сведения, что она находится на базе. Теперь соображаешь, чего мы хотим?

Люсьен вздохнул с облегчением.

— А-а... Слава Богу, а то я уж решил, что вы маньяки какие-то... Да, была у нас ваша баба. Своими глазами видел. Ну и красотка, давно таких не встречал! Только вот незадача — на базе ее больше нет. Погостила недельку, а потом ее куда-то увезли. Клянусь, ребята, чистая правда!

Спасатели помрачнели.

— Плохие шутки, Люсьен, — с угрозой произнес Поплавский. — Ты только посмотри вот на этого здоровенного парня с пышными усами. Прозвище у него подходящее — Слон. Стоит мне только мигнуть, и он начнет тебя разбирать на части.

Асташевский шагнул к контрабандисту с таким озверелым выражением лица, что тот отшатнулся.

— Да нет же вашей бабы на базе! — в отчаянии крикнул он. — Сами подумайте, какой мне смысл из-за нее подставляться?

— Тогда где же она?

— Не знаю! Мне начальство о таких вещах не докладывает!

— Придется спросить начальство.

— Они ответят, как же. Да стоит вам выйти в эфир, как всех нас сразу же накроют. Ракеты на базе тоже имеются, а на ваше корыто хватит и одного залпа.

— Парень дело говорит, — не выдержав, сказал по-русски Асташевский. — Как только мы раскроем рот, нам тут же поставят и шах, и мат.

— Сам понимаю... — проворчал командир. — Ладно, постараемся открыть этот ларчик с другой стороны.

Он нагнулся и начал шарить в кармане скафандра пленного. Люсьен беспомощно выругался.

Поплавский извлек черную коробочку. В ней лежал голубоватый информкристалл.

— Игорь, займись, — коротко сказал Поплавский.

Корин уселся возле главного компьютера и забегал пальцами по кнопкам пульта.

— Информации немного, всего восемь килобайт, — вскоре доложил он. — Какие-то таблицы цифр... Похоже на шифры.

Поплавский кивнул, словно ожидал именно такого ответа.

— И кому ты нес этот большой привет с базы? — обратился он к пленнику. — Только не рассказывай, что просто пришел полюбоваться на Ниагару.

Люсьен вновь разразился проклятиями.

— Чтобы вам всем сгореть в аду! — закончил он.

— Слон, займись товарищем...

— Да, шел на встречу с одним из туристов!

— Кто он такой?

Люсьен пожал плечами.

— Дурацкий вопрос.

— Ну, положим. Но к чему все эти детские игры в шифры и тайные встречи? Мы-то отлично знаем, что дело с разграблением Марса поставлено на широкую ногу. Связь наверняка тоже налажена на высшем уровне, верно?

Пленник ухмыльнулся.

— Вот именно — на широкую ногу, — сказал он. — На слишком широкую. Сами понимаете, в таких делах в официальной информации могут порой... э-э... появляться отдельные ошибки...

— Так, так. Выходит, ваш главный шеф — назовем его мистером Икс — имеет и другие источники информации о ходе дел на базе?

— Конечно. Я лично знаю только одного тайного осведомителя, но наверняка их хватает на всех уровнях. Мое дело маленькое, я лишь посыльный и стараюсь знать об этом поменьше.

— Разумно. И как часто ты передаешь послание «туристам»?

— Когда как. Иногда раз в месяц, иногда реже.

— А почему сегодня встреча не состоялась?

— Сам удивляюсь. Такого прежде не бывало. Может, мой связной каким-то образом учуял ваше присутствие... не знаю.

— Игорь, ты можешь разобраться с этим шифром?

— Попытаюсь... Вряд ли что-нибудь получится, нужны специальные программы.

— Ясно. Виталий, гостю надо отдохнуть. Толку от него сейчас все равно никакого.

Саблин кивнул. Подойдя к одному из встроенных в стенки салона шкафов, он достал флакон с таблетками и протянул одну из них Люсьену.

— Это всего лишь снотворное, — объяснил он. — Или ты предпочитаешь сидеть связанным по рукам и ногам, с кляпом во рту?

Пленник недоверчиво взял таблетку и слегка лизнул ее.

— А-а... тропирон, — с усмешкой заметил он. — У нас такие штучки тоже в ходу. Пожалуй, мне на самом деле стоит вздремнуть, пока вы будете валять дурака. Только прошу об одном, парни, — мне очень хотелось бы проснуться.

— Спи спокойно, дружок, — посоветовал Поплавский. — Ответь только на вопрос: как считаешь, твой связной-турист — всегда одно и то же лицо?

— Думаю, одно, хотя он и слова со мной не сказал.

— Интуиция?

— Вроде того.

— Это мелкая рыбешка? Или кто-то из ваших земных боссов?

— Сам подумай, рыбак. Только не ошибись с леской и номером крючка, — ухмыльнулся Люсьен и, проглотив таблетку, закрыл глаза.

Саблин усадил его в одно из кресел. Через минуту пленник уже вовсю храпел.

Поплавский внимательно оглядел друзей.

— У нас есть шанс, — сказал он. — Может быть, единственный. Если связной из туристической группы — крупная рыба, через него мы выйдем на след Марты.

Асташевский озадаченно смотрел на командира.

— Ты хочешь напасть на лунобус?

— Да. Если отец Питер не обманул, то у нас очень мало времени. Жизнь Марты в опасности... или, по крайней мере, ее психика. Видимо, для контрабандистов очень важно то, что она когда-то знала, иначе они не рискнули бы выкрасть главного свидетеля и возить ее туда-сюда. И я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело...

— Оружие? — взволнованно выпалил Корин.

— Да. Я почти уверен — речь идет о марсианском оружии! Игорь, тебе Марта ничего такого не говорила?

— Нет... Ни единого слова!

— Но если она на самом деле знает какой-то секрет, эти мерзавцы не успокоятся, пока не перероют весь ее мозг, снизу доверху. Наверное, на базе просто не оказалось достаточных для этого средств, и ее перевезли в какую-то секретную лабораторию. И сейчас... тьфу, даже думать страшно! Представьте, что путь к марсианскому оружию будет открыт. Это пахнет уже не просто теневым бизнесом, а кое-чем покруче.

Саблин мягко сказал:

— Что ж, если дело на САМОМ ДЕЛЕ обстоит именно так, я готов идти на любую авантюру с захватом заложников. В конце концов, за нами с Марса тянется слава то ли героев, то ли уголовников...

— Опять? — простонал Ашот. — Ну сколько можно об этом?

— ... так что терять в смысле репутации нам особенно нечего. Но твоя гипотеза о марсианском оружии, Володя, — только гипотеза, не более. Марта и ее друзья могли найти ниточку, ведущую, скажем, к другим марсианским городам или к каким-нибудь тайникам... Да мало ли что затеряно в песках Марса!

— Конечно. Например, оружие, — спокойно сказал Поплавский. — Если марсиане имели развитую технику, а в этом, кажется у нас уже нет сомнений, зачем делать из них пацифистов? Это тот самый случай, когда надо готовиться к худшему.

— Пусть так, — сердито сдвинул брови Саблин. — Но почему, в таком случае, Марту сразу не перевезли на Луну, а целых пять лет держали в старом городе в качестве пленницы?

Поплавский пожал плечами.

— Кто знает, когда они с Цин Яном нашли НЕЧТО, за которым ныне так охотятся мистер Икс и его люди? Может, всего за неделю до появления в городе Корина. Хотя лично я считаю, что мистер Мелвилл приберегал этот козырь лично для себя. Однако после его гибели кто-то из старателей проболтался. И это произошло далеко не сразу. Вспомните: Марту почти две недели держали недалеко от нас, в том же здании. И никто не проявлял к ней особого внимания. Но после того, как был закончен допрос арестованных старателей, ее срочно увезли на Землю, а попала она почему-то на Луну. И тогда же все трое сопровождающих ее эмиссаров дружно съели что-то несвежее и оказались в госпитале... Нет, как хотите, а здесь пахнет чем-то очень серьезным.

— Интуиция? — нервно усмехнувшись, спросил Корин.

— Да.

— Тогда я согласен.

— Я — тоже! — отозвался Ашот. — Страшно чешутся руки набить кому-то из этих сволочей морду.

— А у меня — тем более! — рявкнул Асташевский, сжав свои могучие кулаки.

Саблин колебался.

— Но если мы ошиблись, нам вовек не отмыться... — пробормотал он. — За космический терроризм по головам не погладят... Да и как найти этого связного, не зная о нем ровным счетом ничего? А если его вообще нет среди туристов? Человек мог, в конце концов, просто заболеть...

Поплавский выжидательно смотрел на своего заместителя. И тот сдался.

— Ладно, черти, — махнул рукой Саблин. — Согласен, выходим на большую дорогу с кистенями в руках. Ради жизни на Земле.

Командир улыбнулся с явным облегчением.

— Отлично. Только кистени нынче не в моде. У тебя золотые руки, Виталик, и у меня есть для них хорошая работа. Где бластер этого бандита Люсьена?

— У меня.

— Пойдем в двигательный отсек. Там я все объясню. А ты, Ашот, гони «Белку» вслед за лунобусом. Надо перекрыть ему путь, и как можно быстрее!

Пассажиры лунобуса пережили, наверное, не самые приятные минуты в своей жизни, когда им наперерез из-за одной из скал неожиданно ринулся мощный лунотанк. Оба водителя лунобуса озадаченно переглянулись.

— Наверное, что-то у парней случилось, — произнес первый водитель. — Может, им нужна помощь?

И действительно, из люка лунотанка выбрались трое и осторожно спустили на землю носилки. На них лежал еще один человек, до самого шлема закрытый белой простыней.

Первый водитель взял в руки микрофон и сказал:

— Говорит Л-23. Что у вас стряслось, парни?

В динамике послышался встревоженный голос:

— Мы геологи. Один из наших людей на маршруте получил тяжелые ранения. У вас есть на борту врач?

— Конечно.

— Подождите, сейчас подъедем.

Через несколько минут, пройдя через кессон лунобуса, «геологи» вошли в салон. На них устремились почти три десятка любопытствующих глаз.

Гостей встретил врач в белом халате и стюард, заодно выполняющий роль санитаря.

— Несите раненого в медотсек, — отрывисто приказал врач. — Что с ним стряслось?

— Боюсь, стряслось с вами, — спокойно ответил один из «геологов» и достал бластер. Остальные гости, в том числе и мигом выздоровевший «больной», нацелили на пассажиров стуннеры.

Врач побледнел. Один из людей в скафандрах, оттолкнув его, длинными прыжками направился по проходу между креслами в сторону кабины. Оба водителя изумленно уставились на него.

Человек в скафандре выстрелил из стуннера, и первый водитель обмяк в кресле. Его партнер потянулся было к рации, но в испуге отдернул руку.

— Вы что, с ума сошли? — пробормотал он.

Человек в скафандре жестко произнес:

— Всем оставаться на своих местах. Если кто-то пошевелится или откроет пасть, буду стрелять без предупреждения.

Он вынул из кармана скафандра веревку и умело связал руки второму водителю. Тот и не пытался сопротивляться.

Затем предводитель нападавших медленно прошел по проходу между сиденьями туда и обратно, пристально вглядываясь в лица перепуганных пассажиров.

Девятнадцать мужчин средних лет, на вид весьма преуспевающих. Шесть богато одетых женщин, выглядевших так, словно они отправились на бал. Один лысый старик в старомодных очках и две пожилые женщины. Четверо подростков от десяти до пятнадцати лет — три парня и одна весьма миловидная девушка. Врач. Стюард. Бортинженер в традиционном синем комбинезоне.

— Это что, ограбление дилижанса? — не выдержав тягостной тишины, произнес с

нервной улыбкой довольно молодой мужчина, похожий на испанца. — Или нам надо предъявить билеты?.. Черт бы вас побрал, неужели вы думаете, что мы взяли с собой на экскурсию пачки долларов?

Предводитель подошел к нему и спокойно выстрелил из стуннера «испанцу» в левое колено. Тот заорал от боли и забился в судорогах, обхватив ногу руками.

— Заткнись, идиот, — сказал главарь.

Поплавский еще раз прошелся вдоль сидений, вглядываясь пассажирам в лица. Конечно же, ничего обнадеживающего он не увидел. Все мужчины были в меру перепуганы, и никто не строил из себя героя. Женщины... черт побери, они здорово путали карты. Посланцем мистера Икса могла быть одна из этих разнаряженных дам. Пожалуй, с определенной долей риска из числа подозреваемых можно было отбросить только подростков и двух старух. Старика... нет, старика надо оставить. В посланцы он явно не годился, но многие крутые дельцы обожают иногда играть в аль-рашидов, доверяя в крупной игре только самим себе.

— Женщины и дети, отправляйтесь в грузовой отсек, — приказал Поплавский. — Второй, запри их там и встань с оружием у двери. Не беспокойтесь, если среди мужчин найдется тот, кого мы ищем, все остальные отделаются легким испугом. Третий, отведи членов экипажа в техотсек. Дай им по таблетке тропирона, чтобы не думали о всяких глупостях. Мы разбудим их, как только все закончится.

Стюард и инженер уныло переглянулись и в сопровождении Корина пошли к техотсеку. Но врач стал упираться.

— Нет, — заявил он, преодолев страх. — Кому-нибудь из пассажиров может понадобиться моя помощь. Я должен остаться, да поймите же вы!

Поразмыслив, Поплавский кивнул.

— Ладно, оставайтесь. Первый, что стоишь? Гони баб отсюда, пока я не рассердился!

В салоне поднялся шум. Женщины со слезами на глазах обнимали своих мужей и спешили в грузовой отсек. Подростки, напротив, выглядели довольно бодро. Похоже, им по молодости лет даже нравилось участвовать в самом настоящем террористическом акте.

«Дурачки, — с усмешкой подумал Поплавский, провожая их взглядом. — Не дай вам Бог попасться в руки настоящих бандитов! Тем более, что их среди Скалистого леса, кажется, немало».

Когда двери в грузовой и техотсеки были закрыты на замки, Поплавский перешел в переднюю часть салона, туда, где стояли Асташевский с бластером в руках и белый как мел врач.

— Это не ограбление, — произнес командир, внимательно оглядывая лица оставшихся в салоне мужчин. — И мы не собираемся брать вас в заложники. Среди вас есть один человек, который сегодня должен был встретиться с посыльным. Однако мы перехватили посыльного и отобрали у него информкристалл с докладом. Один из вас понимает, о чем я говорю, остальным лучше не вникать во все это.

Не буду скрывать — мы не знаем связного в лицо. Назовем его мистер Икс. Никто не собирается его убивать, это я могу гарантировать. Но поговорить с мистером Икс просто необходимо, и мы добьемся своего...

Один из пассажиров, сидевших в третьем ряду, — белобрысый мужчина, похожий на скандинава, сказал:

— Мистер, вам можно задавать вопросы?

Поплавский кивнул.

— Да, теперь можно. Отвожу на все вопросы пять минут. У нас мало времени.

— Вы сказали, что некий мистер Икс должен был встретиться возле Ниагары с каким-то посыльным, — продолжил, приободрившись, скандинав. — Но встреча не состоялась, верно?

— Да.

— Тогда почему вы так уверены, что этот таинственный мистер Икс находится среди нас? Он мог по каким-нибудь причинам отказаться от поездки. Если вы заметили, в салоне пустует немало кресел.

— Что ж, тогда и нам, и вам сегодня очень не повезло, — хладнокровно ответил Поплавский. — Нам **ОЧЕНЬ НУЖЕН** мистер Икс. Повторяю, мы гарантируем ему жизнь том случае, если он объявится сам.

— А если он не объявится? — проворчал старик, сидевший в первом ряду, справа от прохода.

— Тогда он умрет вместе со всеми. У нас нет времени заниматься допросами, пускать в ход детектор лжи и прочее. Мы просто будем убивать вас по очереди. И после каждого нового убийства вам будет дано по две минуты на размышление. Никуда мистер Икс от нас не денется, так что лучше ему не брать грех на душу и не губить невинных людей. Еще вопросы есть?

— А почему вы уверены, что мистер Икс — не женщина? — проворчал из шестого ряда лысый толстяк с маленькими бегающими глазками.

— Отвечаю: мы в этом совсем не уверены. Но мы начнем все-таки с мужчин. А женщин пустим в расход следом. Или вы, джентльмены, хотели бы пропустить дам вперед?

Пассажиры задумались, но никто не произнес ни слова.

— Итак, будем считать, что вечер вопросов и ответов закончен, — усмехнулся Поплавский. — Перейдем к делу. Даю мистеру Икс ровно три минуты на размышление. Остальным советую молить Господа, чтобы ваш спутник не оказался упрямым идиотом. Затем мы начнем убивать всех в произвольном порядке, чтобы вам было не очень скучно. Так, засекаю время...

— Чушь, — раздраженно произнес старик. — Блеф чистой воды. Я видел настоящих террористов. Вы же больше похожи на карманных воришек.

Кое-кто из пассажиров улыбнулся этой шутке.

— Ах так? — спокойно заметил Поплавский. — Ладно, придется устроить показательную казнь. Третий, действуй!

Асташевский неожиданно перевел бластер на стоявшего неподалеку врача и выстрелил ему в грудь. В белом халате образовалась дымящаяся дыра, запахло паленой кожей. Врач рухнул навзничь на мягкий пол салона.

Пассажиры замерли, с ужасом глядя на лежащее возле первого ряда кресел тело.

— Вы... вы убили врача... — трясаясь всем телом, прошептал старик.

— Что поделаешь, он сам напросился на подвиг, — спокойно сказал Поплавский. — Я бы предпочел начать с этого старого кретина, да подумал: а вдруг он и есть мистер Икс? Я обещал дать Иксу три минуты на размышление, а свое слово привык держать. Осталась одна минута... сорок секунд... тридцать...

В конце салона с кресла вскочил высокий негр:

— Эй, старик, признавайся! Не хватало из-за такого дерьма, как ты, всем нам страдать!

Старик закрыл морщинистое лицо трясущимися руками.

— Да нет же! — тоненьким голосом воскликнул он. — Клянусь, я не мистер Икс! Что вы все от меня хотите, что? В чем я должен признаваться?

— Время закончилось, — мрачно констатировал Поплавский, взглянув на часы, встроенные в рукав скафандра. — Третий, начинай со старика. Он действует мне на нервы.

Асташевский шагнул к пожилому пассажиру, но тут подал голос белобрысый скандинав. Он был бледен, но в отличие от многих других сидевших в салоне сохранил хладнокровие.

— Мистер главарь, у меня есть предложение, как найти нужного вам человека без душегубства, — сказал он.

Поплавский взглянул на скандинава.

— Ладно, одно предложение я готов выслушать, — после некоторого раздумья произнес он. — Но только одно. Не думайте, что вам удастся таким образом оттянуть время. Даю две минуты.

Скандинав поднялся с кресла и, облизнув губы, сказал:

— Вас устроило бы, мистер главарь, если бы Икс передал интересующую вас информацию в письменном виде? Анонимно, разумеется.

Поплавский покачал головой.

— Я вас понял. Нет. Нам нужно поговорить с ним.

— А анонимная беседа вас устроила бы? Понимаете, этот мистер Икс наверняка не хочет быть узнанным, и его можно понять. Но информация — это другое дело, здесь он может пойти вам навстречу.

— В чем суть вашего предложения?

— Понимаете, мистер, во время нашей экскурсии у меня разболелась печень. Я вызвал по пульту связи, встроенному в подлокотник кресла, стюарда, но он не пришел. Ждал минуту, другую и только потом заметил, что возле пульта есть маленький дисплей. Так вот, на нем были высвечены слова: «Назовите номер вашего кресла, сэр».

— Та-а-ак... Вы предлагаете устроить с помощью таких пультов анонимный диалог с Иксом?

— Да. Это будет нетрудно организовать. Здесь двенадцать рядов кресел, по два с каждой стороны от прохода. Нас, подозреваемых, девятнадцать. Рассадите нас по рядам, кроме, разумеется, первого. Если мы сядем возле иллюминаторов и поднимем спинки кресел, то никто — ни вы, ни наши соседи не смогут увидеть, как Икс будет беседовать с вами с помощью своего пульта.

— Хм-м...

— Но вы и ваши люди должны играть честно. Никто не должен во время разговора ходить между рядами. Будь я мистером Икс, я на этом твердо бы настаивал.

Если бы скандинав мог увидеть в эти минуты лица «бандитов», то немало бы удивился. Поплавский и его товарищи радостно улыбались.

Поплавский едва смог выдержать необходимую паузу.

— Ну что ж, неглупая идея, — как бы нехотя признался он. — Ладно, молитесь Господу, чтобы на этот раз мистер Икс был поуступчивее. Дураки здесь, на Луне, обычно не выживают, и в этом очень скоро он сможет убедиться. Если эта идея лопнет, как мыльный пузырь, вам же хуже. Следующего, кто родит новую замечательную идею, я прикончу безо всякой очереди. Третий, пошли на камбуз. Второй и первый — держите пассажиров под прицелом. Если кто-то высунется, стреляйте без предупреждения.

Когда Корин захлопнул за собой дверь камбуза, Поплавский вздохнул с огромным

облегчением и снял шлем. Лицо командира было пунцовым, и отнюдь не от жары.

— Фу... — пробормотал он, вытирая ладонью пот с лица. — До чего же нелегко быть бандитом! Тяжелая профессия. Молю Господа, чтобы идея этого белобрысого парня сработала. Игорь, садись к пульту.

Корин тоже торопливо снял шлем. Вид у него был не лучше, чем у командира. Он молча уселся на круглом табурете и осмотрел небольшой столик с пультом, компьютером и плоским дисплеем.

— Все просто, как репа... — пробормотал Корин. — Годится для душевных бесед с пассажирами, а также для управления всяческими кухонными агрегатами.

Поплавский сел рядом.

— Снять бы этот чертов скафандр... — сказал он. — Ладно. Я буду говорить, а ты нажимай на кнопки. Готов?

— Да.

— Передай всем пассажирам: я жду ровно три минуты. И дай им отсчет времени.

На дисплее вспыхнуло: «Я жду три минуты», а рядом появились цифры: 3.00.

Секунды потекли. Оба спасателя мрачно следили за тем, как с каждым мгновением таяли их надежды.

Когда на экране появились цифры 0.43, рядом побежали буквы.

«Мистер Икс — это я».

Корин восторженно потряс в воздухе кулаками, но Поплавский лишь недоверчиво улыбнулся.

— Это надо проверить, — сказал он, обращаясь к пассажиру. — Где вы должны были встретиться со связным?

«Возле изогнутой, словно крюк, скалы».

— Хорошо. Почему вы не сделали этого?

«Я узнал, что среди скал скрываются еще по крайней мере два человека, и предпочел просто прогуляться».

— Как вы смогли нас обнаружить?

«Это и есть тот секрет, о котором вы хотели узнать?»

— Нет. Нас интересует судьба Марты Шадриной.

«А это кто такая?»

— Боюсь, наш разговор может не получиться. Об этой женщине знает даже человек с базы. Не валяйте дурака, Икс.

«Хорошо, не буду. Госпожу Шадрину увезли в Лабораторию. Кажется, это не самый лучший период в ее жизни».

— Где находится Лаборатория?

«На Луне ее нет».

— А где же она?

«Это и есть ваш вопрос?»

— Да!

«И если я отвечу, вы обещаете оставить меня в покое?»

— Да!

«Я не привык доверять террористам, действующим подобными методами».

— Ого! А я и не знал, что разговариваю с ангелом небесным.

«И все же мне нужны твердые гарантии, что вместе с пальцем вы не откусите всю

руку».

— А вы в состоянии дать гарантии, что ваша информация правдивая?

«Да».

— Я — Владимир Поплавский. Моего честного слова вам достаточно?

«Дьявол, так это вы? Выходит, вы просто разыграли спектакль?»

— Да. Врач не убит, а только слегка поджарен. Мы вмонтировали в ручку бластера обычный стуннер.

«Ловко. Значит, вы и меня не убьете».

— Конечно, нет. Но если ты, мерзавец, уйдешь от ответа на мой вопрос, я найду тебя. Стуннеры тоже неплохая штука, особенно если обрабатывать ими болевые центры. Теперь я знаю, что ты здесь, и спешить больше не буду!

«Уговорили. Ладно, честного слова Викинга мне достаточно. Ваша Марта сейчас находится на лунной орбитальной станции «Орфей». С ней активно работают наши люди, но ее жизнь вне опасности. Через два- три дня ее должны отправить на Землю целой и невредимой. Но предупреждаю: если вы сунетесь на «Орфей», дело может принять иной оборот. Своими необдуманными действиями вы можете погубить госпожу Шадрину».

— Но сначала она должна вспомнить кое о чем, верно?

Корин озадаченно взглянул на командира.

— Володя, я бы не стал этого говорить.

Поплавский встряхнул головой.

— Черт, верно. Я едва не свалил дурака. Спасибо, Игорь. А теперь передай этой гниде чем вы можете доказать правдивость ваших слов?

«Есть, кажется, один способ... Вы отобрали у связного информкристалл?»

— Да.

«Там должно быть записано несколько сообщений наших агентов. К одному из них я дам вам шифр, но только к одному. Сообщение касается вашей Марты. Видите ли, у нас появились некоторые сомнения, насколько эффективно с ней работали на базе».

— Ладно, давайте шифр.

Пока на экране появлялась таблица, Корин торопливо достал из кармана своего скафандра голубой информкристалл и вставил его в гнездо компьютера.

Спустя несколько минут на экране появились три фразы:

«Наш эксперт по медицине считает, что специалисты базы сделали с М.Ш. все, что могли. Положительных результатов нет. Главный врач считает, что оборудование на «Орфее» поможет решить все проблемы в течение трех-четырёх недель».

Поплавский удовлетворенно кивнул.

— Что ж, кажется, мистер Икс не врет. Спроси его, Игорь, когда Марту переправили на «Орфей»?

«Двенадцать дней назад».

— Совпадает со словами связного, — заметил Поплавский. — Ладно, выключай компьютер. Больше этот тип ничего нам не скажет.

Корин спрятал в карман информкристалл, предварительно записав на всякий случай шифр в одну из свободных зон. Затем оба спасателя вышли в салон.

— Мистер Икс ответил на наши вопросы, — объявил Поплавский.

Раздался дружный вопль радости. Все пассажиры вскочили с кресел и устроили в проходе кучу-малу. Корин глядел на них во все глаза, но так и не смог никого заподозрить.

«Этот мистер Икс отличный артист, — с удивлением подумал он. — И нервы у него словно сделаны из железа. Если и на «Орфее» нам встретятся подобные ребята, то я себе не завижуду».

Поплавский поднял руку, привлекая к себе внимание.

— Скоро мы уйдем, — сказал он. — Но нам не нужны неприятные сюрпризы. Поэтому не обижайтесь: мы выведем из строя двигатель машины и радиопередатчик.

Восторги пассажиров сразу же поутихли.

— Не беспокойтесь, — усмехнулся Поплавский. — Вашим жизням ничто не угрожает. Запаса воздуха и воды хватит недели на две — я знаю этот тип лунобуса.

Уже сегодня в Лунограде будут обеспокоены вашим радиомолчанием, а завтра вышлют на поиски луноходы. Вы даже и соскучиться не успеете, как они прибудут сюда. А у нас свои заботы.

Держа стуннеры в руках, спасатели отошли к двери шлюзовой камеры. Последнее, что увидел Корин в салоне, было лицо испанца — того, кто получил удар стуннером в ногу. Этот человек смотрел вслед «террористам» с лютой ненавистью. Он мог, конечно, быть мистером Икс. Или у него просто сильно болело раненое колено.

Диспетчер космопорта озадаченно переводил взгляд с Поплавского на Асташевского и обратно.

— Господа, я устал повторять, — наконец произнес он хриплым от волнения голосом. — Ближайший транспорт на «Орфей» отправится только через одиннадцать дней. Видите ли, хотя эта станция и находится в окололунном пространстве, но по традиции она относится к службе орбитальных станций ООН. С Землей у «Орфея» налажена интенсивная транспортная связь, но мы...

— Наверное, можно организовать спецрейс? — мягко спросил Поплавский. — Мы с друзьями прошли по космодрому, поговорили с техниками и выяснили, что по крайней мере два челнока прошли предполетную подготовку и готовы хоть сейчас к взлету. Разве не так?

— Да... — растерянно пробормотал диспетчер и в очередной раз посмотрел на пульт связи с Луноградом.

— Даже и не думай, парень, — пробормотал Асташевский и похлопал по карману комбинезона.

— Вы... вы мне угрожаете?

— Вроде того.

— Но это уголовное преступление!

— Пока нет, — отозвался Поплавский. — Мы просто отдыхаем после напряженной работы на Марсе. На местные достопримечательности мы уже вдоволь нагляделись, хочется чего-нибудь нового. «Орфей» — это как раз то, что надо. Там можно будет отдохнуть от души.

— Но это же научно-исследовательская станция! — с жалким видом попытался протестовать диспетчер. — Там работают астрофизики, астробиологи...

— Мы как раз очень интересуемся астробиологией, — погасив улыбку, уже более жестко произнес Поплавский. — Это наше общее хобби. По-моему, разговор затягивается. Отдайте распоряжение службе космопорта о внеочередном рейсе и поставьте в известность ваших коллег-диспетчеров на «Орфее».

— Вы... вы приказываете мне?

— Конечно, тупой ублюдок! — рявкнул Асташевский. — Нет времени пререкаться с тобой! Даю тебе три секунды на размышление.

— Господи... — жалко улыбаясь, пробормотал диспетчер, вытирая пот со лба. — Я вынужден уступить силе, но учтите — это дорого вам обойдется.

Поплавский усмехнулся и дружески похлопал молодого диспетчера по плечу.

— Ничего. Мы заработали на Марсе немалый капитал, так что ни у кого в долгу не останемся. Действуй.

Диспетчер взял в руку микрофон и вновь отложил его.

— Но постойте, — запротестовал он. — Все это какой-то бред! Экипажи челноков сейчас отдыхают в Лунограде. Я не могу их вызвать, для этого необходимо распоряжение начальника космопорта или мэра. Может, стоит связаться с ними?

— Нет, зачем же отвлекать занятых людей. Я не раз пилотировал челноки, так что как-нибудь справлюсь сам. Есть еще вопросы?

Больше вопросов не было. Диспетчер дрожащими руками вновь взял микрофон и отдал необходимые распоряжения службам космопорта. Затем он связался с «Орфеем».

Его коллега с орбитальной станции был весьма удивлен.

— Что за новости? — спросил он. — Откуда взялся этот внеочередной рейс?

— Э-э... таково распоряжение мэра, — не очень уверенно ответил диспетчер, спиной ощущая дружеский взгляд Асташевского. — Понимаешь, к нам прибыла с Земли группа крупных бизнесменов. Им хочется пощекотать себе нервы, естественно, за кругленькую сумму. Ты же знаешь нашего Ван Гельда — он обожает всяческие коммерческие мероприятия, особенно за наличный расчет. Бюджету города эти деньги совсем не помешают.

— Наличные? О, это серьезно. Надеюсь, нашей станции тоже что-нибудь отстегнут?

— Само собой. Мэр обещал, что и рядовым работникам достанется по кусочку сыра.

— Ого! Тогда пусть летят, голубочки. Пойду, сам лично для них подмету пятую посадочную площадку. Намекни этим чудакам, что на «Орфее» принято давать щедрые чаевые.

— Договорились. Даю взлет через час.

Поплавский больно сжал диспетчеру плечо.

— Через полчаса... — прошептал он.

— То есть нет, через полчаса, — покорно повторил диспетчер и выключил связь. Затем он устало посмотрел на своих мучителей.

— Надеюсь, это все?

— Да. А на прощание проглоти вот эту таблетку. Отдохнешь после такой тяжелой умственной работы.

Поплавский вынул из кармана пузырек и протянул диспетчеру белую таблетку. Тот едва не выпал из кресла, позеленев от страха.

— Нет! Лучше свяжите меня!

— Охота возиться. Впрочем, если ты предпочитаешь стуннер...

— Нет, нет, нет! Давайте таблетку.

Когда диспетчер заснул, Поплавский пошарил в ящике стола и нашел ключ. Спасатели вышли в коридор и, подождав немного, заперли дверь. На всякий случай Асташевский сломал ключ в замке, так что теперь дверь можно было открыть только автогеном.

— В кого мы превратились, — вздохнул он, исподлобья глядя на командира. — Мы стали вроде тех «хороших» полицейских из кинобоевиков, которые, защищая справедливость, разносят полгорода и убивают всех подряд.

— Что поделаешь, Вадим. С волками жить... Ладно, пойдем, а то парни нас заждались.

В фойе космопорта былолюдно. Полчаса назад прибыл рейсовый космолет с Земли, и более сотни пассажиров роились возле кладовых, где опытные инструкторы подбирали гостям скафандры и учили ими пользоваться. К одному из кессонов через толпу протолкалась группа людей в голубых кителях — это был экипаж одного из лунных грузовиков. Из их реплик Поплавский понял, что космонавтам предстоял выход на орбиту и посадка на обратной стороне планеты, в районе кратера Гагарина, где строился крупный горняцкий поселок.

В этой суматохе никто не обратил внимания на двух человек в комбинезонах Службы Спасения. Надев свои скафандры, они прошли кессонную камеру и вышли на посадочное поле.

Здесь, в тени одного из огромных танкеров, их ждали Саблин, Мирзоян и Корин.

— Все нормально, — сказал Поплавский. — Диспетчер дал нам «добро», хотя его и пришлось как следует уговаривать. Ашот, что с «Белкой»?

— Спрятали, как и договаривались, в вечной тени среди скал, возле кратера Птолемея, — отозвался Ашот. — Следов почти не осталось. Но если кто-то сунется с фонарем...

— Брось нить, Ашот, — прервал Саблин. — Ничего с твоей дорогой машиной не будет. Дня через два-три мы вернемся и стряхнем с «Белки» все до последней пылинки. Командир, документы у тебя на руках?

— Конечно. Оба КПП мы должны пройти без проблем. Только не суетитесь и помалкивайте — я буду разговаривать с охранниками сам.

До челнока спасатели добрались без особых проблем. Предполетная подготовка заняла всего несколько минут. Оказалось, что не только командир, но и Ашот имели опыт управления различными типами космолетов, а у Саблина даже был диплом бортинженера.

Лунный челнок в отличие от своих земных собратьев не имел крыльев, а его форма была далеко не обтекаемой. Двигатель не отличался особой мощностью, а система управления казалась на первый взгляд почти примитивной. Поплавский расположился в кресле пилота, а Ашот уселся вместе с остальными спасателями на пассажирских местах.

— Ну, с Богом, — произнес Поплавский. — Простите, парни, комфорта не обещаю. Нам надо успеть попасть на станцию прежде, чем диспетчера хватятся. Игорь, потерпишь?

— Куда деваться...

— И то верно. Поехали!..

Челнок стремительно взмыл в черное звездное небо. Последнее, что успел увидеть Корин, — мелькнувший в соседнем иллюминаторе бело-голубой шар Земли. Затем на него навалилась ужасная тяжесть, он задергался, захрипел и стал проваливаться куда-то в темную пропасть.

Очнулся Корин оттого, что кто-то с силой тряс его за плечо. С трудом разлепив глаза, он увидел нависшее над ним встревоженное лицо Саблина.

— Игорь, ты жив?

— Не уверен... — еле ворочая непослушным языком, ответил Корин. — Но не исключаю этого.

— Тогда быстро надевай скафандр! Нам надо сматываться.

Корин повернул голову к иллюминатору и вместо звезд увидел серую металлическую поверхность.

— Прибыли? — спросил он.

— Да. Ну быстрее же!

Встав с кресла, Игорь с помощью Саблина натянул скафандр, надел шлем и, пошатываясь, проследовал в кессонную камеру. Там уже стояли остальные спасатели со стуннерами в руках. Бластер висел на поясе у Поплавского.

Командир осмотрел свой отряд и спросил:

— Игорь, ты в состоянии бежать?

— Да... вроде бы...

— Понимаешь, две минуты назад мы перехватили передачу с Луны. Директора Станции оповещали о бандитах, захвативших челнок. Не знаю, получил ли директор это сообщение. Надеюсь, что он в это время находился, скажем, на совещании. Если же нет, мы пойдем на

прорыв. Отступить уже поздно. Ясно?

— Куда уж яснее...

— Стоп! Дверь открывается.

Через иллюминатор кессонной камеры было видно, как в стене серой громады Станции одна из массивных плит ушла в сторону. На овальную посадочную площадку вышли два человека в серебристых скафандрах с надписью «Орфей» на груди.

— Кажется, это техники... — пробормотал Поплавский. — Пока всем спрятать оружие. Похоже, эти парни еще ничего не знают. В любом случае стрелять только по моему приказу. Пошли!

Наружный люк распахнулся, и на посадочную площадку плавно опустился трап. Спасатели молча сошли вниз и направились к встречающим.

Корин не удержался и взглянул наверх. И почувствовал, как голова вновь закружилась. Над ним нависала огромная, почти вертикальная стена металла, над которой сияло ослепительное Солнце. Даже поляризованное стекло шлема не спасало от его яростного жара.

— Приветствую вас на «Орфее»! — с преувеличенным энтузиазмом произнес один из встречающих — тот, что держал в руке металлический чемоданчик. — Не часто к нам прилетают туристы... а ведь здесь есть на что посмотреть, уверяю вас. Как вы, наверное, уже заметили, посадочные площадки расположены словно лепестки цветка, чей «стебель» является осью нашей станции. Она построена в форме гигантского колеса, и это колесо вращается вокруг...

— ...своего стебелька, — усмехнулся Поплавский. — Бросьте изображать из себя экскурсоводов, парни. Для этого надо знать физику хотя бы в объеме школьной программы. Что у вас там, в чемоданчике, — сувениры?

Оба встречающих озадаченно посмотрели друг на друга.

— Э-э... нет... — сказал владелец чемоданчика. — Собственно, да. Отличные, редкие вещи! Наверное, вы слышали, что на многих планетах Внеземелья обнаружены простейшие формы жизни. Так вот, в одной из наших лабораторий занимаются исследованием образцов...

Поплавский нетерпеливо махнул рукой.

— Чушь. Эта лапша годится лишь для ушей домохозяек из Пенсильвании.

— Но я клянусь, это самые лучшие камни...

— Сколько вы хотите за них? Я плачу, разумеется, наличными.

— Э-э...

— Сто долларов хватит?

— Но... мистер, эти образцы стоят на Земле целое состояние...

— Понятно. Тогда даю пятьдесят.

— Нет, нет! Ста будет, пожалуй, достаточно.

— И у вас есть сертификаты на все эти образцы? И разрешение начальника Станции на торговлю?

— Мистер, вы же понимаете...

— Ладно, меня это мало интересует. Может, пройдем все-таки в кессонную камеру? Для служащих местного космопорта вы не очень-то расторопны.

Когда в кессон был накачан воздух, оба встречающих сняли шлемы. Это оказались довольно молодые люди с алчными, бегающими глазами и не очень здоровыми лицами,

говорящими о пристрастии к спиртному.

— А вы, господа? — спросил темноволосый мужчина с крупным, пористым носом и отвислыми серыми губами.

Его лысый товарищ переложил чемоданчик в левую руку и хотел было уже нажать на кнопку раскрытия внутренних дверей кессона, но Поплавский остановил его.

— Пожалуй, здесь нам будет говорить удобнее, — предположил он и достал из кармана скафандра бумажник. Корин был изрядно удивлен, когда командир извлек из него пачку стодолларовых банкнот.

— Я понимаю, что таких дешевых пьянчуг, как вы, можно купить за пару бутылок виски, но у нас просто нет времени на торговлю, — заявил он. — Здесь пять тысяч долларов наличными.

— Господи... — пробормотал темноволосый, вытаращив глаза.

— Что, алкоголь здесь на кредитные карточки не купишь? — понимающе усмехнулся Поплавский.

— Чтобы им в огне гореть, этим карточкам, — простонал владелец чемоданчика, не отводя зачарованного взгляда от пачки банкнот. — Здесь, на Станции, действует закон: все нелегальные услуги — только за легальные деньги. Но за что вы хотите заплатить нам пять тысяч долларов?

— За кое-какую информацию и небольшое содействие.

— Рады помочь, — кивнул темноволосый.

— Но учтите — у вас впоследствии будут определенные неприятности.

— О-о, к этому нам не привыкать. Да и к тому же нас еще надо будет найти.

— Выходит, руководство Станции еще не извещено о нашем прибытии?

— Мистер, один из диспетчеров — мой тесть. Он нам с Диком иногда дает немного подзаработать.

— Прекрасно. На это раз вашей шайке крупно повезло. Итак, первый вопрос. Недели две назад на Станцию с Луны была перевезена одна очень красивая женщина лет двадцати пяти. Ее имя Марта Шадрин. Возможно, здесь с ней тайно проводятся некоторые медицинские эксперименты. Вы знаете что-нибудь об этом?.. Жаль, очень жаль.

— Мистер, — проникновенно сказал темноволосый, — на Станции работают около пятисот человек. Сюда почти ежедневно прибывают корабли со всех концов Внеземелья. Люди появляются и исчезают десятками и сотнями. И среди них немало красивых женщин. Но медицинские эксперименты... Это другое дело. Мы с Диком работаем в зоне ООН и ругаемся — рискованными делами там никто не занимается. Здесь все друг друга знают, как в большой деревне, и...

— Понятно. Выходит, на «Орфее» есть и другие зоны?

— Конечно! Наша ученая братия вечно сидит на голодном пайке. Коммерсанты сразу же почуяли это. Они сначала арендовали пустующие каюты и склады, а затем попросту выкупили их. Теперь на «Орфее» пять зон, куда могут пройти только свои, да и то со специальными пропусками.

— Уже теплее... И чем же занимаются в этих таинственных зонах?

— Мистер... Мы с Диком работаем простыми электриками...

— А как насчет пяти тысяч долларов?

— Хорошо, мистер... Но это уже серьезные игры. Словом, в частных зонах проворачиваются очень крупные дела.

— Алкоголь? Наркотики? Девочки?

— Вроде бы...

— Не крути, парень. И все это можно прикупить, имея в руках баксы?

— Мистер, если вы полицейский... Тьфу, что я говорю, полицейские все кормятся из того же корыта.

— Я же тебе сказал, что разыскиваю одну женщину, вывезенную с Луны. Может, она находится в одной из этих пяти зон?

— Там можно спрятать сто женщин, мистер. И над всеми производить и медицинские, и какие угодно эксперименты. Это частные владения, понимаете? А полицейские здесь все ручные. Без ордера от прокурора они и близко к этим зонам не подойдут. А наш прокурор такого ордера никогда не даст, он не самоубийца.

— Но вы, электрики, там бываете? Или каждый хозяин зоны содержит свой технический штат?

— Вообще, да. Но бывают сложные аварии, и все такое...

— И тогда вызывают вас с Диком? И расплачиваются с вами разным нелегальным товаром?

— Мистер, я этого не говорил! — запротестовал темноволосый.

— А это у вас с Диком на лицах написано. Кстати, как тебя зовут?

— Фрэнк.

— Ну, Фрэнк, получай аванс в две с половиной тысячи. И нас в качестве своих помощников по электрической части. Мы сегодня же...

Внезапно где-то неподалеку прерывисто зазвучала сирена.

Поплавский снял шлем, и то же самое сделали его товарищи.

— А теперь побежали, коллеги, куда-нибудь в тихий уголок! Быстрее, Фрэнк, иначе на твои кровные деньги будет сегодня веселиться полиция!

На экране видеофона появилось встревоженное лицо начальника Станции. Это был властный человек с темными вьющимися волосами, орлиным носом и волевым подбородком боксера. Однако в глазах его светился ничем не прикрытый страх.

— Господа, сегодня около четырнадцати часов по местному времени случилось чрезвычайное происшествие. На Станцию несанкционированно совершил посадку лунный челнок. На нем находились несколько человек. Личности этих людей устанавливаются. Цели, которые преследуют непрошеные гости, неясны. Возможно, это террористы, уже совершившие недавно нападение на туристический автобус. На Станции объявляется чрезвычайное положение. Прошу всем продолжать работу на своих местах, проявляя крайнюю бдительность. Полиция и служба безопасности Станции начинают прочесывание всех помещений. Просим сохранять спокойствие. Все основные агрегаты Станции тщательно охраняются, и в целом ситуация находится под контролем. Благодарю за внимание.

Фрэнк выключил микрофон.

— Та-ак, — озадаченно протянул он и посмотрел на Поплавского. — Пошла охота на волков. Что будем делать, командир?

Все спасатели, а также оба электрика находились в довольно тесном помещении электромастерской, расположенной на третьем, техническом уровне Станции. Спасатели уже переоделись в коричневые комбинезоны с эмблемой «Орфей» на груди.

— Только действовать! Мы можем устроить «частникам» небольшие аварии?

— Командир, у них большинство систем — автономные.

— Но ведь не все, верно?

— Ну... кое-какие вентиляционные линии... Но они сделаны очень надежно и до сих пор ни разу не выходили из строя.

— Теперь выйдут. В конце концов, мы террористы или кто? Не надо так бледнеть, Фрэнк. Я имею в виду только себя и своих парней. Действуйте!

Через полчаса во всех коридорах Станции вновь тревожно зазвучали сирены. На видеофонах на этот раз появилось лицо главного инженера Станции. Он объявил тревогу третьей степени в связи с «небольшой аварией в воздухоочистительной системе», ни словом не упомянув о террористах. Но его успокоительный тон никого не обманул.

На Станции поднялась паника. Все только и говорили о террористах. Слухи разрастались, словно снежный ком, и вскоре выяснились различные жуткие подробности. Якобы группа вооруженных людей захватила нижний уровень станции, где находились машинные залы, и теперь угрожает то ли перекрыть воздух, то ли отключить электроэнергию, то ли вообще взорвать Станцию. Руководству Станции поставлен ультиматум: или террористам будет выплачен миллиард долларов, или...

Огромная Станция напоминала растревоженный муравейник. Многие, особенно семейные люди, ринулись к помещениям местного космопорта, но их остановил кордон из полицейских.

Это породило новую волну слухов. Говорили, что все три космолета, принадлежащих Станции, уже стартовали к Луне. Они увезли руководство и местную элиту, а рядовые сотрудники оставлены на растерзание бандитам.

И тогда кто-то выкрикнул: надо прорваться в частные сектора! На их посадочных площадках припаркованы шесть или семь грузовых кораблей. Надо заставить владельцев выкинуть из трюмов все их чертово контрабандное барахло и смыться отсюда, пока вся Станция не разлетелась на кусочки!

Эта идея вызвала всеобщее смятение. Но еще через несколько минут одна из дам почувствовала, что задыхается. И сразу же всем показалось, будто воздух и на самом деле стал спертым и бедным кислородом.

Тогда сотни людей, охваченных животным страхом, ринулись по коридорам к частным секторам, все и всех сметая на своем пути.

Два охранника проводили Фрэнка, Поплавского и Корины на третий уровень Станции. Это были темнокожие арабы-атлеты под стать Асташевскому, вооруженные обычными стуннерами, но правые карманы их бордовых кителей выразительно оттопыривались. Скорее всего там лежали бластеры — оружие, запрещенное на Станции, за ношение которого любое лицо могло схлопотать пять лет тюрьмы. Но стражи обычно никогда не покидали своих секторов, а здесь царили другие законы.

Корин спиной ощущал недоверчивые взгляды охранников. Их хозяин, арабский бизнесмен из Кувейта Аль-Багдир, пригласил электриков в свой четвертый сектор спустя несколько минут после сообщения об аварии в общей системе воздухообеспечения. Фрэнк, следуя указаниям Поплавского, некоторое время пытался препираться. Мол, все технические службы сейчас подняты на ноги, и отсутствие нескольких электриков будет расценено как нарушение служебного долга или даже саботаж. Но Аль-Багдир сразу же предложил пятьсот долларов наличными за простое подключение аварийных систем сектора, и Фрэнк, еще немного поломавшись для вида, согласился. Дик принял приглашение из шестого сектора, где за ту же работу обещали восемьсот долларов. Оба электрика предупредили, что возьмут с собой помощников, иначе с работой придется возиться слишком долго и их отсутствие на служебных местах будет замечено. Хозяева секторов неохотно согласились.

Остальные три частных сектора пока молчали, и это очень тревожило Поплавского. Ведь Марта могла находиться в любом из них. К тому же все «частники» имели свои собственные космолеты и в случае серьезной опасности могли просто улететь с «Орфея», захватив пленницу с собой. Оставалось надеяться, что сработают умело запущенные с подачи Поплавского слухи и всеобщая паника сделает свое дело.

С Диком пошли Саблин и Мирзоян. Асташевский был оставлен в мастерской в качестве «свободного нападающего». Он должен был смешаться с толпой и, прорвавшись в частные сектора, действовать самостоятельно.

Кому-то из спасателей могло повезти. Должно было повезти!..

Фрэнк подошел к белому кубу — пульта управления автономной воздухоочистительной системой и под бдительными взглядами охранников стал включать десятки тумблеров, готовя автоматику к работе. Тем временем двое спасателей, как было оговорено заранее, принялись за проверку кислородных генераторов, насосов и фильтрационных установок. Улучив момент, когда внимание охранников полностью переключилось на Фрэнка, Корин достал из сумки с инструментами робот-щуп и запустил его в лючок главного воздухопровода. Робот размером с кулак немедленно зажег свой телеглаз и зашагал крошечными намагниченными ножками по почти вертикальной внутренней стенке коробчатого воздухопровода.

Это был единственный козырь, который в сложившейся ситуации могли пустить в ход спасатели. Роботы-щупы использовались в основном в космолетах, где множество коммуникаций было труднодоступно для техников. Стоило соответствующим образом запрограммировать эти крошечные машинки, и проблемы диагностики любого агрегата или элемента несущих конструкций решались довольно просто.

Но сейчас умелые руки Саблина поставили перед роботами-щупами лишь одну задачу. Они должны были пройти по лабиринтам воздухопровода, найти все вентиляционные

отдушины и, прильнув к ним телеглазом, сравнить изображения лиц всех попавших в поле зрения людей с фотографией Марты, заложенной в память. Чтобы обойти весь сектор, щупам должно было хватить около двадцати минут.

— Долго возитесь, — недовольно сказал один из арабов. — Хозяин будет недоволен.

Фрэнк обернулся и сказал:

— Ребята, не люблю, когда говорят под руку. Эту систему на моей памяти отключали только три раза, и то лишь во время ремонтных работ. Если в автоматике что-нибудь не так сработает или в сети случится короткое замыкание, вы будете дышать углекислым газом или чем-нибудь похуже. Согласны?

Охранник пожал плечами.

— Я же не говорю, что надо пороть горячку, — уже более мирно сказал он. — Но ведь в общей системе, говорят, авария...

Фрэнк усмехнулся.

— Ее скорее всего быстро устранят. Террористы такой ерундой вряд ли бы стали заниматься. Достаточно подложить пару бомб в электроустановки, и все мы дружно поднимем лапки. А все системы кондиционирования воздуха трижды продублированы, понятно?

— Ладно, — проворчал охранник. — Поменьше болтай и побольше делай. Кстати, откуда ты выкопал этих парней? Что-то раньше я их на Станции не видел?

— А ты где-нибудь, кроме своей конуры, бывал? — отпарировал Фрэнк. — Сидите в своем секторе, словно в монастыре... И чего вы все боитесь? Будто остальные на Станции проказой болеют.

Спустя несколько минут датчик связи с роботом-щупом, лежавший в кармане Корина, издал тонкие гудки. Оба спасателя вздрогнули и дружно выпрямились, обменявшись радостными взглядами. Конечно, они надеялись, что их хитрость сработает, но шанс был невелик. Куда больше они полагались на общую панику, когда можно будет попытаться поймать свою золотую рыбку.

Охранники и Фрэнк тоже слышали тонкое пиликанье. Электрик бросил на своих «помощников» злобный взгляд. Такого поворота событий он не ожидал.

— Это еще что за шутки? — вскричал араб. — Что вы спрятали в карманах? А ну-ка...

Поплавский, резко повернувшись, метнул в араба тяжелый универсальный ключ. Получив сильный удар в горло, тот рухнул на спину и, захрипев, стал корчиться на полу.

Второй охранник поднял стуннер и выстрелил в Корина. Но электрик успел ударить его по руке, и парализующий заряд попал спасателю в левую ногу. Второго выстрела не последовало — одним прыжком Поплавский настиг охранника и уложил его ударом ноги в голову.

Фрэнк побледнел, с ужасом глядя на лежащих на полу людей.

— Черт побери... — простонал он. — Вы что, парни, с ума посходили? Мы так не договаривались!

Поплавский, не отвечая, повернулся к Корину.

— Что с тобой, Игорь?

Корин, морщась от боли, погладил колено.

— Ничего... задело краем луча...

— Идти сможешь? — отрывисто спросил командир.

— Вроде бы... да, смогу.

— Сколько было импульсов?

— Пять...

— Значит, Марта где-то недалеко. — Поплавский повернулся к растерянному Фрэнку и в упор взглянул на него:

— Ты знаешь расположение комнат в этом секторе?

— Раньше знал... но когда его продали, нынешний хозяин многое перестроил... Меня в жилые комнаты ни разу не приглашали. Постойте, постойте! Во что вы меня втянули, а?

Поплавский молча достал из кармана пачку долларов и протянул ее электрику.

— Спасибо, Фрэнк, за помощь. Больше ты нам не нужен. И запомни — мы друг друга не видели.

— Но охранники...

— Это твоя забота. Лучше погляди на купюры.

Электрик застыл, изумленный.

— Черт побери, банкноты по тысяче баксов!

— Да. Их двадцать пять штук, как я и обещал.

— Они... они настоящие?

— Обижаешь, Фрэнк.

— Ладно, ладно... Но что же делать с охранниками? И хозяин сектора знает, что я...

— Не беспокойся. Если щуп нас не подвел, завтра в этом секторе не останется ни одной живой души. Мы схватили их за задницу, понимаешь? Ого, кажется, началось! Игорь, пошли!

Действительно, наверху послышались крики, грязная ругань... А затем металлический потолок затрясся — это по коридору, ведущему вглубь, побежали прорвавшиеся в сектор обезумевшие от страха люди.

Спасатели забрали у лежавших без сознания охранников стуннеры и бластеры, а затем Поплавский бросился к лестнице. Корин, приволакивая ногу, поспешил за ним. Левое колено пульсировало, словно больной зуб, но Игорь, сжав зубы, старался не отставать.

Поднявшись на несколько ступеней, он обернулся и даже вздрогнул, увидев на лице Фрэнка злорадную усмешку. «Что-то здесь не так», — смущенно подумал Корин. Но времени для размышлений не было, и он поспешил вслед за командиром.

В коридорах четвертого сектора царил настоящее столпотворение. Возбужденные страхом и паникой люди под завывание сирен бежали в сторону посадочной площадки. Их безуспешно пытались остановить служащие сектора, которых очень легко было отличить по однообразным бордовым пиджакам, но их буквально сметали в стороны. Возле кессона возникла пробка. Из висящих на стене радиофонов раздавался встревоженный голос хозяина сектора. Он призывал всех успокоиться. «Это ложная тревога, — заявлял он. — Авария в общем воздухопроводе уже устранена. Никаких террористов на Станции не обнаружено. Директор Станции просит всех вернуться на свои места. Повторяю, это ложная тревога!»

Но сирена почему-то не умолкала. Слова Аль-Багдира были едва слышны и мало кого успокоили. Столпившиеся у дверей кессона требовали, чтобы их немедленно пустили на борт космолета, и от этих истошных криков толпа, теснившаяся в коридорах, приходила в еще большее волнение.

Обоим спасателям лишь ценой огромных усилий удавалось продвигаться вперед. Их немного выручала форма электриков. «Пропустите ремонтную бригаду! — кричал Поплавский, пробиваясь словно ледокол между десятками плотно стоящих людей. — Успокойтесь, мы сейчас исправим поломку в компрессорах!» Его слова возымели некоторое

действие, и люди расступались, открывая путь двоим вспотевшим «мастерам».

Возле пятой по счету двери главного коридора Корин слегка ткнул командира в спину и кивнул налево. Дверь, как и следовало ожидать, оказалась наглухо закрытой.

— Отойдите в сторону! — крикнул Поплавский, вытаскивая из сумки с инструментами мини-резак. — Место прорыва воздухопровода находится под потолком этой комнаты! Да отойдите же, говорю вам!

Несколькими уверенными движениями резака Поплавский проделал вокруг дверного замка сквозной надрез, а затем ударом плеча распахнул дверь. Корин нырнул в комнату вслед за командиром и сразу же закрыл за собой дверь.

В углу на высоком кресле, похожем на зубо врачебное, сидела Марта Шадрина. Ее руки были прикованы к подлокотникам мощными браслетами. Голову молодой женщины украшал овальный голубой шлем, от которого тянулось множество проводов. Рядом с креслом находились три высокие приборные стойки с десятками быстро перемигивающихся неоновых лампочек.

Противоположную стену занимал большой плоский экран.

Лицо Марты было искажено ужасом. Она, конечно же, слышала гул сирены в коридоре, топот ног и истошные крики. Никто не пришел ей на помощь, и она, наверное, чувствовала себя так же, как запертый в каюте тонущего корабля.

При виде ворвавшихся в комнату мужчин Марта дико закричала и попыталась вскочить с кресла, но браслеты и ремень удержали ее на месте.

Оба спасателя смущенно остановились, удивленные такой странной реакцией.

— Марта, ты нас узнаешь? — растерянно произнес Корин. — Успокойся, сейчас мы тебя освободим...

Глаза Марты широко раскрылись. Казалось, она только сейчас осознала, что перед ней стоят ее друзья. Пленница радостно вскрикнула. В тот же момент приборные стойки загудели, стрелки на многочисленных шкалах заплясали, а на овальных дисплеях вспыхнули различные диаграммы и таблицы.

Еще раз вскрикнув, Марта неожиданно обмякла и, закрыв глаза, привалилась к спинке кресла.

Оба спасателя обменялись встревоженными взглядами. Такой реакции они не ожидали. Несмотря на молодость, Марта уже пережила немало в жизни. Выдержки и хладнокровия ей было не занимать, но сейчас она повела себя словно экзальтированная девица из романтических книг.

Пока Корин возился с браслетами, Поплавский подошел к стоящему возле стены маленькому журнальному столику. На нем в эмалированной ванночке лежали шприц и несколько ампул с отколотыми кончиками. Командир взял их в руки и стал рассматривать.

— Вот в чем дело... — прошептал он.

И тут шум, идущий со стороны приборных стоек, внезапно исчез. Индикаторные лампочки и дисплеи погасли, а стрелки всех приборов вернулись в нулевое положение.

Корин к этому моменту аккуратно срезал замок со второго браслета и освободил руки Марты. Расстегнув кожаный ремень на ее талии, он повернулся к командиру:

— Володя, надо уносить ноги... Что с тобой?

Поплавский жестко усмехнулся.

— Кажется, нам торопиться уже некуда...

— Не понял.

— Эти сволочи незадолго да нашего прихода вкололи Марте утроенную дозу асповина.

— Чего, чего?

— Асповина. Наркотический препарат, в десятки раз усиливающий психофизические реакции человека.

— И что?

— Не знаю, но, кажется, догадываюсь... Не пора ли тебе применить твой дар, Колдун?

— Побойся Бога, Володя, сейчас нет для этого времени! В любой момент могут ворваться охранники, и мы...

— Какие охранники? Вспомни, что творится в коридорах. Вокруг столько народу, что нас никто и пальцем не посмеет тронуть. К тому же у нас есть чем встретить целый взвод охранников. Игорь, постарайся, я прошу тебя. Нам надо узнать, что произошло здесь... ну, скажем, три часа назад.

— Почему именно три?

— А потому, что примерно в это время Марте вкололи асповин. Это медленно действующий, но чрезвычайно сильный препарат. Давай, Колдун! А я постараюсь тем временем привести Марту в сознание.

Прозвище «Колдун» Корин получил после того, как побывал в «украденном» грабителями Марса древнем городе. Поначалу главарь старателей Мелвилл разместил его в старой марсианской тюрьме. Обследовав стены своей камеры, Корин случайно нашел в небольшом тайнике странный обруч с зеленым камнем. Повинуясь внутреннему порыву, он надел обруч на голову. Спустя некоторое время Игорь обнаружил, что обруч исчез, словно всосавшись в кожу его головы.

Не сразу он понял назначение странного обруча. Это был прибор, придававший мозгу человека способность собирать рассеянную информацию о прошлых событиях, а затем создававший нечто вроде сновидения, в котором эти события приобретали зримые черты. Таким образом Корин узнал, как, находясь внутри, можно открыть замок камеры, и бежал из тюрьмы вместе с Мартой Шадриной.

Когда группа «Дельта» оказалась под домашним арестом в Марсограде, Корин после долгих колебаний рассказал друзьям о своем новом, нежданно-негаданно полученном даре. Поначалу спасатели восприняли его рассказ как шутку, но Корин устроил два-три «показательных сеанса», и все, даже недоверчивый Саблин, были вынуждены согласиться. Тогда-то Вадим Асташевский и прозвал молодого хронофизика Колдуном.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Однако так получилось, что в дальнейшем Корину так и не предоставился случай проявить дар видения прошлого. В Марсограде он практически не покидал комнат, отведенных для группы «Дельта» городским начальством. На Луне тоже не за что было как следует «зацепиться». Понемногу он и сам стал забывать о своих возможностях воссоздавать перед мысленным взором картины прошлого. Но Поплавский напомнил об этом, и теперь Игорь был просто обязан выполнить приказ командира, несмотря на то, что ему куда больше хотелось бежать со Станции, и подальше.

С большим трудом Корин заставил себя сосредоточиться. Он мысленно дал приказ увидеть то, что произошло в этой комнате три часа назад, а затем закрыл глаза и замер. Наконец шум в коридоре стал словно бы стихать. И тогда он почувствовал нечто вроде жжения где-то в глубине мозга. Это странное ощущение напоминало голод, только жаждал он сейчас не еды, а информации — той, которая осталась на стенах, на полу, на приборных

стойках, на лице Марты — словом, везде, как след событий, происходивших здесь три часа назад, не раньше и не позже.

Дав волю своему подсознанию, Корин маленькими шагами обошел комнату вдоль стен и жадными глазами просмотрел все мельчайшие детали: маленькие шероховатости на стенах, пылинки на журнальном столике, крошечные ворсинки от одежды, валявшиеся на полу возле двери... Ему казалось, будто он длинным шершавым языком слизывает мед со всех предметов, находившихся в комнате. На двери этого «меда» почти не было, зато на левой руке Марты — той, куда был сделал укол асповина, он лежал толстым слоем...

Постепенно жжение в мозгу стало утихать. Информационный голод был утолен, и тогда Игорь выпрямился и, застыв, дал своему мозгу приказ создать «картинку» прошлого.

...Комнату окутывал серый, колеблющийся туман. Он начал таять, и Корин увидел кресло, в котором сидела Марта. Два человека в белых халатах возились возле приборных стоек, вращая верньеры и щелкая тумблерами. Наконец один из них повернулся и обратился к художавому смуглому человеку, стоявшему напротив кресла с пленницей.

— Мистер Аль-Багдир, все готово, — услышал Корин тихий, словно бы шуршащий голос, лишенный каких-либо интонаций.

Хозяин сектора кивнул.

— Хорошо, можете уходить.

— Но...

— Остальное я сделаю сам. Поднимайтесь вместе со всеми на борт космолета. Скоро здесь начнется настоящий ад.

Люди в белых халатах почтительно склонили головы и вышли из комнаты. А араб обратился к Марте, с тоской наблюдавшей за всем происходящим.

— Ну что ж, госпожа Шадрина, наступает последний акт этой трагикомедии. И вы в ней будете примадонной.

— Что вы еще задумали? — устало произнесла Марта. — Сколько можно меня мучить? Я же ничего, ровным счетом ничего не помню...

— Нет, помните. Мои ученые не сомневаются в этом, но покойный Цин Ян действительно был большим мастером. Он наглухо заблокировал одну из зон вашей памяти, и мы никак не можем туда проникнуть. А ведь вы видели карту марсиан, верно?

— Не знаю... Не помню... — глухо отозвалась Марта. — За время наших с Цин Яном скитаний по древнему городу мы видели сотни документов.

— Верно. Но лишь один из них старый китаец уничтожил буквально на глазах у этого осла Мелвилла. Его помощник присутствовал при этом и по возвращении на Землю рассказал, как Цин Ян, внезапно выхватив у Мелвилла бластер, расплавил металлическую пластинку прямо на столе. Это случилось после того, как этот осел крикнул: «Так вот где марсиане спрятали свое оружие!» Разве вы не помните, госпожа Марта?

— Я уже сотни раз говорила — нет.

— На карте было изображено какое-то космическое тело, окруженное спутниками, — терпеливо продолжил Аль-Багдир. — В этом помощник Мелвилла клянется всеми святыми. Но какое? Юпитер? Сатурн? А может быть, Марс?

— Не помню... ничего не помню...

Аль-Багдир укоризненно покачал головой.

— Жаль, очень жаль... Но мы все же нашли метод, с помощью которого в глухой стене, воздвигнутой стариком Цин Яном, все-таки откроется окошко. Пусть ненадолго, всего лишь

на считанные мгновения — неважно. Автоматика сработает, и запись нейрограммы из заблокированного участка вашего мозга мы получим... э-э, часа через три.

Марта недоверчиво усмехнулась.

— И каким же образом?

— Если хотите, могу рассказать. Все равно через несколько минут я надену вам на голову мнемощлем, и вы начисто забудете о нашем разговоре. Итак, наш замысел довольно прост. Я сделаю вам укол асповина, и ваша нервная система постепенно станет сверхвозбудимой. У нее словно бы появится сверхпроводимость. Если в этот момент вам случится испытать сначала дикий, животный страх, а затем сразу же — острую радость, то мнемощлем сумеет сфокусировать эту минус-плюс психоэнергию на вашем мозговом блоке. И окошко в стене откроется! Так, по крайней мере, утверждают мои ученые.

— Острая радость? Неужели на моих глазах лев разорвет вас на куски?

Араб рассмеялся.

— О, нет. Мы подготовили для вас другой сюрприз. Поначалу мы хотели привезти на «Орфей» кого-нибудь из ваших близких родственников, но, к сожалению, выяснилось, что вы сирота. Ваш бывший жених Матвей Хлебников теперь примерный семьянин и отец троих детей... Да и вряд ли воспоминания об этом эпизоде вашей бурной молодости доставили бы вам огромную радость.

— Все-то вы знаете...

— Пришлось нам пустить в ход последний козырь. Итак, дорогая госпожа Шадрина, рад сообщить, что вашему плену настает конец. Если наш план не даст осечки, то уже через два-три часа вас освободят ваши друзья из группы «Дельта».

Марта изумленно взглянула на Аль-Багдира.

— Но... но они же на Марсе!

— Да, они были там, пока мы не посчитали, что лучше держать их где-нибудь поблизости от вас. Через своих людей мы организовали им вызов на Меркурий и в то же время намекнули на то, что поразившая их воображение Царевна Внеземелья не долетела до Земли и находится где-то на Луне. И это была чистая правда — в то время вами занимались наши специалисты на базе в Скалистом лесу.

— Вы — дьявол... — прошептала Марта, с ненавистью глядя на араба.

— О, нет, нет... Моя роль в этой игре очень скромна. И даже сценарий дальнейших действий придуман не мною. Я рассчитывал использовать бравых хроноспасателей на лунной базе, но увы — там не оказалось подходящих мнемоустановок. Да и руководство базы было категорически против устраивать на своей территории какие-либо эксперименты с похищением красавиц, стрельбой и прочей бутафорией. Потому пришлось по ходу менять план. Вас переправили на «Орфей», а друзья из «Дельты» в это время искали ваши следы в Лунограде. Затем они отправились в путешествие по Лунному Клондайку, а мы тем временем убедились, что даже самое совершенное оборудование не в состоянии снять блок с вашей памяти. Надо было срочно заманить группу спасателей на Станцию, и так, чтобы эти бывалые люди ничего не заподозрили. Пришлось подставить под удар лунобус с нашим агентом. Они клюнули на эту приманку! А здесь, на Станции, их от самой посадочной площадки вели наши люди. Через... ровно через полтора часа мы устроим небольшую аварию в системе воздухоснабжения станции, а затем с помощью своих агентов вызовем всеобщую панику. Перепуганные люди ринутся в частные сектора, все сметая на своем пути. Вы к этому времени, милая красавица, будете, что называется, «на взводе». Рев сирены,

истощные крики, шум драки, топот ног в коридоре — все это бросит вашу психику на дно непроницаемого ужаса. А небывалый приступ радости вы испытаете, когда ваши спасители ворвутся в эту комнату. Подобный психологический маятник разобьет ваш барьер! Сделать же мнемозапись и передать ее на борт моего космолета — дело техники.

Марта оцепенело выслушала разглагольствования Аль-Багдира.

— Ужасно... — наконец прошептала она со слезами на глазах. — Неужели даже Владимир Поплавский станет пешкой в вашей игре?

Араб с жесткой усмешкой кивнул.

— И он, и любой другой, кто посмеет путаться у нас под ногами. Разумеется, кроме тех, кого мы попросту безжалостно уничтожим. «Дельта» неожиданно встала на нашем пути и, признаюсь, на Марсе серьезно нам помешала. Мы могли бы десятки раз уничтожить этих людей... но пока не собираемся этого делать. У вас появились хорошие друзья, госпожа Шадрина. Почему бы всем вам не стать и нашими друзьями?

Внезапно Аль-Багдир повернулся и посмотрел почти в упор на Корина.

— Господин Колдун, эти слова я адресую вам.

Корин вздрогнул всем телом, и «картинка» поплыла куда-то в сторону, а затем растворилась в сером тумане. В душе Игоря царила полная сумятица. Араб обратился к нему... но ведь они находились в разных временных пластах!

Только огромным усилием воли Корин заставил себя восстановить «картинку». Кто знает, удастся ли ему вновь вернуться в эту странную сцену...

Когда туман рассеялся, Корин услышал обращенные к нему слова араба:

— Наверное, вы очень удивлены, господин Корин? — с улыбкой произнес Аль-Багдир. — Не знаю, где вы будете стоять в этой комнате спустя три часа, но думаю, где-то в середине. Если я ошибся, прошу прощения. И не надо так удивляться. Конечно же, мы тщательно прослушивали все разговоры членов вашей группы там, на Марсе. Увы, ваши приборы несовершенны, поэтому вы не обнаружили поставленные нашими специалистами микрофоны.

Теперь мы много знаем о вас и об остальных спасателях из «Дельты». И мы решили: таких интересных врагов лучше не уничтожать, а сделать своими друзьями. То, что вы сегодня слышали, благодаря своим уникальным способностям, — лучшее тому подтверждение. Ведь я рассказывал обо всем так подробно не для госпожи Марты, которая скоро навсегда все забудет, а для вас. Считайте, что вы получили пищу для размышлений. И предупреждение. Наше терпение не бесконечно.

Мы возвращаем госпожу Шадрину целой и невредимой. И это тоже жест доброй воли.

А теперь уходите со Станции. На четвертой посадочной площадке вас ожидает космолет, который отправится спецрейсом на Меркурий. Там вы поступите в распоряжение Службы Спасения и займетесь своим обычным делом. Госпожа Шадрина полетит вместе с вами. Не беспокойтесь, никто из официальных властей вас разыскивать не будет.

Но если вы не выполните наш приказ... Вас немедленно арестуют спецслужбы Станции, и дальнейшая ваша судьба незавидна. Полиция предъявит вам целый букет обвинений — здесь и убийство на Марсе, и захват лунобуса, и разбой в космопорте, и террористические действия на «Орфее». Поверьте, никакие связи господина Поплавского не спасут. «Дельту» ждет суровый приговор, и ваши имена будут навеки обесчещены. Впрочем, сами понимаете, до суда дело не дойдет...

Марта в ужасе выслушала Аль-Багдира.

— Нет, вы все-таки исчадие ада... — прошептала она.

Араб повернулся и высокомерно взглянул на нее сверху вниз.

— Я слуга не дьявола, а Бога, — презрительно произнес он. — Неужели вы до сих пор не поняли этого?.. Впрочем, я, кажется, попусту теряю время.

Аль-Багдир подошел к Марте и надел ей на голову голубой колпак со жгутом проводов. Нажав несколько кнопок на одной из приборных стоек, он торопливо вышел из комнаты...

Корин очнулся от того, что кто-то с силой тряс его за плечо. Открыв глаза, он увидел встревоженное лицо командира.

— Володя... — выдавил он из себя, — нас обвели вокруг пальца... Нас попросту использовали!

Поплавский хмуро кивнул.

— Знаю, знаю! Эти ребята все предусмотрели. Когда ты стоял и раскачивался из стороны в сторону, словно сомнамбула, зажегся экран, и мистер Аль-Багдир обратился ко мне с дружеским посланием. Наверное, он рассказал нам примерно одно и то же. Проклятье, никогда я не чувствовал себя таким идиотом... Хорошо еще, что Марта пока не очнулась, иначе я бы со стыда сквозь пол провалился.

— И... что же мы будем делать?

— Полетим на Меркурий, — угрюмо ответил Поплавский.

— Выходит, мы сдаемся? Поднимаем вверх лапки?

Командир кивнул. Лицо его было как никогда мрачным, но глаза пылали от ярости.

— Игорь, это как раз такой случай, когда против лома нет приема. Нас со всех сторон обложили, словно волков, красными флажками, разве ты не понимаешь? Что бы мы теперь ни сделали, нам никто не поверит.

— А Марта?

— Можешь не сомневаться, у нее смыли все воспоминания о марсианском городе. Главного свидетеля по делу об «украденном» Марсе больше не существует. Да и дело это будет скоро забыто. Какой марсианский город? Какие инопланетные машины? Все это лишь домыслы досужих журналистов, вечно гоняющихся за сенсациями.

— А марсианское оружие?

— Вот здесь дело посерьезнее, Игорь. Кто бы ни стоял за Аль-Багдиром и ему подобными — это очень мощная организация. И если Марта все-таки дала им ниточку к древнему оружию... Всякое может произойти.

Корин потер одеревеневшее лицо, отчаянно пытаясь собраться с мыслями.

— Но... но почему нас тогда оставили в живых? И почему Аль-Багдир был так откровенен?

— Это нам и предстоит выяснить на Меркурии, — тихо ответил Поплавский. — Ясно одно — мы зачем-то нужны этой тайной организации. Нас будут гнать по лабиринту из красных флажков к какой-то неведомой цели. И пока не дойдем до конца, мы будем жить. Однако отныне мы знаем и о лабиринте, и о загонщиках. Лунный коктейль оказался чертовски горек, но мы выпили его до дна. Посмотрим, кто кого переиграет...

Экран на стене вновь вспыхнул. Возле двери одного из кессонов стояли, понурившись, Асташевский, Саблин и Мирзоян. Их окружали плечистые парни с бластерами в руках. Один из них обернулся и нетерпеливо сказал:

— Господа спасатели, мы заждались. Учтите, паника на Станции уже утихла, и сейчас местная полиция вовсю ведет поиски террористов. Неужели вы хотите, чтобы они

обнаружили лишь дымящиеся трупы?

Корин тихо выругался и перевел взгляд на кресло.

— Володя, Марта очнулась! — радостно сказал он.

Несколько минут спустя надрывный вой сирены наконец стих, и жители орбитальной станции вздохнули спокойно. На всех видеофонах появилось сияющее лицо начальника Станции. Он объявил, что тревога оказалась ложной. Небольшая авария в системе воздухооборудования действительно произошла, но она устранена. А вот информация о террористах не подтвердилась. На «Орфей» несанкционированно сел лунный челнок, но его пассажирами оказалась небольшая группа молодых туристов с Луны, обычных искателей острых ощущений. Сейчас эти нарушители порядка найдены и отправлены назад на Луну, где разгневанные папы и мамы непременно надерут им уши.

На радостях никто не обратил внимания на то, что корпус «Орфея» слегка вздрогнул, как обычно бывает при очередном старте космического корабля.

ТЕНИ НА МЕРКУРИИ

Меркурий, 2026 г

ТЕНИ НА МЕРКУРИИ, МЕРКУРИЙ, 2026 Г.

ПОВЕСТЬ

Комиссар Энцо Ларикони жестом предложил гостям сесть к столу, и пока Поплавский и Саблин устраивались в жестких примитивных креслах, итальянец с деловым видом перебирал солидную стопку бумаг, время от времени поправляя постепенно сползавшие с носа очки. Это был немолодой грузный мужчина с грубо скроенным мясистым лицом, густыми бровями и низким, морщинистым лбом. Седые волосы, как обычно, аккуратно причесаны на пробор, бело-голубой китель космической службы ООН тщательно выглажен, а медные пуговицы — начищены до умопомрачительного блеска. Во рту комиссар Ларикони, как всегда, держал самшитовый мундштук — пустой, так как глава Меркурия три месяца назад бросил курить, чем вызвал множество кривотолков в меркурианском городе Солнца. Другое дело, что город с таким претенциозным названием состоял пока всего-навсего из трех стальных куполов, соединенных между собой узкими переходами, а число его жителей — клерков, полицейских, бухгалтеров, техников и прочего казенного люда, едва перевалило за тридцать человек. Но господин Ларикони выглядел так, будто их было по меньшей мере тридцать тысяч, и не любил никаких, даже самых безобидных шуток на этот счет.

Оба спасателя были прекрасно осведомлены об этом и потому молча ожидали, когда комиссар Ларикони, исполнявший заодно роли мэра, начальника полицейского участка, главы технической службы и прочее, прочее, прочее, соизволит оторваться от **ОЧЕНЬ ВАЖНЫХ** бумаг и одарит своих гостей высоким вниманием.

— Та-ак, — наконец бодро произнес Ларикони и, сделав «паркером» какие-то пометки в очередном документе, поднял на гостей светло-голубые глаза. — Я так и предполагал... Простите, господа, это я не вам. Видите ли, уже вторую неделю я работаю над финансовым отчетом для комиссии по Внеземелью ООН и вынужден, отложив все важные дела, день и ночь заниматься этой чертовой бухгалтерией. Моим финансистам, видите ли, ничего нельзя доверить. Все статьи расходов приходится брать под личный контроль!

Спасатели сдержанно кивнули. Они отлично знали, что бюджет администрации Меркурия едва ли составлял миллион долларов в год, но любая непочтительность в такой момент выглядела бы по меньшей мере неуместно.

— И тем не менее вы нашли время, чтобы побеседовать с «Дельтой», — без тени улыбки заметил Поплавский. — Очень любезно с вашей стороны, господин Ларикони.

Итальянец развел пухлыми руками.

— Это мой долг, — заявил он. — Кажется, я обещал выслушать вас еще в конце прошлого месяца, но сами понимаете... дела, дела! Так что же вы хотели доложить, господа?

Поплавский вынул из планшета пачку фотоснимков и молча разложил их на столе. Комиссар принялся их спешно разглядывать, придерживая рукой свои знаменитые, вечно сползающие очки, массивная роговая оправка которых весила, наверное, не меньше килограмма.

Наконец процесс изучения фотодокументов закончился, и Ларикони, с видимым облегчением спрятав очки в верхний карман кителя, благодушно взглянул на обоих спасателей.

— Ну что ж, господа, вы меня совсем не удивили, — произнес он со скучающим видом. — Мои полицейские инспектора каждый божий день показывают подобные снимки.

Да, люди гибнут на Меркурии, но это научно доказанный факт. И гибнут, к сожалению, нередко. Вы еще новички на этой страшной планете, господа, и потому все воспринимаете... э-э в не совсем верном свете. Признайтесь, разве на Марсе или, скажем, Луне подобные трагические случайности не происходят?

— Разумеется, — кивнул Поплавский, — но...

Комиссар Ларикони предостерегающе поднял палец.

— Простите, господин Поплавский, я еще не закончил, — мягко сказал он.

Итальянец не без труда извлек свое массивное тело из-за стола и подошел к стене кабинета. Подняв жалюзи небольшого овального окна, он ткнул толстым пальцем в стекло.

— Взгляните сюда, — попросил он.

Спасатели уныло переглянулись. Манера разговора комиссара была, мягко говоря, своеобразной, и она здорово действовала на нервы.

— Спасибо, господин Ларикони, мы уже видели сегодня Солнце, — ответил Поплавский. — Как-никак проехали на «Белке» почти тридцать километров в этом жутком пекле.

Ларикони пропустил его слова мимо ушей.

— Очень прошу вас, господа, — повторил он.

Едва сдержав вздохи, спасатели подошли к окну.

В глаза им ударил ослепительный свет, льющийся с неба, в котором висел над горизонтом чудовищно раскаленный шар.

— Это Солнце, — сообщил Ларикони с таким видом, будто сделал невероятное открытие. — Солнце, господа! Но не с маленькой буквы, как оно воспринимается на родной для нас с вами Земле, а с большой — Солнце! Интенсивность его излучения в шесть и семь десятых раза сильнее, чем на Земле. Вдумайтесь в эти цифры — почти в семь раз! Человеческая психика не приспособлена к таким вещам. Даже страшная жара на дневной стороне и жуткий холод на ночной воспринимаются куда легче. В конце концов, на Луне климат аналогичный. Однако Солнце! Оно давит на всех, сжигает нам нервные ткани, иссушает нашу плоть, растапливает нам мозги...

— Не нам, а вам... — прошептал еле слышно Саблин, но Поплавский предостерегающе поднял бровь. Ларикони, как все итальянцы, был болезненно красноречив, и с этим приходилось мириться.

— ...Это Бог Меркурия, но это жестокий Бог, — продолжал Ларикони, выразительно жестикулируя. — А мы все — его ничтожные дети. И порой просто не в состоянии выдержать взгляд его всевидящего ока. И начинаем совершать большие и маленькие глупости. Вы видели, как перегревшиеся на Солнце горняки танцуют пляску Розового слона? Так у нас на Меркурии называют судорожные подергивания конечностей у людей, получивших тепловые удары. При малом тяготении планеты это действительно напоминает жуткий пьяный танец, остановить который можно лишь хорошей дозой морфия. Но если бедняге никто не поможет, то свихнувшийся человек становится способен буквально на все. Он может сорвать с себя шлем, чтобы подышать свежим безвоздушным пространством, может прыгнуть в озеро расплавленного олова, которые на этой планете возникают в середине лета. Некоторые ищут расщелины и без колебаний кидаются в них, распевая веселые песни. Иногда они стреляют в себя...

— ...а затем выбрасывают оружие в пропасть, — не выдержав, пробормотал Саблин.

Комиссар укоризненно взглянул на него.

— Я этого не сказал, — заметил он. — Да, действительно, рядом с трупами оружие самоубийства находят редко. Но причин тому может быть несколько, например...

Поплавский потерял терпение.

— Простите, господин комиссар, мы все это уже слышали, — резко произнес он. — И очень сомневаемся в том, что пляской Розового слона можно объяснить весь тот бардак, который творится на Меркурии.

Ларикони помрачнел. Он вновь нацепил очки и сурово посмотрел на знаменитого спасателя.

— Потрудитесь выбирать выражения, господин Поплавский, — сухо сказал он. — На планете, где руковожу я, не может быть никакого бардака! Здесь все — повторяю, все — находится под моим личным контролем, и я...

Поплавский взял наугад со стола фотографию и поднес ее к лицу комиссара:

— Черт побери, о чем вы толкуете? — зло спросил он. — Взгляните на эти два трупа. Мы нашли их возле кратера Сцилларда, в тени между скал. На скафандрах заметны следы страшных ожогов. Их убили бластерами, понимаете? И с довольно приличного расстояния, это нетрудно доказать. Никакими плясками и песнями здесь и не пахнет. Я уже не говорю о том, что ни на одном из рудников не заявляли о пропаже людей.

Ларикони недовольно поджал губы. Он вновь уселся за стол и начал неторопливо копаться в грудe бумаг. На стоящий рядом компьютер он даже не взглянул — комиссар предпочитал работать по старинке, но крепко и надежно.

— Та-ак... — пробурчал он, вылавливая в стопке изрядно помятый лист. — Помню, помню... Сержант Блинг докладывал мне об этом происшествии. Пять дней назад, кратер Сцилларда, лучевые ранения... личности убитых не установлены... Увы, увы. Вакуум и палящие лучи Солнца сделали свое дело, от лиц убитых мало что осталось. Также, кстати, как и от их пальцев. Так что дело пришлось временно приостановить, до выявления новых фактов. Повторяю — временно.

Поплавский нервно уселся в кресло и почти закричал:

— Ларикони, хватит! Мы не новички! Слава Богу, уже четыре месяца ошиваемся на этой проклятой планете. Даже Новый год пришлось здесь встречать, вспомнишь — вздрогнешь. И к вашим замечательным методам расследования преступлений мы уже тоже привыкли. То пляска Розового слона, то дело временно приостанавливается навсегда. А все на самом деле гораздо проще, и вы прекрасно об этом знаете.

Ларикони состроил кислую мину.

— Любопытно послушать, — холодно заявил он. — Как это будет по-русски? Яйца учат слона... то есть, тьфу, курицу.

— Если надо будет — поучим даже Розового слона, — тихо отозвался Саблин. Он продолжал стоять возле окна, несмотря на льющийся оттуда поток палящих лучей — все что угодно, лишь бы не видеть жирного лица этого хитрого дурака.

Поплавский разложил фотографии на столе веером и прокашлявшись сказал:

— Давно пора поговорить напрямую, Ларикони. На Меркурии идет настоящая война, словно на Диком Западе. И нравы здесь соответствующие. Ни один самый занюханный горняк не выходит из своей конуры без колыта, а его начальнички даже в сортир не пойдут без скорострельного пулемета.

— Очень образно, — ледяным тоном произнес Ларикони, крутя в толстых пальцах мундштук. — Вы, русские, — все литераторы, так же как все мы, итальянцы, — певцы. Ну,

сочиняйте, сочиняйте дальше.

Поплавский удержался от резких слов, хотя они буквально повисли у него на губах.

— Итак, мы прожили на Меркурии четыре месяца и десять раз могли убедиться в том, что рудники конкурируют между собой, словно банды, — продолжил он. — И есть из-за чего! Даже Лунный Клондайк по сравнению с Меркурием покажется отработанным терриконом. Золото, платина, серебро, вольфрам, титан и прочее, прочее — я уже не говорю о редкоземельных металлах, которые в таких больших количествах встречаются только здесь, на Меркурии...

— Я вообще-то кое-что слышал об этой планете, — любезно улыбнулся Ларикони. — Как-никак, прожил здесь семь лет.

Поплавский так стукнул кулаком по столу, что комиссар едва не подпрыгнул от неожиданности.

— Попрошу не перебивать меня! Я терпеливо выслушал ваш гимн Солнцу, теперь моя очередь блистать красноречием. Я вам не сопливый мальчишка, а Владимир Поплавский!

— Да-а, есть у меня такой подчиненный, — ехидно заметил Ларикони.

— К сожалению, большому сожалению... Итак, на Меркурии царят самые дикие нравы. Земным государствам, даже таким, как США и Россия, эта планета оказалась не по зубам — слишком далеко от Земли и климат неподходящий. ООН тоже не смогла сотворить ничего более существенного, чем ваш замечательный город Солнца, где работают полтора землекопа и аж целых пять полицейских. Зато какой-то умник решил отдать этот богатый мир на разграбление частным фирмам...

— Я еще раз попрошу вас выбирать выражения, — зло сощурившись, процедил Ларикони.

— ...и они его грабят! Все лицензии на квоты по добыче ископаемых — чистой воды фикция, и вы это прекрасно знаете. Но лично мне на это наплевать, такие шпучки происходят буквально на всех планетах...

— Впервые сегодня слышу от вас здравую мысль, — состроил кислую гримасу комиссар.

— Но когда пахнет большими деньгами, многие люди теряют человеческий облик. Местные рудники — нечто вроде укрепленных крепостей. Чужаки попросту уничтожаются, все без разбора. А вы, господин комиссар, посылаете нашу «Дельту» на поиски «пропавших без вести». Мы словно волны перепахиваем все окрестные хронотрещины, и почти всегда впустую. Вот потому-то и решили поговорить начистоту. К чему этот спектакль? Люди гибнут за металл — это их проблемы. Но при чем здесь мы, спасатели?

Лицо Ларикони приняло натянутый, официальный вид.

— Я выслушал вас, господин Поплавский, — заявил он. — И, признаюсь, ничего интересного не услышал. Да, возможно, горняки из различных фирм недолюбливают друг друга. НЕ ИСКЛЮЧЕНО, что они, встретившись на узкой дорожке где-нибудь между кратерами, пускают в ход, как вы выразились, кольты. Но к чему весь этот разговор? Дураков на Меркурии нет, им здесь попросту не выжить, а потому СЛЕДОВ преступления найти невозможно. Но если иногда все-таки кое-что остается, что мы можем поделать? Отпечатков пальцев на орудиях убийств здесь, увы, нет. Следов, которые может взять овчарка, тоже, да и овчарку в скафандр не посадишь. На каждом руднике работают около двух сотен человек. Все сплочены как один, поэтому допрашивать их бесполезно. Никто ничего не видел и не слышал — вот и весь разговор. А у меня в распоряжении только пять полицейских. Парни

что надо, но кое-чего они побаиваются. А знаете, чего?

— Чего же? — мрачно спросил Поплавский, пряча фотографию в карман комбинезона.

— Теней, — мягко пояснил Ларикони. — На Меркурии полно теней от скал, стен кратеров, валунов и прочего. Может, их и поменьше, чем на Луне, но зато здесь в тени намного жарче. Вы поняли меня, господа?

— Еще как, — кивнул Поплавский, поднимаясь с кресла. — Значит, в Севилье все спокойно?

Ларикони улыбнулся на этот раз совершенно искренне.

— Да. Во всяком случае, на освещенных Солнцем местах. А что касается теней... Не рекомендую туда часто заглядывать. Ваша специальность, господа, — хронотрещины. И с ними вы блестяще справляетесь, это я должен признать. За четыре месяца — сорок с лишним спасенных из небытия! Это не шутки. Но вы же знаете — не всех пропавших без вести можно спасти. А может, не всегда и нужно, а? Ха-ха-ха, я, конечно, просто шучу. Рад был пообщаться, господа, но простите — дела, дела...

Спасатели, попрощавшись, вышли из кабинета. А комиссар Ларикони вновь занялся любимым делом — перелистыванием бумаг, громоздящихся на столе.

Надев скафандры, спасатели прошли через кессон и, спустившись по широкой лестнице, направились к своему вездеходу. Несмотря на мощные светофильтры, Солнце буквально обрушилось на них. Давление его безжалостных лучей чуть ли не физически ощущалось на плечах, словно груз, и даже малое, почти марсианской величины, тяготение не позволяло людям двигаться легко и свободно.

— Ну и дуб же этот тип... — пробормотал Саблин, забираясь в кресло водителя.

Поплавский некоторое время постоял, разглядывая через сощуренные веки три серых купола «славного» города Солнца, а затем устроился на втором сиденье и захлопнул дверцу.

— Не дуб, а пробковое дерево, — поправил он своего заместителя. — Из такого дерева получают отличные пробки и затычки. Чувствительность к ударам, щипкам, плевкам в физиономию — нулевая. Зато вытащить такую пробку из занимаемого ею места можно лишь штопором. А что? На Меркурии именно такой комиссар и нужен... Ладно, поехали.

Вездеход медленно сдвинулся с места и, обогнув стоянку для красных полицейских краулеров, оранжевых машин техпомощи и белых «санитарок», направился к Восточной трассе. Возле обрывистого вала кратера Ольсена им встретила колонна из трех грузовиков, охраняемая восьмью вездеходами. Поднимая облака пыли, колонна свернула на Южную дорогу, ведущую в сторону космодрома.

— Фирмачи из «Белого орла», — проводил их взглядом Саблин. — Как думаешь, Володя, сколько платины они наковыряли за последний месяц?

— А кто их знает, — равнодушно отозвался Поплавский, устало откинувшись на спинку сиденья. — Черт, как трясет... Тоже мне дорога! Хотя бы грейдером пару раз прошлись.

— Не ворчи, — улыбнулся Саблин. — Подумаешь, событие! Будто мы надеялись найти у этого толстозадого чинуши понимание и сочувствие. Сам сомневался, стоит ли ехать в город.

Поплавский долго молчал, скользя скучающим взглядом по обширной темной равнине, устланной десятками мелких кратеров, между которыми то там то здесь змеились небольшие расщелины. Наконец он вздохнул:

— Это точно. В городе Солнца действует третий закон Ньютона: действие всегда

равняется противодействию. Четыре месяца мы собирали материалы об убийствах на Меркурии, а этому борову хоть бы хны. Он и без нас все прекрасно знает и понимает, но ровным счетом ничего предпринимать не собирается.

Саблин жестко усмехнулся.

— Именно потому он до сих пор там и сидит, — заметил он. — Господину Ларикони вовсе не улыбается надеть на грудь звезду шерифа. Ему и так хорошо. И всем аборигенам — тоже. Только вот нам, бравым спасателям, может не поздоровиться.

Поплавский внимательно взглянул на друга.

— Ты считаешь, авария возле Огненного моста была не случайной? — быстро спросил он.

Саблин пожал плечами.

— Очень может быть. Конечно, наша «Белка» далеко не молодуха, но чтобы разом вышли из строя и левая гусеница, и оба манипулятора... Не было такого раньше. А самое странное, что на Огненном мосту нам как раз позарез оказались нужны манипуляторы — помнишь, когда с соседней скалы вдруг скатился валун и загородил дорогу? Нет, Володя, нутром чую, что во время последнего ремонта кто-то в техмастерских здорово пошуровал в кишках нашего лунотанка.

Поплавский нахмурился.

— Но вы же с Ашотом там дневали и ночевали?

Саблин поморщился.

— Ну, за всем, понимаешь, не уследишь. Пока мы ковырялись с двигателем, кто-нибудь из местных умельцев мог спокойно заняться манипуляторами... Нет, Володя, давай не будем хотя бы здесь, на Меркурии, бороться с ветряными мельницами. Марту мы спасли? Спасли. Унесли ноги сначала с Марса, а затем с Луны? Унесли. И слава Богу. Годик-второй господин Икс нас подержит здесь, на краю света, а там, глядишь, выпустит на свободу целыми и невредимыми. И чего мы пузыримся? Чего хотим доказать? И кому?

Поплавский зло сощурился и хотел было резко ответить другу, но сдержался и безнадежно махнул рукой.

— Самое паршивое, что ты, наверное, прав, — уныло признал он. — На Луне и на этом проклятом «Орфее» нас переиграли по всем статьям, это факт. Конечно, моя гордость протестует, когда кто-то всаживает иголки в зад, но... Не в этом дело.

— А в чем? — сухо спросил Саблин, напряженно следя за каменистой дорогой.

— А в том, дорогой ты мой, что Икс и его бандиты с нашей невольной помощью получили нить к оружию марсиан, — продолжил Поплавский. — Господин Аль-Багдир нам с Кориным очень даже подробно об этом рассказал. Понимаешь, это уже не браслетики и статуи, и даже не древние машины, а оружие! Представляешь, какое у такой мощной цивилизации может быть оружие? Да если Икс и его подручные раздобудут его... Что они тогда могут натворить в Солнечной системе?

Саблин кивнул.

— Соображаю. Власть над человечеством — очень аппетитный кусок. Одно мне только не ясно — при чем здесь наша самодеятельность насчет местных трупов? Разве мы, поймав десяток-другой убийц, получим в награду от доброго дяди Ларикони космолет? Черта с два. Не забывай — он не только комиссар Меркурия, но и наш тайный тюремщик. А если не он, а кто-то другой — какая разница? То, что нас пасут, ясно даже толстокожему Слону. Корин аж трясется, когда подъезжает к городу, — мол, оттуда идут в нашу сторону нехорошие

эмоции. Колдун, да и только! А мы сами подставляем себя вместо того, чтобы найти выход из этой проклятой ловушки.

Поплавский сердито хлопнул рукой по колену.

— Четыре месяца уже ищем, а что толку? Сам знаешь, космолеты тут садятся не часто, а охраняют их так, что с атомной пушкой близко не подойдешь. Жаловаться некому. Просить помощи — тоже. Здесь всем и каждому чихать на судьбу человечества.

— Но при чем здесь трупы? — повторил упрямо Саблин.

Поплавский хмыкнул.

— А черт его знает при чем... Просто надоело сидеть сложа руки. Надо же за что-то зацепиться! А за что здесь еще зацепишься? Все сидят в своих крепостях- рудниках и носа оттуда не кажут. Поговорить и то толком не с кем. В городе Солнца растут одни пробковые деревья и дубы. Тем, кого мы вытаскиваем из хронотрещин, обычно не до разговоров о мировых проблемах. Остаются одни трупы. Нет, Виталий, что ни говори, трупы — это хоть тоненькие, да ниточки. Если за них умело потянуть, они могут куда-нибудь привести.

Саблин замолчал. Он понимал командира. Поплавский впервые оказался в такой дурацкой ситуации, когда даже его энергия и знания, опыт и связи ровным счетом ничего не значили. Спасатели оказались словно бы в тюремной камере, да еще под неусыпным надзором охранника. И со всех сторон их окружали зловещие тени Меркурия.

Спасатели основали свою базу в чудом сохранившемся куполе заброшенного рудника, расположенного в пяти километрах на северо-запад от города. Когда-то здесь одна из крупных японских фирм попыталась наладить добычу кобальта, но была вынуждена бросить шахту и небольшой горняцкий поселок на произвол судьбы, не выдержав конкуренции и угроз со стороны своих более удачливых собратьев. Часть оборудования и зданий японцы перевезли на Венеру, часть растащили все кому не лень. Но административный корпус остался стоять возле крутого вала кратера Кеннеди, метрах в двухстах от заваленного камнями входа в бывший рудник, и спасатели сочли, что лучшего места не найдешь. Конечно, можно было обосноваться в городе — одно время комиссар Ларикони даже настаивал на этом, но от такого удовольствия спасатели дружно отказались. В горняцкие поселки их никто не приглашал — там лишние глаза ни к чему. Таким образом, купол на старой шахте оказался единственным выходом из создавшегося положения. Скрепя сердце Ларикони выделил средства на его ремонт, и с той поры пятеро спасателей и Марта Шадрин зажили словно короли, располагая каждый апартаментами из трех и даже четырех комнат.

Однако проблемы поначалу все же возникли, и они были связаны с Мартой. Еще во время перелета на Меркурий девушка высказала желание войти в состав «Дельты», чем повергла мужчин в шок. Одни, особенно Корин и Асташевский, обрадовались такому повороту событий. Саблин же высказал решительный протест, а Ашот Мирзоян по своему обыкновению воздержался. Поплавский долго колебался и отложил решение до прилета на планету. Марта ему чертовски нравилась еще там, на Марсе, но одно дело такая очаровательная подруга, а совсем другое — упрямая, своенравная подчиненная, способная расколоть самый сплоченный мужской коллектив. Вот уже и Игорь с Вадимом начали недобро коситься друг на друга...

Однако на Меркурии эти проблемы стали казаться сущими пустяками. Прознав о появлении женщины (первой и единственной в истории планеты), в город на следующий же день съехалось около двух сотен бородатых, загорелых дочерна мужиков. Пришлось устроить нечто вроде вечера танцев, иначе без стрельбы и смертоубийства не обошлось бы. К концу «веселья» комиссар и его brave полицейские куда-то испарились, а один из бородачей предложил устроить «бой быков», призом в котором станет Царевна. Когда Поплавский и остальные спасатели попытались возражать, на них сразу же наставили несколько десятков бластеров и пистолетов. И можно было не сомневаться, что за стрельбой дело не станет.

На несколько часов танцплощадка превратилась в кровавое ристалище. Каждый из двадцати рудников выдвинул двух самых могучих бойцов. Мигом создалось жюри, которое методом жеребьевки разбило претендентов по парам и провозгласило правила боя: никакого оружия и никаких правил.

Спасатели выставили Асташевского и Поплавского, и жюри согласилось с этим, несмотря на общий свист негодования. Марту вместе с тремя оставшимися спасателями оттеснили в угол зала, и бойня началась. Все горняки оказались крепкими, мускулистыми парнями, но и среди них нашлись свои чемпионы. Да и чем еще было развлекаться на этой проклятой планете, где нет женщин, а выпивки вечно не хватает?

Первыми на импровизированный ринг вышли Поплавский и гориллоподобный

шотландец с длинными, чуть ли не до колен свисающими руками и обширной растительностью на груди. Горняки немедленно начали делать ставки, улюлюкая от восторга. Черт побери, говорили они, первый раз в этом аду намечается замечательная потеха!

Несмотря на явную разницу в весовых категориях, ставки принимались как два к одному в пользу Поплавского. На горняков произвела впечатление атлетическая фигура командира спасателей и его хладнокровный вид профессионального спортсмена. И зрители не ошиблись. Шотландец оказался могучим, но неумелым бойцом. Вся его тактика заключалась в том, чтобы схватить противника в медвежьи объятия или уложить на месте размашистым ударом бочкообразных кулаков. Кроме того, он так и не приспособился к малому полю тяготения Меркурия. И Поплавский умело воспользовался этим. Пританцовывая, он стремительно двигался по кругу, изредка нанося точные, прицельные удары ногами в корпус. Поначалу казалось, что силач относится к ним словно к комариным укусам, но вдруг он рухнул, прижимая руку к боку, — по-видимому, у него было сломано ребро. Тогда Поплавский подпрыгнул и обеими ногами врезался в бородатую челюсть шотландца. Тот повалился на спину, хрипя и обливаясь кровью.

Бои следовали друг за другом, один свирепее другого. И дело здесь было не только в Царевне. Между рудниками существовала давняя вражда. С одной стороны, ее умело разжигали хозяева фирм. С другой, эта необъявленная война являлась чуть ли не единственным развлечением для нескольких тысяч мужиков. А чуть позже снежный ком покатился уже сам по себе. Людей начали убивать, а это вызывало у их друзей чувство мести. И пошло-поехало... До открытых столкновений, правда, дело пока не доходило — хозяева шахт грозили засадить в тюрьму любого, кто попадется властям на месте преступления. Но на Меркурии было так много теней... И только сейчас вся взаимная неприязнь и даже ненависть выплеснулись наружу в кулачных схватках.

Асташевский завершал первый круг. Ему пришлось подождать несколько минут, прежде чем добровольцы вытерли все лужицы крови на полу, — предыдущая схватка оказалась самой упорной и жестокой. Навстречу Слону вышел двухметровый негр. Он свирепо ударял себя кулаками по груди и яростно выл, что-то бормоча на непонятном языке.

Среди зрителей послышались громкие оскорбительные выкрики и свист. Со ставками вышла незадача. На негра поставили только его товарищи по руднику. И они быстро потеряли свои денежки, поскольку никакой схватки не получилось. Асташевский попросту сгреб завывающего соперника, поднял над головой и швырнул в сторону ближайшей стены. Под сводами зала зазвучали аплодисменты — горняки оценили мощь Слона.

Второй круг оказался куда более затяжным и жестоким. Оба спасателя прошли его успешно, однако Поплавский, схлестнувшийся со свирепым китайцем-каратистом, пропустил пару сильных ударов в левый бок.

Он дошел до четвертьфинала, что было настоящим подвигом — к этому моменту остались лишь умелые и мощные бойцы. Поплавский казался по сравнению с ними чуть ли не мальчишкой. Зато почти все симпатии были на его стороне. Да, он оказался не самым сильным бойцом, но уж точно — самым умелым. Однако полученные ушибы сделали свое дело. Во время схватки с молодым рыжеволосым ирландцем Ирвином Шелдоном, прозванным Рыжей Горой, он вынужден был уже больше защищаться, чем нападать. Гора занимался на Земле кэтчем и потому владел всем арсеналом грязных уловок и подлых ударов. Бой шел с переменным успехом, пока Поплавский не достал ирландца мощным

ударом ногой в лицо. Немедленно брызнула кровь. Зрители зааплодировали — их симпатии были на стороне Викинга. Кто-то крикнул, что этак Рыжий может еще порыжеть. Ирландец расвирепел и ринулся на Владимира, нанося удар за ударом. Ему удалось схватить Викинга за волосы, и началось жестокое избиение. Зрители затихли. Жюри тоже молчало, хотя победитель уже был ясен, а драка перешла в самое настоящее убийство.

И тогда, растолкав всех, на ринг выскочил Асташевский. Его попытался остановить брат ирландца по прозвищу Скала, уже вышедший в полуфинал без особых проблем. Тогда Асташевский принялся за него, да так, что Гора просто вынужден был оставить окровавленного Поплавского и броситься на выручку брату.

Эти минуты оказались кульминацией турнира. Оба брата-богатыря набросились на Асташевского. Пожалуй, никогда еще Слону не приходилось так трудно. Он получил несколько болезненных ударов в солнечное сплетение и челюсть и сломал палец на левой руке, попавшись на хитроумную болевую ловушку Горы. Но все же он постепенно сумел перехватить инициативу. Уложив Скалу страшным ударом в голову, он принялся методично обрабатывать его брата. Гора держался стойко, но когда Асташевский сломал ему пару ребер, начал медленно отступать. Зрители восторженно заулюлюкали. Гора слыл самым крутым парнем на Меркурии. Поговаривали, что он мог стать чемпионом мира по кэтчу, если бы не оказался замешанным в каких-то темных делах и был вынужден бежать с Земли.

Наконец Слону удалось схватить обессиленного ирландца за рыжий чуб, и тогда он начал методично избивать Гору — точно так же, как тот поступил недавно с Поплавским. Зрители пришли в дикий восторг. Многие из них выразительно опускали большие пальцы вниз, требуя смерти побежденного. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы на арену не протолкался комиссар Ларикони в сопровождении пятерых полицейских. Им на помощь подоспели и опомнившиеся члены жюри. Общими усилиями они оттащили Асташевского от ирландца, находящегося в глубоком нокауте.

На этом турнир завершился. Никто из оставшихся полуфиналистов не захотел больше участвовать в явно безнадежном деле. Горняки сразу же стали расходиться, возбужденно обсуждая поразительное, неслыханное на Меркурии зрелище. Многие с довольным видом пересчитывали выигранные деньги. Впрочем, в накладе из зрителей не остался никто...

С той поры спасатели «Дельты» оказались в числе самых популярных личностей на Меркурии. Никто из горняков больше не претендовал на Марту, тем более что после этого происшествия хозяева шахт вынуждены были привезти на Меркурий женщин. А после того как команда Поплавского начала спасать пропавших без вести людей, провалившихся в хронотрешины, уважение к новичкам еще более возросло. Но у «Дельты» появились и враги. На руднике «Ласточкино гнездо», где работали братья-ирландцы Шелдоны, спасателей объявили персонами нон-грата. Сами братья поклялись расправиться с Асташевским при первом же удобном случае. Потом кто-то Пустил слух, будто «Дельта» — закамуфлированные полицейские ищейки, копающиеся в грязном меркурианском белье, и отношение к спасателям заметно охладело. Последний месяц никто из горняков «случайно» не сворачивал к ним на огонек, и это было плохим признаком.

Зато отношения в «Дельте» на удивление легко уладились. Марта сразу же дала понять, что никаких ухаживаний не потерпит, и мужчины быстро убедились, что в этом нет и тени кокетства. Несмотря на свою ослепительную внешность, девушка была не очень-то женственной. Выше всего она ценила мужскую дружбу и работу, а к стихам, томным взглядам и прочим «вздохам на скамейке» оказалась на удивление равнодушной. Даже

Асташевский, герой-победитель, не удостоился вполне заслуженного поцелуя в щечку. Марта подчеркнуто ровно относилась ко всем, а если кого-то и выделяла, то веселого, добродушного Ашота. И все мужчины разом успокоились, поскольку никаких причин для обид не возникало.

Первый месяц работы в «Дельте» для Марты был нелегким. Ее профессия астробиолога оказалась на Меркурии ненужной. Мужчины дружно бросились обучать девушку, а Марта на удивление быстро начала делать успехи. Она стала водить «Белку» не хуже Корина и разбираться в хроноустановках куда лучше Асташевского и Мирзояна. Силы и ловкости ей было не занимать, так что вскоре выяснилось, что «Дельта» обрела весьма полезного члена экипажа. Отныне в салоне нечасто звучали крепкие выражения, зато мужчины, не сговариваясь, стали ежедневно бриться и раз в две недели — стричься, не забывая о ногтях, одеколоне и прочих «архитектурных излишествах».

Так, постепенно, жизнь группы «Дельта» в новом составе налаживалась. Неплохо пошла и работа по спасению попавших в беду горняков, хотя условия на Меркурии были заметно сложнее, чем на Марсе и даже на Луне. Поначалу немало хлопот доставляла система охлаждения лунотанка, явно не справляющаяся с мощным излучением Солнца, но и эту проблему удалось решить с помощью техников из города.

Однако ссылка оставалась ссылкой. Солнечный ветер очень затруднял связь с Землей, а о приеме ТВ Внеземелья и речи не было. Комиссар Ларикони получал лишь официальную, деловую информацию. Ни о каких странных событиях на Марсе и Луне он и слыхом не слыхивал. Ни Мартой Шадриной, ни «Дельтой», судя по всему, никто не интересовался. С том, как идет в ООН расследование по делу об «украденном» Марсе и идет ли оно вообще не было известно ровным счетом ничего. Зато одно было ясно до предела: «командировка» группы хроноспасателей на Меркурий могла продлиться сколько угодно. Русских на Меркурии не было (этого не допускали могущественные западные фирмы), потому даже широчайшие связи Поплавского ничем помочь не могли. «Дельте» не разрешалось улететь с Меркурия «до завершения срока контракта», который она не подписывала. Радиogramмы родственникам не принимались «из-за ненадежной связи». Письма родным и близким якобы отсылались с очередным грузовым космолетом, но за четыре месяца никто из группы не получил ни одного ответа. Комиссар Ларикони только разводил руками и недоуменно улыбался, но скорее всего письма «Дельты» лежали в одном из его сейфов. В том, что итальянец связан с «грабителями» Марса, сомнений не было.

Спасателям приходилось работать, сжав зубы, и ждать удобного случая, чтобы хоть слегка приоткрыть дверь этой адской тюрьмы.

И этот случай представился Поплавскому и Сабли- ну, когда, возвращаясь из города на базу, они решили немного сократить обычный путь и свернули с наезженной трассы в узкий, залитый вечной тенью проход между крутыми валами двух небольших, но очень глубоких кратеров.

Ты куда попер? — раздраженно осведомился Поплавский, когда Виталий развернул машину и поехал к двум кратерам, имевшим общее название — Близнецы. — И не жалко тебе моих костей?

Командир намекал на не совсем сросшиеся переломы двух ребер, полученные в знаменитом бою с Рыжей Горой.

— Осточертела одна и та же дорога, — отозвался Саблин, умело маневрируя между крупных черных валунов. — Да и от Солнца хоть минут десять отдохнем в тенечке. Просто мозги плавятся, честное слово.

Поплавский что-то проворчал, но больше спорить не стал и попытался задремать, усевшись боком в кресле. Сделать это при такой тряске оказалось нелегко, но через некоторое время командир стал слегка похрапывать.

Его разбудил резкий визг тормозов и крепкая ругань Саблина.

— Ты чего? — спросил Владимир, открыв глаза.

— Кажется, еще один покойничек, — нервно отозвался Саблин. — В эти проклятые тени лучше нос не совать. И дернул же меня черт за руку... Ехали бы себе и ехали по дороге, забот не знали!

— Не ной, — сурово отозвался командир. Достав из «бардачка» фонарь, он открыл дверцу и прыгнул на землю. Саблин последовал за ним, продолжая тихо ругаться.

Возле вала одного из кратеров ничком лежал человек. Левый бок его был разворочен. Кто-то выстрелил в беднягу из бластера с близкого расстояния.

Спасатели перевернули труп. Стекло шлема осталось целым, но, поскольку оно было закрыто тройными светофильтрами, разглядеть лицо не удалось.

— Прекрасно, замечательно... — процедил сквозь зубы Саблин, поднимаясь с колен. — Номер пять за прошедший месяц. Вызываем полицию, командир?

Поплавский покачал головой.

— Подожди, Виталий. Лучше взгляни под ноги.

Оказалось, что на тонком слое меркурианского реголита остались следы какой-то машины. Саблин вновь нагнулся и при свете фонаря некоторое время тщательно изучал узорчатые отпечатки колес. Затем удивленно присвистнул.

— Странно... Володя, это же луноход марки Л-5 фирмы «Дженерал Электрик»! Откуда на Меркурии такое старье? Что-то я не видел прежде здесь таких машин. Вездеходов на колесном ходу на Меркурии вообще раз-два и обчелся, и база колес у них сантиметров на тридцать шире, да и протекторы такие вышли из моды еще при царе Горохе... Может, это нелегалы?

Нелегалами на Меркурии называли авантюристов — искателей наживы и приключений, которые прорывались в этот далекий от Земли мир всеми правдами и неправдами. Слухи о сказочных богатствах Горячей планеты ходили по всему Внеземелью, вызывая у определенного сорта людей обильное слюнотечение. Однако чаще всего тем дело и заканчивалось. Нелегалы нередко встречались на Луне, куда почти ежедневно прибывали частные космолеты, по забывчивости не регистрируясь в службе иммиграции местного правительства. Куда реже такое происходило и на Марсе, и на Венере. Но Меркурий оказался для многих нелегалов просто не по зубам. Во-первых, долететь до него могли лишь

космолеты класса А, число которых во Внеземелье исчислялось лишь несколькими десятками. Во-вторых, работа на Горячей планете требовала особого, весьма дорогого оборудования. А главное, нелегалам дали понять: на Меркурии придется иметь дело не столько с либеральной полицией, сколько с местными горняками. А те терпеть не могли конкурентов. Взаимная их вражда хоть немного, но сдерживалась законом «кровной мести». А нелегалов на Меркурии не защищал никто: ни закон, ни полиция, ни друзья. И потому, встретив группу нелегалов, горняки дружно хватались за карабины и бластеры. «Дельта» пару раз обнаруживала в расщелинах жалкие остатки подобных групп, и они произвели сильное впечатление даже на толстокожего Асташевского.

Поплавский еще раз обследовал труп, уделив на этот раз особое внимание скафандру.

— Точно, — наконец сказал он. — Скафандр лунный, и только шлем меркурианский. Кустарная работа, но весьма неплохая. Та-ак... А где же его несчастные товарищи?

Спасатели с фонарями в руках тщательно обследовали узкое ущелье между двух кратеров, но обнаружили лишь следы еще одного вездехода, на этот раз гусеничного. Среди камней Саблин нашел несколько стреляных гильз.

— Как думаешь, Виталий, куда горняки дели остальные трупы? — спросил Поплавский.

— Похоже, на этот раз наши ковбои проявили удивительное мягкосердечие, — несколько растерянно ответил Саблин. — Как ни крути, получается, что либо водитель колесного вездехода был один, либо его друзей горняки взяли в плен.

— Это еще зачем? — недоуменно спросил Поплавский.

— Ну... возможно, бедняги пообещали горнякам нечто ценное, скажем, выкуп за свои жизни.

— А-а, выкуп... Но как же они оказались на Меркурии? Прилетели зайцами на грузовике, как обычно делают нелегалы? Сомнительно — таким путем вездеход не перевезешь. Значит... космолет?

— Ого, — негромко отозвался Саблин.

Поплавский вернулся в машину и связался по рации с базой спасателей.

— Ашот, это ты? — спросил он. — Возьми Корина и дуй к кратерам Близнецов. Нет, Вадим и Марта пускай пока останутся в куполе, на всякий случай. Ждем!

Спустя минут двадцать к кратерам подъехал луно- танк. Корин и Мирзоян выбрались через люк в овальной башне и спустились по трапу. Увидев среди камней труп, они застыли на месте.

— Так я и думал, — нервно сказал Корин. — Кажется, это добро здесь вырастает словно грибы после дождя. Но раньше мы обнаруживали убитых по крайней мере вдали от наезженных трасс... Полицию поставили в известность?

— Игорь, попытайся разобраться, что здесь произошло, — не отвечая, попросил Поплавский. — Это очень важно!

Корин даже присвистнул от удивления.

— Ты что, Володя? Да здесь же темно, словно в желудке у кита. Очень сомневаюсь, что на стенках кратера остался хоть один бит информации об этом убийстве. Да и когда оно произошло? День, два, неделю назад?

Командир задумался.

— Дня три назад, — не очень уверенно ответил он. — Или четыре. Помнишь, четыре дня назад мы встретили на Дерьмовой равнине два полицейских краулера? Они шли на юго-восток, к скалам Дракона... Зачем? А вдруг направлялись на поиски космолета? В

Драконьих скалах сам черт голову сломит, там запросто можно спрятать целый космический флот.

— Ладно, попробую, — неохотно согласился Корин.

Корину еще не приходилось испробовать свой дар Колдуна здесь, на Меркурии, и потому особого энтузиазма он не испытывал.

— Ашот, Виталий, — врубайте фары обеих машин. Начнем наши игры...

Еще ни разу Корину не приходилось так трудно во время сбора рассеянной информации. Поначалу показалось, что каменные склоны совершенно пусты, но затем ему попался бугристый участок вала метров пяти в диаметре, и он насторожился. Кажется, здесь что-то было... но почему? Не сразу Корин сообразил, в чем тут дело, — видимо, во время убийства сюда упал свет фар. Наконец в глубине мозга возникло знакомое жжение, и Игорь забыл обо всем на свете... Когда он пришел в себя, Поплавский нетерпеливо спросил:

— Ну, что? Увидел что-нибудь?

— Да. Три дня назад здесь проезжал колесный вездеход довольно затрапезного вида. Похоже, горняки знали о нем и устроили засаду. Шесть человек с карабинами и бластерами подождали, пока машина въехала в этот каменный мешок, и быстро окружили ее, держа оружие наперевес. Вездеход сначала остановился, а затем рванул вперед, надеясь прорваться. Откинулась дверца, и пассажиры открыли огонь. Один из горняков упал, но остальные стали стрелять в колеса и кабину. Лобовое стекло лопнуло, и нелегалы вынуждены были сдаться. Их было четверо. Они вышли с поднятыми руками. Горняки сразу же прикончили водителя и хотели взяться за оставшихся, но те начали переговоры. Наверное, они пообещали горнякам нечто очень существенное, поскольку больше стрельбы не было. Нелегалов усадили под конвоем в вездеход, и машина направилась в сторону трассы. Чуть позже за ней последовал краулер, который находился где-то неподалеку в тени. Вот, пожалуй, и все.

— Как все? — воскликнул Ашот. — Подожди, почему все? А что это были за люди, а? Корин развел руками.

— Откуда я знаю? Радиопереговоры в отрицательном времени я еще слушать не научился. И лиц из-за стекол шлемов не видел — сам знаешь, какие все здесь носят мощные светофильтры. Но мне показалось... Впрочем, я не уверен.

— Что показалось? — спросил Поплавский.

— Кажется, один из нелегалов был женщиной, — неохотно пояснил Корин. — Но сами знаете, что в этих чертовых скафандрах люди выглядят бесполоыми. Так что интуиция могла и обмануть.

Командир кивнул.

— Согласен. А откуда горняки?

— Вот это я могу сказать совершенно точно. На вездеходе я разглядел эмблему летящей птицы.

— Ого! «Ласточкино гнездо»... — пробормотал задумчиво Поплавский. — Прекрасно. Быть может, среди бандитов находится и мой дружок Рыжая Гора?

— Очень похоже. Один из горняков был ростом с Вадима и в плечах ничуть не уже. Он-то и убил беднягу водителя.

Поплавский пожал Корину руку.

— Молодец, Игорек, — прочувствованно сказал он. — До сих пор не могу привыкнуть к твоим колдовским штучкам. В который раз они уже нас выручают.

— Почему выручают? — подозрительно спросил Ашот. — Что у тебя на уме, командир, а? Почему не говоришь?

— Парни, это первый реальный шанс, который выпал нам за последние четыре месяца, — объяснил Поплавский. — Не зря я интересовался местными покойничками, не зря. Раз нелегалы приехали сюда на старом, колесном вездеходе, которых на Меркурии нет и быть не может, ответ напрашивается сам собой: они недавно прилетели на Меркурий на собственном корабле! Вот его-то нам и следует разыскать, и побыстрее. Есть мнение, что он приземлился где-то в Драконьих скалах. Игорь, дорогой, ты можешь...

Корин шумно запротестовал:

— Володя, это плохая шутка. У меня и так голова сейчас раскалывается — такое случается после каждого «сеанса». Идти по следу в отрицательном времени, словно ищейка, я просто не в состоянии. Загнусь через пару часов или свихнусь, вот и весь компот. Совесть надо иметь, ребята!

Командир кивнул и перевел взгляд на своего заместителя.

— Виталий, ты у нас технический гений. Можно сотворить что-то типа металлоискателя?

— Можно, — ехидно согласился Саблин. — Тем более что у нас есть даже два металлолокаатора. Но это не Луна, Володя, здесь любой булыжник напичкан металлами. О скалах я уже не говорю, их целиком можно закладывать в доменную печь.

— А разведка с воздуха? Я не про «Белку», конечно, а про флиттеры. Их в городе целых пять штук.

Саблин усмехнулся.

— Сам знаешь, Володя, что здесь, на Меркурии, от них толку никакого. Ракетные двигатели отлично показали себя на Марсе, паршиво — на Луне, а на этой милой планетке они ведут себя словно гремучие змеи. Такое уж здесь сумасшедшее излучение... того и гляди, машина взорвется, словно бомба. Не зря комиссар Ларикони после первых неудачных опытов запретил все полеты, и правильно сделал.

Поплавский вздохнул.

— Знаю, Виталий, прекрасно знаю. Я просто хотел, чтобы вы пришли к мысли: сами мы корабль нелегалов и за год не разыщем. Но и полицейским этот кусок явно не по зубам. Значит, остается одно — наведаться в «Ласточкино гнездо» и выкрасть пленников. Если, конечно, они еще живы. Есть другие предложения?

Все молчали, переваривая услышанное.

Подождав некоторое время, Поплавский сказал:

— Ладно, не буду давить на психику. Поедем на базу и там все спокойно обсудим. Но время сейчас работает не на нас. Если на нелегалов нажмут как следует, языки у них непременно развяжутся.

Командир направился к вездеходу, но Саблин остановил его.

— А что будем делать с трупом? — спросил он.

— Хм-м... пожалуй, пока оставим. Хищных зверей на Меркурии нет, а лучше ему уже не станет. Горняки могут вернуться, и не хотелось бы огорчать их раньше времени. Все, по коням!

Когда лунотанк выехал на трассу, Корин снял шлем и с огромным облегчением вытер пот со лба. «Больше ни за что на свете без необходимости не стану заходить в здешние тени, — подумал он. — Лучше уж дожариться на Солнце до плясок Розового слона — но ни

шагу в тени. Ни шагу!...»

Как и следовало ожидать, Асташевский с энтузиазмом воспринял идею командира. Бывший космодесантник изнывал на Меркурии от скуки. «На этой маленькой, изъеденной мышами планетке негде разгуляться, — нередко ворчал он. — Хоть бы какой-нибудь олух выкрал нашу Царевну — ох, я бы тогда потешился!»

Марта Шадрина поначалу сердилась на такие не очень-то вежливые слова и выразительно показывала Слону кулак, но затем махнула на гиганта рукой. И на самом деле, обижаться на добродушного потомка запорожских казаков было невозможно. Он терпеть не мог рутинной, обыденной работы, но ему никак не удавалось блеснуть своими талантами. Лишь раз, во время кулачного турнира в городе Солнца, Асташевский отвел душу и потом вспоминал о драке с Рыжей Горой чуть ли не с восторгом.

«Мало я ему врезал, — порой вздыхал он. — Комиссар помешал — выскочил, понимаешь, словно черт из табакерки. А этот Гора ничего, крепкий хлопец. Может, Бог даст, еще свидимся...»

Услышав о космолете нелегалов и о том, что бедняги попались в плен к Рыжей Горе и его товарищам, Асташевский засиял.

— Отлично! — гаркнул он. — Идем на штурм! Ашот, будешь подносить мне снаряды.

Остальные спасатели дружно рассмеялись, впрочем, не очень весело.

Они сидели на третьем этаже купола, в большой комнате, игравшей роль гостиной. Она была обставлена разнокалиберной мебелью, собранной с бору по сосенке в остальных помещениях. Жемчужиной этой коллекции являлся громадный кожаный диван, добытый Слоном в городе методом самого обычного мародерства. Женские руки Марты придали всему этому разностильному хаосу вполне приличный вид. А когда тот же Асташевский стащил по-наглому из приемной комиссара Ларикони большой персидский ковер, а заодно и две прозрачные колбы с «вечными орхидеями», в гостиной стало по-настоящему уютно. Спасатели любили проводить здесь, увы, нередкие часы отдыха, предаваясь воспоминаниям и рассуждая на всевозможные темы, главной из которых было: как бежать из этой тюрьмы? Но сегодня впервые эти рассуждения, кажется, приобрели под собой твердую почву.

Отсмеявшись, Поплавский помотал пальцем в воздухе.

— Э-э, нет, Вадим, умерь свои аппетиты. Военные действия нам рановато открывать — силы не те. И потом, ты сам знаешь, какая на всех рудниках охрана — стреляют без предупреждения в любого, кто приблизится к их территории. До ближайшей же ночи осталось ни много ни мало полтора года.

Эти слова командира отнюдь не были шуткой, поскольку на Меркурии, как известно, год длится 88 суток, а сутки — в два раза больше!

— И что же предлагает командир? — спросила Марта.

Царевна сидела в единственном мягком кресле, формой и изяществом напоминавшем трон. Это был подарок комиссара Ларикони, проявлявшего к красавице-астробиологу искреннюю расположенность. Надо ли говорить, что темпераментный итальянец в первый же день после прилета спасателей предложил Марте руку и сердце, а также должность своего личного секретаря. Отказ Царевны он воспринял болезненно, но на галантность южанина это нисколько не повлияло. Узнав, что «Дельта» поселилась в заброшенном куполе, он прислал в подарок Марте целый грузовой вездеход с мягкой мебелью —

неслыханной роскошью для сурового Меркурия. Царевна не отказалась, а напротив, спустя пару дней нанесла комиссару визит вежливости, после чего бдительный надзор полицейских за «Дельтой» слегка поутих. Зато от вечерних туалетов Марта наотрез отказалась, предпочтя, как и все на планете, носить практичные комбинезоны. Но и в них девушка казалась феей, случайно залетевшей на Меркурий. Нет необходимости напоминать, что сердца всех спасателей поначалу растаяли при виде такой красоты. Но быстро остыли, когда выяснилось, что характер у Марты твердый, почти мужской, и никаких сантиментов эта прелестница терпеть не может. О своей прошлой жизни девушка никогда не вспоминала, и даже проходе Ашоту не удалось выведать, была ли двадцатипятилетняя красавица прежде замужем. Зато она ясно дала понять всем, включая самого Викинга, что с замужеством не спешит и готова работать в «Дельте» лишь при условии полного равенства полов. На чем и порешили.

Поплавский надолго задумался, пожеывая губы, а затем предложил свой план.

— Ого! — воскликнул Корин. — Совершенно сумасшедшая Идея.

— Точно, — поддержал хронофизика Саблин.

Командир удовлетворенно кивнул.

— Отлично, оба наших консерватора отреагировали как следует. А что скажет прекрасная половина «Дельты»?

Марта сдержанно улыбнулась.

— По-моему, неплохо.

— Ашот?

— Просто здорово!

— Вадим?

— Ха, это будет лучше артиллерийской канонады! Я готов.

Поплавский хмыкнул с довольным видом и поднялся со стула.

— Отлично. А теперь пообедаем, чем комиссар Ларикони послал... Кстати, он что-нибудь нам послал?

Ашот кивнул — он еще рано утром съездил в город за продуктами.

— Чудесно. Кто сегодня готовил?

— Я, — сухо отозвалась Марта. — Особо нервным могу выдать сухой паек.

Лица мужчин вытянулись. Марта, конечно, была чудесной женщиной, но готовила так, что даже всеядный Слон порой маялся желудком после таких «пиршеств». Однако все терпели, поскольку никаких критических замечаний на свой счет Царевна не допускала. Ее угроза насчет сухого пайка отнюдь не была шуткой, и потому Поплавский сдержал невольный вздох.

— Ну что ж, пошли на кухню. День у нас предстоит нелегкий.

«Белка» въехала на территорию «Ласточкиного гнезда», сопровождаемая конвоем из дюжины охранников с карабинами наперевес. Название свое рудник получил отнюдь не случайно, так как располагался на вершине громадного, двухсотметровой высоты, утеса, нависавшего над валом одного из крупнейших в этом районе Меркурия вулканического кратера. По странному капризу природы, утес уцелел во время чудовищного извержения, случившегося на планете около десяти миллионов лет назад. Он представлял собой монолитный кусок никеля, лишь немного разбавленного посторонними примесями. Фирма «Найк», первая обнаружившая этот «рог изобилия», начала разработки с подножия утеса, но

после того как случилась пара мощных обвалов с трагическими исходами, решила не пилить сук, на котором сидит. Поселок горняков был перенесен на вершину утеса, к нему по склону проложили извилистую дорогу, добыча пошла по принципу «сверху вниз». Это грозило никелевому утесу полным исчезновением в будущем, но такое должно было случиться, по самым скромным подсчетам, лет через пятьсот.

«Белка» связалась с руководством рудника, остановившись в километре от утеса и лишь немного не доехав до первого кордона охраны. Узнав о появлении непрошенных гостей, директор Люндвал поначалу был ошеломлен. Подобные визиты на Меркурии не поощрялись, но выяснив, что на борту находится сама Марта Шадрина, сразу же оттаял.

— И чем же вызван ваш визит, господин Поплавский? — произнес он куда более мягким, чем поначалу, тоном.

— Просто хотел бы познакомиться, — объяснил командир «Дельты». — Как-никак мы почти соседи, а вот лично встречаться с руководством такого знаменитого на все Внеземелье рудника как-то не приходилось.

Люндвал смущенно кашлянул.

— Я уже приносил в письменном виде вам извинение за поведение моих парней в городе три месяца назад, — заметил он. — Поверьте, мы строго наказали зачинщиков той драки. Но, разумеется, я с удовольствием лично попрошу прощения у госпожи Шадриной. Вы приехали очень удачно, к концу рабочего дня, так что мы мигом устроим нечто вроде дружеского банкета... Надеюсь, нас почтила присутствием вся знаменитая группа «Дельта»?

— Увы, нет, — ответил Поплавский, — Нас лишь трое — я, Марта и водитель Ашот Мирзоян. Остальные, к сожалению, вынуждены были остаться на базе. Сейчас на Меркурии вроде бы затишье, но сами понимаете — здесь всякое может случиться, и в любой момент.

— Понимаю, понимаю, — согласился Люндвал. — Значит, вас трое... Подождите немного, я отдам соответствующие распоряжения нашей охране. А пока рекомендую не трогаться с места — народ тут нервный, любит палить по всему, что движется.

Поплавский вежливо посмеялся, отключил связь и, шумно вздохнув, посмотрел на сидевшую рядом Шадрину веселыми глазами.

— Какая обходительность, а? — хохотнул он. — Вот что значит не быть конкурентом. Представляй мы ка-кую-нибудь фирму, нас бы к «Ласточкиному гнезду» и на пушечный выстрел не допустили бы.

Марта, одетая по такому случаю в свое единственное, белое с голубым платье, тихо спросила:

— Как ты думаешь, они свяжут наше появление с захватом заложников?

— А черт его знает, — добродушно ответил Поплавский и, откинувшись на спинку кресла, зевнул и потянулся всем телом. — Это зависит от того, что за птички им попались. Не дай Бог, в это дерьмо вляпались русские — тогда каждый наш шаг будет под контролем.

— А мы сумеем их найти? — спросила Марта, нервно передернув полуобнаженными плечами, так, что ее роскошные каштановые волосы заколыхались, словно волны.

Поплавский покосился на девушку, инстинктивно сглотнув. Марта была обворожительна — подобных трофеев в его карьере сердцеда насчитывалось не так уж и много. Но, к сожалению, ее нельзя было назвать даже неприступной крепостью. Это была контора, где каждого посетителя рассматривали как личного врага и просили тщательно вытирать у порога ноги. Идти на штурм такого учреждения было попросту нелепо. Впрочем, оставалась еще надежда, что все это — лишь ловкий камуфляж. И он, как командир группы,

должен был этот камуфляж лелеять и оберегать, поскольку от него зависело спокойствие в небольшом, почти мужском коллективе...

— Что ты сказала? — опомнившись, переспросил Поплавский.

Марта насмешливо взглянула на командира.

— Что-то ты, Володя, совершенно рассиропился, — язвительно заметила она. — И это накануне такого трудного и опасного дела! Учти, как только вернемся, я это платье сожгу.

Сидевший в водительском кресле Ашот обернулся и с негодованием воскликнул:

— Почему сожгу? Зачем сожгу? Я против. Командир, а ты почему молчишь? Я бы на твоём месте приказал рядовому спасателю Шадринной носить на базе платье как спецодежду. Для поднятия духа у мужской части группы!

Марта показала водителю кулак, и тот, ухмыльнувшись, вновь повернулся к панели управления.

Людвал молчал, и это беспокоило Поплавского.

— Чего он размышляет? — пробормотал командир. — Тоже мне секретный объект... Или они сейчас переводят пленников в какое-нибудь уютное местечко? Хм-м, это может усложнить дело...

В радиэфоне щелкнуло, зашуршало, затем послышался любезный голос директора рудника:

— Проезжайте, господин Поплавский. Я отдал все необходимые распоряжения. Мои люди будут на всякий случай вас сопровождать. Только будьте осторожны — дорога наверх идет крутая.

Навстречу «Белке» из-за скал выехали два вездехода с длинноствольными пулеметами на башнях. Под их дружеским конвоем лунотанк подъехал к утесу и начал подъем. По сравнению с бронированным чудовищем, увенчанным решетчатой мачтой хроноизлучателя, вездеходы горняков казались лишь борзыми собаками, но можно было не сомневаться, что эти «борзые» сумеют по команде хозяев разорвать кого угодно.

Поселок горняков представлял собой несколько десятков разнокалиберных куполов и более десяти полу-цилиндрических ангаров. Между ними располагались открытые стоянки грузовиков, краулеров и даже флиттеров. Поскольку добыча никелевой руды велась открытым способом, шахта как таковая на вершине утеса отсутствовала, зато в центре находилась огромная, диаметром метров в сто, воронка, на внутренней поверхности которой была пробита широкая спиралевидная дорога, где сновали могучие грузовики. Но самым большим сюрпризом для гостей оказался обширный голубой купол, расположенный рядом с приземистым административным зданием. Он ослепительно сиял в лучах солнца.

— Силовой купол... — недоуменно пробормотал Поплавский и покачал головой. — Это что-то новенькое. Наверняка марсианское изобретение. И конечно же, выдается за последнее достижение земных ученых, так же как и миниатюрные атомные генераторы, которые мы видели в марсианском городе... Марта, что скажешь?

Девушка пожала плечами.

— Марс «доили» лет пятнадцать, не меньше, — сказала она. — Можно только догадываться, сколько оттуда вывезли всяческого добра. Мы с Цин Яном ничего не слышали про технологии силовых полей, но это не значит... Интересно, а на других рудниках есть что-нибудь подобное?

— Наверняка, — усмехнулся Поплавский. — Иначе бы нас сюда не пустили... Ашот, езжай помедленней. Дай оглядеться по сторонам как следует.

Внимание командира в первую очередь привлекла стоянка ракетных флигтеров. Три каплевидной формы машины типа тех, что спасатели видели в городе Солнца, судя по всему, тоже стояли на мертвом приколе.

Никакой специальной охраны возле них не было.

— Ашот, ты помнишь все, о чем мы договаривались?

— Обижаешь, командир. Как только ты подашь сигнал, я сразу же уезжаю и действую по нашему плану.

— Надеюсь... Поставь машину во-он возле того здоровенного грузовика, поближе к флигтерам.

— Но вездеходы ведут меня в другую сторону, на открытую площадку!

— Прикинься дураком. Какая, в конце концов, разница? Отлично. Только не раздави гусеницами правый вездеход охранников — уж больно он суется...

Спустя несколько минут могучий лунотанк занял место рядом с одним из грузовых краулеров, не уступавшим «Белке» в размерах. Охранники, видимо, махнули рукой, хотя явно получили от начальства иные распоряжения.

Вновь заработал радиофон.

— Господа, вы не там припарковались, — послышался голос Люндвала. — Это грузовая стоянка. Вы можете подъехать прямо к административному зданию. Здесь вас будет ожидать сюрприз.

Ашот провозился несколько минут, пытаясь вновь завести двигатель, но, видимо, забарахлила система зажигания. Наконец лунотанк стронулся с места и в сопровождении двух вездеходов двинулся к силовому куполу. На этот раз охранники ехали впереди, дабы бестолковый водитель «Белки» вновь не свернул куда не надо. Потому они не заметили, как из заднего люка лунотанка на землю прыгнули два человека и мигом растворились в тени между грузовиками.

Возле голубого купола находилась полукруглая площадка, огражденная низким бордюром. Следуя указаниям Люндвала, «Белка» остановилась в центре этой площадки.

И тут случилось неожиданное. Нижняя часть силового купола вдруг стала разбухать и в течение минуты полностью поглотила машину. Еще спустя некоторое время во внутренней стенке купола появилось круглое отверстие и начало стремительно расширяться. Когда оно коснулось земли, через эту импровизированную «дверь» шагнул высокий, спортивного сложения человек средних лет в строгом сером деловом костюме. У него были короткие, с заметной залысиной волосы, прямой массивный нос и квадратный с симпатичной ямочкой подбородок. В руках Люндвал — а это, без всякого сомнения, был директор рудника — держал большой букет алых роз.

— Та-ак, — пробормотал ошеломленный Поплавский. — Вот как у них это делается... Мы-то думали, что здешние рудники похожи на медвежьи берлоги, где работают закованные в цепи каторжники. А здесь расхаживают в костюмах и нюхают розы...

Марта, не выдержав, восторженно зааплодировала. Ее лицо покраснелось, глаза повлажнели, на губах заиграла ослепительная улыбка. Оба спасателя с изумлением разглядывали Царевну. Такой прежде они ее не видели. «Товарищ» превратился в даму — и где! Можно сказать, в самом логове врагов — если не настоящих, то уж как пить дать будущих. Поплавский даже пожалел, что взял Марту на эту операцию. Хотя... хотя без Царевны она провалилась бы в самом начале.

Поплавский выбрался через кессон на верх башни и помог сделать то же самое Марте. В

длинном платье и туфлях хождение по узким трапам вверх-вниз оказалось нелегким делом, но девушка с ним успешно справилась.

Людвал следил за ней восхищенными глазами. Когда Марта спустилась на землю, он церемонно вручил госте букет, поцеловал ручку, а затем обменялся крепким рукопожатием с Поплавским.

— Рад, очень рад, — улыбаясь, повторял он. — А теперь прошу, мои люди жаждут с вами познакомиться.

Он взял Марту за руку и, осыпая гостью комплиментами, пошел к выходу из пузырячатого кессона. Поплавский последовал за ними с задумчивым видом. Перешагнув через «дверь», даже он не смог сдержать восхищенного взгляда.

Оказалось, что под голубым силовым куполом располагался обширный зимний сад! Зимний сад — на Меркурии! Это было непостижимо. Впрочем, сад на самом деле занимал лишь треть территории под куполом, а остальная часть была застроена теплицами, в которых выращивалась зелень и различные овощи. Но венцом всего, конечно же, была фантастической красоты оранжерея с десятками видов цветов, включая изысканные орхидеи.

Гости стояли, потрясенные. Прожив четыре месяца на этой жестокой, чуждой человеку планете, они еще многого не знали — даже об образе жизни своих же собратьев.

Людвал с довольной улыбкой наблюдал за реакцией обоих спасателей.

— Ну как, хорош сюрприз? — наконец спросил он. — Вы — первые посторонние на нашем руднике люди, кто видит этот рай. Даже комиссар Ларикони не подозревает об этих оранжереях и теплицах. Меркурий — очень суровый мир, господа, и вы в этом смогли убедиться. На Луне тоже далеко не санаторий, но там до Земли рукой подать. На наших лунных рудниках нет необходимости в подобной роскоши — куда проще и дешевле просто каждые три месяца менять людей. Но на Меркурии все иначе. Без зелени и цветов даже самый крепкий человек через год-два начнет плясать танец Розового слона и завывать, словно раненый зверь. Так что наша фирма пошла на огромные расходы, и, как показала практика, не зря... А теперь пройдемте в административный корпус, там вас ожидают наши чиновники. В зимний сад мы еще вернемся.

Поплавский торопливо сказал, доставая из нагрудного комбинезона мини-радиофон:

— Прошу прощения, мистер Людвал, но я хотел отослать лунотанк на базу. Мои люди остались лишь с одним вездеходом и в случае какого-нибудь ЧП окажутся в трудном положении. Надеюсь, после окончания нашей встречи вы не откажете нам в любезности и отвезете нас с Мартой на вашем транспорте?

Людвал удивился, но возражать не стал.

— Ну конечно, конечно, — кивнул он. — Я немедленно отдам соответствующие распоряжения.

И он, вновь поцеловав руку сияющей девушке, повел гостей через цветник в сторону административного здания.

Покинув «Белку», Корин и Саблин сразу же забрались в кабину одного из грузовиков и только затем перевели дух. Лобовое стекло машины было, естественно, закрыто мощным светофильтром, и потому их никто не смог бы разглядеть снаружи. Стоянку никто не охранял, что было большой удачей.

Подождав, пока «Белка» выехала из силового купола и в сопровождении двух вездеходов направилась в обратный путь, они рискнули включить радиофоны, настроенные на частоту «Дельты».

— Видел? — сдавленно произнес Саблин. — Силовой купол — вот это сюрприз!

— Ну и черт с ним, — нервно отозвался Корин, продолжая оглядываться по сторонам. — Нам там делать нечего.

Саблин насторожился.

— Что, ты уже учуял след?

— Я тебе не собака, — обиженно отозвался Корин.

— Прости...

— И дернул же меня черт надеть серебристый обруч с зеленым камнем там, в марсианской тюрьме! Теперь до конца дней меня будут использовать словно ищейку...

— Игорь, сейчас не время для нытья, — резко прервал Саблин.

— Да... конечно. А теперь замолкни, дай мне разобраться в своих ощущениях.

Никогда прежде Корину не приходилось собирать рассеянную информацию с большого расстояния, да еще в таком насыщенном людьми месте. Задача обнаружения следов троих нелегалов казалась совершенно нерешаемой. Да, их скафандры заметно отличались от меркурианских, но это было все. Хотя нет, вездеход нелегалов тоже выглядел словно полудохлая лошадь...

Вездеход! Ну конечно, надо искать следы колесного вездехода. Подобных машин на руднике нет, и это дает определенный шанс.

Почти десять минут Корин сидел оцепенев, лишь плавно поворачивая голову из стороны в сторону. Саблин старался на него не смотреть — зрелище было не из приятных, да и сбивать с толку Колдуна не хотелось. Но время работало против них. Если на руднике соблюдали стандартные сутки, то рабочий день должен был закончиться часа через полтора-два. Двухсменная и тем более трехсменная работа была маловероятна, поскольку машинам на этой адской планете тоже был необходим отдых.

Наконец Корин шумно вздохнул и уверенно показал рукой на самый дальний от них ангар, расположенный у края гигантского утеса.

— Там... они там... — безжизненным голосом произнес он, а затем обмяк и заснул.

Саблин терпеливо ждал, пока Корин вновь не откроет глаза. Чудесный дар молодого хронофизика вызывал у него едва ли не благоговение. Без Колдуна никаких шансов найти пленников не было. Конечно, если Корин ошибся, спасателей ожидают малоприятные сюрпризы. Хотя Слон, как всегда, действует самостоятельно, а это кое-что. Неудача на станции «Орфей», когда Асташевский попал в руки охранников Аль-Багдира, была пока единственной в бурной биографии бывшего космодесантника, и он жаждал реванша. Да и вряд ли горняки рискнут вести себя со спасателями как с теми беднягами-нелегалами.

Корин медленно открыл глаза и недоуменно спросил:

— Мы где?

— На руднике «Ласточкино гнездо», — терпеливо объяснил Саблин. — Ты только что обнаружил ангар, где прячут троих нелегалов. Ну что, вспоминаешь?

— А-а... Дьявол, как разламывается голова... Все, я выдохся. Сегодня я не смогу снова «уйти в прошлое» даже на секунду, ясно?

Саблин улыбнулся и дружески похлопал его по плечу.

— И не надо, — ласково произнес он. — Теперь будем действовать мы с Вадимом. Ты пока отдохни, я кое-куда сбегая...

Осмотревшись, Саблин выскользнул из кабины. Вскоре Корин увидел его неторопливо шагающим в сторону стоянки флиттеров. Мимо проехал грузовик, направляясь к одному из ангаров, — наверное, там находились ремонтные мастерские. Саблин спокойно пропустил машину, дружески помахав рукой водителю.

Корин с восхищением наблюдал за другом. Саблин вел себя спокойно и непринужденно, словно был на руднике своим. Подойдя к флиттерам, он неторопливо поднялся по трапу одного из них и забрался в кабину. Потекли томительные минуты, и Корина опять потянуло в сон. Время для этого было крайне неподходящее, но даже глоток тонизирующей жидкости не вернул ему бодрость. Расход психоэнергии оказался чрезвычайно большим, и это могло дорого обойтись во время операции.

Он крепился как мог, но все же не выдержал и задремал...

— Игорь, — услышал он в наушниках тихий, шуршащий голос. — Игорь!

Вздрагнув, Корин с трудом разлепил склеившиеся веки и встряхнул головой, приходя в себя. Первым делом он взглянул на наручные часы и едва сдержал проклятия. Казалось, он задремал всего пару минут назад, а на самом деле прошло уже целых полчаса!

— Да, я слушаю, — торопливо ответил он.

— Иди к дальнему ангару, — сказал Саблин. — Только не спеши. Если кто-то начнет расспрашивать, скажи, что Сэм Мартин просил тебя срочно прийти в восьмой ангар.

— А это кто такой?

— Местный главный кладовщик, — пояснил Саблин. — Понимаешь, продукты, одежда и всякая всячина. Сэм как раз сейчас лежит на груди постельного белья. Надо же было куда-то положить беднягу!

— Постой, постой... А пленники? Ты их нашел?

— Они уже внизу, у подножия утеса. Слон спустил их минуту назад. Давай не медли! Не и не торопись, очень прошу тебя.

Корин облизал внезапно пересохшие губы, глядя в сторону ангара. До него было метров сто пятьдесят, не больше, но эти метры еще надо пройти. От прежней тишины и спокойствия на территории рудника не осталось и следа. Видимо, рабочий день подходил к концу, и потому взад-вперед носились грузовики и вездеходы. К жилым куполам со стороны шахты направлялись люди. Но их пока было немного. А руководство рудника все еще занималось приемом гостей, не сводя глаз с очаровательной Марты. Не так уж все и плохо... только вот эта проклятая головная боль и слабость...

Корин стал выжидать удобный момент, чтобы незаметно выйти из машины. Наконец он положил ладонь на ручку дверцы и только собрался ее повернуть, как дверца внезапно открылась сама.

Внизу, у металлического трапа, стоял очень высокий человек. Его скафандр был настолько огромен, что поначалу у Корина даже промелькнула мысль, что это Асташевский.

Но перед ним стоял горняк.

Подняв голову, человек некоторое время смотрел на Корина, а затем выразительно постучал пальцем по шлему. Только тогда Корин понял, в чем дело. Мысленно чертыхнувшись, он переключил радифон на частоту горняков из «Ласточкиного гнезда».

— Какого черта ты туда забрался, парень? — услышал Корин густой, басистый голос с заметным европейским акцентом.

У спасателя были считанные секунды на размышление. Он замотал головой и пьяным голосом произнес:

— Чего? А я... я р-разве не д-дома?

Горняк хрипло расхохотался.

— Я вижу, это у тебя в голове не все дома. Ты где так наакался, а?

Корин прижал палец к стеклу шлема.

— Тс-с-с... Ты чего г-говоришь, а? Я н-не п-пил. Я вообще не п-пью, вот!

— То-то и видно, — усмехнулся горняк. — Совсем обалдел. Нашел где прятаться — в грузовике! Может, ты и меня не узнаешь?

Сердце Корина болезненно сжалось. Ситуация становилась критической. В голосе незнакомца слышались недоверчивые нотки, а это могло закончиться крайне плохо.

Корин неуверенно приложил руку к стеклу шлема и начал разглядывать горняка сверху вниз. Разумеется, он не мог его узнать. Он вообще знал только об одном человеке из «Ласточкиного гнезда», да и то понаслышке.

— Гора, это ты?.. — пролепетал Игорь.

— А кто же еще! Ну пошли, олух, так и быть, доведу тебя до дому, пока охрана не сцапала. Ты в каком корпусе живешь?

Корин лихорадочно соображал.

— В ангаре... в-восьмом ангаре...

— Точно свихнулся, — констатировал ирландец. — Там же склад, тупая ты образина.

— Т-точно, склад, — закивал Корин. — У м-меня т-там приятель р-работает... Сэм Мартин... Х-хочешь в-виски?

— Ого, — оживился Гора. — Так вот откуда тебе в рот капает зелье! А директор наш вечно вешает лапшу на уши насчет сухого закона на руднике. Ладно, доведу тебя до склада, так и быть. Но если мне не перепадет пара бутылок, я из тебя и твоего приятеля сделаю коктейль. Ясно?

— Яс... яс... ясно...

— Пошли.

Корин повернулся и начал неуклюже слезать с водительского сиденья. Ирландец нетерпеливо выругался, буквально вынес его из машины и поставил на ноги.

— Идти можешь? — тихо спросил он.

— М-могу...

Ирландец нежно обнял Корина за плечи, и они медленно направились мимо силового купола в сторону восьмого ангара. Вскоре им попались трое горняков.

— Эй, Гора, куда ты ведешь этого жмурика? — спросил один из них. — У него что, очень аппетитная попка?

— Да это небось девочка! — рассмеялся его спутник. — Говорят, их на руднике штук пять или шесть. Только вот я до сих пор ни одной не видел. Их взяли на пробу в Белый купол, к начальству, и там девочки до сих пор изучают инструкции по технике безопасности,

ха-ха!

Все горняки расхохотались, и Корин тоже.

— Зачем мне девочки, если у меня есть такой дружок? — в том же тоне ответил Гора. — Ладно, валите, парни, не мешайте нам делать свой тет-а-тет. Кстати, а вы куда намылились? Вроде ваша берлога в другой стороне.

— Как куда? — удивился один из горняков. — Ты что, Ирвин, разве не слышал? Мы хотим хоть одним глазком взглянуть на ту телку, которую ты однажды чуть не захомутал.

Ирландец вздрогнул.

— Чего ты мелешь? — охрипшим от волнения голосом спросил он. — Какая телка? Кого это я чуть не захомутал?

— Как кого? Ну ту, Царицу... или Царевну. Она приехала три часа назад в Белый купол со своим хахалем, и все начальство сейчас торчит от нее. А мы хотя бы из кухни поглядим — сам знаешь, там мой свояк работает.

Корин заволновался. До восьмого ангара было так недалеко!

— Д-да не слушай ты этих олухов, Гора... — пробормотал он. — К-какая царица? Пошли...

Но ирландец встал на месте как вкопанный.

— Погодите, погодите... А что за хахаль? — подозрительно спросил он. — Не тот ли усатый здоровяк, что...

— Нет, нет, — поспешил успокоить его один из горняков. — Как раз наоборот. Это парень, которого ты здорово отделал! Так, сопляк по сравнению с тобой...

— Много ты понимаешь! — рявкнул ирландец. — У меня до сих пор челюсть болит после удара этого «сопляка»... Ну ладно, черт с ним, пускай живет. Там точно нет усатого громилы?.. Жаль, жаль, давно хочу с ним посчитаться.

Ирландец направился к восьмому ангару широким шагом, буквально волоча за собой «пьяного» Корина. Сообщение о приезде Марты явно испортило ему настроение, и он растерял всякие остатки расположения к своему подвыпившему спутнику.

Наконец они подошли к широким воротам. Вместо того, чтобы нажать на кнопку звонка, Гора стал молотить по створке ворот, крича во весь голос:

— Откройте, сволочи! Сам Люндвал пришел по вашу душу, ворье чертово. Откройте немедленно, или я высажу эти дурацкие ворота!

Прошла минута, другая, створки ненамного разошлись, а когда Гора и Корин оказались внутри ангара, вновь захлопнулись.

Навстречу из-за штабелей металлических ящиков вышел Асташевский и пророкотал:

— Ну, вот и хорошо. Со свиданьем, рыжий. Игорь, отойди в сторону, дай нам по-мужски побеседовать.

Ирландец стоял будто громом пораженный. Он обвел взглядом окруживших его троих спасателей и нервно усмехнулся:

— Вот, значит, как у вас все делается...

— Именно так, — подтвердил Саблин, подняв бластер.

Асташевский стоял возле электрокара, положив руку на сиденье, и ждал. Но ирландец не спешил вступить с ним в схватку.

— Меня вообще-то зовут Ирвин Шелдон, — сообщил он.

— Очень приятно, — буркнул Асташевский. — А меня — Слон. Как твои ребра, чешутся?

Ирвин добродушно хохотнул.

— Есть такое дело... А твои?

— Руки у меня чешутся, — недовольным тоном сообщил Асташевский. — Кажется, ты хотел провести матч-реванш? Давай поиграем. Только на этот раз я долго с тобой возиться не собираюсь — времени нет.

Ирвин покачал головой и хрипло рассмеялся.

— Драться под дулом бластера? Это нечестно, сэр. Получается, что я в любом случае помру — либо от вашего кулака, либо от дыры в боку. Да и что за схватка в скафандрах? Нет, я так не согласен.

Асташевский шумно засопел и шагнул было к ирландцу, но Саблин остановил его.

— погоди, Вадим. Видишь, парень не хочет драться? По-моему, он имеет на это право.

— А по-моему, нет!

— Будет справедливо, если мы дадим парню право выбора, — настаивал Саблин. — Вот что, Гора. Дела твои плохи. Драка в скафандрах — не шутки, здесь нокаутов не бывает. И шансов выжить у тебя, предупреждаю, почти нет. Но ты можешь уцелеть, если поможешь нам.

— Выкрасть пленников? — неожиданно проницательно угадал Ирвин.

— Ого... Как ты догадался?

Ирвин сложил руки на груди, словно демонстрируя свой миролюбивый настрой.

— А как же мне не догадаться, когда я сам отводил этих троих нелегалов сюда, в ангар?

Настала очередь удивляться Корину.

— Постой, постой... — пробормотал он. — Зачем же ты мне разрешил сюда прийти? Да еще сам помог...

Ирландец расхохотался.

— Ну, ты даешь, парень! — отсмеявшись, заявил он. — Неужто ты считал, что провел самого Гору? Да я в этой проклятой дыре уже пять лет торчу, можно сказать, один из старожиллов рудника. По голосу я кого хочешь могу узнать. Да и скафандр у тебя не нашенский. У каждого из нас есть секретная метка на плече, а у тебя ее не было. Самый распоследний дурак тебя бы мигом засек и сдал бы службе охраны — за это, кстати, очень приличная премия полагается. Как только я тебя увидел в грузовике, сразу понял — чужак. Но на горняка ты оказался не похож, и я решил не торопиться поднимать шум. А когда ты начал плести всякую чушь про этот ангар, я сразу все понял. Вижу — парень из «Дельты» здорово вляпался, надо выручать.

— Но зачем? — изумился Корин.

— Хотел, понимаешь, встретиться с мистером Слоном и пожать его крепкую руку, — добродушно объяснил Ирвин. — Такого соперника встречаю впервые! Уважаю тех, кто сильнее меня, понятно? А пока мы шли сюда, я надумал еще кое-что... Короче, возьмите меня в долю в этом деле!

— В каком деле? — недоуменно спросил Саблин.

— Как в каком? Ну, насчет клада марсиан, который разыскивает мистер Рейнольд и его помощники. Вы уже спустили их вниз с утеса, верно?

Спасатели недоуменно молчали. Гора оказался совсем не глуп, а его ходы — хитры и неожиданны.

— Вижу, вы еще толком не понимаете, в чем тут дело, — после паузы продолжил ирландец. — А суть вот в чем. Мы случайно наткнулись на вездеход нелегалов возле кратеров Близнецов. Сначала хотели поговорить по-нашему, по-горняцки, и даже прихлопнули водителя. Но трое остальных пообещали за свои шкуры хороший выкуп, и мы привезли их к Люндвалу. Тот сразу заподозрил, что пахнет большим куском мяса, и взял Рейнольда и его дочку в оборот. Третьего, негритоса, не трогали — ясно, что этот олух сам толком ничего не знает. Нелегалы держались крепко, но вчера ночью языки у них развязались и они рассказали про клад, который марсиане вроде бы спрятали на Меркурии.

— И ты решил нам помочь его разыскать? — только сейчас догадался Саблин.

— Точно, мистер. Раз уж дело так круто повернулось, то я бы не прочь пожить, а заодно натянуть Люндвалу нос. У нас, знаете ли, с ним не самые лучшие отношения, и я...

Асташевский недовольным голосом прервал его:

— Да на черта ты нам сдался? — в сердцах воскликнул он. — Коли ты готов так легко продать своих, то и нам придется всю дорогу на тебя оглядываться.

Ирвин вновь рассмеялся, но на этот раз далеко не весело.

— Оглядывайтесь, и почаще. Здесь, на Меркурии, это очень полезно для здоровья. А насчет «своих»... Я в руднике как в тюрьме, понял? В свое время на Земле я немало пошалил и думал найти свободу здесь, в этом адском пекле. А вместо этого стал самым распоследним рабом. Да я бы все отдал, лишь бы вернуться на Землю! А если у меня будут еще и денежки бренчать в кармане... Ищи меня там свищи! Насчет пользы... один из вас уже ее попробовал, разве не так? Да и во время поисков клада я пригожусь — как-никак, за пять лет все облазил на двадцать миль вокруг. А когда за нами бросятся в погоню ищейки Люндвала, я еще больше пригожусь.

Саблин поднял щиток под шлемом и нажал на одну из кнопок, переключившись на частоту «Дельты». Оба других спасателя сделали то же самое.

— Что решаем? — спросил Саблин.

— Удирать надо отсюда поскорее, — мрачно отозвался Асташевский. — Володя гарантировал нам три часа, и они уже на исходе.

— А как насчет рыжего?

— Я ему не доверяю!

— А ты, Игорь?

— Я — тоже. Но если его вести на коротком поводке, то он на самом деле может нам здорово помочь.

— Ладно, уговорил. Ох, и влетит мне от командира! Приведем мы ему подарочек...

На этом разговоры завершились. Четверо мужчин торопливо прошли мимо штабелей с

ящиками и контейнерами к противоположной стене ангара. Там, в углу, было аккуратно прорезано двухметровой высоты отверстие. Выйдя наружу, Саблин с помощью Корина наскоро заварил дыру в стене. Асташевский все это время не сводил настороженных глаз с Ирвина, но ирландец не делал никаких попыток к бегству. Затем все направились к краю утеса. Оттуда, с двухсотметровой высоты, спускался тонкий канат. Где-то внизу, в тени вала кратера, их поджидала «Белка».

Перед тем как спуститься, Ирвин оглянулся и указал рукой на силовой купол, укрывавший административное здание и зимний сад:

— Погодите, парни. А как же ваш командир и эта красотка... как ее, Царевна, что ли? Люндвал — хитрющая бестия, он сразу поймет, кто выкрал его пленников. Как бы вашим друзьям не оказаться в том же ангаре с цепями на руках и ногах!

Саблин усмехнулся и похлопал гиганта по спине.

— Спускайся быстрее, Ирвин. А насчет Люндвала не беспокойся — я подготовил ему небольшой сюрприз.

Встреча с руководством рудника прошла очень успешно. Марта блистала и очаровала всех чиновников «Ласточкиного гнезда». Во время танцев у нее от кавалеров отбою не было, и она всем уделила внимание, никому не отказав. Что касается Поплавского, он оказался в своей стихии. Поскольку дама в банкетном зале была одна, а мужчин — двенадцать, ему пришлось блеснуть красноречием. Что-что, а приковывать к себе внимание Викинг умел, и потому никто из чиновников даже и не заметил, как быстро пролетели три часа. Особенно теплые отношения у Поплавского сложились с директором рудника. Мужчины распили вместе не один бокал, а затем признались, что они — два сапога пара. Кончилось тем, что расчувствовавшийся Люндвал предложил Поплавскому место своего заместителя, а его друзьям-спасателям — работу в службе охраны. «Я лично переговорю об этом во время ближайшего радиосеанса с президентом нашей фирмы, — заявил он. — Такие люди, как вы, не должны прозябать у этого болвана Ларикони. Соглашайтесь, господин Поплавский, соглашайтесь!»

Командир «Дельты» умело лавировал, не говоря ни да, ни нет. Под конец встречи он обещал подумать и дать ответ в течение ближайших двух дней.

Гостей проводил до кессона сам Люндвал. Там их уже ждал вездеход. Марта получила в подарок еще один фантастических размеров букет цветов и самые изысканные комплименты. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями, и Поплавский согласился навестить рудник не позже чем через неделю.

Когда машина спустилась с утеса и направилась в сторону южной трассы, в кабине вдруг заработал радиофон.

— Ларри, ты слышишь меня? — послышался чей-то встревоженный голос.

— Да, капитан.

— Отвези побыстрее гостей и срочно возвращайся!

— А что случилось? — недоуменно спросил водитель, но связь прервалась. — Похоже, на руднике произошло какое-то ЧП... — пробормотал водитель, нажимая на педаль газа.

Поплавский и Марта обменялись легкими улыбками. Они знали, что так взволновало службу охраны «Ласточкиного гнезда». Саблин должен был пробраться в один из флиттеров и ввести в его автопилот специально подготовленную программу. Видимо, флиттер только что стартовал с посадочной площадки, вызвав всеобщий переполох. Люндвал должен был

решить, что это дело рук троих пленников — а кого же еще? И если Солнце не подведет, то не пройдет и нескольких минут, как...

Словно в подтверждение их мыслей, в воздухе что-то ослепительно сверкнуло, а затем на кратеры посыпался дождь мелких обломков.

Ракетный двигатель вновь не выдержал яростного солнечного излучения.

Дон Рейнольд оказался немолодым, крепко сложенной мужчиной с красивыми седыми прядями в густых черных волосах, усах и короткой бороде. У него было смуглое, красиво слеplенное лицо потомственного аристократа, и потому никто из спасателей не удивился, узнав, что Рейнольд — плантатор-южанин древнего рода из штата Луизиана. Его дочь Элис выглядела лет на тридцать пять и отличалась точеными чертами породистого лица, холодными темно-синими глазами и жестким прямым взглядом. У нее были прекрасные густые темные волосы, отличная фигура и бархатистый, глубокий голос, но тем не менее Элис Рейнольд отнюдь не производила впечатления томной красавицы-южанки. С первых же минут разговора в гостиной базы спасателей она сумела поставить себя на подобающее место. Да, она благодарна команде «Дельты» за спасение из рук Люндвала и его головорезов, но эта работа, так же как и предстоящая, будет хорошо оплачена. О чем здесь еще разговаривать?

Жесткая, властная, высокомерная манера Элис, естественно, ни у кого из мужчин-спасателей восторга не вызвала. А Марта и вовсе сразу же невзлюбила заносчивую американку. Впрочем, эта неприязнь была взаимной по вполне понятным причинам. Зато отец Элис всем сразу пришелся по душе. Несмотря на свой бравый вид, Дон Рейнольд оказался довольно мягким, романтического склада мужчиной, полностью находившимся под влиянием своей чересчур энергичной дочери. Их сопровождал негр по имени Джордж, флегматичный и туповатый на вид. Тем не менее он уже двадцать лет работал личным телохранителем семьи Рейнольдов и не раз отличался в опасных ситуациях.

Обед, стоивший «Дельте» немалой части продуктовых запасов, проходил в вялой, малозначительной беседе. Люди, сидевшие за тремя сдвинутыми по такому случаю столами, не столько говорили, сколько присматривались друг к другу. Было заметно, что такая пестрая компания удивляет практически всех. Одна только «сладкая парочка», рыжеволосый Шелдон и Асташевский с пышными казацкими усами, сидевшие на соседних стульях словно два закадычных приятеля, могла вызвать у кого угодно шок. Дамы расположились на противоположных концах стола и время от времени обменивались оценивающими взглядами. Джордж быстро нашел общий язык с Мирзояном, и говорливый Ашот с радостью понял, что наконец-то нашел благодарного, спокойного слушателя, готового поверить в любую небылицу. Поплавский взял на себя самого Рейнольда и без труда смог расположить к себе дальнего потомка рабовладельцев.

Наконец все, кроме, разумеется, обоих гигантов, утолили свой аппетит, и тогда Поплавский первым начал неизбежный и обещающий быть совсем нелегким разговор.

— Прошу прощения у гостей, — начал он. — Понимаю, что после всего пережитого им следовало бы прежде всего как следует отдохнуть, но...

Элис вытерла губы бумажной салфеткой и громко кашлянула, привлекая к себе внимание. Затем она резко произнесла:

— О каком отдыхе вы говорите? Вы думаете, Люндвал всерьез клюнул на вашу обманку с флиттером? Черта с два. Этот садист наверняка уже послал своих ищеек во все стороны. И нескольких часов не пройдет, как они выйдут на наш след.

Дон Рейнольд укоризненно покачал головой.

— Элис, я прошу тебя...

— Папа, дай мне сказать, — недовольно поморщилась южанка. — Эти люди будут работать на нас, и им следует знать истинное положение вещей.

Лицо Марты вспыхнуло.

— Почему это вы решили, мисс, что мы непременно БУДЕМ работать с вами?

Элис смерила Марту уничижительным взглядом.

— Не «с вами», а «на нас», — объявила она ледяным тоном. — Я человек прямой и терпеть не могу околичностей. Зачем напускать дипломатический туман, когда ситуация предельно ясна? Слава Господу, я читаю газеты и потому кое-что знаю о вашей группе «Дельта». На Марсе и на Луне были причастны к весьма темным делам, и я не удивилась, когда обнаружила вас на этой ужасной планете, где место лишь мужланам и преступникам...

— Элис, я попросил бы тебя! — уже более твердым тоном осадил ее отец.

Марта едко улыбнулась:

— Прошу прощения, но раз так, то надо поставить все точки над «i», — промолвила она. — Кто же тогда вы — мужланы или преступники?

— Марта! — недовольно сдвинул брови Поплавский.

Элис даже не удостоила ее взглядом.

— Насколько я понимаю, «Дельта» находится на Меркурии в положении почетных ссыльных, — продолжила она, глядя на Поплавского. — Это так?

— Хм-м... В общем, да.

— Значит, вы хотите улететь отсюда любой ценой, — с легкой довольной улыбкой констатировала Элис. — Но у вас нет корабля. А у нас есть. Потому-то вы и рисковали, спасая нас из рук Люндвала?

Поплавский кивнул. Ему не нравилось, какой оборот принял разговор, но вежливость требовала от него молча выслушивать гостью.

Элис перевела взгляд на отца.

— Вот так-то папа, — с упреком сказала она. — Нельзя же быть таким идеалистом.

Дон Рейнольд ответил ей смущенным взглядом, но промолчал.

— Итак, вам нужен наш корабль, — продолжила Элис. — Предмет для сделки есть, потому следует обсудить ее условия. Мы хотим...

Марта сердито сверкнула глазами и перебила американку.

— По-моему, довольно-таки невежливо, когда гости начинают разговаривать с хозяевами в таком тоне, — сурово заявила она. — Тем более после того, как хозяева рисковали своими головами ради вас. Может, мисс, стоит превратить ваш монолог в диалог? Володя, почему ты молчишь? Ты наш командир или...

Она едва удержалась от резкого выражения. Американка воспользовалась этим и вновь перехватила инициативу.

— Во-первых, я не мисс, а миссис, — ядовито поправила она Марту. — А во-вторых...

Поплавский открыл рот, но неожиданно его опередил Шелдон. Сверкнув глазами, он так стукнул кулаком по столу, что вся посуда жалобно звякнула.

— А во-вторых, вам надо заткнуться, когда в комнате сидят мужчины! — рявкнул он. — Мне плевать, мисс вы или миссис, но баба она и есть баба. И должна знать свое бабье место!

Элис побелела от ярости.

— А этот... этот... Кто может мне объяснить, почему рядом с нормальными людьми появился этот головорез? Да знаете ли вы, что именно он пристрелил бедного Грэхема?

Шелдон усмехнулся.

— То есть вашего пилота, — пояснил он. — Так будет точнее, верно? И нечего раздувать павлиний хвост, дамочка. Я-то знаю, что вы трое стали беспомощнее младенцев. Корабль-то у вас есть, а пилота — нет. Потому и условия будем диктовать мы, ясно?

Губы американки затряслись, но она не нашла, что ответить.

Поплавский с интересом наблюдал за этой сценой «укрощения строптивой». Затем он поднял руку, привлекая к себе внимание.

— Хватит, — жестко заявил он. — Пошумели, покричали, пора и делом заняться. Миссис Элис права в одном — времени у нас в обрез. И потому я бы предпочел побеседовать с мистером Рейнольдом, и только с ним одним. Остальным я дам слово позже, но сначала надо все выяснить. Впрочем... — он повернул голову к ирландцу, — мистеру Шелдону разрешается при необходимости вставлять реплики. Насколько я понял, он что-то знает о гостях и, как говорится, не даст им соврать. Верно?

Ирландец осклабился, обнажив крепкие желтоватые зубы. Он прекрасно чувствовал неприязнь, исходящую от Поплавского, но это Рыжую Гору ничуть не смущало. Напротив, он пребывал в прекрасном настроении.

Командир повернулся к американцу, сидевшему рядом с ним, и сказал:

— Мы знаем от мистера Ирвина, что вы прибыли на Меркурий нелегально, с целью отыскать некий марсианский клад. Это так?

— Да, — кивнул Рейнольд. — Что уж скрывать после того, как люди Лյондвала заставили нас проговориться!

— Нас этот клад интересует мало, — продолжил Поплавский. — Зато ваш корабль — если он, конечно, надежно спрятан, действительно нам необходим.

— Среди вас есть пилот? — с надеждой спросил американец.

— Да. Даже двое.

— О, Пресвятая Дева Мария, наконец-то нам повезло! — американец прижал руки к груди и влажными глазами посмотрел на дочь. — Элис, милая, мы спасены! Это чудо, настоящее чудо!

Поплавский задумчиво покачал головой.

— Как знать, как знать... Насколько я понимаю, вы не сделаете и шага с Меркурия, пока не разыщете клад.

Рейнольд озадаченно взглянул на командира «Дельты».

— Разумеется... — медленно промолвил он. — Я вложил в корабль и оборудование почти все свое состояние, и если наше путешествие закончится неудачей, я разорен. Понимаете — совершенно разорен! Да и зачем нам отказываться от поисков клада, когда дела обернулись таким благоприятным образом? Вы все — опытные, знающие Меркурий люди, и вам не составит особого труда помочь нам в поисках. Само собой, определенную часть сокровищ мы выделим в качестве платы. По-моему, это будет вполне справедливо, как ты считаешь, Элис?

Гостья состроила ехидную гримаску.

— Разумеется, папа. По-моему, я об этом уже говорила.

Поплавский предостерегающе поднял палец, сурово глядя на американку.

— Все это замечательно, — сказал он после выразительной паузы. — Но Меркурий — не африканские джунгли. Если нас начнут искать — а это наверняка произойдет в ближайшие часы, то непременно разыщут. Наш лунотанк — не иголка, его нелегко спрятать

даже между скал. Да и наши радиопереговоры обязательно рано или поздно засекут. И тогда... Сами знаете, на Меркурии полно теней. А в этих тенях нередко встречаются трупы, хотя наш славный комиссар Ларикони в этом очень сомневается. И каждый лишний час поисков может стоить всем нам жизнью. Так, мистер Шелдон?

Рыжий ирландец с ухмылкой кивнул.

— Совершенно верно, командир. Люндвал сам хотел поживиться этим кладом. Дела на руднике в последнее время идут неважно, руководство фирмы недовольно директором. А марсианский клад — серьезный шанс вынуть шею из петли. Потому директор лично обнюхает все обломки взорвавшегося флиттера, а когда не учует там остатков мяса, придет в ярость. Если надо, он пол рудника поставит под ружье.

— Та-ак... А что же местные власти?

— В смысле комиссар? Толстяк Энцо будет бежать впереди словно пес и вынюхивать след. Это-то он умеет — не зря в молодости служил в антитеррористической группе.

— Ах, вот как... — Поплавский вновь обернулся к гостю. — А теперь, мистер Рейнольд, мы хотели бы выслушать вашу историю.

Рассказ пожилого американца вкратце сводился к следующему. Месяцев пять назад в имение Рейнольдов нанялся садовником один метис средних лет по имени Фобс. Не прошло и нескольких дней, как он напился вдребезги и едва не попал под автоматическую газонокосилку. Миссис Элис, как хозяйка имения, серьезно поговорила с Фобсом, и тот клятвенно пообещал больше не прикасаться к виски. Однако спустя неделю история повторилась, и метис был с треском уволен. Похоже, он отправился в ближайший город на заработки, но это вобщем-то никого не волновало.

Спустя месяц Фобс пришел в имение поздно вечером. Он выглядел ужасно, спиртное здесь было ни при чем. Рука метиса истекала кровью и висела словно плеть. Пришлось оказать ему помощь по старой памяти. Успокоившись, Фобс рассказал о преследующих его бывших дружках по Марсу. Он признался, что последние два года пробыл на Красной планете, где словно раб занимался раскопками в одном из марсианских городов. Затем его, как и всех остальных старателей, спешно эвакуировали на Землю, заплатив лишь жалкие гроши. Каждый был предупрежден, что, если хоть слово скажет о своей работе на Марсе, будет убит.

Разумеется, метису никто не поверил — мало ли что может молоть жалкий пьянчуга? Тем более, что никаких городов на Марсе нет, хотя в последнее время в газетах проскальзывали подобные нелепые выдумки.

Увидев такое недоверие, Фобс разобиделся и достал из наплечной сумки какой-то плоский предмет, замотанный в грязную тряпку. Это была металлическая пластина с гравировкой, похожей на карту. На ней были изображены кратеры, расщелины и среди них особо выделен вход в пещеру, расположенную в глубине вала одного из кратеров. Рядом со входом стояли прямоугольные предметы, напоминающие ящики или контейнеры.

По словам Фобса, эту карту он откопал в развалинах одного из марсианских зданий и припрятал, догадавшись, что дело может идти о каком-то кладе. Когда началась эвакуация старателей, в их лагере царили такие суeta и хаос, что Фобсу удалось протащить карту на борт космолета. Однако, видимо, кто-то из его дружков что-то заподозрил, и вот теперь его, Фобса, нашли. И будут преследовать, пока не заполучат карту.

Дон Рейнольд только рассмеялся, выслушав эту невероятную историю, и посоветовал метису меньше злоупотреблять спиртным, если тот не хочет допить до белой горячки. Но

Элис, напротив, заинтересовалась. В молодости она увлекалась астрономией и потому сразу же направилась к компьютеру. Получив по сети Интернет карты Марса, Луны и Меркурия — трех больших планет, на поверхности которых есть множество кратеров, она ввела в память машины карту Фобса и задала программу поиска. Спустя несколько минут компьютер выдал ответ. Оказалось, подобный рельеф существует на Меркурии, и он лишь незначительно отличается от изображения на карте. Отличием является небольшой кратер, который не обозначен на карте. С помощью того же Интернета Элис раздобыла информацию о Меркурии и с изумлением обнаружила, что «новый» кратер обратил на себя внимание ученых. Он оказался самым молодым кратером на планете и образовался всего лишь пять тысяч лет назад!

У Рейнольдов, разумеется, еще оставались некоторые сомнения. Но с помощью знакомого металловеда они установили — материал, из которого была изготовлена карта, на Земле неизвестен.

После этого все сомнения отпали. В Рейнольдах разыграла кровь предков-авантюристов, наживших состояние на торговле африканскими рабами, и они решили отправиться на Меркурий. Фобс, как будущий участник космического путешествия, получил небольшой аванс. Это было ошибкой. На следующий день метис сбежал, а еще через две недели в одной из газет проскользнуло сообщение о его зверском убийстве в одном из соседних городков.

Рейнольды тем временем разработали тщательный план действий. Они считались довольно богатыми людьми, но купить космолет, разумеется, им было не по карману. Однако они выяснили, что на Луне царят совсем иные нравы и там можно дешево приобрести все что угодно — надо только разыскать нужных людей.

Рейнольды вместе с тремя охранниками и чемоданом, набитым наличными деньгами (на Луне обналичить такую огромную сумму было бы непросто, а кредитные карточки при такого рода сделках, разумеется, негодились), отправились в туристический круиз на спутник Земли. На таможне возникли кое-какие проблемы, но наличные деньги ценили и там.

Оказавшись на Луне, Рейнольды немало времени потратили на то, чтобы найти пригодный для полетов на Меркурий корабль и, главное, людей, которые согласились бы его украсть. Заодно они потихоньку скупали необходимое оборудование и припасы. Наконец все было готово, однако в последний момент им преградил путь один из патрулей охраны космопорта. Возникла перестрелка, в результате которой двое людей Рейнольда, а также второй пилот погибли. Бортинженер получил серьезные ранения.

Полет до Меркурия был сущим кошмаром. К счастью, первый пилот проявил себя настоящим мастером, да и бортинженер знал свое дело. Но во время тяжелой посадки, когда корабль трясло словно на вибростенде, он умер.

Первая же поездка окончилась для искателей сокровищ печально: они напоролась на горняков и попали в плен...

— М-да-а... — произнес Поплавский, дослушав рассказ Рейнольда до конца. — Хороший сюжет для голливудского боевика. Но в реальности участвовать в нем что-то не очень хочется... Кстати, а почему вы решили, что в пещере спрятан именно клад, а не, скажем, какое-нибудь оборудование или машины?

Рейнольд пожал плечами.

— У нас на юге все с детства занимаются кладоискательством, — несколько смущенно пояснил он. — Во время гражданской войны многие плантаторы спрятали свои сокровища

от варваров-северян, и такие клады действительно находят до сих пор. Это, если хотите, у нас в крови. Своеобразный стереотип поведения. И потом, марсианские машины — тоже вещь недурная... Или вы не верите в марсианскую цивилизацию?

Поплавский со смешком почесал затылок — Рейнольд, сам того не подозревая, попал точно в цель.

— Почему же, верим, — признался он. — Более того, кое-кто из нас уже находил подобную карту, после чего закрутилась весьма крутая детективная история... — Поплавский выразительно взглянул на Марту. — Собственно говоря, из-за нее мы и оказались здесь, на Меркурии.

Рейнольд расцвел счастливой улыбкой.

— Замечательно, превосходно! — воскликнул он. — Элис, ты слышишь? Признаюсь, у меня до последнего времени оставались кое-какие сомнения... Хотя когда я увидел в «Ласточкином гнезде» купол из силового поля, мой скептицизм изрядно поуменьшился. Ведь это изобретение марсиан, не так ли?

Поплавский хмыкнул.

— Точно. Ладно, будем считать, что наше совещание завершилось. Займемся поисками сокровища. Надеюсь, при наличии точной карты это не займет много времени. Все согласны?

Спасатели дружно кивнули, хотя без особого энтузиазма. Зато ирландец был явно недоволен.

— Эй, погодите! Я что-то не понял самого главного — а какую долю сокровищ мы получим за работу?

Ему ответила Элис:

— Основная часть платы — это билет на наш корабль, мистер Шелдон, или как там вас зовут. Вы представляете, во сколько он нам обошелся? Я уже не говорю про оборудование и прочее. К тому же это НАШ проект, и марсианская карта тоже НАША. А что вложили в это дело, скажем, вы? Убили нашего пилота, вот и все.

— Нет, не все! — рыжий ирландец налился багрянцем. — Если бы я поднял тревогу там, на руднике, обнаружив в кабине грузовика чужака, где бы вы сейчас были, миссис? В лучшем случае пошли бы по рукам. Ведь вы уже нарисовали карту, а потому стали не нужны Люндвалу.

— Стойте, стойте, — забеспокоился Поплавский. — Разве карта у Люндвала, а не у вас? Рейнольд добродушно рассмеялся.

— Что поделать, мистер Поплавский, на нас так нажали, что Элис пришлось нарисовать карту. Сами понимаете, подлинник мы с собой в поход не взяли, а спрятали рядом с кораблем в одном очень надежном месте. Да и зачем она нам, раз мы помним ее наизусть. К тому же у Элис фотографическая память и твердая рука — она некогда и не без успеха занималась живописью.

Поплавский нахмурился, нервно постучав пальцами по столу.

— Надеюсь, вы нарисовали НЕ ТУ карту?

— Конечно, — подтвердил Рейнольд. — Мы готовились к любым поворотам событий после того, как узнали, что место расположения клада, к сожалению, находится рядом с самым обитаемым на Меркурии районом. Элис держит в памяти две-три ложные карты. Одну из них мы и пустили в ход.

— И Люндвал не догадался?

— Наверняка догадался. Потому-то вы, мистер Шелдон, не правы — мы еще очень нужны Люндвалу. И он бы даже пальцем нас не тронул, пока не убедился, что поиски зашли в тупик. И тогда мы предъявили бы ему вторую ложную карту. Это позволило бы нам тянуть время — а что еще оставалось делать?

Шелдон спросил, уже более миролюбиво:

— Так как же насчет нашей доли? Учтите, я даром и пальцем не пошевелю.

Поплавский тихо чертыхнулся и посмотрел на часы. Торг был неизбежен, но ему казалось это пустой тратой драгоценного времени. Впрочем, если в пещере находились машины или, не дай Бог, оружие — то, что ищут Аль-Багдир и ему подобные...

— Дьявол! — воскликнул он, пораженный неожиданной мыслью. — Марта, а если Фобс нашел такую же карту, как и вы с Цин Яном?

Корин молча встал, вышел из комнаты и вернулся с листом бумаги и карандашом. Все это он положил на стол рядом с Элис.

— Рисуйте, — потребовал он. — От нас не надо ничего скрывать, это должна быть НАСТОЯЩАЯ КАРТА, понимаете?

Американка побледнела и решительно отодвинула лист бумаги в сторону.

— Ни за что! — твердо сказала она. — Если я отдам карту, вы сможете найти сокровище и без нас.

— Выходит, вы нам не доверяете? — возмутился Поплавский.

— Почему же — но до разумных пределов.

Ситуация вновь зашла в тупик. И тут Марта разрядила обстановку.

— Я понимаю, Володя, что тебя волнует, — сказала она, обращаясь к Поплавскому. — Но думаю, ты ошибаешься. Я не могу нарисовать ту карту, которую мы с Цин Яном нашли в марсианском городе. Однако в одном уверена — я не видела никаких кратеров! Это была скорее карта какого-то участка Внеземелья...

Поразмыслив, Поплавский сказал:

— Ладно. Будем считать этот эпизод ложной тревогой. Но впредь никакого торга я не потерплю! Пятьдесят процентов получают мистер Рейнольд и его люди, пятьдесят — мы, спасатели, и Шелдон. И мы делим все поровну. Или соглашайтесь, или идите к дьяволу. Только не думаю, что вы уйдете далеко, — а вот нам вряд ли кто-нибудь посмеет угрожать.

Элис выскочила из-за стола. Ее глаза пылали от ярости, но отец устало улыбнулся и жестом приказал ей сесть.

— Хорошо, мы согласны, мистер Поплавский, — сказал он.

Поиски кратера Ганди, где, если верить карте, находилась пещера со спрятанным в ней сокровищем, продолжались более десяти часов. Он располагался в двадцати с лишним километрах от базы спасателей, на северо-западе от Дьявольских скал. На карте этого района Меркурия, заложенного в память бортового компьютера «Белки», путь к кратеру казался нетрудным, но в реальности все было не так просто. Даже «Белка» с ее высокой проходимостью не раз оказывалась в тупике. Приходилось возвращаться и искать другую дорогу. Дважды на пути машины встречались озера чистого олова. Сейчас, ранней весной по меркурианскому исчислению, температура на поверхности планеты еще не была достаточно высокой для того, чтобы олово перешло из твердого состояния в жидкое, но на всякий случай лунотанк объезжал их стороной, теряя на этом массу времени. Порой дорогу преграждали глубокие трещины, и на их преодоление требовалось немало усилий.

К счастью, рыжий ирландец оказался и на самом деле матерым старожилем. Уже после первых километров пути он оттеснил Поплавского с командирского места и стал руководить Ашотом, указывая направление дальнейшего движения. Дело сразу же пошло веселее. Но на ближних подступах к кратеру Ганди тревожно зазвучал сигнал хронолокаатора, и за дело принялись Корин с Мартой. Выяснилось, что подходы к кратеру закрыты очень глубокой хронотрещиной — такая им на Меркурии прежде не встречалась. Командир приказал Ашоту подобраться к кратеру с других сторон, но результат ошеломил всех — хронотрещина оказалась кольцевой!

Корин был поражен. Ничего подобного хронофизикам прежде не встречалось. Измерив потенциал про- временного поля на краях хронотрещины, он даже присвистнул.

— Ого! Минус триста хроноватт! С ума сойти можно.

Сидевший рядом Рейнольд (в салоне было так тесно, что приходилось ходить бочком) недоуменно спросил:

— А что это значит, мистер Корин?

— Вы слышали что-нибудь про хронотрещины?

— Да-а... кажется. Вы имеете в виду знаменитый Бермудский треугольник?

— И его тоже... Словом, мистер Рейнольд, благодарите Господа, что вы заплутали и сами не вышли к кратеру Ганди. Иначе никто и никогда не нашел бы даже ваших косточек.

Поплавский нетерпеливо спросил:

— Игорь, мы сможем пройти хронотрещину?

— Надо посчитать. Уж больно глубокая...

— Так считай же быстрее!

Через минуту-другую компьютер выдал результат: пройти трещину можно, но для этого придется потратить огромное количество энергии. Учитывая затраты энергии на возвращение, это в сумме составляло впечатляющую цифру.

— Придется подключать запасной атомный генератор, — после некоторого размышления сообщил Корин.

— Действуй! — приказал командир. — Виталий, помоги.

Спустя полчаса «Белка» осторожно прошла по невидимому энергетическому мосту и, преодолев вал в самом удобном для этого месте, плавно спустилась по крутому склону в кратер. Его диаметр не превышал полукилометра. На первый взгляд ничего похожего на вход

в пещеру видно не было.

Ашот развернул машину и медленно поехал вдоль внутренней стороны вала. Асташевский надел скафандр и по своему обыкновению уселся на верху башни. К нему присоединился и Ирвин. Как ни странно, оба гиганта быстро забыли взаимную неприязнь и стали совсем неплохо относиться друг к другу. Поплавский же подчеркнуто не замечал недавнего врага и обращался к нему только в случае необходимости. Мистер Рейнольд сразу же заслужил у спасателей искреннее расположение. Он оказался покладистым, добродушным человеком, готовым прийти на помощь и для всякого находившим доброе слово. А вот Элис держалась подчеркнуто отчужденно, каждой своей фразой давая понять, что не видит вокруг достойных людей. Пожалуй, лишь к Поплавскому она относилась чуть лучше, возможно, просто таким путем демонстрируя свою очевидную неприязнь к Марте. Царевна отвечала ей тем же. Порой обе женщины без особого повода обменивались колкостями, от которых в тесном салоне луно- танка возникала предгрозовая обстановка. Зато негр Джордж явно подружился с Ашотом и весь путь до кратера провел рядом с водителем, сидя на ящике из-под концентраторов.

Первый круг вызвал всеобщее разочарование и тревогу. Никаких следов пещеры. Правда, в нескольких местах на внутренних склонах вала виднелись завалы из крупных камней, но, возможно, причиной их возникновения были обычные оползни. Яростное дневное солнце делало свое дело, а дикий ночной холод довершал его, так что камни постоянно крошились в течение тысяч лет, и не было никаких оснований подозревать в этом следы действий марсиан.

После третьего круга Поплавский обернулся и вопросительно взглянул на Корина. Тот ответил кислым взглядом.

— Володя, я не вечный двигатель! — запротестовал он. — До сих пор не могу очухаться после того, что пришлось пережить на руднике. А тут... да ты хоть представляешь, когда здесь были марсиане?

Поплавский развел руками.

— Вот видишь!

— Игорь, — проникновенно сказал командир, — я прекрасно понимаю, что ты можешь мне сказать и в каких выражениях. И будешь прав на все сто процентов. Но представь себе, что марсиане засыпали вход в пещеру. Нам остается лишь одно — разбирать завалы клешнями нашей «Белки». Восемь завалов, один за другим! Если на каждый из них оптимистично положить по два дня...

Тихо ругаясь, Корин встал и начал надевать скафандр. Саблин и Марта помогали ему, ободряюще улыбаясь.

Элис не выдержала.

— Могу я узнать, что происходит? — сухо осведомилась она. — Чего вы ожидаете от мистера Корина?

— А это наш маленький секрет, — немедленно отозвалась Марта, не оборачиваясь. — Вроде вашей замечательной карты, которую вы так и не нарисовали.

Перед тем как надеть шлем, Марта обняла Корина и пылко поцеловала. Брови хронофизика изумленно взметнулись.

— Ого! — уже бодрее произнес он. — Кажется, кое- какие силушки у меня все-таки остались.

Марта рассмеялась и еще дважды поцеловала Корина, вызвав завистливые взгляды

остальной мужской части экипажа.

— Марта, поцелуй и меня! — вскричал Ашот. — Да я эту пещеру раньше Игоря разыщу, честное слово!

Смеясь, Марта показала водителю язык.

— В следующий раз, Ашотик, — пообещала она. — Когда мы еще раз найдем марсианский клад.

Этот маленький эпизод разрядил царящее в салоне напряжение. Корин, сразу же почувствовавший прилив сил, бодро поднялся по лесенке и втиснулся в тесный кессон. Спустя минуту-другую он уже стоял на земле и осматривался по сторонам. А затем медленно пошел вдоль вала.

Потянулись томительные часы. Корин сделал два круга, останавливаясь надолго возле каждого каменного завала. Его шаги становились все медленнее, а походка — неувереннее. Чувствовалось, что Колдуну очень трудно. И все же он упрямо шел вперед. Однажды он споткнулся на почти ровном месте и упал. Асташевский тут же спрыгнул с башни, чтобы помочь другу, но командир резким окриком остановил его. В радиофонах слышалось шумное дыхание Корина. Казалось, хронофизик задыхается.

На Поплавского страшно было смотреть. Командир заметно побледнел на его лице выступили мелкие капли пота. Он как будто вместе с Кориным шел по огромному кругу под безжалостным, палящим Солнцем, выбиваясь из сил. Марта, не выдержав, отвернулась, чтобы не видеть обзорного экрана, на котором вдали маячила небольшая серебристая фигурка. Корин уже не шагал, а брел, едва волоча ноги...

— Все, — наконец глухо вымолвил Поплавский. — Игорь идет последний круг, ясно вам, мистер Рейнольд? Я не хочу терять друга из-за вашего проклятого клада, которого скорее всего просто нет. Похоже, Фобе сыграл с вами злую шутку или...

Внезапно, дойдя до одной из осыпей, Корин вскрикнул и упал ничком. Асташевский понесся длинными прыжками в его сторону, поминая сквозь зубы всех врагов человечества.

...Когда хронофизик очнулся, он увидел склоненные над собой встревоженные лица друзей. Натужно улыбнувшись, Игорь прошептал всего одно слово: «Здесь» и вновь впал в забытие.

Около двух стандартных суток «Белка», орудуя мощными клешнями-манипуляторами, разбирала завал. Ей помогали, как могли, и люди. Малое тяготение Меркурия облегчало им работу, и все же настоящий толк был лишь от обоих гигантов. Они ухитрялись вдвоем поднимать такие глыбы, что можно было только диву даваться. Но тут случился внезапный обвал, и люди лишь чудом уцелели, отделавшись ушибами. Поплавский приказал всем вернуться в машину.

К этому времени уже стало ясно, что поиски идут в нужном направлении. Постепенно в основании вала стали вырисовываться контуры огромной пещеры. Ее вход имел настолько ярко выраженную круговую форму, что даже у такого скептика как Саблин не осталось больше сомнений: да, именно здесь находилась искусственно созданная пещера!

Увы, она оказалась засыпанной на совесть. Наверное, марсиане собирали глыбы со всех окрестностей, поскольку общий объем завала составлял сотни кубических метров. «Белка» не могла в этом месте вала подняться наверх, и потому ей пришлось пережить еще несколько обвалов. В одном из них левая клешня получила серьезные повреждения, и мужчинам пришлось немало повозиться, прежде чем она обрела прежнюю работоспособность.

Наконец от мощного «оползня» не осталось и следа. И тогда, вооружившись переносными фонарями, люди направились в пещеру. В «Белке» остались лишь Ашот и глубоко заснувший Корин. Поплавский хотел, чтобы к ним присоединились и Марта с Элис, но обе женщины категорически отказались подчиниться приказу командира.

Сопровождаемые ослепительным светом прожекторов «Белки», искатели сокровиш вошли под гигантские своды. Их немедленно поглотила глубокая, вечная тьма.

На плоском, тщательно вытесанном дне туннеля шли два ряда металлических полос, напоминающих рельсы. Это открытие насторожило всех. Асташевский не выдержал и буркнул:

— Черт побери, похоже на шахту...

Ирвин мрачно отозвался:

— Только этого не хватало! Из рудника — да в шахту... Стоило ради этого рисковать своими шкурами!

Остальные промолчали, хотя неожиданное открытие никого не обрадовало.

Дно туннеля пошло под уклон, а это означало, что шахта уходит в глубь земли. Лучи фонарей, обшаривавшие пространство, внезапно наткнулись на какой-то крупный прямоугольный предмет, лежавший возле одной из стенок.

— Машина, это марсианская машина! — восторженно крикнул Рейнольд и первым побежал к находке. Подойдя поближе, он не сдержал вздоха глубокого разочарования. Не нужно было хорошо разбираться в технике, чтобы понять: на земле лежала огромная вагонетка. Внимательно осмотрев ее, Саблин указал на задний торец, где размещались несколько покрытых пылью агрегатов.

— Наверное, это марсианские моторы, — заметил он. — Хотя я что-то не вижу, каким образом они передавали усилия на колеса... Хотя и колес-то тоже нет! Любопытно...

— Не вижу ничего любопытного, — почти простонала Элис, закрыв стекло шлема руками. — Господи, за что ты нас так наказал... Простая шахта...

Поплавскому стало жаль расстроенную женщину.

— Как-никак, мы уже кое-что нашли, — весело произнес он. — Марсианские моторы — это не шутка! А вдруг это антигравитационные двигатели? Саблин верно заметил — колес-то на вагонетке нет и, похоже, никогда не было. Надо будет на обратном пути захватить эту находку с собой.

Никто не отреагировал на слова командира — уж очень они были слабым утешением.

Спуск становился все круче. Наконец округлый туннель закончился, и люди вышли в огромную пещеру с невысокими, бугристыми сводами.

— Интересно, что же здесь добывали... — пробормотал Поплавский, шаря лучом фонаря по стенам. — Нигде не видно следов горноразработок... Ладно, пойдем дальше.

Путникам пришлось пройти не менее километра, прежде чем они попали в самый настоящий лес из огромных сталактитов и сталагмитов ядовито-желтого цвета. Здесь окончательно стало ясно — именно эти многометровые, причудливой формы «клыки» и заинтересовали в древности марсиан.

Рейнольды разом приободрились.

— Что это такое? — спросила Элис, поглаживая рукой один из сталагмитов. — Кто-нибудь разбирается в минералогии?

Поплавский вопросительно взглянул на Саблина. Тот вынул из кармана резак и спустя несколько минут уже держал в руках несколько образцов.

— Пойду задам компьютеру эту задачку, — сообщил он, задумчиво разглядывая небольшие кубики. — На обычные для земных пещер известковые натеки этот минерал не похож. Да и не стали бы марсиане лететь на Меркурий за такой чепухой.

— И тем более засыпать шахту сотнями тонн камней, — поддержал Асташевский. — Наверное, это весьма редкая и ценная штука... Может, марсиане использовали желтый камень в ювелирном деле?

— Вряд ли, — засомневался Поплавский. — Не больно-то этот минерал красив. Да и засекречивать шахту из-за этого добра вряд ли стоило. Нет, тайна этих камней в чем-то другом... Иди, Виталий, а мы здесь еще ходим.

Поиски заняли несколько часов, но результаты оказались более чем скромными. Была найдена еще одна вагонетка, на этот раз хорошо сохранившаяся. Рядом среди обломков сталагмитов лежал дискообразный инструмент, напоминавший автоматический резак. Возможно, внутри него был встроен мощный лазер, но «резак» выглядел настолько помятым, словно по нему проехал танк, и по его внешнему виду трудно было судить о конструкции.

И это все!

Разочарованию Рейнольдов и Шелдона не было предела. Джордж демонстративно уселся на груде желтых обломков, срезанных марсианами, но так и не вывезенных, и тихо насвистывал какую-то песенку. Спасатели также не видели причин для особой радости. Сколько сил и времени они потратили на поиски мифических сокровищ, а вместо этого получили еще одну загадку. Кто знает, быть может, Люндвал и его люди уже начали охоту? Нет, надо быстрее убираться из этой проклятой пещеры...

Однако уходить вот так, практически с пустыми руками, никому не хотелось. Немного передохнув, люди вновь продолжили поиски, уже ни во что не веря и ни на что не надеясь...

Открытие сделал Дон Рейнольд. Заплутавшись в обширной пещере, он вышел почти к самому выходу и обнаружил на стене странную картину, выгравированную в камне. На его призыв поспешили остальные. В недоумении все разглядывали десятки разнокалиберных точек, среди которых находилось крупное, угловатой формы углубление. Все это можно было принять за игру природы, если бы не плоская отполированная поверхность «картины», имевшая к тому же идеально квадратную форму.

Прошло несколько томительных минут. Внезапно Марта вскрикнула и покачнулась. Асташевский едва успел подхватить ее на руки.

— Что с тобой, девонька? — ласково спросил он. — Голова закружилась? Пойдем отсюда, нечего здесь делать...

Но Марта уже пришла в себя. Она подошла к «картине» и прикоснулась к ней рукой, не в силах произнести ни слова.

— Карта? — воскликнул Поплавский. — Это ТА САМАЯ карта, Марта?

Женщина молча кивнула.

Поплавский подошел к стене и, включив фонарь во всю мощь, долго изучал изображение на каменной поверхности.

— Это пояс астероидов, — наконец сказал он взволнованно. — В центре изображена Церера. А вот там, в левом углу — видите? Три одинаковые полосы... Ручаюсь, это космические корабли марсиан!

Наступило долгое молчание. Потом Асташевский недоверчиво спросил:

— Но Аль-Багдир и ему подобные сволочи вроде бы искали марсианское оружие...

Поплавский кивнул.

— В том-то и дело! На Марсе не случайно никакого супероружия не найдено — оно спрятано там, на борту марсианских кораблей!

— Спрятано? — спросил Рейнольд. — Но от кого?

— А вот это нам и предстоит узнать, — ответил Поплавский. — Разумеется, если Аль-Багдир не нашел марсианских кораблей. Ведь он уже четыре месяца владеет картой, которую хитростью смог выудить у Марты...

— Это не та карта, — перебила его молодая женщина.

— Что?

— Говорю — не та. Теперь я все вспомнила... все, до мельчайших деталей. У меня хорошая зрительная память, но наверняка здесь не обошлось без содействия Цин Яна. Он ХОТЕЛ, чтобы я запомнила ту карту, а затем блокировал подходы к этой информации в моей памяти. Однако сейчас этот барьер рухнул.

— Постой, постой... А чем же эти две карты отличаются друг от друга? — спросил Поплавский.

— Чем? Пожалуй, другим расположением астероидов и кораблей.

— Ну конечно... — пробормотал Поплавский. — Астероиды находятся в непрерывном движении. По одной их проекции на плоскость ровным счетом ничего нельзя определить... Но имея две таких проекции и зная интервал времени между двумя «съемками»... Что ж, это уже материал для расчетов! Марта, ты уверена, что сможешь точно воспроизвести ТУ, первую карту?

— Да, — ответила она.

— Отлично. Остается пустяк — определить тот самый интервал времени. Хм-м, надс подумать...

— Эй, мистер, я ничего не понимаю, — сердито сказал Шелдон. — Что за первая карта? Какие космические корабли марсиан? Вы мне одно скажите — выходит, здесь никаких сокровищ не было и нет?

Поплавский усмехнулся.

— А это как посмотреть. Кажется, я догадываюсь, что за минерал добывался в этой пещере... А вот и Виталий идет.

Саблин был очень возбужден, что случалось с ним крайне редко.

— Этот минерал вряд ли драгоценный камень, — заявил он. — Компьютер сообщил, что в его памяти вообще ничего подобного не заложено. Какая-то совершенно фантастическая кристаллическая решетка, а атомарный состав... чуть ли не вся нижняя часть периодической системы Менделеева! Жаль, пакет наших программ «Геолог» жидковат, да и анализаторы слабоваты, но все же...

Элис перебила его.

— А почему вы так уверены, что этот минерал нельзя использовать в ювелирном деле? — неприязненно спросила она. — По-моему, на вид он довольно красив, по крайней мере ничуть не хуже янтаря и многих самоцветов. К тому же вы сами утверждали, что такого камня люди еще не находили ни на одной планете. Да эта шахта может оказаться настоящим золотым дном! Если организовать шумную рекламу, выставить на аукционы ювелирные изделия... Солнечный камень — вот как мы его назовем! О-о, кажется, мы все-таки не зря проделали это сумасшедшее путешествие на край света!

Шелдон поддержал молодую женщину.

— Точно! Я эти дела знаю, одно время служил в охране ювелирного магазина. Здесь, понимаете ли, все дело в редкости камня и в моде. Да мы этот солнечный камень так раскрутим, что все богатые дамочки будут вставать к нам в очередь с самого утра.

Саблин покачал головой.

— Увы, ничего не выйдет, — с легкой насмешкой сказал он. — И по одной простой причине — солнечный камень радиоактивен. Нам в скафандрах опасаться его излучения нечего, но если надеть ожерелье на голую шею... Бр-р, рак кожи в течение двух-трех месяцев гарантирую.

Элис всхлипнула и отвернулась, не в силах справиться со своим отчаянием. Ирвин же разразился отборной руганью.

В отличие от них, мистер Рейнольд не потерял присутствия духа.

— Что-то я не почувствовал в вашем голосе уныния, господин Саблин, — произнес он. — Может, секрет этого камня отнюдь не в его красоте?

Саблин весело рассмеялся.

— Вот именно! Не зря же марсиане так тщательно спрятали эту шахту. Это горючее — понимаете? Фантастическое горючее для космических кораблей! Когда компьютер выдал мне этот результат, я сначала не поверил. А потом отошел от «Белки» подальше и целый час экспериментировал. Оказалось, что если несколько граммов солнечного камня растворить в литре бензина, добавить окислитель и использовать лазерную систему зажигания... Это что-то страшное! Я едва не ослеп, хотя стоял метрах в десяти от канистры с бластером в руках. Пламя бушевало минут двадцать, а когда погасло, на месте канистры образовалась большая расплавленная воронка. Теперь понимаете?

— Еще бы! — воскликнул Поплавский и, подойдя к Саблину, радостно обнял друга.

— Признаюсь, я ничего не понимаю... — пробормотал Рейнольд, повернувшись к Асташевскому. — Новое горючее — это, конечно, замечательно, но драгоценные камни...

Асташевский хмыкнул:

— Дались вам эти сокровища! Если Виталий не ошибся, мы сегодня открыли дорогу к звездам!

Элис недовольно спросила:

— А разве химическое топливо — это не анахронизм? По-моему, на нашем корабле был установлен атомный двигатель.

— Это по-вашему, — снисходительно усмехнулся Асташевский. — А на самом деле атомные двигатели оказались крайне громоздкими и очень капризными устройствами. Одно дело — ледоколы или подводные лодки, но космос с его жуткими перегрузками, жестким излучением и прочими прелестями — совсем иное. Так что все нынешние космолеты работают на специальном жидком топливе. Проблем с ним немного, но реактивная тяга невелика. Потому мы и летим, скажем, с Земли до Меркурия недели две, а то и полтора месяца в зависимости от взаимного расположения планет. Скорость кораблей небольшая, да еще приходится выбирать наиболее энергетически выгодную траекторию. Но если Виталий прав и добавка в топливо солнечного камня может увеличить реактивную тягу в два-три раза, то...

— А в пять-шесть не хочешь? — прервал его Саблин. — А может, и больше, только боюсь, камеры сгорания двигателей не выдержат таких температур и давлений.

— Конечно, не выдержат, — подтвердил Поплавский. — Но не забывайте о марсианской технологии силовых полей. Клянусь своими тремя институтскими дипломами, марсиане именно таким путем и создавали двигатели для своих космолетов. Прекрасно, замечательно!.. Я очень благодарен вам, мистер Рейнольд. Вы, сами того не сознавая, открыли фантастическое сокровище — куда более важное для человечества, чем сундуки с

драгоценными побрякушками.

Шелдон хрипло рассмеялся.

— А ведь командир прав! — заявил он. — Я уж не говорю о том, что солнечный камень можно будет добавлять в обычный бензин и делать из дерьма конфетку... Ого, какие к нам потекут деньжища! Мы все станем миллионерами — если, конечно, нефтяные магнаты нас раньше не прикончат. Мистер Рейнольд, вы не забыли об условиях нашей сделки?

Американец кивнул. Он обнял дочь и не сдерживаясь заплакал от счастья.

Более десяти часов экипаж «Белки» работал не покладая рук. На борт лунотанка было перевезено около двух кубометров солнечного камня. Марта сделала фотоснимки карты на стене пещеры, а затем вход в пещеру вновь завалили глыбами. На этом настоял ирландец, утверждавший, что Люндвал непременно разыщет их следы. «Вы не знаете этого человека, — предупреждал он. — Люндвал не привык ничего выпускать из своих холеных рук. Держу пари, он уже посетил вашу базу и сейчас рыщет где-нибудь возле Драконьих скал, а может, где и поближе».

Спасатели не хотели следовать совету Шелдона, жалея драгоценное время. Но его поддержали отец и дочь Рейнольдсы, и с этим пришлось считаться.

Когда «Белка» перебралась через перевал в кольцевой стене кратера и начала медленно спускаться, Ашот резко ударил по тормозам.

В салоне все повалились друг на друга. Послышались проклятия. Измученные тяжелой работой люди только-только решили вздремнуть, а тут их разбудили таким бесцеремонным образом. В адрес водителя посыпались самые нелестные эпитеты, но вскоре все смолкли.

К кратеру с разных сторон приближались около двух десятков краулеров и вездеходов.

В радиофоне послышался голос Люндвала:

— Стойте на месте, мистер Поплавский. Предупреждаю, если ваша «Белка» попытается ускакать, мы сожжем ее шкуру лазерными пушками.

В лунотанке воцарилось напряженное молчание. Командир, посуровев, взял в руку микрофон и спокойно сказал:

— У вас к нам дело, господин директор? Понадобились спасатели?

Люндвал с усмешкой отозвался:

— Боюсь, спасатели скоро могут понадобиться вам — если, конечно, вы будете действовать неразумно. Кстати, передайте мой привет господину Рейнольду. Как он себя чувствует?

— О ком вы говорите? — удивленно спросил командир.

— Бросьте, бросьте, Викинг. Больше вам меня не обмануть. Надо сказать, что операцию вы провели блестяще. Но она оказалась шита белыми нитками. Надо было вам сразу же улететь с Меркурия, а вы затеяли это долгое путешествие... Надеюсь, хотя бы не зря? Нашли сокровища марсиан?

— А если и нашли, вам-то что за дело? — резко отозвался командир.

— О-о, не надо разговаривать со мной в таком тоне, — холодно заявил Люндвал. — Сами видите, что здесь, на Меркурии, мы хозяева положения. И вам волей-неволей придется делиться.

— В смысле — все отдать вам? Так вы понимаете дележку по-меркуриански?

— Приблизительно. За исключением пустячка: вам всем гарантируется жизнь.

— И работа до окончания веков на руднике в качестве рабов? Знаете, нам, спасателям, однажды такое уже предлагали на Марсе.

— Здесь не Марс, господин Поплавский, — вежливо поправил командира Люндвал. — Сами знаете, какое здесь жестокое Солнце. Самый крепкий человек может начать плясать танец Розового слона, и никакая медицина ему уже не поможет. Мне было бы искренне жаль вас и особенно госпожу Шадрину.

— Хм-м... вы очень образно все объяснили, господин директор. Но нам надо посоветоваться.

— Разумеется. Даю вам пять минут. Только не советую связываться с властями. Они, знаете ли, тоже вас ищут.

Командир отключил микрофон и повернулся к экипажу «Белки».

— Вот так обстоят дела, — спокойно сказал он. — Какие есть предложения?

Шелдон достал из кармана комбинезона бластер.

— Вы как хотите, а я живым не дамся, — пробасил он. — Хватит, повкалывал на руднике. Мы с братом однажды уже пытались бежать, да где здесь скроешься?

Отец и дочь Рейнольды выглядели жалко, но тем не менее кивнули, соглашаясь с ирландцем.

Поплавский перевел взгляд на Коруна. Молодой хронофизик еще не совсем оправился от шока, полученного в кратере, однако пытался держаться бодро.

— Игорь, мы сможем уйти в прошлое, как сделали некогда на Марсе, под носом у полицейских? — с надеждой спросил командир.

Корин с мрачным видом покачал головой.

— Не получится, Володя. Мы столько потратили хроноэнергии при переходе через трещину, что дай нам Бог перебраться через нее снова.

— И что ты предлагаешь?

— Есть одна идея...

Когда пять минут, данных экипажу «Белки» на размышление, истекли, могучая машина неожиданно начала пятиться, вползая задним ходом на перевал. На все окрики Лундвала никто не отозвался. Тогда директор рудника пустил в ход свою угрозу, и рядом с лунотанком стали рваться снаряды.

— Остановитесь, безумцы! — кричал Лундвал. — Неужто вы думаете отсидеться в кратере? Да стойте же, в последний раз предупреждаю!

Лунотанк медленно продолжал подниматься на гребень вала.

Сидевший рядом с Лундвалом бортмеханик краулера вопросительно взглянул на хозяина.

— Господин директор, они через несколько минут скроются из виду. Прикажете их уничтожить?

Красный от злости Лундвал буркнул:

— Идиот, да на что нам дымящиеся обломки? Еще не хватало своими же руками уничтожить марсианский клад... Всем машинам — вперед! Надо остановить противника, прежде чем тот скроется в кратере!

Краулеры и вездеходы дружно рванулись с места и помчались в сторону кратера. Подойдя к кольцевому валу, они вдруг разом исчезли.

Уцелел лишь краулер Лундвала, несколько затормозивший во время марш-броска. Сказалась природная осторожность директора рудника. Он сомневался, что «Белка» несет на своем борту какое-либо серьезное оружие вроде лазерной пушки, но лезть на рожон не стал. И правильно сделал.

«Белка» сразу же остановилась, а затем медленно начала спускаться по крутому склону.

— Дьявол... — пробормотал Лундвал, впившись ошеломленным взглядом в обзорный экран. — Хроотрещина! Этого не может быть, не может... Должна была провалиться одна,

ну две машины... — но исчезли все сразу! Викинг, это ваших рук дело?

— Конечно, — ответил Поплавский. — Будьте добры, посторонитесь, вы мешаете нам проехать.

— Стреляй, Ларри! — в отчаянии крикнул Люндвал.

Бортмеханик замотал головой, бочком отходя в глубь кабины.

— Стреляй, я тебе говорю! — в ярости крикнул Люндвал, выхватывая бластер и наставляя его в грудь подчиненному.

— Господин директор, в салоне краулера не принято стрелять, — неуверенно ответил заметно побледневший бортмеханик. — И тем более из бластера. Погубите всех нас, да и себя тоже.

— Тогда стреляй по противнику, кретин!

— Н-нет! Это лишь другой способ нашего самоубийства. Это же лунотанк старой конструкции, разве вы не видите? Его так просто даже лазерной пушкой не возьмешь.

Водитель, обернувшись, поддержал своего бортмеханика.

— Ларри дело говорит, господин директор, — с хмурым видом сообщил он. — Надо уносить ноги. Лунотанк нас не догонит, больно тяжел. А когда мы оторвемся от него, вызовем помощь.

Люндвал грязно выругался.

— Ладно, черт с вами, — наконец согласился он.

Пока краулер разворачивался, директор рудника связался по радио с комиссаром Ларикони и велел ему срочно двигаться к кратеру Ганди.

— Удирают, — констатировал Саблин, глядя на экран. — Только титановые пятки блестят.

В салоне сразу стало шумно и весело. Все по очереди обнимали Корина. Его идея сработала на славу. В тот момент, когда машины противника рванули к кратеру, он переключил хроноизлучатель на полукруговое сканирование: «поливая» хронотрещину лучами провремени. Их мощности хватило на то, чтобы над трещиной образовалось нечто вроде корки льда. Когда первые вездеходы въехали на этот «лед», он выдержал и не провалился. Так и было задумано — ведь исчезновение хотя бы одного вездехода могло бы отпугнуть других водителей и заставить их резко затормозить. Но как только первые машины приблизились к противоположной стороне хронотрещины, Корин выключил излучатель.

— Господин Корин, вы — гений, — прочувствованно сказал Рейнольд. — Дважды вы выручали нас в совершенно безнадежных ситуациях. Элис, я думаю, будет справедливо, если доля господина Корина в наших общих доходах увеличится.

— Конечно, папа, — с милой улыбкой отозвалась Элис. По ее расширенным блестящим глазам было заметно, что Корин стал ее всерьез интересовать. — Но только не за наш с тобой счет. Хотя... Я думаю, у нас еще будет время поговорить об этом на Земле.

Она уселась рядом с Игорем и, вынув из кармана комбинезона платок, стала заботливо вытирать бледное, потное лицо хронофизика.

Марта расхохоталась при виде такой неожиданной метаморфозы.

— Вот так рождается любовь, — с иронией заметила она. — Игорь, тебя можно поздравить? А насчет Земли... Думаю, мы там не скоро окажемся, верно, Володя?

Поплавский задумчиво посмотрел на нее и кивнул.

— Что верно, то верно, — сообщил он. — Сама судьба указывает нам другой путь.

Улыбка погасла на лице Рейнольда.

— Не понял... А куда вы намереваетесь лететь?

— В пояс астероидов, — мягким голосом пояснил Поплавский. — И как можно быстрее. Виталий, мы сможем использовать для этой цели запасы солнечного камня?

Саблин развел руками.

— Надо сначала осмотреть системы двигателя. Если форсажная камера находится в приличном состоянии — то да. Думаю, при разумном риске мы достигнем Цереры недели за три.

— Отлично! — просиял командир. — Надеюсь, за это время Аль-Багдир и его банда не успеют разыскать корабли марсиан. Да и нелегко им будет без той карты, которую мы нашли в пещере. Хотел бы я знать, кто ее сделал и зачем. Хотя...

Элис с ужасом посмотрела на Поплавского.

— Церера? — прошептала она. — Зачем Церера, почему Церера? Я хочу вернуться домой на Землю, понимаете вы или нет? С меня вполне хватит открытия солнечного камня. А марсианский флот... это уже слишком! Пусть его ищет кто-то другой. Папа, да скажи же ты им!

— Элис права, — грустно улыбнулся Дон Рейнольд. — Мы сыты по горло космическими приключениями. Я понимаю, мистер Поплавский, вами движет отнюдь не корысть, а самые возвышенные и благородные цели. Марсианское оружие, которым хотят завладеть некие темные силы, — это на самом деле серьезно. Но мы с Элис хотели бы выйти из игры.

— И я тоже, — поддержал их обычно молчаливый Джордж. — Мое дело следовать за хозяевами и охранять их. И честно говоря, меня от этого вашего проклятого космоса начинает тошнить.

Командир кивнул и перевел внимательный взгляд на ирландца.

— Ну а вы что скажете, Ирвин?

Ирландец размышлял недолго.

— Марсианские корабли — это, не спорю, звучит здорово, — заявил он. — Но им вроде бы уже не одна тысяча лет, а в поясе астероидов за такое время всякое могло случиться. Может, никаких кораблей там вовсе нет? Ну, летают всякие обломки, а то и просто металлическая пыль. Нет уж, предпочитаю синицу в руке. Высадите нас на Земле, мистер Поплавский. Конечно, для этого вам придется сделать приличный крюк, но зато вы сможете спать спокойно: я буду охранять ваши интересы в нашем общем деле.

Миссис Рейнольд фыркнула, негодуя, взглянув на рыжего ирландца.

— Вы, кажется, нам не очень-то доверяете, мистер Шелдон?

— Одним словом я никогда не доверяю, — ухмыльнулся ирландец. — Юридически оформленный договор — это другое дело. А где его сделаешь, кроме как на Земле? Вообще-то и вам, мистер Поплавский, не мешало бы поучаствовать в этом деле.

Поплавский на минуту задумался, а затем махнул рукой.

— Нет. Мы вполне доверяем мистеру Рейнольду, верно, ребята? Да и какие из нас бизнесмены... Но на Землю я вас не повезу. Есть подозрение, что нас там уже будут ждать, даже если мы решим высадиться посреди пустыни Сахары. А вот на лунный космодром — пожалуйста. Там нашу «Дельту» вряд ли кто-нибудь заметит. За пять минут мы дружно выгрузим часть солнечного камня, вы выйдете — и мы сразу же улетим.

Отец и дочь Рейнольды начали бурно протестовать, да и Шелдону такой вариант не

очень-то понравился. Но поразмыслив, он согласился.

— Ладно, — сказал он. — Будь по-вашему. Не хочется оказаться на Луне без единого цента в кармане, но зато я там кое-кого знаю. Это люди надежные. Как только я им намекну про солнечный камень, они сразу же ссудят нас любым кредитом. Словом, уговорили.

Миссис Рейнольд в ужасе взглянула на него.

— Господин Поплавский, и вы оставите нас наедине с таким головорезом? — не выдержав, всхлипнула она. — Да он же нас...

Негр успокаивающе погладил ее по вздрагивающим плечам.

— Не беспокойтесь, хозяйка, я не дам вас в обиду, — заявил он. — Не буду спускать с Ирвина глаз, пока не оформим все бумаги как следует.

— Драконьи скалы! — воскликнул Ашот, указывая на экран. — Вроде полицейских пока не видно...

Поплавский перевел взгляд на американца.

— Ну, мистер Рейнольд, а теперь рассказывайте, как разыскать корабль, — сказал он.

Поиски заняли более двух суток. Как оказалось, искатели сокровищ целиком и полностью полагались на своего пилота, ставшего после приземления и водителем вездехода. С его гибелью оборвалась ниточка, ведущая в джунгли из черных скал. И даже подробная карта этого района, заложенная в память компьютера «Белки», не спасала положения. Рейнольды и Джордж долго изучали ее, а затем уверенно указали в три различных места, удаленных друг от друга на несколько километров. Пришлось Ашоту основательно поколесить в каменных лабиринтах, совсем не случайно пользовавшихся на Меркурии самой дурной славой.

Третья точка на карте, указанная Элис, к счастью, оказалась верной. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: ни горняки, ни люди комиссара Ларикони так и не сумели отыскать корабль.

Еще около двадцати часов потребовала предстартовая подготовка. К огромному сожалению спасателей, трюмы космолета оказались недостаточно велики, а это означало, что «Белку» придется оставить на Меркурии.

На Саблина и особенно на Мирзояна было страшно смотреть. Оба переживали, словно расставались с родным человеком. Но Поплавский не разделял их пессимизма.

— Ничего не поделаешь, иногда теряют больше, — заявил он. — Мы сюда еще вернемся, и я надеюсь, очень скоро. А сейчас надо спрятать машину в самом глухом месте среди скал, и непременно в тени. Задраить люки так, чтобы ни одна сволочь даже с бластером не смогла бы пробраться внутрь. Ашот, поручаю это дело тебе.

Водитель вернулся лишь через несколько часов, слегка повеселевший. Он нанес на карту место, где спрятал «Белку». «Ее там ни за что не разыщут! — поклялся Ашот. — Я уж позаботился об этом. Всякому, кто сунется в ту сторону, я не завидую».

Космолет медленно поднялся над скалами и на несколько мгновений как бы застыл на столбе ярко-желтого огня, имевшего точно такой же цвет, как и солнечный камень. Затем Поплавский включил поворотные дюзы, и корабль начал набирать скорость, развернувшись в противоположном от Солнца направлении.

Не удержавшись, командир посмотрел на один из экранов, где высвечивалось изображение поверхности планеты, изрытой десятками кратеров.

— Гляди, Виталий! — воскликнул он.

На равнине возле широкой расщелины лежал, перевернувшись вверх гусеницами, красный полицейский краулер. Возле него, по самому краю двигался человек, приплясывая то на одной, то на другой ноге.

Это был комиссар Ларикони, исполнявший танец Розового слона.

Огненный бог Меркурия оказался беспощадным даже к своему преданному солнцепоклоннику.

ВОЙНА НА АСТЕРОИДАХ

Церера, 2026 г

ВОЙНА НА АСТЕРОИДАХ, ЦЕРЕРА, 2026 Г.

ПОВЕСТЬ

Пройдя орбиту Марса, космолет «Синее пламя» направился в сторону Юпитера. Два крупнейших астероида — Церера и Паллада находились в это время в афелии, и потому с каждой минутой космолет удалялся от Солнца. Вынужденная посадка на Луне, когда борт корабля покинула часть его экипажа, заняла несколько дней, и теперь приходилось нагонять упущенное время. Саблин дневал и ночевал в кормовом отсеке, наблюдая за работой агрегатов двигательной системы. Солнечный камень, растворенный в обычном химическом топливе, совершал настоящие чудеса, но камеры сгорания, жаровые трубы и система поворотных сопел не могли выдержать таких высоких температур и давлений, и потому бортинженеру пришлось изрядно потрудиться, балансируя на грани допустимого. И тем не менее «Синее пламя» постепенно вышло на маршевый режим, почти в три раза превосходя скорость своих собратьев по дальнему Внеземелью.

Поплавскому, пилотиовавшему корабль, тоже пришлось нелегко. Быстро выяснилось, что силовая конструкция космолета не рассчитана на высокие перегрузки и при двукратном превышении их паспортных значений фюзеляж начинает опасно вибрировать, грозя крупными разрушениями. Поэтому пилоту приходилось постоянно работать с Мирзояном и Кориным, выполнявшим роль космонавигаторов.

Наконец все утряслось. Корабль вышел на предельно допустимый для него режим, и Поплавский с видимым облегчением включил автопилот, которому в дальнейшем предстояло отрабатывать заданную траекторию. Расчеты показывали, что в пояс астероидов «Синее пламя» войдет через двое стандартных суток, и потому командир отдал приказ всем отсыпаться, оставив на вахте лишь одного человека. Спасатели разошлись по темным пеналообразным каютам и быстро заснули под могучий храп Асташевского, который беспробудно спал еще с момента взлета с Луны.

Часов через десять все, кроме Саблина (он продолжал спать, утомленный до невозможности), собрались в уютной кают-компании. Асташевский, как всегда, нахально занял единственный диван, который оказался для него явно маловат. Остальные уселись в креслах. Перед ними на стене блесст бесчисленными огоньками широкий экран. Приглядевшись, можно было легко обнаружить, что некоторые огоньки заметно перемещались — это были крупные астероиды.

После долгой напряженной паузы первым заговорил Поплавский.

— Полет до Цереры продолжится еще дней десять, поскольку этот астероид находится в глубине пояса, почти посредине между Марсом и Юпитером. Времени у нас предостаточно, чтобы все обдумать и обсудить. Но сначала я хочу спросить вас, братцы, — а кто-нибудь знает хоть что-то о колонистах Цереры?

Спасатели переглянулись.

— Кажется, я слышал о какой-то Новой Утопии... — нерешительно произнес Мирзоян. — Но толком ничего не знаю. А ты, Вадим?

Асташевский, полулежащий на диване, словно шах, развел могучими руками.

— Знаю, что на Церере поселились какие-то то ли сумасшедшие, то ли ненормальные, — сообщил он. — Или наоборот.

Марта и Корин промолчали — они не могли похвастаться даже такой «исчерпывающей» информацией.

— Прекрасно, — усмехнулся Поплавский. — Земные и внеземные СМИ, как я вижу постарались на славу. Замолчать такой грандиозный эксперимент — это надо уметь. Надеюсь, хотя бы имя Андрея Селивестрова вам известно?

— А как же, — заметно оживился Асташевский. — «Рерих XXI века» — так его кажется, называли?

— Точно, — кивнул Поплавский. — Философ, художник, ученый, путешественник — словом, очень колоритная фигура. Мы познакомились лет шесть назад на Марсе. Кстати, Игорь, он был одним из ближайших друзей Литвинова.

— Да, конечно, я помню! — ответил Корин. — Когда-то в молодости это была неразлучная троица: Литвинов, Стельмах и Селивестров. У последнего было даже какое-то странное прозвище... вспомнил — капитан Грант. Кажется, он заработал на своих картинах огромное состояние и все потратил на научные исследования. Его идея фикс — создание колонии в космосе, где люди очистятся от врожденного греха и дадут начало новому виду хомо сапиенс. Так?

— Очень приблизительно, но не так уж далеко от истины, — согласился Поплавский. — Интересно, а как относился к идеям Селивестрова Литвинов?

Корин пожал плечами.

— Да мы и говорили на эту тему всего пару раз, — признался он. — Если в двух словах, то Литвинов недоумевал и восхищался одновременно. Называл блаженным идеалистом, но считан, что без таких людей человечество быстро одичает, а то и вовсе оскотинится. Он говорил, что Грант — человек идеи, а себя и Стельмаха относил к людям дела. Вот и все, что я знаю.

Поплавский молча кивнул. Он обвел друзей задумчивым взглядом, пожевывая губы, словно не зная, с чего начать.

— Был, знаете ли, давний и знаменитый спор между Львом Толстым и Ильей Мечниковым. Великий писатель считал, что человек создан Господом, а следовательно, изначально совершенен и лишь сам себя испортил неверным образом жизни. Он ратовал за гармоничный образ жизни, когда человек ежедневно восемь часов должен заниматься простым физическим трудом, и лишь четыре — умственным: читать Библию, заниматься нравственным самосовершенствованием. К наукам же, особенно фундаментальным, Толстой относился с подозрением и называл ученых тунеядцами.

А вот биолог Мечников смотрел на эту проблему совсем иначе. Он полагал, что человек — существо, которое унаследовало от животных некоторые черты организации, ставшие источником его несчастий.

— Ты имеешь в виду всякие там рудиментарные органы, вроде аппендикса? — с иронией прервала Марта. — Этот взгляд давно устарел. Наоборот, доказано, что органы всякие нужны, органы всякие важны. Например, тот же аппендикс играет немалую роль в иммунной системе организма, — это я тебе говорю как бывший астробиолог. Хотя в чем-то Мечников был прав, человек устроен несовершенно. Скажем, он чересчур резко реагирует на боль, даже когда нет никакой угрозы для жизни, а вот любой яд выпьет и не поморщится.

— Вот, вот! — многозначительно поднял палец Поплавский. — О том и речь. Человек несовершенно, писал Мечников, и для подлинно нравственного его поведения одного физического труда и чтения Библии мало. Нужно перестроить биологическую природу, что и будет сделано в будущем. Правда, особых рецептов для этой предстоящей переделки Мечников не предложил. Но намекнул, что собака, быть может, зарыта в механизме

естественного отбора. Мол, для животных — это основной двигатель эволюции, а в человеческом обществе роль естественного отбора падает. Рано или поздно придется прибегнуть к искусственному отбору, что станет критическим и самым трудным периодом в истории человечества.

Асташевский шумно засопел.

— Знаем, знаем, проходили, — недовольно загудел он. — Мерили уже высоту лба, проверяли на расовую чистоту и идейно-нравственные качества. Интересно, а какой инструмент для отбора придумал Селивестров? Если он собирается отбирать людей будущего по длине усов, я как раз ему сгложусь.

Все рассмеялись, в том числе и Поплавский.

— Нет, брат, — заметил он. — Одними усами здесь не обойдешься. Да и не отбирал Селивестров никого, когда отправлялся основывать колонию в поясе астероидов пять лет назад. С ним полетели около трехсот его верных последователей: мужчин и женщин — тех, кто рискнул поставить над собой эксперимент под названием «Новая Утопия».

— А почему именно в пояс астероидов? — удивился Корин. — Что им, мало места на Марсе или, скажем, на Луне?

— Вот именно — мало, — кивнул Поплавский. — Ты сам недавно там побывал. Как считаешь, можно основать на этих планетах нечто действительно новое? Вот так-то. Зато старое там отлично прижилось: жуткая борьба за кусок посылтнее, за место под солнцем, и мы всего этого вволю нахлебались. Так человечество жило и сто, и тысячу лет назад. Религия свою нравственную миссию до конца не выполнила, и это факт. Торговцев однажды выгнали из храма — а чуть позже они вернулись со щедрыми подношениями. И на эти подношения построили второй храм, побогаче, где тем же торговцам отпустили все грехи. Такова история человечества, и в этом его трагедия.

Мирзоян нахмурился.

— Погоди — а при чем здесь спор между писателем и ученым? Что-то я запутался...

— А при том, дорогой Ашотик, что Толстой взывал к врожденному нравственному чувству. Он считал, что можно пробудить у людей, принадлежащих к господствующим классам, их уснувшую совесть. А вот Мечников в это не верил. Он говорил, что врожденное нравственное чувство у большинства людей не может пересилить их же врожденный эгоизм. И кто оказался прав? Возьмите нашу многострадальную Россию. Сколько в ней за последние два века происходило: менялись общественные строи, церковь то загоняли в подполье, то возрождали; общество то подвергали страшной идеологической обработке, то отпускали без руля и ветрил... И все без толку. Какие бы замечательные программы ни предлагались, все получалось как всегда: элиты работали только на себя, зубами вцепляясь во власть и собственность, и отступали лишь тогда, когда на смену им приходили другие, более сильные и сплоченные. И не важно, как этот строй назывался — феодализм, капитализм или социализм, все равно игра шла, что называется, в одни ворота.

— Хм-м... а что же предлагает Селивестров? — спросил Асташевский. — Прививки, что ли, всем нам сделать? Кажется, у Лема есть такой роман, когда людям делают бетризацию, чтобы они, значит, не смогли бы убивать. Ну и человечество, понятное дело, сразу же захирело.

— Нет, конечно, — усмехнулся Поплавский. — Хотя кое-какое сходство есть. Понимаете, Селивестров долгое время занимался изучением генетической природы эволюции. А попросту, искал ген, который был ответственен за естественный отбор.

Конечно, для всех живых существ он жизненно необходим — ведь зародышей всегда намного больше, чем сможет прокормить биосфера. И Селивестров этот ген нашел. Он назвал его «геном борьбы», или «геном зла»...

— Почему зла? — перебил командира настырный Ашот.

— Ну, брат, это мы в такие философские дебри заберемся... — протянул Поплавский.

— Не надо! — простонал Асташевский. — Только вот этого — не надо! Я думал, мы соберемся, составим план действий — ну, кому пушку наводить, кому снаряды подносить, а кому команду отдавать. А мы тут про добро и зло заговорили... Пойду, что ли, перекушу с горя.

Он встал с дивана, шумно зевнул, потянулся и направился на камбуз. Ашот выразительно пошевелил носом, но все же остался. А Марта и Корин рассказом Поплавского явно заинтересовались.

— Про «ген борьбы» я помню, — с оживлением произнесла Марта. — Еще в институте нам про это рассказывали — но факультативно, поскольку официально теория Селивестрова не была признана. Чужаков в генетике не любят... да и где их любят! Он проделал уйму экспериментов с зародышами многих простейших и сумел-таки выделить ген, при разрушении которого зародыши переставали проявлять прежнюю активность. И погибали на порядок чаще, чем прежде.

— Вот-вот, — кивнул Поплавский. — Такое, случись оно в большом масштабе, могло бы привести к быстрому вырождению и исчезновению вида. Селивестров считал, что из-за саморазрушения «гена борьбы» и вымерли в свое время динозавры, а не из-за похолодания или других причин. Собственно, не в динозаврах даже дело — на Земле бесследно исчезли миллионы видов животных, насекомых и птиц, и одним естественным отбором такое не объяснишь.

— А при чем здесь люди и при чем здесь зло? — спросил Корин.

— А при том, что борьба — это зачастую уничтожение, прямое или косвенное. Можно проглотить зазевавшегося собрата, а можно выхватить у него из-под носа последнего червячка. А такие вещи мы, люди, относим ко злу, не так ли?

— Это точно, — хохотнул Корин. — Если сейчас пойти на камбуз и слопать последний оставшийся в холодильнике кусок ветчины, то Слон не забудет такой обиды до конца дней своих. И преступник будет назван именами всех врагов человечества, отныне и вовеки веков.

— Очень образный пример, — ухмыльнулся Поплавский. — Итак, там, где борьба, там уничтожение, там и возникает зло. А вот гена добра нет, это чисто изобретение разума человека. Зато в геноме многих высших животных заложены всяческие ограничения на зло, типа библейских: не убий себе подобного, не впадай в содомский грех и прочее. Понимаете — гена добра нет! В этом-то, по мнению Селивестрова, и есть корень зла, который терзает человечество на протяжении всех тысячелетий. Когда люди жили первобытнообщинным строем, они еще недалеко ушли от своих предков-обезьян, и потому их зло носило во многом животный характер примитивной борьбы за существование. Но со временем разум человека развился, руки делали свое дело, и вокруг человека появилась вторая природа. Она стала защищать человека, кормить его и диктовать ИСКУССТВЕННЫЕ принципы добра — их создавали религия, литература, культура и прочее. Но «ген борьбы» продолжал непрерывно производить зло, которое уже не нужно было для эволюции человека, по крайней мере, в таком количестве. Понимаете: искусственное добро — и натуральное зло! Неравные силы. А поскольку зло всегда активнее и сильнее, то всегда

элиты будут предельно эгоистичными, в какие бы красивые одежды они ни рядились и какие бы слова ни произносили. Воспитание, религия, образование — все это замечательно, но природу человека не изменить никогда! В верхах всегда будет цвести алчность и себялюбие, а в низах — зависть и косность. Двадцатый век это прекрасно доказал, и особенно у нас, в России. Именно мы первыми начали строить коммунизм, который удивительным образом стал быстро во многом смахивать на фашизм. Кстати, у моих любимых писателей братьев Стругацких есть роман «Град Обреченный». Там как раз про это: как ни перетряхивали могущественные Наставники экспериментальный город людей из различных эпох, как ни пересаживали его правителей с места на место, ни черта не получалось.

Некоторое время все молчали, обдумывая сказанное. Наконец Марта нерешительно спросила:

— И что же предлагает твой Селивестров? Заняться усовершенствованием человека, оскопив его, разрушив в нем «ген борьбы»?

— Ну, зачем же непременно разрушать, — добродушно улыбнулся Поплавский. — Нет, лемовской «бетризации» нам не надо. Но несколько пассивизировать зло можно. Этими экспериментами и занимался Селивестров на протяжении многих лет. Он установил, что на «ген борьбы» благотворно влияет невесомость. А если к этому добавить практически безграничную свободу, когда каждый человек может выбрать себе любую из сотен тысяч малых планет и в то же время иметь возможность общаться с теми, кто живет в городах, скажем, на той же Церере...

— Теперь понимаю, — задумчиво произнес Корин. — Так вот на каком фундаменте собирается строить Селивестров свою Новую Утопию...

— И он ее уже строит, — улыбнулся командир. — Я слышал от друзей, что на Церере основан небольшой поселок, хотя более половины колонистов предпочли разбрестись по соседним астероидам. Среди них, кстати, немало представителей тех самых элит, о которых так жестко высказывался Мечников. Ну что ж, в семье не без урода! Они вложили в этот проект огромные деньги. Нашлись и богатые спонсоры. Так что в течение нескольких лет колония в астероидах не будет ни в чем нуждаться.

— А-а, это сейчас, — пробурчал Ашот. — А дальше как будут жить? Если уж на Марсе сады не хотят цвести, то как они зацветут в этакой холодище и темнотище?

— Зацветут, — уверенно отозвался Корин. — Люди в колонии собрались головастые и рукастые. Кроме того, они уже нашли, чем торговать с Землей. На астероидах найдены уникальные драгоценные камни, каких больше нет нигде в Солнечной системе — так называемые протосамоцветы. Они образовались тогда же, когда из газо-пепельного облака сформировалось первичное твердое вещество, ставшее строительным материалом для планет. Но вот между Марсом и Юпитером планета так и не образовалась, и все строительство ограничилось созданием астероидов.

Разноцветные протосамоцветы обнаружили первые экспедиции на Цереру, но камней было так мало, что об их промышленной добыче и речи не могло идти. А колонисты вполне могут этим заработать на жизнь, по крайней мере, для начала. А дальше... кто знает, что произойдет с человечеством дальше? Еще неизвестно, кто выживет этак лет через триста — земляне или колонисты в десятом поколении...

Марта со страхом посмотрела на Поплавского.

— Но это уже, наверное, будут не люди... то есть не совсем люди... Человек космический... даже представить жутко.

— Знаете, а мне идея понравилась, — неожиданно заявил Ашот. — Дома на Земле у меня нет — вы же знаете, я родом из Нагорного Карабаха, а там до сих пор мои родичи отношения выясняют. Была у меня мысль со временем остепениться и перебраться на Марс на постоянное место жительства... Да как вспомню про этих грабителей, так сразу аппетит пропадает. Они еще дел наделают, это я точно говорю. А пояс астероидов... жить с женой и детьми на своей маленькой планетке...

— Как Маленький принц? — с улыбкой спросила Марта.

— А почему нет? Я бы себе такой дом отгрохал... Ведь я когда-то строительный институт в Баку заканчивал, а водителем стал случайно. Нет, ребята, в этой Новой Утопии что-то есть. Не знаю, как там выйдет с «геном зла», а зато такой свободы, пожалуй, нигде больше не найдешь.

— Вот именно, — с чувством сказал Поплавский. — Свобода! А туда направились люди типа Аль-Багдира. Теперь понимаете, какая каша может завариться в поясе астероидов? Хорошо, если «грабители» Марса орудуют где-то вдали от Цереры и стараются не попадаться колонистам на глаза. Но что-то раньше мы не замечали у них особой деликатности. Таким образом, драка рано или поздно произойдет.

— Если бандиты уже не нашли корабли марсиан, — вставил Корин.

— Конечно, конечно. Только нелегкое это дело — куда труднее, чем найти иголку в стоге сена. А теперь баста, дискуссионный клуб на сегодня закрыт. Завтра мы обсудим, как с помощью двух карт окрестностей Цереры, сделанных неизвестно когда и непонятно с какого ракурса, можно нащупать путь к космолетам. Дело это крайне темное, но все же...

Командира прервал негодующий вопль. Асташевский ворвался в кают-компанию, держа в руках банку из-под консервированной ветчины.

— Кто? — проревел он, обводя друзей оскорбленным взглядом. — Кто посмел... Да я же этот кусок берег и лелеял с самого Меркурия!

Ему ответил дружный взрыв смеха.

— Вот вам и «ген зла», вот и врожденный эгоизм, — вытирая слезящиеся от смеха глаза, заметил Поплавский. — Нет, братцы, Мечников с Селивестровым правы — природу человека надо улучшать, и побыстрее!

Церера появилась на обзорном экране через неделю. Сначала она выглядела лишь слабой, едва заметной звездочкой шестой величины, затем стала стремительно расти и вскоре превратилась в маленький диск. Ее, как царственную особу, сопровождал целый шлейф более мелких астероидов, число которых непрерывно росло. Противометеоритный локатор корабля, усовершенствованный во время полета умелыми руками Саблина, постоянно передавал информацию в компьютер о наличии вокруг космолета каменных тел, но пока еще ни разу не зазвучал тревожный сигнал сирены. И тем не менее Поплавский и Саблин дневали и ночевали в пилотских креслах в ожидании любых чрезвычайных ситуаций. Как-никак, крупных астероидов диаметром до километра в поясе насчитывалось более двухсот тысяч, а более мелких — еще около трехсот миллионов. Но и объем пояса астероидов был фантастически велик, так что вероятность столкновения корабля с каменным обломком составляла очень малую величину — и все же не настолько малую, чтобы ею можно было пренебречь.

Когда до Цереры осталось около полумиллиона километров, пилоты рискнули отключить автопилот и начали осуществлять маневр сближения. Хотя Церера и являлась самым крупным космическим телом между Марсом и Юпитером, диаметр ее составлял всего 770 километров. Бортовой компьютер выдал на экран карту Цереры, сделанную десять лет назад, но, естественно, на ней еще не был нанесен поселок Селивестрова и его друзей. Поэтому пришлось вывести корабль на круговую орбиту, что потребовало значительного и потому долгого торможения. Даже для бывалых Поплавского и Саблина длительные перегрузки оказались далеко не подарком, а Корин с Мартой и вовсе лежали в лежку.

И все же настал момент, когда этим мучениям пришел конец. «Синее пламя» стало совершать над Церерой виток за витком. Астероид произвел мрачное впечатление: темная, почти черная поверхность, небольшие горы и глубокие расщелины, несколько крупных кратеров и сотни мелких. В целом Церера внешне очень напоминала Меркурий, но в отличие от него имела неправильную, слегка вытянутую форму. Спасатели дружно прилипли к иллюминаторам, с благоговением взирая на одно из самых древних в Солнечной системе космических тел, состоящее из протовещества.

На восьмом витке металлоискатель обнаружил поселок. Оказалось, что возле одного из горных хребтов, на дне большого кратера, находится несколько десятков куполов. Невдалеке, за высоким валом, располагалась и посадочная площадка, где стояли на причале пять космолетов.

Поплавский включил рацию и с помощью узконаправленной антенны сумел после нескольких попыток установить связь с поселком. Дежурный радист был изрядно удивлен, узнав о прилете гостей, но радушно предложил совершить посадку на местном космодроме.

— Спасибо, — ответил Поплавский. — А могу я переговорить с Селивестровым?

— Андрей Георгиевич в другом куполе, — после небольшой паузы ответил дежурный. — Но он будет, разумеется, очень рад вас видеть. К нам, знаете, не так часто прилетают нежданные гости.

— Я бы очень попросил пригласить его к рации, — настаивал Поплавский. — У меня чрезвычайно важное сообщение. Здесь дорога каждая минута.

— Хорошо, — удивленно отозвался радист. — На следующем витке...

Связь прервалась — антенна потеряла поселок, ушедший за горизонт малой планеты.

Спасатели непонимающе глядели на командира. Тот смущенно хмыкнул.

— Это я так, для перестраховки, — объяснил он. — Как-никак, Аль-Багдир и его бандиты уже не один месяц рыщут где-то поблизости. Вряд ли колонисты представляют для них интерес, но все же надо быть ко всему готовыми. Если Андрей не отзовется, то нам рисковать не стоит.

Во время следующего витка связь вновь восстановилась.

— Володя, это ты? — послышался в динамике чей-то густой, сиплый голос. — Я сплю или брежу?

Поплавский с заметным облегчением сказал:

— А кто же еще рискнет забраться в эту медвежью берлогу? Хотим поглядеть на вашу Новую Утопию, этакое райское блаженство на краю света.

Селивестров расхохотался:

— Ну, насчет райского блаженства это ты поспешил, дружище. Пока наши поселения на астероидах больше походят на скиты, а мы — на черных монахов, что должны день и ночь умерщвлять плоть. Наши гидропонные плантации — кошмарный сон. Даже хлорелла не растет, а уж об остальном...

Связь вновь прервалась, но это уже никого не огорчило.

— Готовимся к посадке, — сообщил Поплавский. — Всем пристегнуть ремни безопасности. Вадим, а тебе бы не помешали два ремня. Не ручаюсь, что нас не будет трясти и мотать из стороны в сторону.

— Нет у меня второго ремня, — мрачно сообщил Асташевский.

— Ничего, Вадик, я буду тебя нежно держать за руку, — предложил Ашот. — О-ох!..

Космолет тряхнуло раз, другой, третий. С помощью поворотных сопел Поплавский погасил орбитальную скорость и начал осуществлять сложный маневр посадки.

...Корин пришел в себя от того, что кто-то сильно тряс его за плечо.

— Жив? — коротко спросил Поплавский.

— Вроде...

— Надевай скафандр. И включи магниты на подошвах сапог на всю катушку. Тяготение здесь совсем чепуховое, так что не делай резких движений, иначе лови тебя потом где-то возле Юпитера... На всякий случай мы все свяжемся тросом, ясно?

Корин вяло кивнул. Голова его раскалывалась от пульсирующей боли, хотя в теле ощущалась невероятная легкость. Казалось, корабль продолжал лететь по инерционному участку траектории, но на самом деле он уже бросил магнитный якорь на причале космодрома. И не на Луне или Марсе, — а на Церере! В это трудно было поверить.

Пройдя кессонную камеру, спасатели спустились по трапу, держась за поручни. Все, даже оба пилота, чувствовали себя не очень уверенно.

Первое, что они увидели, было Солнце — небольшой яркий диск, окруженный роем разноцветных огней звезд и планет. Оно было в два раза меньше того, что сияло над Марсом, но все же давало немало света и даже слегка нагревало поверхность астероида. Увидев Солнце, Корин заметно прибодрился. Он почему-то считал, что пояс астероидов погружен в глубокую космическую тьму, чуждую всему живому. «Что же, — подумал он, — действительно немного похоже на планету из сказки Сент-Экзюпери. Жаль, что на Церере нет атмосферы, иначе здесь на самом деле можно было бы наблюдать чудесные закаты и рассветы, просто передвигая стульчик с места на место!»

Солнце заметно быстро перемещалось в черном небе, приближаясь к зениту. Тени, ползущие от невысоких гор и вала кратера, смещались налево, словно гигантская часовая стрелка. Горизонт располагался настолько близко, что казалось, до него можно добраться одним длинным прыжком.

Навстречу гостям со стороны кратера направлялся один из колонистов. Он шел, семена ногами, как обычно делают при использовании магнитных подошв. За поясом его скафандра висели два реактивных импеллера, часто применяемых в открытом космосе.

Поприветствовав спасателей, он оценивающе оглядел тонкую бечеву из металлопластика, которой гости связались в альпинистскую связку, и остался доволен.

— Не беспокойтесь, — сказал он по-русски. — Церера обладает вполне приличным полем тяготения, так что улететь отсюда в мировое пространство не просто — не то что на малых астероидах. Да и металла под ногами хватает, поэтому ходить не так уж и трудно. Только не следует делать резких движений. Представьте, что вы идете по льду, и не стесняйтесь шаркать ногами. Здесь, на Церере, действует известное правило: тише едешь, дальше будешь.

— А где же господин Селивестров? — благодушно спросил Поплавский. — Я надеялся, что он захочет обнять меня здесь, у трапа. Семь лет не виделись — шутка ли!

— Андрей Георгиевич немного приболел, — огорченно ответил колонист. — Но в данном случае это даже хорошо — иначе бы вам пришлось его долго разыскивать. Наша колония уже расползлась почти на сто тысяч кубических километров, и у начальства дел невпроворот. У всех поселенцев проблемы, только успевай приходить на помощь.

— Но все, надеюсь, живы и здоровы? — спросил Поплавский.

Колонист не ответил.

— Андрей Георгиевич все расскажет, — сказал он. — Ну, пошли! Следите за моими движениями, и все будет в порядке.

Марта все же не утерпела:

— Скажите, а у вас в последние месяцы не появлялись... э-э... неприятные соседи?

Колонист только махнул рукой.

— Есть такое дело... А вы откуда знаете? Вот уж не думал, что на Земле интересуются нашей Новой Утопией.

Переход до поселка колонистов занял почти полчаса, хотя расстояние от космодрома не превышало полутора километров. Постепенно спасатели начали приспособливаться к малому тяготению. Солнечный день еще продолжался, и это облегчало их задачу. Корину Церера определенно начала нравиться. Он подумал: «А почему бы и впрямь со временем не осесть именно здесь? Или выбрать одну из соседних малых планет. Шутка ли — иметь СВОЙ мир! Если в моем распоряжении будет небольшой космобот, то исчезнет проблема общения с другими колонистами, и...»

— Пойдите, а где же ваши космоботы? — спросил Игорь. — Мы видели только большие корабли.

Колонист, не останавливаясь, ответил:

— Как где? Все при деле. У нас их всего лишь двадцать пять штук, а желающих жить на своей планетке — около восьмидесяти семей. Проблема! Но не самая главная. Да вы скоро обо всем узнаете...

Преодолев низкий и явно искусственно сделанный перевал в стене кратера, гости увидели поселение колонистов. Оно выглядело весьма скромно. Ни о каких силовых куполах

и зимних садах, разумеется, и речи не шло. Зато люди, которые здесь жили, были совсем иного сорта, чем «грабители» Марса или горняки с Меркурия, и одна мысль об этом грела сердца спасателей. Наконец-то они смогут хоть немного отдохнуть в беседе с братьями по разуму!

Пройдя тесный кессон, гости с облегчением сняли шлемы. То же сделал и сопровождавший их колонист. Это оказался симпатичный русоволосый парень с застенчивой улыбкой и открытым, искренним взглядом. Он с почтением осмотрел гостей и зарделся, увидев среди них очаровательную Марту.

— Меня зовут Алеша, — сказал он. — То есть Алексей Вартов. Глазам своим не верю... знаменитая «Дельта» в полном составе! Даже... — тут он взглянул на Марту и еще больше покраснел.

Поплавский снисходительно похлопал его по плечу.

— Небось, слышал про Царевну Внеземелья? — осведомился он. — Это она и есть. Видишь над головой светящийся нимб?

— Брось трепаться, Володя, — с довольной улыбкой прервала его Шадрина. — Кто-нибудь поможет мне снять скафандр?

Алексей опередил всех и с почтительным видом помог молодой женщине расстегнуть крепежные замки.

Спустя несколько минут спасатели вошли в большую гостиную, где их должен быть встречать сам приболевший Селивестров.

Посреди овальной комнаты стоял, сложив руки на груди, смуглый человек с длинными черными волосами, спадавшими на плечи. На нем был цивильный серый костюм, а на ногах — башмаки с толстыми магнитными подошвами.

— Аль-Багдир... — выдохнул Корин, невольно отшатнувшись.

В спину его немедленно уткнулось дуло пистолета.

— Потише, дядя Корин, — послышался насмешливый голос Алексея. — Здесь порожек, как бы вам не споткнуться.

Корин оглянулся и увидел позади себя, возле двери, четверых крепкого телосложения парней со стуннера-ми в руках.

Поплавского, впрочем, их появление ничуть не удивило.

— Грубая работа, — сказал он по-английски, обращаясь к Аль-Багдиру. — Ваши снайперы совсем не умеют маскироваться. Они так неумело сопровождали нас от места посадки, что я, кажется, даже слышал их дыхание.

Аль-Багдир пожал плечами.

— А если и так — что за важность, коли вы здесь? — спокойно ответил он. — Хорошо, что у вас хватило ума не устраивать потасовку, господин Поплавский. Она могла закончиться для всех вас очень плохо.

Поплавский усмехнулся и также сложил руки на груди.

— Вот потому я так и действовал. Но, признаюсь, это был неприятный сюрприз. Вы здорово нас провели, поприветствовав от имени Селивестрова. К сожалению, я даже не почувствовал фальши.

— Нынешние компьютеры — просто чудо, — улыбнулся Аль-Багдир. — Два часа работы с магнитофонными записями — и можно синтезировать любой голос. Второго Карузо, конечно, таким образом не создашь, но имитация обычного голоса получается весьма недурно. Да что же вы стоите, дамы и господа, — садитесь. Наверное, вы весьма

утомились после такого рекордно быстрого перелета. Что будете пить? Русскую водку хотите? Есть и осетрина, и даже ваша любимая красная икра...

Асташевский бросился к Аль-Багдиру, словно тигр. Увы, еще в воздухе Вадима настигли парализующие лучи стуннеров. Араб молниеносно отскочил в сторону, так что бывший космодесантник упал на пол рядом с противоположной стеной и, судорожно дернувшись несколько раз, затих.

— Очень глупо, — заметил спокойным голосом Аль-Багдир. — Это же не База-2 на Марсе, где «Дельта» сумела славно поработать кулаками. Здесь не Марс, а Церера, а я не капитан Слейтон и даже не комиссар Книшевич. Поэтому еще раз настойчиво прошу вас сесть за стол. Предстоящий разговор нужен вам куда больше, чем мне. Учтите, больше приглашать я не намерен.

Поплавский посмотрел на друзей и слегка кивнул. Все молча расселись вокруг большого круглого стола. Вошли два стюарда и сервировали стол пластиковыми «грушами» с магнитными доньшками, предназначенными специально для условий невесомости.

— Это всего лишь обычный сок, — улыбнувшись, порекомендовал Аль-Багдир. — Я вспомнил: у вас в «Дельте» принят сухой закон.

Стараясь не смотреть на лежащего у соседней стены Асташевского, Корин взял прохладную «грушу» и сделал несколько жадных глотков. Горькая сухость во рту прошла, но настроение не улучшилось. «Глупо попались, — подумал он тоскливо. — В который уж раз! Кажется, этот араб играет с нами как кошка с мышкой. Но зачем мы ему нужны?»

— Итак, чем можем служить? — после долгой паузы с иронией спросил Поплавский.

Брови Аль-Багдира невольно сдвинулись.

— Бросьте, Викинг, нечего делать веселую мину при дурной игре, — резко сказал он. — Вы сами все испортили. Зачем покинули Меркурий? Вновь захотелось поиграть в спасителей человечества? Да, однажды на Марсе вашей группе совершенно случайно удалось изрядно спутать наши карты, но вы совершенно напрасно возгордились. С той поры мы обратили на «Дельту» серьезное внимание и выигрываем партию за партией. Казалось бы, для умных людей должно быть ясно, как вести себя, но вы упрямо лезете на рожон. И явно в этом переусердствовали.

— А кто это «мы»? — с интересом спросил Поплавский, игнорируя жесткий тон Аль-Багдира. — Можно узнать, какому медведю мы наступили на лапу?

Аль-Багдир пристально оглядел сидевших напротив него спасателей.

— Что ж, пожалуй, теперь пора рассказать об этом, — после долгой паузы отозвался он. — Хотя, по- моему, не так уж и трудно было догадаться. «Мы» — это Лига Мирового Правительства, в сокращении — ЛИМП. Это объединение сотен очень влиятельных и богатых людей Земли и Внеземелья, разных рас, вероисповеданий и политических взглядов.

— Объединение? — поднял брови Поплавский. — Что же может объединять столь разных людей? Жажда власти над миром?

— Можно и так сказать, — снисходительно кивнул Аль-Багдир. — Хотя это чрезвычайно примитивный взгляд на очень сложные вещи. Да, чистых альтруистов среди членов ЛИМПа немного — немногочисленные деятели культуры и ученые. В основном же в наше руководство входят люди дела, причем мирового масштаба. Разумеется, никто из них не собирается действовать себе во вред, каждый надеется сохранить и преумножить свои капиталы — но не это движет нами.

— Наверное, вы действуете исходя из самых возвышенных целей? — иронично

улыбаясь, промолвила Марта.

Аль-Багдир сурово взглянул на нее.

— Разумеется, — сухо ответил он. — И не надо так скептически улыбаться, госпожа Шадрина. Понимаю, у вас лично остались не очень приятные воспоминания о наших прежних встречах, но что поделать? Ставка в этой игре с марсианским оружием слишком велика, и даже ваши молодость и красота не остановили нас. И мы добились своей цели! Кстати, и вы, как я вижу, чувствуете себя весьма недурно. Искренне рад этому. Да, мы действовали по отношению к вам жестоко, но вместе с тем весьма деликатно, разве нет?

Марта вспыхнула:

— Деликатно? Вы держали меня в своих темницах словно подопытного кролика, рылись своими грязными руками в моей памяти... Признайтесь, я ведь могла погибнуть или потерять разум из-за ваших изуверских экспериментов?

— Все могло случиться... — уклонился от ответа Аль-Багдир. — Но этого не произошло, и я очень рад.

В разговор вновь вмешался Поплавский:

— Итак, господин Аль-Багдир, вы сказали, что сейчас близки к своей цели. Выходит, вы пока не нашли марсианских звездолетов?

— Нет, пока — нет. Но мы на верном пути.

— Можно поинтересоваться, — а что вам удалось разыскать?

— Хм-м... Ну что ж... Алексей, принеси нашу находку под номером 11-4.

Симпатичный белобрысый юноша кивнул и вышел из зала. Он вернулся несколько минут спустя, неся в руках какой-то предмет, закутанный в белую материю, и положил его на стол перед хозяином.

Аль-Багдир осторожно снял белый лоскут, и перед взором спасателей предстал какой-то странный, наполовину оплавленный агрегат. Из уцелевшей его части торчали толстые жгуты и десятки оборванных проводов.

— Наши ученые считают, что это — обломок агрегата из системы управления двигателем, — пояснил Аль-Багдир. — Элементная база та же самая, что и на многих найденных нами марсианских машинах. Сомнений нет — это часть марсианского корабля, разбившегося при столкновении с одним из маленьких астероидов.

Поплавский с надеждой спросил:

— Выходит, от космического флота марсиан остались одни обломки?

Аль-Багдир рассмеялся.

— И не надейтесь, мистер Поплавский. Мы уверены, что два или, по крайней мере, один корабль уцелел.

— Откуда такая уверенность? — спросил Корин.

— Откуда? Хм-м... Нам об этом рассказал один человек, который видел марсианский корабль своими глазами.

— Колонист?

— А кто же еще? — помрачнев, процедил Аль-Багдир.

— Прекрасно! — просиял Поплавский. — Судя по вашей кислой физиономии, Аль-Багдир, этот человек бежал. Вряд ли бы вы стали его убивать.

— Мы найдем его, — пообещал Аль-Багдир. — Колония находится еще в зародыше, и мы держим все ее крошечные миры под контролем.

— Ага, значит, и другим колонистам удалось бежать? — с надеждой спросил

Саблин. — То-то я вижу, на космодроме нет ни одного их корабля...

Араб нахмурился и нервно постучал пальцами по столу. Ему явно не нравилось, какой поворот принял разговор.

— При чем здесь колонисты? — раздраженно буркнул он. — Мы не варвары и не собирались уничтожать этих людей, тем более что они почти безоружны. Знаете, мне лично господин Селивестров даже симпатичен. Я еще на Земле читал его труды и восхищался острым, пронизательным умом этого выдающегося мыслителя.

Собственно говоря, некоторые его идеи использовались при составлении манифеста ЛИМП.

Спасатели были поражены.

— Что? — едва выдавил из себя Поплавский. — Вы — и Селивестров? Что может быть общего между вами?

— Общее одно: мы одинаково смотрим на природу человека и, в частности, на элиту человечества. Да, семя зла в человеке неистребимо, и никому и никогда не удастся разбудить совесть во власть имущих. Конечно, кормящиеся из их рук СМИ и интеллигенция утверждали и будут утверждать иное, но история человечества доказала обратное. У вас в России был поставлен важнейший эксперимент: попытка построения рая на Земле — и чем она закончилась? Полным крахом. Почти вся ваша коммунистическая элита в полном составе въехала в эпоху дикого капитализма и продолжала насилие над народом, которое начали большевики в начале прошлого века. Значит, идеология здесь ни при чем, все дело в природе человека. А она такова, что на Земле издревле ведутся войны и развитые цивилизации ничуть не уменьшают природную агрессивность и алчность людей. Прошедший двадцатый век оказался рекордным по уничтожению себе подобных. Были уже опробованы и новые виды оружия — атомное, химическое, биологическое. Заодно пышным цветом расцвели и десятки других проблем: начиная от неумеренного потребления природных ресурсов и кончая первыми раскатами будущих экологических катастроф. Чернобыль стал первый звонком — но услышал ли его хоть кто-нибудь? Нет. А ведь большинство построенных полвека назад атомных станций ныне уже выработали свой ресурс и находятся на консервации. А это те же атомные бомбы, которые могут взорваться без всякого взрывателя, причем в любой момент.

Так какую же проблему удалось решить в двадцатом веке? Массовый голод по-прежнему ежегодно уносит миллионы жизней. Здравоохранением пользуются в полном объеме лишь элиты. Качественное образование доступно только самым состоятельным людям. Я уже не говорю, что именно в двадцатом веке получили широкое распространение всевозможные человеческие пороки...

— Например, грабеж на Марсе и похищение людей, — вставила Марта.

Аль-Багдир укоризненно взглянул на нее.

— Не путайте лекарство и болезнь, госпожа Шадрина. Мы действовали точно так же, как поступила бы Земля, если бы наш ЛИМПЛ вовсе не существовал. Марс все равно был бы украден — уж слишком лакомый это кусок. Все разговоры профессиональных болтунов об общечеловеческих ценностях — чушь, жвачка для толпы. Крупные государства всегда борются между собой: за нефть, газ, новейшие технологии, лучших ученых и так далее. А здесь далекий Марс с его технологиями и машинами... Какая-нибудь страна наверняка использовала бы такой чудесный шанс, чтобы резко усилить свою мощь. Что бы тогда произошло на Земле? Однажды уже американцы пытались испугать человечество, взорвав

две атомные бомбы, но вы, русские, вовремя восстановили равновесие... Да, ЛИМП собирался украсть Марс — чтобы его не украли ни одна из сверхдержав.

— Но тут у вас под ногами стала путаться группа «Дельта»... — тихо пробормотал Поплавский.

— Именно так, — поморщился Аль-Багдир. — Мы контролировали все главные направления, но, к сожалению, упустили из виду маленькую тропинку... Если бы вы знали, сколько сил нам пришлось потратить, чтобы замять дело об «украденном» Марсе! Но, увы, джинн оказался выпущен из бутылки, и обратно его уже не запихнешь.

— И тогда вы занялись главным — марсианским супероружием, — добавил Корин.

— Точно, — весело сказал Аль-Багдир. — К счастью, его на Марсе нет. Мы знаем, что оно находится на борту марсианских кораблей. Госпожа Шадрина рассказала, где его искать, пусть и не по своей воле. И ЛИМП вскоре...

— ...установит в Солнечной системе диктаторский режим? — продолжил молчавший до сих пор Саблин.

Аль-Багдир снисходительно кивнул.

— Можно сказать и так — разве в словах дело?

— И настанет на Земле мир и благодать... — покачал головой Поплавский.

Аль-Багдир сурово нахмурился.

— Не все сразу, господин Поплавский, не все сразу. Однако порядок мы сумеем обеспечить. Не спорю, придется действовать жестко, а порой даже жестоко. Мы кое-что знаем о природе марсианского сверхоружия, и будьте уверены, армии всех сверхдержав получают очень неприятные сюрпризы. Например, они лишатся своих ядерных вооружений, баллистических ракет; авианосцев и еще много чего. Мы потребуем отставок всех правительств и жестоко накажем непокорных — так, что весь мир содрогнется. Отныне везде будут руководить наши наместники, кстати, очень достойные и уважаемые люди. Но они будут действовать не в интересах своих держав, а исключительно в общечеловеческих интересах. Если, скажем, в Уганде настанет голод, то никому не придется ходить по ООН с протянутой рукой — мы сумеем быстро обеспечить голодающим эффективную помощь. Начнется очередной конфликт в Нагорном Карабахе, родине господина Мирзояна, — и наши силы быстрого реагирования накажут мятежников. Ваш диктатор Сталин, кстати, показал, как можно таким путем усмирять в корне все национальные розни. И разве между народами вашей страны к концу века не созрела если не дружба, то хотя бы терпимость? Сталин безжалостно уничтожал тех, кто разрушал, исходя из своих национальных интересов, великую империю — и мы точно так же будем поступать с теми, кто попытается нарушить мир и спокойствие на Земле.

— И люди станут рабами... — горько сказала Марта, не скрывая слез.

Аль-Багдир достал из кармана сигару и не спеша раскурил ее.

— Это только громкие слова, госпожа Шадрина, — наконец ответил он. — А разве сейчас люди свободны? Все играют по жестким правилам — и бедняки, и элита. Свобода есть лишь у болтунов из СМИ, которые очень свободно и храбро хвалят хозяев и рычат на их врагов. О чем вы говорите? Где, кто и когда был свободен? Диктаторы обычно сами себя усаживали на троны. А в так называемых демократических странах толпа одураченных СМИ людей сажала туда одного из десяти кандидатов — того, кого поддерживают сильные мира сего и кто может потратить на предвыборную кампанию десятки и сотни миллионов долларов. Что, разве господин Поплавский смог бы собрать такую сумму? При его

нравственных качествах — нет и еще раз нет. А он мог бы стать достойнейшим в истории вашей страны лидером. А вы говорите — свобода...

— Не надо трепаться о демократии! — взорвался Саблин, с ненавистью глядя на араба. — Не вам о ней говорить!

— А я о ней и не говорю, — равнодушно ответил Аль-Багдир, пуская к потолку круги сизого дыма. — Просто не вижу серьезного предмета для разговора. Если вы считаете, что толпа, которая легко зомбируется СМИ, может выбрать, а главное, контролировать достойного лидера, это ваши проблемы. Господин Сели-вестров в общем-то прав, рассматривая самую суть проблемы, семя зла, заложенное природой в человека. Но его путь переделки генетического естества людей — любопытный эксперимент, не более того. Пусть даже его колония и даст начало новому, идеальному виду гомо сапиенс — а остальное-то человечество куда девать? Оставить гнить на загаженной, умирающей Земле? Или устроить второе пришествие Христа? Ну что ж, Христа когда-то распяли, распнут и идеальных людей с пояса астероидов. А потом сотворят какую-нибудь новую религию... И на этом все кончится. Мы же пойдем иным путем: станем исправлять людей порядком и дисциплиной. Когда-нибудь человечество созреет до свободы — может, через тысячу лет, а может, и через десять тысяч — кто знает? И тогда ЛИМП уйдет в сторону с чувством выполненного долга. Но сейчас Земля стоит на краю катастрофы, об этом дружно говорят все неангажированные ученые, и ее надо срочно спасать. А там видно будет.

В зале наступило длительное молчание. Наконец Поплавский сказал с кривой усмешкой:

— Ну что ж, эта идея не нова. Еще Уэллс писал об инженерах, захвативших власть над миром ради всеобщего блага. Пустое дело... Вы забыли одну маленькую деталь: все члены ЛИМПа — тоже люди и тоже далеки от идеала. Они, получив Землю, наверняка начнут рвать ее на части, чтобы утолить свой природный эгоизм. И начнутся новый хаос и новые войны — уже не между смертными, а между богами.

Аль-Багдир высокомерно взглянул на него.

— А кто сказал, что я — человек?

Наступила еще одна, на этот раз жуткая пауза.

Араб погасил сигару о пепельницу и встал из-за стола.

— Все, больше времени на беседу у меня нет. Пора отправляться в очередную экспедицию. Не хотелось бы оставлять на нашей базе таких опасных и умных людей — но, кажется, все же не настолько умных, как хотелось бы. Или кто-то из вас готов вступить в ряды нашей организации? Господин Поплавский, я обращаюсь прежде всего к вам.

— Нет, — ответил заметно побледневший командир.

— Жаль, искренне жаль, — сказал помрачневший араб. — Придется вас уничтожить. Рискованно держать в тылу таких врагов. Алексей, отведи господ спасателей... сам знаешь куда. Они долго испытывали наше терпение, но и ему есть предел.

Охранники подняли стуннеры.

— Стреляйте в руки, — приказал Аль-Багдир. — Еще не хватало дурацких потасовок...

— Я хочу подумать, — неожиданно заявил Поплавский.

Аль-Багдир с интересом взглянул на него.

— Тянете время? — понимающе спросил он.

— А вы как считаете — могу я принять ваше предложение или нет? — командир с мрачной улыбкой ответил вопросом на вопрос.

Араб задумался.

— Ладно, — сказал он. — Даю вам двадцать четыре часа на размышление. Жаль терять таких людей. Но чтобы у вас не было никаких иллюзий...

Он слегка кивнул, и охранники дружно выстрелили. Сидящие за столом спасатели закричали от боли и упали на пол, корчась в судорогах.

Аль-Багдир спокойно ждал, пока гости придут в себя.

— На двадцать четыре часа вы потеряли способность управлять руками, — объявил он. — Зато теперь ваши головы не будут заняты планами бегства и прочей чепухой. Надеюсь, господа, вы не потратите это драгоценное время зря.

И Аль-Багдир стремительно вышел из зала.

Спрятав стуннеры, Алексей и другие охранники вновь усадили спасателей на стулья, не обращая внимания на их болезненные стоны. С могучим же Ас-ташевским они возиться не пожелали, а просто еще раз выстрелили ему в шею, чтобы он оставался еще некоторое время в забытии.

Затем охранники оставили гостей в покое. На пороге Алексей обернулся и сказал:

— Учтите, мои дорогие соотечественники, потекли последние часы ваших жизней. Не советую играть в героев. Вы встали на пути такой страшной машины, которая переедет вас, словно муравьев.

Дверь захлопнулась, и спасатели остались одни. Перед ними на столе тикали часы, отсчитывая драгоценные секунды.

— Как-то этот белобрысый странно выразился, — после долгой паузы произнес Поплавский, морщась от боли в обвисших, парализованных руках.

— Что ты имеешь в виду? — глухо отозвался Саблин.

— Ну, насчет огромной машины ЛИМПа и нас, муравьев. Вряд ли огромная машина может раздавить крошечных насекомых...

Марта горько усмехнулась.

— Ты вечный оптимист, Володя. Готов цепляться даже за крошечную соломинку надежды.

— А что еще остается делать? — отозвался Поплавский.

Корин поднял голову и внимательно посмотрел на командира.

— Володя, скажи честно, ты на самом деле мог бы принять предложение этого темнокожего фюрера? Ему ты явно понравился, а Аль-Багдир отнюдь не простак и отлично разбирается в людях.

— Жаль, руки у меня не действуют, — задумчиво произнес Поплавский. — Не то бы я сейчас быстро привел тебя в чувство, дружок... Мало ли кто что думает? Но согласитесь, в словах Аль-Багдира есть доля истины. Ситуация на Земле на самом деле тревожная. Да и Внеземелье стремительно заражается всяческой гадостью — сами видели. Выход в ближний космос на некоторое время разрядил ситуацию, а затем все встало на обычные рельсы. Ну почему люди, получив свободу, стали таким дерьмом? Зло везде расцветает пышным цветом, а вот добро почему-то хиреет. Нет, Селивестров прав — семя зла в человеке неистребимо. И религии уже давным-давно не выполняют роль нравственных учителей человечества, как было когда-то. Их служители на всех континентах прекрасно находят общий язык с элитами и кормятся с их стола. А простым людям остается лишь утешение перед смертью да обещание расчудесной загробной жизни.

Марта нахмурилась.

— Выходит, ты согласен с идеей, что на человечество следует надеть кандалы и превратить Землю в зону для перевоспитуемых? — резко спросила она.

Поплавский криво усмехнулся.

— Нет, конечно, нет. Пустое это дело. Но кое-какие глобальные проблемы диктатура ЛИМПа в принципе может решить. Пойдя, как у нас в России любят говорить, на непопулярные среди народа меры.

Корин изумленно смотрел на командира. Таким Поплавского он никогда прежде не

видел.

— А ты бы мог стать неплохим прокуратором Иудеи, Володя, — едко сказал он. — Навроде Понтия Пилата. И если бы к тебе прибыл с Мессией Андрей Селивестров с поясом астероидов, ты бы его приказал распять. Чтобы не мучил умы простых граждан. Разве нет?

Поплавский с вызовом взглянул на молодого хронофизика.

— А ты считаешь, Христос мог бы чем-нибудь управлять, хотя бы той же Иудеей? Нравственное учение, проповеди, ученики-апостолы — все это замечательно. Но всякое управление государством — это еще и насилие над народом. Каждый правитель решает кучу проблем: как управляться с преступностью, как создавать армию, что делать с внутренними врагами, шпионами и прочее, прочее. Атомные станции создают отходы — как их захоронить, не вызвав гнев «зеленых»? Авиадиспетчеры забастовали — как обеспечить безопасность полетов? И таких проблем сотни. Ни одна религия не смогла удержаться у власти именно из-за того, что Иисус и Пилат — это антиподы. Богу Богово, а кесарю — кесарево.

— По-моему, Володя прав, — неожиданно сказала Марта. — Все это звучит ужасно и даже цинично, но это — правда. Я где-то читала, что на Земле ежегодно умирают от голода и вполне излечимых болезней десятки миллионов людей. Культуру полностью подавила массовая жвачка. Помню, как у моей соседки умерла десятилетняя дочка — ей требовалась срочная операция на сердце, но она стоила сто тысяч долларов, а у этой бедной одинокой женщины таких денег не было. И никто ей не помог, никто! А вот у моей матери бабушка в молодости страдала туберкулезом, и при проклятом тоталитарном режиме ей сделали несколько бесплатных операций. Понимаете — если бы в России тогда цвела и пахла демократия, я попросту никогда бы не появилась на свет!

— А у меня на родине не началась бы столетняя война, — поддержал ее мрачный Мирзоян. — Я на три четверти азербайджанец, а на одну четверть — армянин. Половина моих родичей погибла, а за что? Даже не верится, что некогда мой Нагорный Карабах был процветающим краем... Э-эх, да что там говорить!

Корин и Саблин переглянулись. До сих пор в «Дельте» ни разу не возникало подобных разговоров. Оказалось, что спасатели были совершенно разными людьми.

— Да вы что, друзья, серьезно? — возмутился Саблин. — У меня в роду десятки людей погибли от сталинских репрессий. Они были крепкими крестьянами — не кулаками-миroeдами, а просто работающими, толковыми мужиками. Их всех срезали под корень, только мой прадед чудом уцелел. Из его пяти сыновей выжил тоже лишь один, остальные стали военными и учеными, их тоже — под корень. И это вы называете умением управлять государством? Для меня Сахаров и Солженицын — святые люди, а вы... Все, баста, я ухожу из «Дельты»!

— И я тоже, — поддержал его Корин, с гневом глядя на Поплавского. — По моему роду тоже не раз прошлись топорами. Господи, мы столько пережили вместе — а оказались совсем разными. Зачем же мы затеяли эту борьбу с ветряными мельницами, если кое-кто из нас в это же время мелет там свой хлеб?

Поплавский невесело усмехнулся.

— Ну молодцы, заклеямили, облили помоями позора. А кто вам сказал, что я собираюсь соглашаться на предложение Аль-Багдира?

— Но ты же сам сказал...

— Я сказал то, что сказал, а не то, что ты услышал, Игорь, и ты, Виталий. Разве я против

свободы? Но мне бы не хотелось ехать по шоссе, где все водители свободны от правил дорожного движения и каждый едет как умеет. Нет уж, извините. И инспектора ГАИ тоже нужны, что бы про них водители ни говорили и как бы ни проклинали. Так же и в государстве. Хотите демократию — ради Бога! Только извольте все до единого следовать закону. А ведь в любом уголке Земли и сейчас, и тысячу лет назад законы Пишутся только для слабых и бедных. Разве нет? Вот почему мне нравится Пилат, который был на самом деле прекрасным прокуратором.

— Значит, ты не войдешь в ЛИМП? — счастливо улыбнулась Марта.

— Конечно, нет! И не собирался. Особенно после того, как Аль-Багдир вдруг заявил, что он — не человек. Интересно, что он хотел этим сказать?..

Внезапно где-то рядом за стенами зала послышался рев сирены. По коридорам гулко застучали кованые подошвы башмаков. Раздались крики, смысла которых разобрать никому из спасателей не удалось.

— Ого, мыши засуетились, — заметил Поплавский. — Что это — авария? Или кошка взобралась на крышу?

Дверь распахнулась, и в зал ворвались трое охранников с пистолетами в руках. Лица у всех были предельно встревоженны и очень решительны.

— Не беспокойтесь, дорогие гости, это всего лишь налет колонистов, — с кривой усмешкой объяснил Алексей. — К сожалению, у нас на этот счет существуют очень четкие инструкции...

Оба других охранника подняли пистолеты, прицеливаясь.

Раздались два выстрела.

Охранники, даже не вскрикнув, повалились на пол.

— Вы можете идти? — отрывисто спросил Алексей. — Я попытаюсь вас спасти. Я связался по радио с командиром эскадрильи колонистов и договорился, что один из космоботов будет ожидать нас в нескольких километрах от поселка. Если нам удастся угнать вездеход, мы спасены. Поторопитесь.

Спасатели вскочили на ноги и поспешили к выходу, но тут же дружно остановились, обернувшись.

— А как же Вадим? — воскликнул Поплавский. — Дьявол, совсем руки не слушаются...

Алексей кивнул. Он подбежал к все еще лежавшему без сознания гиганту и легко взвалил его на плечо.

Выйдя в коридор, спасатели оказались в густой мгле. Лишь кое-где под потолком тускло светились аварийные лампочки.

— Это я выключил свет, — объяснил Алексей. — За мной и поживее!

Пройдя несколько десятков метров по округлому коридору, они остановились возле массивной металлической двери. Переложив Асташевского на левое плечо, Алексей торопливо нажал на различные точки маленькой панели электронного шифрозамка. Створки двери неохотно стали раздвигаться.

Неподалеку послышались громкие шаги. Из-за поворота коридора ударил узкий луч фонаря.

— Эй, кто здесь? — послышался чей-то голос. — Что вы делаете возле аварийного кессона?

Спасатели один за другим покинули коридор. Вслед им раздался выстрел, но Алексей не остался в долгу.

Когда двери кессона закрылись, Алексей включил свет и, подойдя к панели управления на стене, сорвал с нее пломбу и стал набирать шифр. Рядом тотчас вспыхнул плоский экран.

К поселку со стороны гор на полном ходу мчался вездеход с погашенными огнями. Через минуту-другую он должен был достичь внешних дверей кессона.

Обернувшись, Алексей отрывисто сказал:

— Боевые действия сейчас идут на противоположной стороне купола. Колонисты специально сосредоточили там весь огонь, чтобы отвлечь бандитов. А теперь молитесь Господа, чтобы никто из них не заметил вездехода!

Когда машина была уже совсем рядом, внешние двери кессона раздвинулись и вездеход въехал внутрь. Алексей вновь начал колдовать над пультом управления. Наконец средние двери раскрылись, и спасатели бросились к вездеходу.

Салон машины оказался очень тесным, и люди едва смогли в нем разместиться. К счастью, им на помощь пришло очень малое тяготение, так что Корин и Мир-зоян повисли буквально под самым потолком, не испытывая при этом никаких неудобств.

Водитель терпеливо ждал, пока все разместятся, но едва внешняя дверь вновь раскрылась, рванул вездеход с места.

Гонка по неровной поверхности дна кратера оставила у всех самое неприятное впечатление. Машину немилосердно трясло, а порой даже подбрасывало в воздух, отрывая гусеницы от земли. Затем последовал кошмарный переход через вал кратера, когда люди, находившиеся в салоне, чувствовали себя словно кегли. Однако никто не проронил ни слова, и в салоне были слышны лишь сдавленные стоны Асташевского, который постепенно выходил из забытья.

Спустившись по внешней стороне кратера, вездеход помчался к космолету, стоявшему в тени гор. А чуть позже неподалеку блеснула красная вспышка — это люди ЛИМПа, отбив атаку колонистов, начали обстреливать беглецов из гранатометов.

Паллада стремительно росла, на глазах превращаясь из заурядной звездочки в ярко-желтый диск. Эта малая планета, открытая вслед за Церерой еще в самом начале XIX века отличалась особой, изысканной красотой. Ее сияние было дрожащим, переливающимся, словно астероид окружала атмосфера, а на ее поверхности находились участки суши, перемежавшиеся с морями.

Алексей улыбнулся, заметив, как посветлели лица спасателей, впервые увидевших Палладу с такого близкого расстояния.

— Не правда ли, чудесный мир? — спросил он. — Даже не верится, что он совершенно безжизнен, так же как и все остальные астероиды. Но поверхность его уникальна. Темные участки горных пород чередуются со светлыми, где на поверхность выходят большие пласты различных металлических руд. А какой поразительный рельеф у этого маленького мира! Когда мы увидели его вблизи, даже пожалели, что основали главное поселение на Церере.

Марта обернулась и взглянула на юношу.

— Наверное, вы пишете стихи? — улыбнулась она.

Алексей зарделся.

— У нас многие пишут... Отец когда-то в молодости издал на Земле два поэтических сборника, но потом увлекся философией и забросил это дело. А жаль, потому что у него был талант. Не то что у меня...

— Зато вы оказались хорошим актером, — мягко заметила Марта, не сводя с юноши улыбающихся глаз. — Вы сумели провести самого Аль-Багдира.

Алексей помрачнел.

— А что еще нам оставалось делать? — горько вздохнул он. — Мы оказались совершенно не готовы к вторжению с Земли. За все пять лет здесь, в поясе, не побывало ни одного нежданного гостя, а тут нагрянула целая эскадра... Да у нас и оружия-то тогда никакого не было! Мы следили за эскадрой несколько дней, а когда поняли, что она не собирается уходить далеко от Цереры, отец вызван меня к себе. «Сынок, — сказал он, — я не знаю, зачем эти люди прибыли сюда, но, судя по всему, они что-то разыскивают. А это значит, что рано или поздно нагрянут на Цереру. У нас есть немалые запасы кислорода, воды, горючего — и они понадобятся гостям с Земли. С сегодняшнего дня мы начинаем готовиться к эвакуации, а тебе я поручаю проникнуть на флагманский корабль. Нам нужно знать замыслы этих людей и иметь среди них на крайний случай своего человека».

— И Аль-Багдир так и не догадался, что ты — сын Селивестрова? — спросил с интересом Поплавский.

Алексей пожал плечами.

— Но вы же не догадались, Владимир Павлович. А ведь мы с вами давно знакомы...

— Верно, — признался Поплавский. — Но помню тебя лишь белобрысым мальчуганом, вечным прыгателем и бегателем. Да и внешне ты на отца не очень-то похож...

— Я пошел в деда, — согласился Алексей. — А теперь прошу прощения, мне надо вернуться в капитанскую рубку. Мы скоро входим в пояс мин, а это очень опасный участок.

Юноша вышел со смотровой палубы.

Саблин удивленно покачал головой, глядя ему вслед.

— Ну и парень! Такого к нам в «Дельту» неплохо бы взять. Признаюсь, я не ожидал от

колонистов этакой прыти. Натянуть нос целой эскадре ЛИМПа, разгромить их при подходе к Палладе — что-то многовато для обитателей Новой Утопии.

Поплавский с усмешкой отозвался:

— Наверное, ты думал встретить здесь непротивленцев злу, тех, кто, получив удар по одной щеке, безропотно подставит вторую. Нет, Андрей Селивестров всегда был сторонником активного добра. «Мужчина должен уметь постоять за себя и защитить свою семью и вообще слабых» — вот что он говорил.

— По-моему, в его рассуждениях есть противоречие, — отозвался Корин. — «Добро должно быть с кулаками» — это мы уже проходили.

— А на мой взгляд, никакого противоречия нет, — пожал плечами Поплавский и отвернулся, давая понять, что разговор на эту тему он считает исчерпанным.

На обзорной палубе вновь наступила тишина. После того тягостного выяснения отношений спасатели вообще старались поменьше разговаривать. Все дружно сделали вид, будто никакого инцидента не было, но в душе у каждого остался рубец. Оказалось, что друзья и соратники, прошедшие вм'есте огонь, воду и медные трубы, отнюдь не являются единомышленниками в очень важных, хоть и отвлеченных проблемах. Группа раскололась на две неравных части, и эта тонкая трещина, хоть была незаметна глазу, всеми прекрасно ощущалась. Кроме Асташевского, который до сих пор отлеживался в каюте, приходя в себя после жестоких ударов стуннера. Он оказался единственным спасателем, не принимавшим участие в злосчастной дискуссии, и все в глубине души были этому только рады.

Корабль замедлил ход, не очень уверенно начав рыскать из стороны в сторону. Спасатели едва удержались на ногах после очередного бокового толчка.

— Э-э, так дело не пойдет, — пробормотал Поплавский, с болезненной гримасой потирая ушибленное плечо. — Пойду на капитанский мостик, помогу пилотам. Похоже, они до чертиков боятся своих же блуждающих мин. Неровен час, еще подорвемся на одной из них...

Поплавский вышел. Ашот и Марта после некоторого раздумья последовали за ним, хотя в этом не было никакой необходимости. Скорее всего, они просто не хотели оставаться с Кориным и Саблиным.

Корин проводил их печальным взглядом.

— Вот мы уже и стали чужими... — огорченно прошептал он. — Виталий, ну почему мы, люди, такие разные?

— Разве это плохо? — отозвался Саблин, глядя на медленно приближающийся бриллиант Паллады, переливающийся трепетными лучами в бархатно-черном небе.

— Иногда — плохо.

Корабль перестал дергаться — видимо, кресло первого пилота занял опытный Поплавский.

— Виталий... как же мы будем дальше работать вместе? — задал Корин мучивший его вопрос. — Или надо на все происшедшее наплевать и забыть?

Саблин посмурнел.

— Ты как хочешь, а я из «Дельты» сразу же уйду, как только закончится эта катавасия с ЛИМПом, — сурово нахмурился он. — Ты же сам видел — Володя явно КОЛЕБАЛСЯ. Искушение войти в члены ЛИМПа было слишком велико, он едва удержался. Согласись, при его энергии и уме он смог бы стать одним из лидеров этой могущественной организации.

— И смог бы заметно смягчить ее диктаторские заявки, — поддержал его Корин.

— То-то и оно... И расцвела бы пышным цветом Империя Солнца, граждане которой живут в «прекрасном новом мире», ходят на обед строем и раз в неделю получают розовый билетик, с помощью которого могут удовлетворить свою физиологическую нужду в совокуплении...

— Бр-р... — передернул плечами Корин. — Словом, сплошной антиутопический социализм... Но Марта-то какова? Ты заметил, как она стала смотреть на Поплавского?

— Еще бы не заметить... Володька Царевне и раньше нравился — уж я разбираюсь в таких вещах. Но, наверное, казался нашей красавице немного мелковатым. Да и слава космического донжуана могла ее отпугнуть — сам знаешь, она женщина необычная и на подобные пороки смотрит, как в знаменитой песне: искоса да еще голову наклоня. Но Аль-Багдир верно сказал: они с Поплавским ровня. Вдвоем они могли бы всю Солнечную систему перевернуть вверх тормашками! Такой масштаб Царевне подходит.

— А что же Ашот?

— Наш милый Ашотик — человек несчастный, без кола и двора, да и без родины тоже. Все смела проклятая война в Нагорном Карабахе. Сам знаешь, южные люди — горячие, кровная месть для них святое дело. Но когда-то при Сталине этот край действительно цвел, и тех, кто вспоминал про давнюю национальную рознь, быстро увозили охладиться на магаданские курорты. Если ЛИМП пообещает наладить там нормальную, человеческую жизнь, Ашот закроет глаза на все. Даже на «черные воронки» с эмблемой ЛИМПа, которые будут по ночам разъезжать по горным селам и увозить «мстителей» на солнечный Юпитер.

— М-да...

— Вообще-то мы с Володей не раз прежде разговаривали на подобные темы, — признался Саблин. — Но раньше это были лишь отвлеченные споры, и каждый всегда оставался при своем мнении. Однако на этот раз все повернулось иначе...

Он тоскливо посмотрел на Корина:

— Я же боготворю Володьку, понимаешь, Игорь? Еще со студенческих лет. Да что я... Весь Институт Времени носил его на руках. Я и спортом-то стал заниматься, чтобы хоть в чем-то до него дотянуться...

В глазах Саблина стояли слезы отчаяния. Корин был изумлен — он и не подозревал, что этот невозмутимый, черствоватый человек способен на такие эмоции.

— Не зря древние говорили: не сотвори себе кумира, — смущенно отозвался он, отводя взгляд от расстроенного Саблина.

Да и что он мог еще сказать?

Поселение колонистов на Палладе напоминало осажденный лагерь. В небольшой долине, окруженной со всех сторон высокими скалами, располагались около ста палаток из металлопласта, которые обычно использовались геологами на Луне во время дальних экспедиций. Среди них возвышался один-единственный купол типа тех, что стояли в городке на ныне оккупированной ЛИМПом Церере. Никакого космодрома поблизости не было. Десятки маленьких космоботов прятались между скал, становясь практически невидимыми для дальних радаров противника. Шесть больших космолетов — все, чем располагала колония, барражировали невдалеке от Паллады, неся постоянное дежурство за поясом из мин.

Космолет со спасателями на борту приземлился в долине, всего лишь в двух сотнях метров от ближайшей палатки. Рискованный маневр, но недаром у Поплавского был диплом

космопилота первой степени.

Надев скафандры, все спустились по трапу и пошли вслед за Алексеем Селивестровым в сторону большого купола. Несмотря на то, что астероид был на треть меньше Цереры, двигаться по нему оказалось куда легче, поскольку поверхность долины представляла из себя открытый пласт железных руд. Однако сейчас на этой стороне астероида царила недолгая ночь, и потому всем пришлось включить нашьлемные фонари.

Пройдя кессонную камеру, они очутились в большом зале первого этажа купола. Ныне здесь располагалась мастерская. Около полусотни колонистов трудились над созданием разнообразных машин, в которых нетрудно было угадать различные оружейные установки, начиная с автоматических гранатометов и кончая лазерными пушками. Несмотря на весьма кустарное оборудование, работа явно спорилась, а это означало, что среди колонистов было немало талантливых инженеров.

Все работавшие в зале при виде гостей на несколько секунд отвлеклись от дела и с любопытством посмотрели на спасателей. Алексей поднял руку, привлекая к себе внимание, и громко сказал:

— Это знаменитая группа хроноспасателей во главе с Владимиром Поплавским. Они прилетели, чтобы помочь нам бороться с флотом ЛИМПа!

Ответом был шквал аплодисментов. Спасатели, успевшие снять шлемы, вежливо раскланялись. Однако никто из колонистов ни на шаг не отошел от своего рабочего места, и после небольшой паузы все вновь принялись за дело. Времени было в обрез.

Саблин после некоторых размышлений направился к стендам. За ним последовали и Асташевский с Мирзояном. Корин мысленно вздохнул, посмотрев им вслед. Он был неплохим теоретиком, но техника, да еще далекая от хроноустановок, представлялась ему темным лесом. А жаль, поскольку Игорь попросту побаивался встречи с Селивестровым.

На втором этаже, в одной из трех комнат, находился штаб колонистов. Шесть человек в синих комбинезонах склонились над столом, на котором была расстелена большая карта. Заметив троих спасателей, они выпрямились, с удивлением глядя на гостей.

Селивестров оказался большим, широкоплечим мужчиной лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и густой бородой. Крупными чертами лица и всем своим богатырским обликом он напоминал Добрыню Никитича. Его светло-серые глаза цепко осмотрели гостей, особо остановившись на Марте и Поплавском.

Корин стал уже жалеть, что не присоединился к Саблину. Ясно, что он, да и Марта тоже были на этой встрече лишними. Командир и сам договорится с лидерами колонистов о взаимодействии, а его дело маленькое...

Селивестров подошел к гостям. Прежде всего он, не скрывая восхищения, поцеловал руку Марте, затем крепко пожал руку Поплавскому.

— А вот это и есть знаменитый Колдун? — пророкотал он густым, слегка по-волжски окающим говорком.

Корин окончательно смутился. Пожав мускулистую руку лидера колонистов, он хрипло спросил:

— Вы слышали обо мне? Странно...

Селивестров стоял напротив него, не отпуская руку, и с любопытством оглядывал молодого хронофизика, словно некую диковину.

— Почему же странно? Вы первый человек, Игорь Васильевич, в котором есть пусть и крошечная, но частица древних марсиан. Да не такая уж и крошечная. Видеть картины

прошлого — это же мечта многих ученых! Вы — живая машина времени, молодой человек, а такого на Земле никогда прежде не было, да неизвестно, будет ли еще. Жаль, очень жаль, что у нас нет времени побеседовать о природе вашего поразительного дара... Может, позже мы выкроим часок-другой, согласны?

Корин кивнул, ощущая неприятную сухость в горле. Ну конечно же, это надо было предвидеть. Селивестров мечтал переделать природу человека, и он, Корин, может стать одним из его подопытных кроликов.

Селивестров коротко представил гостям пятерых своих заместителей.

— Сейчас мы завершаем проработку плана боевых действий, — закончил он. — Осталось лишь уточнить незначительные детали. Пойдемте ко мне в кабинет, друзья, у нас есть пятнадцать минут на беседу. Алексей, — впервые он обратился к скромно стоящему в сторонке сыну, — сходи навести мать, а затем расскажи нашему штабу все, что ты знаешь о последних планах ЛИИМПа.

Алексей кивнул и поспешил по коридору в одну из соседних комнат. А спасатели поднялись вслед за Селивестровым на третий этаж. Там располагался небольшой, но очень уютный кабинет, все овальные стены которого были забиты книгами, а в центре стоял огромный дубовый стол и рядом — компьютерная стойка.

Селивестров пригласил гостей сесть на диван, а сам устроился в кресле за столом. Погасив яркий свет люстры, он включил настольную лампу с шелковым абажуром, отчего в кабинете сразу стало по-домашнему уютно.

— Сколько книг... — восхищенно выпалила Марта, обводя полки замороженным взглядом. — Да я уже сто лет не видела ничего подобного! Даже на Луне предпочитают обходиться микрокопиями, а еще чаще — компьютерными сетями.

Селивестров понимающе кивнул.

— Что поделать, я человек старомодный, — произнес он несколько извиняющимся тоном. — Конечно, в обычных путешествиях — а я исколесил почти всю Землю — приходилось обходиться микрокопиями. Но здесь я не смог удержаться от соблазна захватить с собой хотя бы часть библиотеки. Если бы вы знали, какие танталовы муки я испытал при их отборе! Зато теперь будущие жители Новой Утопии смогут читать книги еще сотни лет.

Корин не удержался и брякнул:

— Так вы всерьез верите, что люди сумеют выжить в этом ледяном, почти лишенном света мире из камней и пустоты?

Селивестров строго взглянул на него.

— Если бы не верил, молодой человек, никогда бы не повел за собой почти триста соратников. Люди — очень гибкая и в то же время крепкая порода. На Земле они основывали поселения даже на Крайнем Севере и в пустынях, где выживали далеко не все местные животные. А мы в отличие от своих предков неплохо оснащены. И если бы нам не мешали...

Он выразительно посмотрел на Поплавского. Командир прокашлялся и вкратце рассказал обо всем, что спасатели узнали из откровений Аль-Багдира.

На лице колониста не отразилось и тени эмоций.

— Что ж, о многом мы догадывались... — медленно произнес он. — Но в целом картина прояснилась лишь сейчас. Безумцы, какие же они безумцы! Нет такого хозяина, который не был чьим-нибудь рабом. Кто-то стоит над ними, кто-то управляет этими

марионетками типа Аль-Багдира...

— Кстати, он произнес одну странную фразу, — вставил Корин. — «А кто вам сказал, что я — человек?» Интересно, что он имел в виду? Быть может, он... ну, скажем, дальний потомок марсиан, принявший внешность человека?

Селивестров широко улыбнулся — так, что на его щеках появились симпатичные ямочки.

— Вполне разумная гипотеза, — согласился он. — Хотя я склоняюсь к мысли, что это птица более высокого полета. Кто-то же заставил марсиан покинуть свою планету и улететь к звездам? Да и остаток своего космического флота марсиане далеко не случайно спрятали здесь, среди астероидов. Жаль, что мы раньше не знали о его существовании. Первые обломки космолета были обнаружены нашими охотниками всего лишь за три дня до прибытия флота ЛИМПа, и мы просто не успели начать свои поиски.

— Но вы хоть в общих чертах представляете, где могут находиться оставшиеся два корабля? — спросил Поплавский.

Селивестров пожал плечами.

— Да где угодно. Космолет, даже если он раз в пять больше наших, — всего лишь пылинка в космосе. До сих пор мы не имели возможности заниматься подобными мелочами. Сорок шесть поселений на крупных астероидах — пока все, что мы сумели создать после пяти лет упорного труда. Если бы не постоянная помощь наших друзей с Земли, нам бы и этого не удалось осилить. Но кое-какие предположения есть.

— Вы готовитесь к атакующим действиям? — спросил Поплавский.

— С этой минуты — да. До сих пор были серьезные сомнения в том, что поиски ЛИМПа представляют угрозу для Земли. Теперь, когда вы рассказали о марсианском оружии, сомнений больше не осталось. Нужно либо опередить флот ЛИМПа, либо помешать ему. А это значит, придется покинуть нашу крепость на Палладе.

— И вы готовы воевать? — удивилась Марта.

Селивестров вздохнул.

— А что остается делать? Придется еще раз разбудить в себе семя зла, которое мы так хотели искоренить навсегда. Так бывало испокон веков у нас на Руси, когда враги подходили к монастырям. Монахи оставляли свои кельи и брались за оружие.

— Вы считаете себя звездными монахами? — с любопытством спросил Корин.

— Нет, конечно, — улыбнулся Селивестров. — Все колонисты — отъявленные безбожники. Но монахи — наши братья по разуму. Если отбросить в сторону внешнюю сторону их религиозных отпавлений, они тоже стремились погасить в себе семя зла. Чистый, безгреховный образ жизни, далекий от мирских соблазнов, постоянное самоограничение и нравственное самоусовершенствование — вот путь наших предков к Богу. Мы подобным же образом намереваемся прийти к Человеку. Не случайно у меня на столе стоит икона одного из самых почитаемых на Руси святых — Сергия Радонежского.

Действительно, в левом углу стола стояла небольшая икона. Рядом находилась гравюра, обрамленная медной рамкой. Приглядевшись, Корин узнал манеру Дорэ.

— Это что, изгнание Адама и Евы из рая? — спросил он.

— Да. Самый таинственный и неясный эпизод в Ветхом Завете. Меня он интересует потому, что я много занимался вопросами генетической природы добра и зла. Уверен, что за историей изгнания первых людей из Эдема стоит какое-то важнейшее событие в истории человечества. Возможно, какие-то гости из космоса — быть может, те, что некогда

вытеснили марсиан — однажды затеяли над кроманьонцами некий эксперимент. Скажем, предложили людям проглотить нечто, значительно усилившее их «ген борьбы». Это могло стать мощным толчком к развитию цивилизации, но одновременно породило череду кровавых злодеяний, из которых первое сотворил Каин, убивший своего брата Авеля.

— А кто же тогда изгнал Адама и Еву из рая? — спросила Марта.

— Возможно, другие космические гости, по-иному смотревшие на будущее человечества. Один из них однажды попытался остановить разгул греха и дал людям нравственные уроки, записанные учениками в виде Нового Завета... Впрочем, сейчас не время заниматься подобными рассуждениями. Одно скажу: Библию люди по-настоящему еще не прочитали. В ней под слоем малозначительных исторических фактов и вымышленных эпизодов кроется истинная история возникновения рода человеческого. Уверен, что изображены в ней и марсиане, и гости из далекого космоса. Нужно только найти ту точку, откуда библейские сказания обретут совсем иной, неканонический смысл... Признаюсь, этой работой я занимаюсь в свободное время все последние годы. И обнаружил немало любопытного, а порой и ошеломляющего. Жаль только, свободного времени слишком мало... Пойдемте, друзья, пятнадцать минут прошло. Мне очень важно знать ваше мнение о наших планах военных действий. А к этому разговору мы когда-нибудь еще вернемся. Обещаю, что расскажу вам о «марсианских» главах Библии и о том, что же действительно произошло На Голгофе после распятия Христа.

Гости поднялись и направились к выходу. И в этот момент в коридоре раздался сигнал тревоги.

Выскочив в коридор, спасатели увидели бегущего им навстречу Алексея.

— Корабли ЛИМПа движутся к Палладе! — закричал он.

Флот ЛИМПа ныне составлял семь отлично укомплектованных и вооруженных кораблей среднего класса. По словам Алексея, на их борту находились пусковые установки ракет класса «космос — космос» с различными комплектациями боеголовок. Были ли среди них ядерные, Алексею узнать не удалось — эта информация относилась к разряду особо секретных. Кроме того, космолеты могли использовать щиты из силовых полей, защищавших в основном переднюю полусферу.

Поплавский выслушал торопливый рассказ сына Селивестрова, стоя на капитанском мостике «Прометея» — крупнейшего корабля колонистов. Сейчас космолет еще находился на посадочной площадке среди скал, но был готов взлететь, как только закончится монтаж на его борту трех оружейных установок. Увы, остальное вооружение еще не было укомплектовано полностью и потому не могло принять участия в предстоящем бою.

— Силовые поля — это, конечно же, «сделано на Марсе», — промолвил Поплавский. — Интересно, какие еще марсианские сюрпризы приготовил для нас господин Аль-Багдир... Ты говоришь, он является командующим флотом ЛИМПа?

— Да, — ответил Алексей. — Этот араб был в молодости профессиональным военным и около трех лет провел в космосе. Говорят, что и боевой опыт у него есть. Авторитет адмирала непререкаем, поэтому дисциплина на всех кораблях железная.

— Но, насколько я понял, Аль-Багдир не единственный представитель руководства ЛИМПа здесь, в поясе астероидов?

— Нет, не единственный. Я видел на флагманском корабле еще троих очень важных господ. Они живут в роскошных каютах и, по слухам, редко оттуда выходят. Парни из охраны рассказывали, будто один из тех шишек и есть глава ЛИМПа.

— Хм... любопытно. Но если корабли противника защищены силовыми щитами, то как же один из них ухитрился подорваться на вашей летающей мине?

— Просто бандиты не ожидали от нас такой прыти, — объяснил Алексей. — Появившись в поясе, они почти месяц занимались исключительно поисками, не обращая на нас никакого внимания. Но поиски явно затягивались, и тогда они решили с дружеским визитом навестить Цереру.

— А колонисты к тому времени уже успели перебраться на Палладу?

— Да. Отец понимал, что рано или поздно непрошеным гостям потребуется наше горючее, кислород и прочие ресурсы. Воевать он не хотел, да и какие из нас воины? И тогда он решил перебраться на Палладу, оставив бандитам ровно половину наших скромных запасов.

— Аль-Багдир это правильно воспринял?

— Поначалу — да. Особенно когда посланный им на разведку крейсер неожиданно подорвался на нашей мине. Адмирал связался по радио с отцом и попросил извинения за этот, как он выразился, прискорбный инцидент. О Церере и об оставленных там запасах он даже не упомянул, словно колонисты были ОБЯЗАНЫ откупиться такой данью.

— Но почему же тогда его флот движется к Палладе?

— Кто знает... Может, адмирала рассердило наше с вами внезапное бегство. Или что-то в очередной раз не ладится с поисками, и Аль-Багдир решил использовать колонистов словно охотничьих псов — была у него и такая идея. Поначалу он даже попытался захватить

в плен десяток-другой вольных колонистов на малых астероидах — да разве их поймаешь?

Поплавский задумчиво пожевал губы.

— Возможно, ты прав, — сказал он наконец. — Но есть и другой вариант. Почему к Палладе движутся шесть кораблей, а не семь? Не исключено, что...

— Смотрите! — прервал его Алексей, указывая на экран. — Флот начал атаку!

Действительно, на экране дальнего локатора внезапно пришли в движение шесть крошечных огоньков, едва заметных среди россыпей звезд и крупных астероидов.

Поплавский нахмурился и, взяв в руку микрофон коммуникатора, связался с Асташевским.

— Вадим, как дела?

— Почти готово, — отозвался бывший космодесантник. — Саблин просит еще минут двадцать. Что-то не ладится с прицельной системой...

— Даю десять минут, — жестко ответил Поплавский. — Затем я стартую. Так и передай Виталию!

Выключив связь, он посмотрел на Алексея:

— Сколько мин сейчас находятся на подходах к Палладе?

— Около ста или чуть больше.

— И все оснащены автоматической системой управления?

— Да. Но ресурс их ракетных двигателей невелик... Черт!

Темноту космоса озарили сразу несколько вспышек.

— Недурная точность, — мрачно усмехнулся Поплавский. — Адмирал действует толково. Он не зря приказал кораблям некоторое время барражировать на подходах к Палладе. В это время бортовые локаторы засекли ваши мины, и теперь бандиты расстреляют ракетами десяток-другой, чтобы проложить тоннель для атаки.

На экране продолжали расцветать алые цветы взрывов. Шесть крейсеров ЛИМПз медленно двигались к Палладе, явно не спеша пока входить на «минное поле».

— У нас есть еще пять минут, — отрывисто сказал Поплавский. — Аль-Багдир не станет рисковать, пока не убедится, что проход к астероиду чист. Да и куда ему спешить? Наш милый адмирал и не подозревает, что кое-что из марсианского наследства перепало и нам...

Он связался по коммуникатору со штабом колонистов. На связь вышел Корин.

— Игорь, что вы предпринимаете?

— Пытаемся срочно закрыть тоннель минами из соседних районов.

— Ну и как?

— Они не очень-то слушаются. Почти половина полетела в противоположные стороны. Видимо, что-то неладно в конструкции их системы дистанционного управления.

— Утешил. Через пять минут я взлетаю. Не хотелось бы подорваться на своей же мине.

— Через пять минут?.. Хм-м... придется половину мин притормозить.

— Действуй, Игорь. Как самочувствие Андрея Георгиевича?

— Неплохо.

Поплавский покосился на стоявшего рядом Алексея. На лице юноши отразилось такое волнение, что командир спасателей задал еще один вопрос:

— А что говорят врачи?

— Микроинфаркт. Но слава Богу, все под контролем.

— Понятно.

Поплавский отключил связь и сказал Алексею, который с видимым усилием сохранял хладнокровный вид:

— Не беспокойся:, все будет хорошо. Жизнь твоего отца сейчас вне опасности. И все обойдется, если мы не допустим флот врага к Палладе.

— Вы считаете, что Аль-Багдир хочет уничтожить колонию?

— Кто знает... Но готовиться надо к худшему. Так, время истекло. Пошли.

Они поднялись по трапу на капитанский мостик. Там возле пульта управления уже сидел второй пилот. Лицо его было бледно, но глаза сияли от возбуждения.

Поплавский сел рядом и защелкал тумблерами, включая все системы корабля. Затем он посмотрел на пристроившегося возле навигационного компьютера Алексея.

— Ну, парни, держитесь. Мягкого старта не обещаю.

«Прометей» был обстрелян, как только вошел в пояс мин. Первый залп противника они с трудом отразили с помощью противометеоритных пушек и нескольких десятков ложных мишеней, выброшенных катапультами в сторону от космолета. Почти две трети ракет «клюнули» на яркие тепловые точки, разлетавшиеся прочь от корабля. Этот успех приободрил экипаж, но Поплавский ничуть не обольщался насчет дальнейшего развития событий. Конечно же, сейчас канониры с крейсеров ЛИМПа обработают с помощью компьютеров результаты первого залпа и внесут необходимые коррективы. Если они используют ракеты с комбинированными головками самонаведения, то «Прометею» не уйти...

Поплавский прекрасно знал об этом, но не торопился применять свое единственное оружие. И лишь когда бортовой компьютер выдал разрешение на стрельбу, он с видимым волнением нажал красную кнопку.

Корпус корабля вздрогнул. Навстречу крейсерам противника понесся рой маленьких ракет. Они были лишены боеголовок, но зато каждая несла на своем борту дистанционное управление летающими минами. Они должны были сделать то, что не удалось сотворить там, на Палладе, Корину и его новым друзьям-колонистам, — собрать разбежавшихся по космосу «овечек» в одно «стадо».

Эта идея принадлежала инженерам с Цереры. Каждая из ракет должна была выбрать свою цель и сыграть роль наводчика, увлекая за собой целый рой ближайших летающих мин.

Крейсеры ЛИМПа не сразу разгадали замысел колонистов. Залп такими крошечными едва заметными на экранах локаторов ракетами показался им несерьезным. И в самом деле, какой вред могут причинить снаряды длиной чуть более метра могучим кораблям, да еще защищенным силовыми щитами?

Шесть крейсеров продолжали свое движение к Палладе, когда вдруг к ним со всех сторон ринулись летающие мины, словно стая рассерженных ос. Расстреливать их ракетами было уже поздно, и потому корабли бросились врассыпную, пытаясь уйти от гибели с помощью резкого маневрирования. Слишком поздно.

Черный бархат космоса разорвали три яростные вспышки. Даже силовые поля не устояли перед таким ураганом из отдельных осколков, начиненных взрывчаткой. Два крейсера ЛИМПа взорвались, а третий, потеряв управление, понесся к Палладе беспорядочно вращаясь. Спустя несколько минут он врезался в гряду скал в нескольких десятках километров от поселения колонистов, превратившись в огненный шар.

Не повезло и еще одному кораблю ЛИМПа. Резким маневром он «стряхнул» с себя

«свору» летающих мин, но в результате вошел в зону, наполненную их смертоносными собратьями. Поначалу казалось, что ему удастся уйти, но на самой границе «минного поля» он все-таки напоролся на стальной шар. Силовое поле спасло корпус от разрушения, но что-то произошло с системой управления, и крейсер исчез среди астероидов, подавая панические сигналы SOS.

Однако двум крейсерам удалось уйти. Развернувшись, они помчались в глубь пояса астероидов и вскоре исчезли с экранов радаров.

«Прометей» стремительно проскочил «тоннель», опасаясь подорваться на одной из своих же мин. На борту корабля раздалось дружное «ура!». Колонисты бросились обнимать друг друга, но Поплавский отнюдь не разделял их энтузиазма.

— Отставить веселье, — резко сказал он по внутреннему коммуникатору. — У противника еще есть, по крайней мере, три крейсера, а вот мы оказались практически с голыми руками. От нашего «минного поля» остался один пшик, так что Паллада сейчас практически беззащитна.

— Капитан, вы предлагаете вернуться? — послышался удивленный голос Алексея. — Разве мы не будем преследовать врага?

— Нет, — отрезал Поплавский. — Мы летим на Цереру. Виталий, подымись на мостик. Надо поговорить.

Второй пилот, поймав выразительный взгляд капитана, поднялся с кресла. Вскоре его место занял спокойный, как всегда, Саблин.

— Ты хочешь снарядить оставшиеся ракетки солнечным камнем? — предположил он.

Поплавский кивнул, выводя с помощью киберштурмана «Прометей» на траекторию, ведущую к Церере.

— Да, это единственный шанс. Если, конечно, Аль-Багдир не прибрал к рукам наше «Синее пламя». Но вряд ли оно ему понадобилось — уж очень мал и потрепан наш корабль, да и вооружения на борту никакого нет.

Алексей с недоумением вслушивался в их разговор.

— Постойте, а что такое солнечный камень? — спросил он.

Поплавский коротко рассказал об удивительной находке в пещере на Меркурии.

— Это вещество способно в десятки раз увеличивать энергоемкость самого обычного жидкого топлива, — заключил он. — Но в твердом состоянии оно наверняка может и детонировать, то есть работать в качестве взрывчатки фантастической силы. Виталий, ты сможешь решить эту задачу, что называется, на коленке?

— А что еще остается делать? — вяло отозвался Саблин. — Пойду посоветуюсь с компьютером. Выбор детонирующих веществ у нас не так велик, но что-нибудь найдем...

Он ушел, сутулясь и приволакивая ноги.

— Кажется, ваш друг очень устал, — заметил Алексей, когда дверь на мостике захлопнулась.

— Еще бы... — кивнул Поплавский. — И не он один. Но нам надо действовать сейчас как никогда быстро и решительно. Если в следующем налете на Палладу будет участвовать сам Аль-Багдир, все может закончиться иначе.

Алексей удивленно округлил глаза.

— Аль-Багдир? Так вы считаете, что флагманский корабль не участвовал в налете?

Поплавский грустно усмехнулся.

— Само собой. Ты же сам рассказывал, что на борту флагмана находятся еще три

руководителя ЛИМПа. Такие люди не станут рисковать собой в заурядном бою. Нет, они сейчас рыщут где-то в глубинах среди астероидов...

— Но почему же они тогда послали все оставшиеся крейсера на Палладу?

— В том-то и дело! Я вижу только одну причину такой поспешности: адмирал нашел корабли марсиан. И торопится уничтожить ненужных свидетелей!

На Церере повстанцев ожидал приятный сюрприз. «Синее пламя» находилось на своем прежнем месте на посадочной площадке недалеко от поселка колонистов. Никого из людей рядом не было, а это означало, что флот ЛИМПа окончательно покинул астероид.

Вернее, МОГЛО означать. Поплавский, наученный горьким опытом, не спешил идти на посадку. Он совершил серию сложнейших маневров, после чего корабль буквально завис над куполом поселка на стационарной орбите. Саблин тем временем связался с бортовым компьютером «Синего пламени», используя известный лишь одним спасателям код.

Спустя час он поднялся на капитанский мостик.

— Володя, наш корабль заминирован, — сообщил он. — Хорошо, что бандиты, устанавливая бомбы в разных отсеках, даже не догадывались, что главный компьютер следит за ними с помощью своих телеглаз.

Капитан, как ни странно, был обрадован этим сообщением.

— Отлично! — широко улыбнулся он. — Значит, адмирал решил не оставлять своих людей в засаде, иначе он не стал бы возиться с бомбами. Если бы еще и запас солнечного камня оставался в трюме...

Так и оказалось. В спешке люди ЛИМПа не обратили внимания на контейнеры с ярко-желтым минералом — да и откуда им было знать о его чудесных свойствах? Провозившись пару часов с разминированием, повстанцы разделились на два экипажа, и вскоре в черное небо Цереры взмыли уже два корабля. Каждый нес на своем борту всего по четыре маленьких ракеты, но они могли в любой момент превратиться в грозное оружие — конечно, если Саблину удастся решить за несколько часов полета проблему детонации солнечного камня.

Оба корабля повстанцев направились в глубь пояса — туда, где флот ЛИМПа обнаружил обломок марсианского корабля. Алексей узнал об этом от своих бывших «товарищей» по флагманскому кораблю. Поплавский с сомнением выслушал его сбивчивый рассказ и покачал головой:

— Все это очень туманно и ненадежно. ЛИМП сейчас располагает по крайней мере тремя кораблями и имеет полную свободу действия. Аль-Багдир может уйти из пояса вместе с марсианскими кораблями, а может вновь попытаться уничтожить поселок на Палладе. Не думаю, что его людям удастся быстро разобраться с методами управления марсианским оружием, однако им и одних ракет вполне хватит... — Он задумчиво посмотрел на Алексея, сидевшего рядом в кресле второго пилота. — Мне кажется, пора трубить сбор.

— Вы имеете в виду наших поселенцев на дальних астероидах? — без всякого энтузиазма отозвался юноша.

— Вот именно.

— Но их космоботы лишены оружия...

— Очень жаль, — сухо ответил капитан. — Однако сейчас ставка в игре слишком велика и на кону нечто куда большее, чем судьба Новой Утопии. Если Аль-Багдиру удастся увести марсианские корабли из пояса... Ищи их потом свищи! И вряд ли мы сможем рассчитывать на чью-либо помощь. Так что иди в радиоотсек и подымай всех на последний и решительный бой. К тому же кто-нибудь из дальних колонистов может знать что-либо о местонахождении флагманского корабля ЛИМПа.

Алексей, кивнув, направился к выходу. На пороге он остановился и с сомнением посмотрел на капитана.

— Ты что-то хочешь предложить? — спросил Поплавский.

— Да... Наверное, есть смысл в первую очередь посоветоваться с охотниками.

— Хм... я уже что-то слышал о них. Это вольные колонисты?

— Да. Охотниками мы называем колонистов-холостяков, тех, кто захотел жить сам по себе. Они поселились на периферии нашей колонии и взяли на себя самое сложное — поиск месторождений протосамоцветов. Охотники — люди из породы мизантропов, которые даже друг с другом предпочитают общаться лишь по радио.

— А как же вы снабжаете их припасами?

— Очень просто. Именно для них и была построена база на Палладе. Ее обслуживала автоматика, так что охотник мог прилететь сюда за всем необходимым, не опасаясь встретить других колонистов.

Поплавский хмыкнул.

— Какие нежности... По-моему, весьма расточительный шаг для молодой колонии!

— Да, конечно, — согласился Алексей. — Но дело в том, что почти все охотники — в прошлом очень богатые люди. Среди них есть и банкиры, и крупные газетные магнаты, и владельцы концернов. Они вложили в наш проект огромные капиталы, так что мы закрываем глаза на всех их чудачества.

Поплавский изумленно присвистнул.

— Ого! О таком я даже и не слышал... Бьюсь об заклад, что многие из этих богатых мизантропов на Земле считаются усопшими.

Алексей улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ладно, оповести и охотников, — после некоторого размышления согласился Поплавский. — И не забудь предупредить их, что база на Палладе находится под угрозой ракетного обстрела. Мизантропы — люди обычно угрюмые, но ведь не самоубийцы же они!

Вскоре возле двух кораблей начала формироваться свита из маленьких космоботов. Ими управляли колонисты-мужчины, оставившие семьи на своих маленьких мирах. К сожалению, никто из них не видел корабли чужаков, и потому предположения насчет маршрутов их передвижения строились самые различные.

Ситуация изменилась, когда к маленькой эскадре начали присоединяться охотники. Они представлялись Поплавскому только по именам, явно не желая афишировать свои наверняка очень известные фамилии. Двое из них заметили флагман ЛИМПа, и по их данным Алексей выстроил возможную траекторию полета. Когда навигационный компьютер выдал результат на экран дисплея, юноша нахмурился.

— Кажется, я знаю, куда полетел Аль-Багдир... — пробормотал он.

— И куда же? — спросил Поплавский.

Алексей пробежал пальцами по кнопкам пульта, и тотчас на дисплее высветился рой огоньков. В центре его выделялась яркая точка.

— Этот астероид облюбовал себе Измаил, — сказал молодой колонист. — Один из самых удачливых и отчаянных наших охотников. Кстати, Измаил — самая таинственная личность в нашей колонии. Его истинное имя знает только мой отец, но он всегда отмалчивался, когда я пытался что-нибудь разузнать об этом человеке. Достоверно известно лишь одно — Измаил вложил в проект миллиард долларов.

— Ого! — изумился Поплавский. — Держу пари, что на Земле для него построена

роскошная усыпальница, а жена и дети до сих пор оплакивают кончину любимого супруга и отца.

— Конечно, — усмехнулся Алексей.

— Думаешь, Аль-Багдир захватил его в плен и использовал в качестве космического лоцмана?

— Очень может быть. Здесь, в поясе, есть такие места, куда рискнет сунуться не каждый охотник. Это так называемые «ущелья». По каким-то странным капризам природы в небольшом объеме в двадцать-тридцать кубических километров собралось до сотни разнокалиберных астероидов. Они совершают очень сложные эволюции, вращаясь по эллиптическим траекториям возле общего центра масс и одновременно двигаясь вместе с поясом вокруг Солнца. Жуткие места! Однажды, когда я был еще мальчишкой, мы с другом тайно пробрались на космобот и полетели к одному из таких ущелий, прозванному Громовым. Как мы уцелели, сам не пойму. Хорошо еще, что у нас хватило ума не соваться вглубь, иначе нас бы размолотило в пыль.

Поплавский насторожился.

— А что же Измаил, разве он не боится таких ущелий?

— Нет, ну что вы! Это самый настоящий сорви-голова, да и пилот, что называется, от Бога... А что?

— Ничего. Просто я, кажется, догадываюсь, кто скрывается под именем Измаила... Хотя нет, этого не может быть! Я сам присутствовал на его похоронах. Да и погиб он на глазах десятков людей. Но если это он... Что ж, тогда я не завидую Аль-Багдиру и его банде!

Поплавский связался по радио с Саблиным, который теперь пилотировал «Синее пламя», и объяснил ему ситуацию.

— Ущелья? — послышался удивленный голос Саблина. — Любопытно... А не напоминают ли они тебе, Володя, те завалы из камней, которые марсиане устроили на Меркурии в кратере Ганди?

— Хм... Ты хочешь сказать, что все ущелья в поясе созданы искусственно?

— А почему бы нет? Судя по всему, древние марсиане были способны и не на такое. Там, на Меркурии, они спрятали пещеру с солнечным камнем от посторонних глаз, и если бы не Игорь, не найти бы нам рудника никогда. Такой же фокус они могли устроить и здесь, в поясе. Если они спрятали в одном из ущелий свои корабли, то...

— Понял! — воскликнул Поплавский. — Жаль только, что Игорь нам здесь уже не поможет.

— Это уж точно, — вздохнул Саблин. — Кстати, как у них там дела на Палладе?

— Я связывался с Мартой полчаса назад. Работа по созданию ракет большой дальности почти закончена. Удалось доделать и одну из лазерных пушек. Но остальное оружие не готово — просто не хватает рук.

— И когда корабли колонистов присоединятся к нам?

— Старт намечен... э-э, на пятнадцать ноль-ноль, то есть через полчаса.

— Они могут не успеть, Володя.

— Посмотрим.

— Так куда мы направимся — к дому Измаила?

— Да. Если это тот человек, о котором я думаю, он наверняка оставил нам знак, где его искать. У нас просто нет времени обшаривать все ущелья одно за другим.

— Но тогда, может, есть смысл послать к ущельям охотников?

— Что ж... наверное, ты прав. Так и сделаю. Хотя жаль дробить наши и без того небольшие силы.

Астероид, на котором жил Измаил, представлял из себя слегка вытянутый каменный обломок диаметром около десяти километров. Несмотря на малые размеры, он был очень похож на планету типа Луны и имел свои крошечные горы, темные моря и несколько глубоких кратеров.

Дом космического отшельника находился на плоской вершине одной из гор. Отсюда открывался впечатляющий вид на окрестности, где особенно выделялся идеально круглый кратер диаметром не более двухсот метров и одинокая скала, формой и размером напоминавшая пирамиду Хеопса.

Поплавский подошел к краю горы и некоторое время постоял там, любуясь фантастическим пейзажем. Солнце довольно быстро перемещалось в небе, и многочисленные тени скользили по серебристой равнине, пытаясь дотянуться от горного хребта до одинокого кратера.

— Романтическое место, — сказал он наконец. — Что скажете, Настя?

Молодая колонистка — хозяйка стоявшего неподалеку космобота с надеждой спросила:

— Вам на самом деле нравится, Владимир Павлович?

Поплавский удивленно оглянулся на свою спутницу.

— А почему бы и нет? Признаюсь, раньше я не мог понять, как это в поясе астероидов могут жить люди. Но теперь, когда я насмотрелся на эту красоту...

— Вы еще не видели мою Истру! — воскликнула Настя. — Это такой ласковый, серебристый мир... Как подмосковная речка, на берегу которой я родилась. Порой мне кажется, что я даже слышу журчание воды и пение птиц, когда солнце появляется из-за горизонта.

— А вы на самом деле живете там одна? — недоуменно спросил Поплавский.

— Да.

— Но почему? Я слышал, многие холостые колонисты мечтают...

Настя подняла руку, останавливая его.

— А вы... вы могли бы остаться на Истре... со мной? — тихо спросила она. — Я знаю, что глупо веду себя... но раз выпал такой случай... Владимир Павлович, разве вы не помните меня?

— Нет, — разочарованно ответил Поплавский. — Да и как я могу вас помнить, если даже не видел вашего лица? Признайтесь, вы намеренно не снимали шлем в космоботе?

— Конечно, — грустно усмехнулась Настя. — Я... я боялась, что вы меня не узнаете. Ведь у вас на Земле было много женщин?

— Хм-м... ну, в общем-то да, — пробормотал смущенный Поплавский. — Но, честно говоря, я не могу вспомнить ни одну Настю...

— Тогда, в ту ночь, я назвалась другим именем, — еле слышно отозвалась девушка.

— Каким же? — воскликнул Поплавский, но девушка в ответ только покачала головой.

— Владимир Павлович, мы открыли дверь, — послышался в радиофоне голос Алексея.

— Хорошо, мы идем.

Поплавский протянул руку Насте, но явно огорченная разговором девушка повернулась и пошла в сторону своего космобота, стоявшего в полусотне метров от купола.

Жилище охотника менее всего напоминало келью отшельника. Измаил, по-видимому,

любил роскошь, и потому все три комнаты были обставлены с редким вкусом. Одна, побольше, была отделана в европейском стиле, вторая — в восточном, а третья являлась библиотекой, состоявшей из нескольких тысяч томов.

Алексей даже присвистнул от удивления.

— Вот это да... этот Измаил, оказывается, знает толк в жизни! Такая библиотека... даже отцовская с ней не сравнится!

Поплавский усмехнулся. Подойдя к одной из многочисленных полок, он вынул первую же попавшуюся книгу.

— Айзек Азимов, «Основание», — прочитал он по-английски. — Ну конечно же, это Валерий!

— А кто такой Валерий? — любопытствовал Алексей и, не удержавшись, тоже вынул одну из книжек с полки. — Черт побери, тоже фантастика!

Поплавский рассмеялся.

— Валерий обожает подобную литературу с детства, — пояснил он. — Ручаюсь, что в этой библиотеке полно детективов и исторических романов о России. Больше ничего, кажется, Валера не читал. Господи, только подумать, что он на самом деле жив! А ведь сколько шума было после этого «убийства века»... Киллера, кажется, ищут до сих пор. А заказчиком-то, оказывается, был сам Валера... Ну что ж, это красивый выход из игры.

— Если только не считать, что теперь ваш знакомый играет совсем в другие игры, — напомнил ему Алексей.

— Это верно. Но где же следы борьбы? Что-то я не вижу их. Валерий не такой человек, которого можно взять голыми руками. Даже Аль-Багдиру пришлось бы с ним повозиться... Пойдем, Алексей, посмотрим еще раз на соседние комнаты.

Вместе с ними в поисках участвовали еще двое колонистов, прилетевших на космоботе Насти. Все было внешне в идеальном порядке. Казалось, хозяин этого купола попросту отправился в очередной поиск. Никаких записок. Никаких следов борьбы. Никаких признаков поспешного бегства.

— Жаль, Игорь еще в пути, — прошептал Поплавский, оглядывая роскошные персидские ковры, украшавшие стены «восточного зала». — Он, может, что-нибудь углядел бы... Черт бы побрал аккуратизм Валерия! Глазу не за что зацепиться. Хотя...

Командующий эскадрой поспешно вернулся в библиотеку. Здесь он сразу же подошел к полке, где стояли яркие, с кричащими обложками тома азимовского «Основания». С победным криком Поплавский указал на белую книжку небольшого формата, словно бы случайно затесавшуюся между солидными, толстыми томами.

— Валерий обожает этот азимовский сериал, — объяснил Поплавский, вынимая с полки книжку в белой глянцевої обложке. — При его аккуратизме невозможно представить, чтобы он поставил рядом с ними... Черт, вот это удача!

Поплавский указал Алексею на обложку книги. На ней было написано: Эдмонд Гамильтон, «Сокровище Громовой Луны».

Алексей недоуменно повертел книжку в руках и вдруг робко улыбнулся:

— Неужели это намек на Громовое ущелье?

— Очень может быть, — кивнул Поплавский. — Наверное, Валера узнал от Аль-Багдира о моем появлении в поясе и оставил для меня весточку — да такую, что ее не смог разглядеть даже острый глаз адмирала. Все, отправляемся к Громовому ущелью!

В библиотеку вбежала Настя, державшая шлем в руках.

— Владимир Павлович, корабли с Цереры приближаются! — доложила она. — Корин хочет срочно переговорить с вами!

Поплавский кивнул и, положив книгу на журнальный столик, торопливо вышел из библиотеки. Он на секунду остановился возле покрасневшейся, взволнованной Насти, вглядываясь в ее милое, но простоватое лицо, а затем пошел к выходу.

Настя со слезами на глазах опустила голову.

Викинг не узнал ее.

На подступах к Громовому ущелью эскадру повстанцев неожиданно атаковали два крейсера ЛИМПа. Они вынырнули из-за астероидов и ринулись навстречу «Прометею» совершая залп за залпом. Колонисты встретили ракеты противника противометеоритными пушками, но те не могли спасти положение. Один из трех космолетов, прибывших на подмогу с Цереры, получил серьезные повреждения и, беспорядочно кувыркаясь, исчез в глубинах космоса. Судя по тому, что он даже не послал «SOS», ситуация на его борту сложилась катастрофическая.

Досталось и двум с половиной десяткам космоботов, сопровождавшим большие корабли. Подчиняясь приказу Поплавского, они бросились врассыпную, пытаясь уйти от ракет с помощью резкого маневрирования, но это было совсем нелегко. Тьму озарили четыре ярких вспышки, и они означали, что несколько колонистов нашли смерть среди астероидов.

Эскадра ответила запоздалым залпом. В ход были пущены ракеты большой дальности, оснащенные боеголовками с солнечным камнем. Три из них уничтожили антиракеты противника, но одна уцелела и врезалась в силовой экран. Последовал чудовищный взрыв, буквально разметающий в пыль могучий крейсер. Все повстанцы, включая спасателей, были поражены таким эффектом. Конечно, Поплавский и его друзья знали о фантастической энергоемкости желтого минерала с Меркурия, но даже они не предполагали, что при детонации он выделяет световые и тепловые потоки, сравнимые лишь с последствиями ядерного взрыва!

Однако второй крейсер ЛИМПа уцелел. Совершив широкий разворот, он напал на эскадру с задней полусферы, выпустив почти десяток ракет. Они могли поразить все крупные космолеты повстанцев, если бы не самоотверженные действия пилотов космоботов. Поняв, что эскадра не защищена от такой атаки, они стремительно развернули свои юркие машины и ринулись навстречу гибели.

Космос запылал от яростных вспышек. Пилоты- смертники приняли основную часть ракетного удара на себя. И все же одна из ракет ЛИМПа чудом проскользнула через строй космоботов и ударила в корму «Синего пламени». Один из двух двигателей вышел из строя, но до взрыва в топливных баках дело, к счастью, не дошло.

«Прометей», пилотируемый самим Поплавским, не сумел дать ответный залп, хотя часть его ракетных установок и могла осуществить пуск, прицелившись в заднюю полусферу. Причина была простой — ракеты скорее всего попали бы в корабли сопровождения. Командир эскадры сделал единственно возможный в такой ситуации ход. Предупредив свой экипаж и корабли сопровождения, он начал резкое торможение. Спустя несколько секунд свита оказалась уже впереди своего лидера, и тогда-то в ход пошли ракетные установки. Навстречу крейсеру ЛИМПа помчался рой больших и малых ракет. Уйти от столкновения с ними было невозможно, и крейсер превратился в огненный шар. Взрыв оказался настолько силен, что обломки догнали корабли повстанцев и по трагической случайности поразили еще один космобот.

На этом бой завершился. Результаты его были плачевными для колонистов. Эскадра потеряла почти треть своих космоботов. Один из больших космолетов не отзывался на запросы и скорее всего погиб. «Синее пламя» находилось в аварийном состоянии и уже не

могло принимать участия в дальнейших боевых действиях.

На Поплавского было страшно смотреть. Командующий эскадрой повстанцев выглядел постаревшим лет на десять. Его руки тряслись от напряжения, и потому Алексей с товарищами чуть ли не силой подняли Викинга с пилотского кресла, которое тотчас занял один из колонистов.

Оказавшись на командирском месте возле обзорного экрана, Поплавский несколько минут сидел, опустив голову, потом взял себя в руки и взглянул на мрачного Алексея.

— Далеко до Громового ущелья? — глухо спросил он.

— Минут двадцать полета.

— Хорошо. Включи рацию, я проведу селекторный опрос.

Вскоре общая ситуация прояснилась. Погибли девять космоботов. Космолеты оказались почти безоружными, расстреляв большую часть своего крайне скудного арсенала. Сказалось отсутствие у повстанцев боевого опыта. Легкая победа на подступах к Церере была обманчивой, и всего два крейсера ЛИМПа сумели нанести колонистам страшный урон. Однако силы для борьбы с флагманским кораблем ЛИМПа еще оставались.

Лишь одно известие слегка порадовало Поплавского — на погибшем космолете не было ни одного спасателя. Однако проявлять какие-то радостные эмоции по этому поводу было бы по меньшей мере неэтично.

На обзорных экранах кораблей колонистов появилось большое рыхлое пятно света. Оно стало стремительно расти, и спустя несколько минут Громовое ущелье предстало во всей своей грозной красе. Это было невероятное скопление нескольких сотен астероидов размером от футбольного мяча до полукилометровых громад. Они заполняли пространство в пару сотен кубических километров, образуя нечто вроде миниатюрной солнечной системы. Скорость вращения периферийных астероидов вокруг условного центра масс этого скопления была настолько велика, что Поплавский сразу же отказался от идеи войти внутрь Громового «ущелья». Эскадра совершила маневр уклонения, одновременно гася скорость. Через некоторое время корабли повстанцев заняли позиции недалеко от границ скопления астероидов.

В радарном отсеке головного корабля закипела работа. Увы, найти что-либо похожее на космолет в этом жутком каменном мешке было немыслимо. Большинство астероидов содержали в своем составе металлические руды, поэтому на экране радиолокатора воцарился самый настоящий хаос. Не лучше обстояло дело на дисплее инфралокатора. Солнце достаточно сильно нагревало поверхности астероидов, так что обнаружить среди размытых красных пятен корабль с неработающим двигателем оказалось невозможно. Конечно, если флагман ЛИМПа еще находился там...

Поразмыслив, Поплавский дал указание кораблям рассредоточиться таким образом, чтобы перекрыть все возможные направления выхода противника из Громового ущелья. Затем он связался с Саблиным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Виталий, что скажешь? Может большой космолет войти в эту кашу?

— Наверное... — не очень уверенно ответил Саблин. — На космоботе я бы рискнул без колебаний, но такая махина, как крейсер ЛИМПа... Не знаю даже, что и сказать. Одним словом, я бы пожал руку парню, который провел бы космолет по этим каменным лабиринтам.

— Значит, тебе придется пожать руку мне, — не очень весело пошутил Поплавский.

— Володя, опомнись! — послышался встревоженный голос Марты. — Это же чистой воды самоубийство! Нам лучше подождать, пока флагман ЛИМПа сам выйдет из ущелья. Не может же он, на самом деле, сидеть там вечно!

Поплавский жестко усмехнулся и с силой потер давно не бритое лицо.

— Конечно, не может, — устало отозвался он. — Но еще неизвестно, на кого работает время. Если инженеры ЛИМПа сейчас, скажем, переносят на борт флагмана оружие марсиан... Не знаю, чем это кончится.

— Но ты же не веришь, что они так быстро научатся управлять этим древним оружием! — воскликнула Марта.

— Не верю, — вздохнул Поплавский. — Но не могу исключать такой вариант. К тому же мы настолько ослаблены неудачным боем, что вряд ли сумеем уничтожить флагман, если тот пойдет на прорыв. Представляю, сколько на его борту ракет! Нет, рисковать мы не имеем права.

В разговор вмешался Саблин:

— Ну, тогда давай возьмем Вадима и втроем отправимся на разведку в глубь ущелья, — предложил он. — Кто знает, может, Аль-Багдира там нет, а то и вовсе не было?

— А если он там? — упрямо возразил Поплавский.

— Что же, тогда придется оснастить космобот пусковыми установками. Думаю, одну большую ракету и с пяток малых можно будет приладить где-нибудь в районе центроплана, чуть впереди двигателей. Естественно, подвеску придется делать наружной...

— И сколько же времени уйдет на такую переделку? — с сомнением спросил Поплавский.

— Несколько часов. У меня на борту с десятков очень толковых инженеров, мы что-нибудь сообразим. А Вадим с Игорем будут нашей рабочей силой. Постараемся управиться часов за пять.

— Господи... — простонал Поплавский. — Целых пять часов! Ладно, уговорил. Действуй!

Через несколько минут к «Синему пламени» причалил лучший из космоботов, принадлежащий одному охотнику, и работа по переоснащению маленького космолета началась.

Для Поплавского время тянулось как никогда медленно. Он расхаживал по тесному капитанскому мостику мрачный и неразговорчивый. Никто из членов экипажа не осмеливался предложить командующему перекусить, хотя тот не ел уже давно. Все экипажи кораблей находились на своих местах, в любое мгновение ожидая появления флагмана ЛИМПа. Многие пилоты космоботов приняли решение в случае необходимости идти на абордаж, поскольку полагаться на одни ракеты было опасно.

Минута текла за минутой, но ровным счетом ничего не менялось. Наблюдатели доложили командующему эскадрой, что никаких странных перемещений тел внутри скопления астероидов не происходит. Это могло означать все что угодно. Люди Аль-Багдира могли сейчас заниматься изучением марсианских кораблей. Они также могли продемонстрировать оружие и переносить его на борт флагмана. Но с не меньшей вероятностью в ущелье **ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ БЫЛО**. И мысль об этом более всего терзала Поплавского. В самом деле, почему бы Аль-Багдиру не быть сейчас совсем в другом районе пояса астероидов? Правда, в Громовое ущелье вела ниточка от библиотеки Валерия — но уж больно она была тонка и ненадежна. Нельзя исключить и то, что адмирал попросту провел

Поплавского, самолично переставив книги так, чтобы навести след именно на Громовое ущелье. Хотя для этого надо было слишком много знать о привычках Валерия и о его давнем знакомстве с лидером хроноспасателей. Нет, все это слишком хитро, а потому маловероятно... Но уж очень велика цена ошибки!

На переоборудование космобота ушло более шести часов. Наконец маленький корабль отчалил от «Синего пламени» и медленно двинулся в сторону «Прометея».

Поплавский и Алексей стояли в нетерпении возле кессонной камеры. Последние минуты ожидания оказались для них самыми тяжелыми. Но вот космолет слегка вздрогнул — это означало, что космобот причалил. Навстречу ему тотчас стал выдвигаться переходной рукав.

— Черт, да что же они там медлят... — почти простонал Поплавский. — Мы могли бы обойтись и без рукава. Эка невидаль!

Наконец двери кессона плавно раздвинулись.

Спустя пару минут космобот направился к границам Громового ущелья.

В салоне космобота было тесно. Вместе со спасателями (включая Марту, которая решительно воспротивилась попыткам друзей оставить ее на борту космолета) в опасный рейс отправились Алексей и еще два колониста: испанец Гарсиа и русский Михаил. Оба они были опытными инженерами, и их помощь в критических ситуациях могла бы принести большую пользу. Место пилота занимал хозяин космобота, назвавшийся Греем. Судя по акценту, он был французом. На деликатную просьбу Поплавского уступить ему штурвал Грей ответил только презрительной усмешкой. Как и все охотники, он весьма высоко оценивал свои пилотские качества, да и в ущелье ему якобы не раз приходилось бывать.

Сделав вокруг каменного облака несколько оборотов, Грей уравнивал скорость бота со скоростью движения внешних астероидов скопления, а затем плавно вошел в ущелье.

Лабиринты из летающих скал оказались самым настоящим адом. Противометеоритные локаторы почти непрерывно издавали тревожные сигналы. Автопилот то и дело уводил корабль с опасных траекторий, но, казалось, безопасных путей в недра Громового ущелья вовсе не существует. На маленьком обзорном экране постоянно появлялись глыбы самых прихотливых форм и тут же исчезали за кормой. Бортовой компьютер гудел от напряжения, непрерывно решая задачи уклонения от многочисленных астероидов, и будь скорость космобота чуть выше, вряд ли бы он сумел спасти людей от гибели. Но автопилот работал точно, и ему в этом умело помогал Грей.

С первых же минут Поплавскому стало ясно, что хозяин космобота не зря отказался покинуть кресло пилота. Он был мастером-виртуозом высшего класса. Тонкие музыкальные пальцы Грея скользили по пультам управления, словно он играл на органе. В нужные мгновения он блокировал автопилот и брал управление кораблем на себя, но тут же вновь переходил на автоматический режим, подчиняясь одному ему известным оценкам ситуации. Поплавский некоторое время с увлечением следил за Греем, словно за шахматистом высокого класса, но вскоре сбился и вынужден был признать свое поражение. Что касается Саблина, тот сразу же безоговорочно поверил в превосходство вольного колониста и, устроившись рядом с навигационным компьютером, стал добровольно выполнять работу штурмана.

Маленький корабль постепенно продвигался в глубь ущелья, непрерывно маневрируя. Резкие, а главное, знакопеременные перегрузки настолько измотали пассажиров, что Марте и Ашоту стало плохо, и их пришлось откачивать специальными лекарствами. Корин, к своему удивлению, пока держался, хотя раны в груди вновь напомнили о себе колющими болями. Оба колониста-инженера выглядели куда бодрее — сказала их долгая практика полетов в поясе астероидов.

Поплавский устроился возле радио- и инфралокаторов и занялся поисками кораблей. Увы, в каше обломков ничего невозможно было разобрать. Однако по мере продвижения в глубь ущелья его заинтересовало странное явление.

Хаос на периферии каменного облака неожиданно начал исчезать, уступая место довольно четкому, упорядоченному расположению глыб в пространстве. Они становились все крупнее и крупнее, и наконец вдали отчетливо проступил шар из огромных скал, стремительно вращавшийся вокруг своего центра. Трудно было представить, чтобы такое образование могло создаться естественным путем.

— Так вот где марсиане спрятали свои корабли... — прошептал пораженный до глубины души Поплавский.

Космобот резко дернулся, уходя от очередного обломка. На мгновение на экране появилась бесформенная глыба и тут же исчезла, скрывшись во тьме космоса. Но и пилоту, и Поплавскому удалось разглядеть обломок. Без всякого сомнения, это была кормовая часть огромного космолета!

— Один корабль марсиан разбит! — воскликнул Корин, тоже успевший заметить четкие обводы обломка. — А два других, наверное, находятся внутри этого шара из скал!

Поплавский кивнул. Он не отрывал глаз от экранов обоих радаров.

— Черт побери, да этот шар буквально напичкан огромными скалами... — пробормотал он. — Как же флагман ЛИМПа сумел войти в него? О-о, смотрите!

Оказалось, что в шаре находился довольно узкий туннель. Данные радаров показывали, что он был почти чист, если исключить одну глыбу размером с Московский университет, расположившуюся точно в центре туннеля. За тысячи лет, прошедших после появления в Громовом ущелье марсиан, колебания поля тяготения сделали свое дело, и кое-какие астероиды изменили свою траекторию. Быть может, именно одна из таких летающих скал и разбила марсианский корабль. В результате каменная глыба могла расколоться, и одна из ее частей попала в туннель.

— Мистер Грей, корабль ЛИМПа мог пройти в этот туннель? — спросил ошеломленный всем увиденным Корин.

— Да, конечно, — глухо отозвался хозяин космобота. — Пилоты на флоте ЛИМПа замечательные. Но вопрос в другом — сможет ли по туннелю пройти марсианский корабль? Судя по обломку, который мы видели, он раза в три больше крейсера.

— Но мы-то сможем войти внутрь каменного шара? — не унимался Корин.

Грей только презрительно хмыкнул. Он резко заложил штурвал вправо, так что мощная боковая перегрузка едва не прикончила пассажиров.

— Держитесь... — прохрипел пилот. — Сейчас станет жарко, словно в аду!

Спустя полтора часа космобот путем сложнейших маневров уравнивал свою орбитальную скорость со скоростью вращения шара из скал и, плавно развернувшись, двинулся в сторону туннеля. Это были самые страшные минуты полета. Со всех сторон мимо космобота медленно проплывали освещенные лучами солнца каменные глыбы. Казалось, вот-вот одна из них обрушится на маленький космобот и разобьет его всмятку, но твердая рука Грея уверенно вела корабль внутрь шарового скопления.

Наконец летающие скалы остались позади, и перед изумленными пассажирами открылось внутреннее пространство шара. Оно напоминало огромный грот. По странной причуде природы — а может, по замыслу древних марсиан — лучи солнца, отражаясь от неровной поверхности летающих скал, частично фокусировались в гроте, довольно ярко освещая все находившиеся в нем объекты.

В центре гигантского грота висел марсианский корабль. Его носовую часть украшал целый лес остроконечных «бивней», отчего космолет немного напоминал знаменитый кельнский собор. Да и вся его двухсотметровой длины конструкция походила на летающий храм, с мощным восьмигранным центропланом и кормовой частью, окруженной, словно пределами, пятью цилиндрическими двигателями. Корпус корабля густо покрывали плоские поверхности различной длины, напоминающие крылья. По-видимому, они позволяли

кораблю-гиганту совершать планирование даже в марсианской разреженной атмосфере.

Невдалеке от марсианского монстра плыл крейсер ЛИМПа, соединенный с могучим соседом гибким переходным туннелем. А вокруг них, на расстоянии около километра, медленно вращались несколько крупных обломков второго марсианского корабля и более десятка каменных глыб. Похоже, именно они и послужили причиной гибели космолета с Красной планеты.

Некоторое время экипаж космобота в молчании наблюдал за этим поразительным зрелищем. Солнечные лучи, переливаясь, освещали марсианский корабль, придавая ему еще более фантастический вид.

— Аль-Багдир все-таки добрался до своей цели... — тихо произнес Поплавский. — Виталий, садись на место канонира. Надо взять крейсер на прицел.

— А марсианский корабль? — спросил Саблин, немного растерянно глядя на командира.

— Да... и его тоже... — опустив голову, процедил сквозь зубы Поплавский. Саблин кивнул.

— Мистер Грей, нам надо развернуть космобот так, чтобы мы могли произвести залп прямой наводкой, — сказал он.

Пилот кивнул. Но он не успел включить поворотные сопла.

— Поздно, друзья, поздно, — послышался в общем коммуникаторе голос Аль-Багдира. — Оставайтесь на месте, иначе мы уничтожим ваш кораблик.

В салоне повисла напряженная тишина. Побледневший Поплавский взял микрофон в руку и, с трудом сохраняя спокойствие, спросил:

— И как же вы собираетесь это сделать, адмирал? Ваш крейсер расположен к нам кормой, и ракетам придется пройти немалый путь, прежде чем они настигнут наш космобот. Думаю, за это время мы успеем встретить их своими антиракетами.

Араб рассмеялся.

— Ракеты? Нет, дорогой Викинг, эти хлопушки нам больше не понадобятся.

— Выходит, вы все-таки нашли марсианское оружие? — еще больше помрачнел Поплавский.

— Разумеется. И притом в отличном состоянии. Марсиане были настоящими кудесниками! Столько веков прошло, а на борту их корабля все осталось в идеальном порядке. Жаль, конечно, что два других космолета погибли, но нам пока и одного хватит. Конструкция марсианского оружия оказалась не очень сложной, и наши инженеры клянутся, что через полгода сумеют построить подобную же установку, да не одну.

— Вы хотите сказать, что уже научились управлять этим оружием? — недоверчиво спросил Поплавский.

— Конечно. Мы провели два впечатляющих эксперимента. Наверное, при других обстоятельствах не стоило бы так рисковать, но ведь флот колонистов уже окружил Громовое ущелье?

— Да. И все выходы из него находятся под прицелом наших ракет.

— Вот как? — с иронией спросил Аль-Багдир. — Ну что ж, спасибо за предупреждение. Придется выбираться из этого каменного мешка на марсианском дредноуте. Его силовые щиты не пробьют даже ядерные боеголовки. Хотя у колонистов их нет!

Поплавский промолчал, в бессилии сжимая микрофон. Победа была так близка, но теперь она, кажется, ускользала из рук...

— Вы блефуете, адмирал, — глухо произнес он. — Ничего вы не можете сделать! Зато мы через несколько секунд возьмем вас на прицел, и тогда...

— Дорогой Викинг, я не люблю блефовать в явно выигрышной ситуации, — холодно отозвался Аль-Багдир. — Мне просто жаль вас и ваших друзей. Наверное, госпожа Шадринэ сейчас тоже в космоботе?

Марта поднялась с кресла и, подойдя к Поплавскому, взяла у него микрофон.

— Да, я здесь, — тихо сказала она.

— Жаль, очень жаль... Не хочется в час моего триумфа уничтожать такое прелестное создание. А насчет блефа... В туннеле, как вы сами видели, есть довольно крупный астероид. Он нам мешает, и мы его сейчас уничтожим. Можете понаблюдать. Не беспокойтесь — вам ничего не грозит, хотя вы и находитесь прямо на прицельной линии.

Поплавский переключил радарный экран на обзор задней полусферы. На нем высветился туннель в скалах и загораживающий его крупный обломок.

Тем временем между «бивнями» марсианского корабля зазмеилась оранжевая молния — и тотчас летающая скала исчезла. Просто исчезла, не оставив после себя даже огненной вспышки!

— Похоже, это хронооружие... — пробормотал пораженный Корин. — Обломок перенесло в другое время. Если так, то это на самом деле то супероружие, которое может поставить на колени Землю!

— Совершенно верно, — насмешливо отозвался Аль-Багдир. — Рад, что хоть сейчас вам в головы стали приходить дельные мысли. А теперь в очередной раз я даю вам две минуты на размышление. Мистер Поплавский, на этот раз вас ничто не спасет. Присоединяйтесь к ЛИМПу, очень прошу вас! Я неплохо разбираюсь в людях и понял, что мои доводы произвели на вас сильное впечатление. В какой-то степени мы с вами единомышленники, только вас сковывают вериги устаревших предрассудков. Подумайте: группа «Дельта» немало попортила нам крови, а как на это отреагировало благодарное человечество? Да никак. Всем плевать на отважных хроноспасателей, рискующих своими жизнями ради всеобщего благоденствия, свободы и демократии. Люди ЛИМПа совсем иные. Мы умеем быть великодушными и ценить даже своих врагов.

Итак, сбрасывайте ракеты и летите к нашему крейсеру. Я гарантирую всем — подчеркиваю, ВСЕМ — полную безопасность. А вас, мистер Поплавский, и вас, госпожа Шадринэ, приглашаю сразу же перейти на марсианский корабль. Вы увидите поразительные чудеса...

Внезапно из туннеля стрелой вылетел крупный космолет. В сторону марсианского корабля помчался целый рой ракет.

Люди Аль-Багдира не успели включить силовые щиты. Через несколько секунд каменный грот озаарили яростные вспышки.

А затем на этом месте вспыхнуло небольшое солнце.

Пескоход перевалил через очередную волнистую дюну и, тяжело покачиваясь на ходу, поехал к серебристой стеле, возвышавшейся среди красно-оранжевых песков. Неподалеку, всего в нескольких сотнях метров от нее, находился древний марсианский город. Его окружало кольцо из высоких хронобашен. Возле них стояли краны и мощные краулеры. Несколько бригад строителей неторопливо работали над демонтажем башен. Среди массивных зданий сновали бело-голубые пескоходы — это были традиционные цвета марсианских археологов.

Ашот остановил машину невдалеке от стелы. Надев шлемы, спасатели молча выбрались через кессон и, спустившись по трапу, пошли к памятнику пропавшим во времени, увязая по щиколотки в рыхлом песке.

Здесь все осталось таким же, как и год назад, когда группа «Дельта» вступила в схватку с грабителями Марса, даже не подозревая, в какой водоворот событий закрутит вскоре каждого из них. Марсоград, Луна, орбитальная станция «Орфей», Меркурий, пояс астероидов — и наконец, трагическая развязка в недрах Громового ущелья. Земной крейсер военно-космических сил ООН, барражировавший между Марсом и поясом астероидов, услышал призывы о помощи с Паллады и, сопровождаемый одним из охотников, ворвался в ущелье, рискуя погибнуть. Он вовремя поспел и этим спас экипаж космобота от гибели. Но...

Ракеты с ядерными боеголовками уничтожили не только крейсер ЛИМПа, но и марсианский корабль. Погибли десятки людей, в том числе Аль-Багдир и все остальные руководители так и не состоявшейся Лиги Мирового Правительства.

Взрыв двигателей марсианского корабля был страшен. В результате останки марсианского флота превратились в прах, унеся с собой в небытие и тайну ЛИМПа, и секрет марсианского оружия...

Асташевский и Саблин приварили к стеле металлическую доску, на которой были выгравированы имена: Литвинова — человека, первым открывшего хронотрещину, в которой находился древний марсианский город; Цин Яна, Стернера, Мяккилы и Форстерна — товарищей Марты по астробиологической группе, нашедших свою смерть от рук грабителей Марса в том же городе.

Марта подошла к подножию стелы и поставила на песок капсулу с вечной орхидеей, которой не страшны ни марсианский холод, ни тусклое, едва греющее солнце.

— Как странно порой переплетаются судьбы, — тихо сказала она. — Шесть лет назад Цин Ян решил начать исследования в Серых гrotах, что находились всего в сорока километрах от Базы-2. Мы намеревались заняться там поисками микроорганизмов, но вместо этого провалились в хронотрещину и попали в лапы Мелвилла... Господи, мне кажется, с тех пор прошла целая вечность!

— И все же мы постарались не зря, — нарочито бодро произнес Ашот. — Где теперь грозный ЛИМП? Даже мыльных пузырей от него не осталось. Что надумали — диктаторский режим установить в Солнечной системе! Все марсианское наследство хотели под себя подмять, мерзавцы. А теперь глядите — хронобашни вокруг города разбирают. Значит, больше Марс никто не украдет!

Корин с иронией посмотрел на товарища.

— Кажется, на Церере ты рассуждал по-другому, — заметил он. И тут же пожалел об этом, поскольку возле обелиска тотчас повисла напряженная тишина.

После долгой паузы ее развеял командир.

— Ну что ж, друзья, настал печальный момент, — негромко произнес он. — Я собирался сообщить об этом в Марсограде, да что уж тянуть... Словом, объявляю, что с настоящего момента группа хроноспасателей «Дельта» прекращает свое существование. Есть возражения?

Все промолчали.

— Ничего тут не поделаешь, — продолжил Поплавский. — Как говорится, время жить и время умирать. Жаль, конечно, что мы поработали в таком составе всего ничего, но свое дело сделали. После наших бурных приключений на разных планетах, согласитесь, было бы как-то странно вновь оседлать «Белку» и отправиться в марсианские пустыни на поиски пропавших туристов. Тем более что сейчас здесь уже работают три подобные группы. Я с ними встречался вчера в Марсограде. Толковые же там подобрались ребята — просто сердце радуется! Ну, а мы, ветераны... Отныне каждый пойдет своим путем. Ашот, начну с тебя — как-никак, ты наш бывший водитель.

После некоторого раздумья Мирзоян сказал:

— Сначала полечу на Землю, навещу родных, а потом... Что-то больно мне понравилось в поясе астероидов, ребята! Хочу строить там города. Да и девушка мне одна там очень приглянулась...

— Кажется, знаю я эту девушку, — улыбнулся Поплавский. — Ну что ж, передай ей от меня привет... хотя нет, не надо. Ну а ты, Вадим?

— Вернусь на Землю, разыщу Рейнольдов и Рыжую Гору и займусь солнечным камнем, — ответил Асташевский. — Эта штука на самом деле может принести бешеные деньги! А на них я построю...

— ...виллу на Канарах, — насмешливо продолжила за него Марта.

— Ну что ты, девонька! — возмутился Вадим. — Бери выше! Есть такой проект, называется «Первая звездная» — слышали? Уже лет десять наш российский Космоцентр и НАСА ведут разработку звездолета. Но средств вечно не хватает, да и с атомным двигателем дела пока не ладятся... Средства даст наш солнечный камень, и его же можно будет использовать в качестве супертоплива.

— И ты станешь командиром первой звездной экспедиции? — спросил удивленный Поплавский.

— А почему бы нет? — отпарировал Асташевский.

— Хм-м... отличная идея... — промолвил Поплавский. — И как она мне самому не пришла в голову?

— Так в чем же дело — иди ко мне! — великодушно предложил Асташевский. — Будешь моим заместителем по воспитательной работе.

Все дружно расхохотались.

— Нет уж, дружок, — отсмеявшись, ответил Поплавский. — Хватит, воспитывал тебя шесть лет, пускай теперь другие мучаются. А мне предлагают стать мэром либо Лунограда, либо Марсограда. И еще соблазняют креслом председателя комиссии ООН по Внеземелью Ну как, звучит?

Спасатели по очереди прочувственно пожали руку своему бывшему командиру. Да и что они могли сказать?

— И что же ты выберешь, Володя? — настороженно спросил Саблин.

Поплавский пристально взглянул на него.

— Это зависит от двоих самых близких мне людей — тебя и Марты. Как вы скажете, так и будет. Главное, чтобы мы были и дальше вместе. Выбирайте — Земля, Марс или Луна.

— Мы выберем... чуть позже, — мягко ответила Марта. Она подошла к Поплавскому и положила ему руку на плечо.

— Да, мы выберем... — еле слышно ответил Саблин, опустив голову.

Поплавский с облегчением вздохнул, словно только что стряхнул с плеч огромный груз.

— Ну, а что будет делать наш Колдун? — уже куда веселее произнес он. — Вот уж перед кем, что называется, открыты все двери! Да с твоим даром видеть прошлое...

Корин жестко усмехнулся.

— Могу я вас кое о чем попросить?

— Ну конечно, о чем разговор!

— Так вот: прошу про мой замечательный дар не распространяться, — холодно произнес Корин. — Не хочу превратить в ад всю оставшуюся жизнь. А что касается планов... меня почему-то привлекает Венера. Кажется, там колония начинает бурно разрастаться, и Служба Спасения Венерополиса набирает сразу две группы. Почему бы мне не попытаться счастья? Тем более что на планете Облаков я еще не бывал...

Марта сочувственно посмотрела на друга.»

— Прости, Игорь, — огорченно произнесла она.

— За что? — отозвался Корин. — Все правильно.

Спасатели постояли еще несколько минут возле обелиска пропавшим во времени и направились назад, к вездеходу. Ашот, шагавший рядом с Кориным, неожиданно сказал:

— Все это, конечно, хорошо, но у меня, понимаешь, не выходит из головы этот Аль-Багдир. Как думаешь, Игорь, а с чего это он тогда сказал: «А почему вы думаете, что я — человек?»

Корин обернулся и последний раз взглянул на купола древнего марсианского города, где ныне наконец-то закипела жизнь.

— Наверное, Селивестров прав: в Солнечной системе когда-то побывали пришельцы со звезд, — ответил он. — Быть может, и Аль-Багдир один из них. Мне казалось, он что-то все время не договаривал, на что-то намекал, но мы так и не поняли его до конца.

— И ты хочешь разгадать эту загадку? — поразился Ашот. — Слушай, быть может, ты для этого и летишь на Венеру, а? Что-то учуял, верно?

Корин дружески похлопал его по плечу.

— Назовем это интуицией, — с улыбкой ответил он.

ЗАМОК НА ВЕНЕРЕ

Венера, 2030 г

ЗАМОК НА ВЕНЕРЕ, ВЕНЕРА, 2030 Г.

ПОВЕСТЬ

Тело молодой журналистки обнаружили в трех километрах от Венерополиса, среди скал, неподалеку от Дьявольского водопада, где поток выпадавшей дождем из облаков серной кислоты низвергался с края гигантского плато на Горячую равнину. Девушка лежала чуть в стороне от туристской тропы, ведущей к смотровой площадке, откуда через специальные лазерные телескопы можно было наблюдать с десятикилометровой высоты ад, царящий на берегу Свинцового моря.

Погибшую нашел старший спасатель Берт Миллер. Убедившись, что ей уже ничем не поможешь, он передал сообщение о страшной находке в полицейский отдел Венерополиса, а затем поставил в известность начальника Службы Спасения.

Игорь Корин в этот момент пил кофе, приготовленный заботливой секретаршей Линдой. Был обеденный перерыв, и в здании Службы Спасения царила относительно тишина. Это было прекрасно, поскольку утро выдалось бурным. Сначала пришел панический вызов с отрогов венерианского Эвереста, где под камнепад угодила группа любителей-альпинистов, и туда пришлось посылать отряд Тайрана Гибса на тяжелом вездеходе. Затем случилась авария криогенных установок в системе охлаждения оранжереи, и мэр города попросил организовать срочную эвакуацию людей на время ремонта. А незадолго до обеда что-то произошло в силовом куполе города, и его, Корина, начал терзать нелепыми требованиями главный инженер Венерополиса Варгаш. Он прекрасно знал, что Корин некогда участвовал в распутывании грандиозной марсианской аферы, и почему-то решил, будто тот должен разбираться и в марсианской технологии силовых полей. Пришлось послать Варгаша куда подальше.

Корин стоял с фарфоровой чашечкой кофе в руках и смотрел в окно. Серый, клубящийся туман, состоящий в основном из частичек серной кислоты, стелился над плато Королева. Свет Солнца с трудом процеживался через толщу облаков. Даже в полдень освещенность была не выше, чем на Земле сумрачным вечером. И все же иногда порывы ветра отгоняли туман в сторону, и вдалеке на западе появлялся гигантский перст венерианского Эвереста. Его вершина терялась в облаках. Нелегко было поверить, что там, на пике этого каменного колосса, человек мог бы чувствовать себя довольно комфортно: почти нормальное давление воздуха, температура не выше пятидесяти градусов по Цельсию, неплохая освещенность в дневное время... Правда, постоянные дожди из серной кислоты и ультрафиолетовое излучение в три раза интенсивнее, чем на плато. Но разве такие мелочи могут остановить альпинистов, прилетавших на Венеру со всей Солнечной системы? Никому из этих сумасшедших еще не удалось покорить Эверест, зато Службе Спасения горе-альпинисты покоя не давали ни днем, ни ночью. словно без них было мало забот в этом аду...

Погруженный в подобные невеселые размышления, Корин не сразу услышал звонок нагрудного коммуникатора. Машинально он нажал кнопку «прием» и сделал еще один глоток.

— Что случилось?

— Господин Корин, говорит спасатель Миллер. Несколько минут назад я обнаружил труп молодой женщины вблизи Смотровой площадки.

— Труп? Ты уверен, что она умерла?

— Еще бы. Кто-то выстрелил из бластера ей в левый бок и разворотил бедняжке всю

грудную клетку.

— Дьявол... Только убийства нам сегодня не хватало. Полицию вызвал?

— Да.

— До ее прибытия ничего не предпринимай. Когда полиция отпустит тебя, немедленно возвращайся и напиши подробную докладную на мое имя.

— Слушаюсь, господин Корин.

— Эта женщина... ты не знал ее?

— Нет. Но видел вчера по стереовизору. Эта журналистка недавно прибыла с Земли. Кажется, она собиралась провести собственное расследование каких-то событий на Венере. Вроде бы речь шла о поселениях рабов на краю Большой расщелины...

— Ого. Ладно, жду твоего доклада.

Корин поставил на стол недопитую чашку кофе и стал прохаживаться по кабинету, сложив руки на груди. Кажется, сегодняшний день будет еще хуже, чем он мог предположить.

Венера была на редкость негостеприимной планетой. Из-за пресловутого парникового эффекта температура на ее поверхности составляла около четырехсот градусов по Цельсию, что превышало даже пекло, царившее на солнечной стороне Меркурия. Еще следовало добавить очень высокое атмосферное давление и дожди из серной кислоты. Все это делало сестру Земли малопривлекательной для людей. Однако освоение Венеры началось лишь на десять лет позже Меркурия и шло куда более бурными темпами.

Форпостом человечества на планете стало огромное, площадью почти в сто квадратных километров, плато с возвышавшейся на нем горой, высотой намного превышающей земной Эверест. Природа приготовила на плато самый большой сюрприз в Солнечной системе: здесь была обнаружена жизнь! Однако она строилась в отличие от земной не на белковой, а на кремниевой основе и существовала в виде уникальных полуживых джунглей.

Понятно, что на плато довольно быстро вырос город. После открытия марсианских технологий его накрыли силовым куполом, и в результате впервые во Внесемелье появился относительно большой город, в котором люди могли ходить без скафандров.

Тогда на Венеру ринулись туристы. Для состоятельных людей в считанные годы был создан уникальный сервис. За довольно крупные суммы можно было выбрать десятки маршрутов по венерианским джунглям, отправиться на летающих тарелках в различные районы планеты, включая знаменитую Большую расщелину, самую крупную в Солнечной системе, и даже совершить плавание на каравеллах по морям из свинца и олова. Но венцом туристического бизнеса был, конечно же, таинственный и недоступный венерианский Эверест. Из-за страшных бурь и гроз, непрерывно бушующих в верхних слоях атмосферы, на вершину этой супергоры не смог высадиться ни один летательный аппарат. Туда оставался лишь один путь: по крутым склонам. Этот вызов приняли сотни классных альпинистов: и состоятельные любители, и просто сумасшедшие всех сортов и видов, которые всегда летали на Венеру, словно осы на мед.

Понятно, что Службе Спасения на Венере скучать не приходилось. Но особенно весело людям в традиционных оранжевых скафандрах стало после того, как в Венерополисе началась цепь загадочных убийств.

Подобное, разумеется, случалось на всех планетах Солнечной системы, где существовали поселения людей, но Венера тут явно держала печальную пальму первенства. В других мирах людские пороки официально преследовались — на Марсе, скажем,

существовал «сухой закон», а на луны Сатурна решением колонистов не допускались атеисты и те, кто хоть однажды был судим.

На Венере все обстояло совершенно иначе. После первых экспедиций ученые пришли к выводу, что в этом свирепом, диком мире людям делать нечего, несмотря на то, что здесь обнаружено немало полезных ископаемых, в том числе и трансурановых элементов. Дело в том, что на Меркурии их было еще больше, а условия добычи — несравнимо легче. После страшной гибели четвертой экспедиции Совет по Внеземелью ООН принял решение с временном прекращении освоения Венеры, отложив этот вопрос до лучших времен.

Вот тогда-то на Венеру и ринулись авантюристы. Именно они обнаружили на плато Королева полуживые джунгли. Именно они возвели первые здания Венерополиса и вложили в этот серный ад миллиарды долларов, сделав из сестры Земли центр туристического бизнеса Внеземелья. Понятно, что тут же вскоре расцвел и бизнес игорный, вместе с букетом прочих негласных услуг, начиная от самых дорогих проституток и кончая самыми изысканными Дворцами Грез, или проще — супердорогими притонами для наркоманов.

Ученая братия, ужаснувшись, забила в колокол. Громче всех кричали астробиологи, проشياпавшие в свое время полуживые джунгли. Под нажимом мировой научной общественности Совет по Внеземелью принял закон, объявивший джунгли Венеры заповедником. Астробиологи получили возможность открыть на плато свою исследовательскую станцию.

Но этим все и ограничилось. Изгнать порок с Венеры ученые так и не смогли. Им противостоял многомиллиардный бизнес, а потому служители науки были вынуждены смириться с ролью приживалок, которых лишь терпят богатые родственники.

А затем стали гибнуть люди. Поначалу убийства стыдливо маскировались под несчастные случаи, благо что на этой свирепой планете средством насилия могло послужить буквально все, начиная от невероятно плотной атмосферы, в основном состоящей из углекислого газа, и кончая хищными растениями, которым явно пришлась по вкусу человеческая плоть. Местная полиция, ощущая свою полную беспомощность, старалась списывать все трагические происшествия на дикую, необузданную природу, совершенно чуждую человеку во всех своих проявлениях. До поры до времени администрация Венерополиса тоже старалась на все закрывать глаза.

Но где-то около года назад главному человеческому пороку — жажде убийства себе подобных — словно бы надоело маскироваться. И пришла иная, извращенная мода. Отныне на трупах были заметны очевидные следы насилия, и, как правило, рядом на виду лежали орудия убийств, начиная от заурядных бластеров и кончая травой-змеей, обитающей в местных джунглях.

Полиция буквально сбилась с ног, но НИ РАЗУ не смогла найти убийцу. Поначалу это вызвало скандал во всем Внеземелье, и поток туристов на Венеру резко снизился. Когда же всем стало ясно, что **ТОЛЬКО НА ВЕНЕРЕ НЕЛЬЗЯ НАЙТИ УБИЙЦУ**, количество желающих приехать сюда снова возросло. На планету стали прибывать главы крупных мафиозных группировок, жаждущих свести между собой счеты в самой экзотичной в Солнечной системе обстановке. Поток хлынули аристократы, артисты, писатели, журналисты, наркодельцы — словом, все, кому хотелось пощекотать нервы и испытать невероятные приключения. Только на Венере можно было ощутить, что такое ад. Только здесь можно было убить всеобщего кумира — нынешних Кеннеди и Леннона, будучи твердо уверенным в своей безнаказанности. Только на Венере можно было самым изощренным

путем прикончить своего супруга (супругу), не опасаясь попасть на электрический стул.

Одни люди приезжали на планету не имея какой-либо конкретной цели — это были свободные охотники, которые сами могли стать дичью. Другие просто созванивались и назначали встречу в Венерополисе. И каждому было ясно, что это не что иное, как вызов на дуэль.

Блюстители морали на всех материках Земли проклинали Венеру, назвав ее Содомом и Гоморрой. Все религии метали громы и молнии, обещая отлучить от церкви людей, отправляющихся отдохнуть на планету Облаков. Но это не возымело ровно никакого действия, поскольку серный ад стал туристическим раем.

И он стал самым настоящим раем для убийц.

В конце концов Совет по Внесемелью махнул на этот сумеречный мир рукой. Ведь ни одна демократия не запрещала домов терпимости, и никто из свободных стран не сумел справиться ни с наркоманами, ни с валом преступности. Пусть уж лучше вся эта грязь накапливается в специальном нужнике с красным фонарем возле двери. К тому же Венера так далека от Земли...

Спустя два часа, когда Корин уже провел традиционную селекторную связь с тремя десятками спасательных отрядов, на видеофоне засветилась лампочка вызова. Корин нажал кнопку включения и увидел на экране хмурое лицо Эдмонда Райнера, старшего инспектора полиции Венерополиса.

— Игорь, ты занят? — спросил Райнер.

— В данную секунду — нет. Но через три минуты у меня назначена встреча с представителями одной из геолого-разведочных фирм.

— Отмени ее.

— Шутишь. Они пробивались ко мне на прием две недели.

— Я серьезно говорю — бросай все и приезжай к Черной Афродите.

— А-а... Это то место, где Миллер обнаружил тело погибшей... кажется, журналистки?

— Я жду, Игорь. Очень жду.

Экран погас.

Корин озадаченно почесал подбородок. «Черт, забыл побриться, — подумал он. — Три года сижу на этой распроклятой планете и каждый раз забываю, что в обед мужчинам положено бриться, иначе к концу работы становишься похожим на Робинзона Крузо. И чего это на Венере волосы так быстро растут? Ученая братия в один голос утверждает, что они, напротив, должны интенсивно выпадать из-за обилия ультрафиолета, который полностью не может погасить даже силовой купол над городом. Но проклятая щетина всем мужикам создает проблемы. Может, стоит отрастить бороду, как сделала половина моих спасателей?.. Нет, пожалуй, начальству это не к лицу. Начальство должно быть всегда гладко выбритым и благоухать лучшими французскими одеколонами.

Почему Эд так настойчив? Третье убийство за последний месяц. И каждый раз, как назло, трупы обнаруживали мои спасатели... Не хватало только превратиться в филиал полиции Венерополиса. Но раньше Эд никогда не дергал меня. Наверное, он просто не хотел лишиться партнера по шахматам. До чего же неохота ехать...»

В дверь постучали. Прелестная Линда заглянула в кабинет и подарила шефу одну из своих обворожительных улыбок.

— Господин Корин, представители фирмы «Венероникель» ждут в приемной. Они просят сорок минут, но у вас сегодня запланированы еще четыре важных встречи...

— Отмените их, — неохотно произнес Корин, поднимаясь из-за стола. — Или, вернее, отложите на час. И вызовите для меня вездеход к пятому кессону. Сопровождающих не нужно, я поведу машину сам.

— Слушаюсь, господин Корин, — кивнула Линда и исчезла, плотно закрыв за собой дверь. Она была умной девочкой и привыкла не задавать лишних вопросов. Даже в их непростых личных взаимоотношениях. Не было ничего пошлее любовной связи с секретаршей, но здесь, на Венере, это выглядело как невинный поцелуй двух голубков. Кроме того, Линда была настоящим, верным другом, а этого на планете Облаков всегда не хватало.

Корин надел теплую куртку, напоследок с сожалением взглянул на громоздящиеся на столе папки с документами и вышел через черный ход.

Вездеход остановился возле черной скалы — места, где только что прибывшие на Венеру туристы любили фотографироваться на память, останавливаясь на несколько минут по дороге к Смотровой площадке. По странной причуде природы эта скала напоминала дородную голую негритянку со слегка сплюснутой головой, тремя отвислыми грудями и задом, о котором мог бы только мечтать Гаргантюа. Двдцатифутовая скала была тут же названа Черной Афродитой и стала одной из самых знаменитых достопримечательностей в окрестностях города. Специально для туристов у столбообразных ног каменной красотки соорудили выложенную гранитной брусчаткой площадку и несколько скамеек из титана.

Сейчас въезд к площадке загораживал полицейский вездеход. Чуть поодаль, у одной из скамеек, виднелась приземистая санитарная машина. Рядом стояли полтора десятка человек. Полицейских легко было распознать по бронированным скафандрам, светящимся фосфоресцирующим небесно-голубым светом, из-за которого служителей закона за глаза называли не иначе, как педики. Цвет скафандров работников медицинской службы теоретически был, естественно, белым, а практически — грязно-серым, из-за чего врачи «Скорой помощи» получили прозвище «гадкие лебеди», или еще чище — «поросята». Впрочем, спасателей с их ярко-оранжевыми скафандрами называли еще круче. Но любя, исключительно любя.

Корин вылез из вездехода и, чуть поморщившись, сделал глубокий вдох. Каким-то непостижимым путем запах серной кислоты проникал в дыхательную систему скафандра, вызывая у особо чувствительных людей сильный кашель, а порой даже приступы астмы.

Ему навстречу направился один из полицейских с тремя капитанскими звездами на левом предплечье скафандра.

— Привет, Эд.

— Здравствуй, Игорь.

— К чему такой похоронный тон? Может, убитая была твоей знакомой?

— Боюсь, что твоей.

Корин вздрогнул. Такого поворота событий он не ожидал. Как и все на Венере, он вел отнюдь не монашеский образ жизни. После того, как Марта Шадрина и Поплавский поженились в Большом Сырте на Марсе, он сначала запил, а затем, опомнившись, решил отправиться куда-нибудь на луны Сатурна. Но попал на Венеру, которая еще больше подходила его тогдашнему настроению. Группа «Дельта» распалась, и каждый из хроноспасателей, оказавшись на пике славы, дальше пошел по жизни своим путем. Следуя примеру командира, все быстро переженились, а неугомонный Ашот уже успел сострогать двоих детей, и не где-нибудь, а на Церере.

На Корина — впервые в жизни! — женщины тоже стали обращать усиленное внимание. И он плюнул на свои прежние заскорузлые моральные принципы и стал брать от жизни все, что плыло в руки.

Затем он встретил Ольгу...

Ольга?!

Корин стоял, словно громом пораженный, не находя в себе сил сделать хотя бы шаг. Он и сам не знал, почему сейчас вспомнил именно об Ольге. Их роман был непродолжителен. Все начиналось очень заурядно: попавшая под лавину очередная группа альпинистов-

самоубийц, три страшных дня на Грозовом перевале, мужественный начальник спасателей — «тот самый знаменитый Корин», молоденькая студенточка МГУ, дочка одного из крупных российских нефтяных баронов... А уже через неделю началось нечто серьезное, и прославленный спасатель на утесе Одинокой звезды сделал Ольге предложение руки и сердца. Господи, как она тогда смеялась! Ему уже было за тридцать, и для девятнадцатилетней девчонки он казался, как выяснилось, чуть ли не стариком.

Через две недели она вернулась на Землю и целый год не подавала никаких признаков жизни. Потом неожиданно начала писать проникновенно и нежно... Но он уже не хотел этому верить. Бурная венерианская жизнь затянула его, как в омут, и он постарался вспоминать об Ольге пореже.

И вот сейчас, вопреки всякой логике, он вспомнил именно ее. Почему? Как она могла оказаться на Венере? И почему не позвонила? Хотя прошло уже почти три года, как они расстались, а за это время все в ее жизни могло измениться...

Райнер терпеливо ждал, пока начальник Службы Спасения наберется мужества. Он знал, что Корину вскоре придется пережить несколько очень тяжелых минут.

— Пойдем... — хрипло произнес Игорь.

Люди, стоявшие возле санитарной машины, расступились. Тело уже лежало на носилках, освобожденное от скафандра. Его с головы до ног закрывала белая простыня.

Корин прильнул стеклом шлема к окну боковой дверцы. Повинуясь жесту инспектора, один из санитаров отвернул край простыни.

Корин зарычал, словно загнанный зверь. Забывшись, он заколотил металлическими перчатками по стеклолиту, словно пытаясь прорваться внутрь машины. Двое полицейских едва сумели оттащить его в сторону, хотя каждый был почти на голову выше спасателя и намного сильнее его.

Ольга?!

Предчувствие не обмануло. Единственная женщина, которую он любил — кроме, конечно, божественной, недоступной Марты, — лежала сейчас на носилках. Ее волосы были окрашены кровью, глаза закрыты, на лице застыла гримаса ужаса и страшной боли. Губы были приоткрыты, словно девушка в последний момент звала на помощь. Хотя скорее, она просто пыталась ухватить последние струйки кислорода, вытекавшего наружу под страшным напором рвущейся внутрь скафандра ядовитой венерианской атмосферы...

Кто-то осторожно потряс его за плечо. Всклипнув, Корин повернулся и увидел встревоженное, мрачное лицо Райнера.

— Это Ольга Горбовская?

— Да...

— Она умерла почти мгновенно, не успев задохнуться. Рана от луча бластера разворотила всю левую часть грудной клетки.

— Господи, Господи...

— Ты не знал, что она прилетела на Венеру?

— Нет... конечно же, нет... Когда?

— Шесть дней назад. Вместе с мужем.

— А-а... И кто он такой?

— Русский. Некий Михаил Алпатов, тридцать три года, вице-президент фирмы «Тюмень-нефть».

— Где он сейчас?

— Надо полагать, где-то в двадцати километрах от Венеры.

— Не понял.

Райнер приблизил свой шлем почти вплотную к лицевому стеклу Корина и внимательно вгляделся в потемневшее, жалкое лицо друга. Таким Райнер видел его лишь однажды, два года назад, когда Игорю сообщили о смерти матери. Игорь тогда потерял голову. Растолкав пассажиров очередного рейсового лайнера, он ворвался в кабину и потребовал немедленного старта. «Я должен успеть к похоронам, понимаете? — кричал он. — Люди вы или нет?»

Но полет до Земли занимал более трех недель. И Корин, придя в себя, отказался от места в космолете, хотя рейс ради него задержали на несколько часов. Больше он ни разу не покидал планету, игнорируя очередные отпуска и мягкий нажим местных профсоюзов. А потом свалился и пролежал полтора месяца в госпитале из-за непорядка в легких — последствия пяти ранений, полученных некогда в молодости на Селигере.

— Расследование только началось, — терпеливо объяснил Райнер. — Госпожу Горбовскую опознали служащие отеля «Хилтон». Они же сообщили кое-какие подробности. Сам знаешь, этот народ хоть и вышколен до роботоподобного состояния, все же кое-что видит и слышит. Надо только уметь их как следует расспросить.

— Да, это ты умеешь, — криво усмехнулся Корин. — Наверное, ты и из меня сейчас потянешь жилы, хотя я бы предпочел побыть один.

Полицейский инспектор кивнул, с жалостью глядя на сразу же постаревшее лицо друга.

— Прости, Игорь, я обязан это сделать. Тебя же завтра в Венерополисе не сыщешь.

— Ладно, спрашивай... черт с тобой!.. Прости.

— Отойдем в сторонку. И давай переключим радифоны на резервную частоту.

Райнер отдал своим людям несколько приказов, и санитарная машина сразу же уехала по шоссе в сторону закрытого завесой серого тумана Венерополиса. Вслед за ними покинул место убийства и полицейский вездеход.

Миновав Черную Афродиту, друзья молча пошли по еле заметной тропинке среди скал и минут через десять вышли на утес Одинокой звезды. Согласно легендам — а на Венере уже ходило множество свежее испеченных легенд, — астронавт, первым нашедший этот огромный каменный козырек, нависающий над краем плато, якобы увидел в разрывах облаков яркую голубую звезду. Позднее еще более сотни человек подтверждали это невероятное сообщение. И никого не смущало, что в многокилометровом слое сернистых облаков Венеры просто физически не может существовать никаких разрывов. Фотографии голубой звезды охотно раскупали многие туристы, даже не желая слушать о том, что сотворить подобную фальшивку при нынешних компьютерных технологиях просто пара пустяков.

Зато вид на поверхность планеты отсюда открывался фантастический. В тихую погоду (то есть по местным условиям всего лишь при трехбалльном шторме) в сером тумане то и дело открывались окна размером от десятков метров до нескольких километров, и тогда при пепельном свете облаков можно было разглядеть то тусклое зеркало Свинцового моря, то его скалистые берега, напоминающие лес из черных, слегка поблескивающих громадных кристаллов, то далекий конус вулкана Лема, изрыгающий струи раскаленных газов и пепла к кипящим облакам. Это было самое романтическое место на плато, и не случайно именно сюда обожали приходить парочки, которых ничто не могло разубедить в том, что они прилетели в саму Преисподнюю, а вовсе не на планету богини Любви. Полицейские также нередко устраивали на утесе Одинокой звезды свои пикники — может, потому, что здесь еще не было совершено ни одного убийства, по крайней мере такого от которого остались бы

явные следы.

Корин был благодарен Райнеру за молчание — у него появилось время немного прийти в себя. Выйдя на волнистую поверхность утеса, он инстинктивно направился к Белым рогам — трем невысоким изогнутым скалам, нависающим над десятикилометровой пропастью. Они с Ольгой не раз приходили сюда и называли эти скалы «наше место»...

— Ну что ж, спрашивай, — устало произнес Корин, обводя взглядом до боли знакомые места. — Или это будет допрос?

— Я этого не говорил!.. — горячо запротестовал Райнер.

Корин жестко усмехнулся.

— Брось, Эд. За три года я насмотрелся на ваши штучки. Ясное дело, я стану одним из основных подозреваемых. О наших отношениях с Ольгой знали многие — разве на этой чертовой планете от кого-нибудь спрячешься? Однажды мы страшно поссорились — в ресторане, на глазах десятков людей. Ольга была не в себе, кричала, что я неудачник, только изображающий из себя супермена, а на самом деле я слабак... И прочее, прочее.

— Хм-м... Действительно, нечто подобное я слышал, — неохотно признался Райнер. — Кое-кто даже утверждает, будто ты угрожал госпоже Горбовской.

— Разве?

— Повторяю, Игорь, — так говорят. Человек пять, сидевших неподалеку от вашего столика, сообщили, будто ты поклялся убить Ольгу, если она когда-нибудь вернется на Венеру. В наших архивах это зафиксировано — так, на всякий случай.

— А-а... вот откуда ветер дует. Сейчас ты спросишь, что я делал вчера вечером в одиннадцать часов.

Худощавые щеки инспектора вздрогнули.

— Ты сказал — в одиннадцать? — медленно произнес он. — Господи, именно в это время убили госпожу Горбовскую.

Корин почувствовал, будто утес стал обрушиваться в пропасть.

— Плохие шутки, Эд, — выдавил он из себя.

— Да какие уж здесь шутки! — страдальчески закатил глаза к небу инспектор. — Все карты ложатся против тебя. Зачем ты вчера вечером выходил из города?

Корин выругался, ощущая свою полную беспомощность.

— И сам не знаю, — признался он. — В полдевятого позвонила Линда, напрашивалась в гости... Ну, ты знаешь о наших отношениях. Но у меня не было никакого настроения заниматься любовью. Почему-то я чувствовал себя очень неуютно, было тревожно на душе. Наверное, существует какая-то интуиция... Короче, вчера... я словно бы задыхался в своей двухкомнатной конуре...

— Пошел пешком на причал и взял летающую тарелку.

— Все-то ты знаешь, — раздраженно отозвался спасатель. — Да, захотелось проветриться.

— Но ты же знал, что ночные полеты запрещены.

— Только не для Службы Спасения. И, кстати, для полиции тоже.

— И где же ты проветривался?

— Облетел пару раз вулкан Лема.

— Ого! Захотелось полюбоваться на котел самого дьявола? И это при восьмибалльном шторме?

— Марсиане подарили нам хорошую машину, господин инспектор. Меня здорово

покачало и пару раз даже перевернуло раскаленными газами. Пустяки, все в пределах нормы... А, вспомнил! Как раз на втором круге гора разозлилась и выплюнула в небо фонтан камней. Два или три раза ударило тарелку в брюхо, и кажется, слегка помяло.

Лицо Райнера стало строгим и холодным.

— Номер машины? — спросил он.

— Л-одиннадцать-пять.

— Замечательно. Выходит, ты взял не специальный бот, а прогулочный катер?

— Выходит, так.

— Но зачем? Ведь ваши тарелки куда мощнее и быстрее?

Корин развел руками.

— В том-то и дело, — безнадежным голосом произнес он. — На боте даже возле жерла вулкана можно вздремнуть часок-другой, автоматика все равно вытянет. Никакого удовольствия.

— Любопытно получается, — сухо заметил Райнер. — Представляешь, что скажет на суде прокурор? У мистера Корина замечательное алиби, скажет он, потирая свои потные руки. Господин Корин мог бы без всяких свидетелей взять на причале Службы Спасения любую машину. Но он почему-то направился на туристский причал и попросил у ночного дежурного прогулочную летающую тарелку. А затем вернулся под утро, словно бы случайно получив солидные вмятины в брюхо летательного аппарата. Экспертиза установила, что повреждения получены действительно при извержении вулканических камней, тем более что все брюхо тарелки носит следы пепла. До вулкана Лема на этой машине минимум три часа лета. Простейшие расчеты показывают, что господин Корин НИКАК НЕ МОГ оказаться около одиннадцати часов вечера возле Черной Афродиты, иначе бы он просто не успел в пять утра вернуться на причал, что подтверждают и дежурные, и показания бортовых компьютеров. Чудесно! Даже десять любовниц, проводи они ту ночь в постели господина Корина, не смогли бы дать более твердого алиби!

Корин подошел к Райнеру и, обхватив его за плечи, встряхнул инспектора так, что тот больно стукнулся затылком о шлем.

— Что с тобой, Эд? — зло спросил он. — Перебрал вчера в пабе пива? Или жена пропилила тебя всю ночь напролет, тыкая в нос китель с тремя жалкими звездочками на погонах?

Инспектор отступил назад на три шага.

— Успокойся, Игорь, — мягко произнес он. — Я только хотел сказать, что следствие наверняка вцепится в твоё замечательное алиби. Уж очень оно образцово-показательное. Даже самый тупой прокурор задаст присяжным вопрос: а не мог ли господин Корин, отлетев от причала на несколько километров, вернуться на плато и передать управление машиной своему сообщнику, а затем спокойно пойти к Черной Афродите, где он назначил свидание бывшей возлюбленной? Конечно же, мог. А когда сообщник вернулся после прогулки к вулкану...

Корин еще больше разозлился. Он нередко пасовал, когда его собеседник использовал безукоризненно логические выводы — сам бывший хронофизик таким даром не обладал. И ощущение собственной слабости всегда вызывало в нем бурное негодование.

— Все это только домыслы, — хрипло произнес он. — Ничего у вас против меня нет и не может быть. Потому что я Ольгу не убивал, понятно? Клянусь, я даже не знал, что она прилетела на Венеру!

— Поклянись нашей дружбой, — потребовал Райнер. — Это нужно не следствию, это нужно мне!

— Клянусь памятью моей матери и нашей дружбой! Больше мне нечем клясться, ты же знаешь — я чертов атеист.

Райнер долго вглядывался в измученное лицо Корина, затем кивнул.

— Ладно, прости, Игорь, но я должен все проверить. А теперь подожди, я переключусь на полицейскую частоту. Мне надо кое-кого кое о чем спросить.

Корин отошел в сторону. Мысли его вновь стали путаться. Может, это очередной кошмар — из числа тех, что начали мучить его примерно месяц назад? Такого прежде никогда не было. Бедная Линда даже пугалась, когда он вдруг начинал кричать во сне. Но, проснувшись, он не мог вспомнить ни одного из своих кошмаров. А вот сейчас, наверное, вспомнил.

Ольга — мертва? Да она была самой жизнью! Чушь, бред...

Райнер подошел как-то незаметно, со спины, и положил ему руку на плечо.

— Господин Корин, вынужден вас пригласить в полицейский участок на допрос, — произнес он чужим, официальным голосом.

Корин ответил ему непонимающим взглядом.

— Это не арест, — пояснил Райнер. — Вас просто задерживают до выяснения некоторых обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

Инспектор в упор взглянул на него.

— На вашем служебном автоответчике была обнаружена запись вчерашнего звонка госпожи Горбовской, — пояснил он. — Она сообщала, что обязательно придет ровно в десять вечера к Черной Афродите, как вы ее и просили.

Корин облизал внезапно пересохшие губы.

— Господи, спаси... но я же не звонил ей, клянусь, Эд!

Полицейский инспектор сурово покачал головой.

— Что-то ты часто клянешься сегодня, Игорь... Пойдем, я вызвал к Афродите служебную машину. А твой вездеход, если не возражаешь, мои люди как следует осмотрят. Кажется, на дороге недалеко от места убийства остались какие-то следы колес...

Ночью Корины снова мучили кошмары. На этот раз, просыпаясь со сдавленным криком, он отчетливо помнил фрагменты только что пережитого сновидения.

Он шел по лабиринтам улочек, стиснутых с обеих сторон высокими темными зданиями. На каждом повороте его встречала арка, соединяющая два соседних дома. С верхних, плоских поверхностей арок вниз спускались толстые выющиеся растения с пыльными восковыми листьями. Казалось, они давно уже мертвы, но как только он приближался к проходу, растения начинали извиваться словно змеи и тянулись к нему, пытаясь захватить в плен и утащить наверх, к своим корням, цепко державшимся за изъеденные временем каменные блоки. Все окна на первых этажах были наглухо заколочены, но изредка он замечал достаточно широкие щели и, не выдержав, прикидывал к ним. И всегда вместо погруженных во мглу комнат он видел одну и ту же панораму Венеры: холмистую равнину с редкими озерами расплавленного олова и летающей тарелкой, косо торчащей из пластов вздыбленного грунта. Бешеный ветер гнал над равниной серые клубы тумана, и в разрывах между ними порой можно было увидеть конусообразную гору, изрыгающую к небу потоки пламени, а еще дальше, на самом горизонте — темную, довольно высокую стену. Он знал, что это — плато, далекое и совершенно недоступное. Его тарелка потерпела крушение, и он должен был погибнуть в считанные часы, как только выйдет из строя система охлаждения скафандра, — но почему-то оставался жив. От страшной жары и ядовитой атмосферы его защищали улицы средневекового города с типичными средиземноморскими фасадами.

По этому бесконечному пустынному лабиринту он был обречен скитаться... Зачем? Что он должен был найти? Или кого? Он не знал...

Резко зазвонил телефон, остатки сна схлынули и исчезли в неведомой воронке, бешено крутясь и не давая возможность Игорю, уже проснувшись, сохранить в памяти хотя бы одну картину жутких ночных фантазий. Чертыхнувшись, он нащупал на столике возле кровати кнопку ночника. Зажегся мягкий розовый свет. Взяв телефонную трубку, Корин вяло спросил:

— Алло?

— Игорь... — послышался шуршащий, с придыханием голос Линды. — Что ты сейчас делаешь?

— Сплю, — сердито ответил он. — И вижу сны с розовыми слонами и китайскими фарфоровыми танцовщицами.

— Прости... Я понимаю, тебе сейчас очень тяжело... Эта девушка... ты ее на самом деле любил?

— Я ее и сейчас люблю.

— Больше... чем меня?

— Не говори глупостей.

— Прости... Может, мне лучше все-таки прийти?

— Нет. И вообще, девочка, советую держаться от меня некоторое время подальше. Что-то со мной происходит... словно я попал в какой-то фантастический лабиринт...

— И куда он ведет?

— Если бы я знал... Спи, милая. Завтра встретимся. Пока от работы меня, кажется, не отстранили...

Он положил трубку, но света гасить не стал. Было уже полтретьего ночи, но больше спать не хотелось. От одной мысли, что кошмары могут вновь нахлынуть, становилось не по себе. Лучше поразмышлять, чем вновь войти в мрачный каменный лабиринт, сотворенный чьей-то больной фантазией в виде улиц старого города.

Он лег на спину, закинув руки за голову и попытался вспомнить тягостные события прошедшего вечера.

После почти двухчасового допроса в полицейском участке он вышел на улицу, ощущая острую головную боль. Вокруг было довольнолюдно, поскольку большая часть учреждений уже заканчивала работу. Здесь, в деловой части Венерополиса, жизнь замирала уже к пяти часам вечера, тогда как в центре только начинали загораться огни бесчисленных реклам, отсвечиваясь малиновым огнем в невидимой полусфере силового купола.

На Корина никто не обращал внимания, хотя он и считался весьма популярной личностью в городе. Но когда он проходил мимо десятиэтажного здания Венерианской финансовой компании, из темной арки метнулась невысокая фигура. Юноша в модной меховой куртке и пузырьчатых по последней моде джинсах шепнул: «Мы с тобой, Колдун», сунул ему в руку вдвое сложенный конверт и исчез.

Это, казалось бы, пустяковое событие окончательно выбило спасателя из привычной колеи. О том, что друзья по «Дельте» прозвали его Колдуном, на Венере по идее не должен был знать никто. Тем более ни один человек не должен был догадываться, чем Корин заслужил этот звонкий титул. Правда, кое-кто из печально известной Лиги Мирового Правительства знал о способностях Корина собирать рассеянную информацию и восстанавливать в своем воображении картинку давно минувших событий. Может, юношу подослали люди типа Аль-Багдира?

Поспешив к ближайшему уличному фонарю, Корин открыл конверт и увидел письмо, написанное от руки почерком Ольги! Оно было непривычно коротким:

«Милый Игорек! Прости, что молчала три года. Там, на Земле, жизнь закрутила меня в бешеном хороводе, и я очнулась, только оказавшись на брачном ложе. Мой нынешний муж — очень хороший человек. Среди русских нефтяных воротил его прозвали Султаном. Он во всех отношениях — прости — куда лучше и талантливей тебя, но я такая беспросветная дура... Не могу забыть тебя, хоть убей. Султан вконец истерзал меня своей дикой ревностью, а затем мы сели за стол переговоров и тихо-мирно решили, что здесь, на Венере, надо в нашем дьявольском треугольнике поставить все точки над «и». Кто-то из нас троих должен умереть. Если ты откажешься от меня, я попросту покончу жизнь самоубийством. Быть может, это будет лучшим выходом. Умоляю, давай встретимся сегодня же вечером в восемь, на нашем месте. Султан обещал остаться в гостинице, и его слову можно верить. Жду! Твоя Оля».

В конце письма стояла дата: 1 ноября, то есть оно было написано шесть дней назад, сразу же после прилета Ольги и ее супруга на Венеру.

Дрожащими руками Корин спрятал письмо в карман куртки и некоторое время стоял, озираясь по сторонам. Спешащие по домам клерки не обращали на него никакого внимания. Не сразу, но он сообразил, что глупо стоять у всех на виду, и поспешил перейти на более темную часть улицы.

Первой его мыслью было, что письмо — заурядная фальшивка. Цель ее — затянуть жертву поглубже в омут таинственного убийства. Если будет доказано, что он, Корин, — одна из сторон любовного треугольника, который могла разрешить лишь чья-то смерть, для

суда присяжных этого, пусть и косвенного, доказательства будет вполне достаточно. Супруг Ольги вне подозрения. Он вылетел еще вчера утром на Землю, получив срочную телеграмму из своей компании, в которой начались серьезные неприятности.

Конечно, адвокат Корины тоже выдвинет версию о тайном соучастнике господина Алпатова. Чем, в конце концов, алиби бизнесмена лучше алиби спасателя? Они оба могли использовать наемного убийцу и оба могли не иметь к случившемуся никакого отношения.

Но если это письмо подлинное... Как теперь доказать, что он, Корин, получил его лишь сегодня, а не в день отправления? Невозможно доказать — ведь проблем с почтовой связью в небольшом Венерополисе нет. А в этом свете все его дальнейшие действия могут выглядеть, по меньшей мере, странными. И этот непонятный звонок в день убийства... Ольга словно бы продолжала давно начатый разговор. Никаких «Здравствуй, милый. Я недавно прилетела на Венеру и не решалась связаться с тобой...». Нет, она попросту сказала, что придет на НАЗНАЧЕННОЕ СВИДАНИЕ.

Круг замыкался.

Но его было очень легко разомкнуть — хотя бы для своего собственного успокоения.

Завтра утром... то есть, тьфу, уже сегодня он поедет к Черной Афродите и — впервые за несколько лет — использует свой дар Колдуна. Он увидит убийцу и узнает, как все произошло. И тогда уже без мандража придет в полицейское управление и положит перед Райнером письмо Ольги.

И все же почему юноша в меховой куртке назвал его Колдуном? Такие вещи не происходят случайно. Словно его невидимый противник говорил: я знаю твой следующий ход — так делай же его!

Устав от бесплодных размышлений, Корин вновь заснул, забыв погасить ночник на столе.

Всю оставшуюся ночь он блуждал в жутком каменном лабиринте. И только перед рассветом череда монотонных снов прервалась, когда он, взглянув в очередное окно мрачного города, увидел...

И проснулся от собственного дикого крика. А потом долго еще лежал в постели, вытирая тыльной стороной ладони пот с лица.

Но его усилия были тщетны. Странное видение в окне начисто стерлось из его памяти.

На следующее утро (разумеется, условное, поскольку солнечные сутки на планете длятся 117 дней) Корин позвонил в свой офис и попросил двухнедельный отпуск. Его заместитель финн Арво Лехтинен ничуть не удивился. По-видимому, слух о причастности начальника Службы Спасения к убийству у Черной Афродиты уже разнесся по всему городу, чего и следовало ожидать. Разговор с Лехтиным длился около получаса, и все это время Корина не оставляло ощущение, что его подслушивают.

Позавтракав, он спустился в гараж и стал готовить к поездке свой легковой вездеход. Двое служащих гаража вежливо с ним раскланялись, а затем стали о чем-то перешептываться, с любопытством поглядывая в сторону Корина. О чем они говорили, можно было догадаться. Да, убийства на Венере были самым обычным делом, но, наверное, впервые полиция сумела найти твердого подозреваемого. И какого — прославленного на всю Солнечную систему спасателя! Отныне он, Игорь, мог стать на время главной достопримечательностью Венеры.

И Корин в этом быстро убедился. Несмотря на очень удачно выбранное время, когда все служащие города уже должны были находиться на рабочих местах, а туристы — в своих постелях, возле дома было довольнолюдно. Выехав из гаража, Корин обнаружил на проезжей части около двух десятков машин, а на тротуарах и окрестных скверах — множество неспешно прогуливающих людей. Чертыхнувшись, он включил пятую передачу и тут же был вынужден резко затормозить, так как под колеса его вездехода бросился немолодой, грузный, явно подвыпивший мужчина с черной сумкой на боку.

Рассвирепев, Корин раскрыл дверцу и заорал:

— Да вы что, с ума сошли? Я ведь мог вас задавить...

Это было ошибкой. К машине со всех сторон ринулись люди, на ходу вытаскивая микрофоны, диктофоны и миниатюрные видеокамеры. Корин попытался вновь захлопнуть дверцу, но толстяк с неожиданной для его комплекции ловкостью буквально втиснулся в салон и, достав из сумки телекамеру, наставил ее на ошеломленного спасателя.

— Господин Корин, я представляю «ТВ-Венера», — торопливо выпалил толстяк. — Как вы прокомментируете обвинение в убийстве, которое...

В кабину протиснулось еще несколько рук с микрофонами и диктофонами.

— Я представляю Ай-Би-Си...

— Радиостанция «Евросоюз» просит вас...

— Телекомпания НТВ...

— Радио «Внеземелье»...

Проклиная все на свете, Корин довольно бесцеремонно выпихнул назойливых журналистов из салона. Захлопнув дверцу, он немного приоткрыл боковое стекло и крикнул:

— Прошу оставить меня в покое! Ни в каком убийстве я не замешан, и никаких обвинений против меня не выдвигается. Ясно?

— Но госпожа Горбовская... Правда, что она была вашей любовницей?

— Говорят, после очередного скандала вы прилюдно поклялись убить ее...

— Куда вы направляетесь? Наверное, на место убийства?

— А это верно, что вы еще на Марсе обрели способность переноситься в прошлое?

— Я слышал, будто ваше алиби безупречно. Кто вас надоумил так ловко...

— Есть слух, что для вашей защиты в суде с Земли уже вылетел самый высокооплачиваемый адвокат...

— А кто будет вашей новой жертвой?

Корин рассвирепел:

— Все вы жалкие бумагомараки! Ныне я буду вами завтракать, обедать и ужинать! Прочь с моего пути!

Он нажал на педаль газа. Журналистская братия неохотно расступилась. После некоторой заминки все бросились к своим машинам, и вскоре за вездеходом Корина уже вытянулся солидный кортеж. С ним пытались связаться по радио, но он отключил радиоприемник.

Только возле пятой кессонной камеры преследователи отстали. Городские машины не были предназначены для прогулок за пределами силового купола, а свободных пассажирских вездеходов на стоянке, к счастью, не оказалось. Возле массивных стальных дверей возникло столпотворение, и Корин, воспользовавшись этим, сумел проскользнуть внутрь кессонной камеры. Под бдительным взглядом одного из местных служащих он надел лежащий в багажнике скафандр и показал свое удостоверение.

Плечистый молодой парень только махнул рукой.

— Ну что вы, господин Корин, я вас и так отлично знаю. А вы меня не помните?

— Н-нет... Простите, нет.

— Я был одним из тех семерых ослов, которые застряли два года назад на Эвересте, на Мраморном утесе.

— А-а... Теперь припоминаю... Питер, кажется.

— Да.

— Ну и как ваша нога? Ведь вы ее сломали в нескольких местах?

Питер огорченно махнул рукой.

— И еще как. Пришлось заменить ее протезом. Горы, естественно, по боку... Теперь работаю в этих чертовых шлюзах.

— Питер, у меня к вам просьба...

Парень широко улыбнулся.

— Все уже сделано, мистер Корин. Как только я увидел свору этих акул, сразу понял: они от вас так просто не отстанут. Связался с парнями из других шлюзов, поговорили... Мы задержим этих сволочей, сколько сможем.

Корин прочувственно пожал Питеру руку.

Выбравшись из шлюза, он некоторое время проехал по кольцевой дороге, затем свернул на восточное шоссе, ведущее к Смотровой площадке. Не выдержав, он погнал машину, выжимая из двигателя все, что можно, хотя в зеркале заднего обзора преследователей не было видно.

Как назло, пошел дождь. Капли серной кислоты забарабанили по крыше салона. Издали послышался первый глухой раскат грома.

Корин зло выругался. Темная полоса неудач никак не желала кончаться. Если Питер выполнит свое обещание, у него будет минимум десять-пятнадцать минут форы, не больше. Но журналисты тоже не лаптем щи хлебают. Они могут обратиться в полицию или просто дадут служащим кессонных камер на лапу. Может, лучше дождаться более подходящего момента и не засвечиваться сейчас на месте убийства? Э-эх, да когда он теперь настанет, этот «более подходящий момент»... Была не была!

Остановив вездеход поблизости от черной скалы, Корин распахнул дверцу и выбрался

наружу. Раскаты грома уже звучали где-то неподалеку. Порывы ветра достигали почти ураганной силы, так что устоять на ногах было совсем непросто. Спасатель огляделся, выбирая, откуда можно начать осмотр места происшествия. Увы, из-за грозы вечная венерианская мгла стала еще гуще, и ему пришлось включить нашлемный фонарь. Нерешительно потоптавшись некоторое время на месте, Корин пошел к Черной Афродите. Чутье подсказывало ему — на бугристой поверхности скалы должно было остаться немало информации... Та-ак, когда же была убита бедная Ольга? Около тридцати часов назад... нет, около тридцати пяти часов назад. Совсем недавно, информация еще не рассеялась... Если бы не этот проклятый дождь!

Лишь огромным усилием воли Корин заставил себя собраться. Подойдя к черной скале, по которой то там то здесь ветвились серые ручейки дождя, он стал пристально вглядываться во все бугорки и трещины на ее поверхности. Не сразу, но хорошо знакомое ему ощущение жжения в глубине мозга все же возникло. Оставалось только утолить этот голод и дать приказ своему внутреннему «кинопроектору» восстановить картины произошедшего рядом со скалой именно тридцать пять часов назад.

Наконец информационный голод был утолен, и Корин закрыл глаза, ожидая возникновения картинки. Она постепенно проявилась на невидимом экране... но Ольги не было. Вместо нее возле скамеек из титана стояла группа туристов человек в двадцать и внимательно прислушивалась к словам экскурсовода.

Корин был ошеломлен. «Откуда взялись эти туристы? — подумал он. — Неужели... Да нет, вряд ли. Хотя на Венере отсчет суток носит чисто символический характер, его тем не менее придерживались очень строго.

Ольга пришла на свидание к десяти вечера, а экскурсии возвращаются обычно не позже семи часов. Значит... значит, его биологические часы дали осечку! Впервые!»

Запаниковав, он заставил себя стереть ненужную картинку и вновь перевел стрелки своих биологических часов на тридцать пять часов назад. В этот момент он слышал гул машин. Журналисты все-таки вырвались из города и, сгорая от профессионального азарта, неслись по его следам, словно гончие, отслеживающие загнанного зверя.

Закрыв глаза, Корин сосредоточился, но ничего не увидел. Неужто собранной им информации было слишком мало, чтобы создать картинку? Пожалуй, да...

Небо расколол оглушительный раскат грома. Чуть позже вспыхнула молния, и все вокруг осветилось слепящим белым светом. Корин открыл глаза и увидел поверхность скалы с невероятной отчетливостью.

Это было последней каплей, которой так не хватало его внутреннему хроновизору. Закрыв глаза, он уже без труда мысленно перенесся в недалекое прошлое.

Возле скамейки спиной к нему стояли два человека в скафандрах. Они о чем-то разговаривали, но Корин при всем желании не мог бы слышать ни единого слова. Наконец тот, кто был повыше, незаметно для собеседника открыл карман на боку своего скафандра и выхватил бластер. Выстрел последовал почти немедленно. Ольга — это, конечно же, была она, упала на спину, безуспешно пытаясь закрыть рваную рану на боку руками. Дернувшись в конвульсиях несколько раз, она затихла.

Корин напрягся. Сейчас, вот сейчас убийца повернется, и можно будет разглядеть его лицо...

Краем уха он слышал, как шум машин приближается с каждым мгновением. Наконец раздался звук открываемых дверей. Через несколько секунд его окружают журналисты, и все

будет кончено. Ну, поворачивайся, негодяй, поворачивайся...

Убийца спокойно спрятал бластер в карман и направился — но не к шоссе, а в сторону леса из скал. Проходя мимо Черной Афродиты, он неожиданно обернулся...

Корин издал сдавленный крик. Нет, этого не может быть!

Его уже теребили за плечи окружившие со всех сторон журналисты.

— Мистер Корин, я Айрон Леви из Си-Эн-Эн. Что вы делали на месте убийства?

— Антон Легат, НТВ. Господин Корин, вы воспользовались своим даром видеть прошлое? Скажите, вы сумели разглядеть убийцу?

Корин оглядел толпившихся вокруг него людей в скафандрах и молча сделал им знак рукой, чтобы они пропустили его к вездеходу.

— Постойте! — крикнул еще один журналист. — Сначала скажите — вы видели убийцу?

— Нет, — глухо ответил Корин и, бесцеремонно протолкнувшись сквозь толпу, почти бегом направился к шоссе.

Он солгал.

Он видел лицо убийцы.

Это был он сам!

Сразу же по возвращении в город Корина вызвали в полицейское управление. По пути к центру журналистская свора отстала от него, получив сообщение об аварии на энергетической станции, где погибло три человека. Но Корин даже не заметил этого, все еще не придя в себя после перенесенного только что потрясения. В голове его царил полный хаос, и выудить оттуда хоть какую-то здравую мысль пока не представлялось возможным.

Оставив вездеход на стоянке возле пятиэтажного квадратного здания, нарочито лишенного какого-либо изящества, он вошел в фойе. Трое находившихся здесь дежурных полицейских тотчас с любопытством уставились на него.

Корин бывал в этом здании по служебным делам десятки раз, но сейчас замялся на пороге, не зная, что делать дальше. Кажется, он должен зарегистрироваться... черт, да он же не взял с собой удостоверения личности!

Один из дежурных с любезной улыбкой произнес:

— Поднимайтесь на второй этаж, господин Корин. Инспектор ждет вас в кабинете 2-23.

Корин кивнул и направился к широкой лестнице, игнорируя лифт. Ему хотелось выиграть еще хотя бы несколько секунд, чтобы успокоиться. И только подходя к обитой коричневой кожей двери он понял — да это же кабинет Клифа Брисанда! А что же Райнер?..

Из-за стола ему навстречу поднялся высокий худой мужчина с орлиным носом, широко расставленными глазами и прямыми, спускающимися почти до плеч, каштановыми волосами. Любезная улыбка плохо сочеталась с холодным, испытывающим взглядом. Брисанд был одет в штатское, но Корина это ничуть не удивило, так же как и нетипичная для венерианских полицейских прическа. Дело в том, что Брисанд служил в Интерполе и прибыл на планету лишь неделю назад. Кажется, он занимался делом о тайном экспорте наркотиков с Венеры. Но почему...

Брисанд крепко пожал руку гостю и указал на стул.

— Рад познакомиться со знаменитым спасателем, — произнес он бархатным, приятным голосом. — Жаль, конечно, что наше знакомство происходит при таких малоприятных обстоятельствах.

Корин кивнул и сел. Инспектор протянул ему портсигар.

— Вы курите?

— С сегодняшнего дня — да.

Они закурили и Некоторое время молчали, пытливо глядя друг на друга.

— Вы, наверное, не удивлены, что дело об убийстве госпожи Горбовской отныне буду вести я, а не Райнер, — наконец сказал инспектор.

— В общем, нет. Мы с Райнером старые приятели.

— Да. Он взял самоотвод... э-э, часа два назад.

— Два часа?

— Ну да, когда вы неожиданно выехали из города и направились на место преступления. С какой целью, позвольте вас спросить?

— Это что, уже допрос?

— Нет. Пока только неофициальная беседа. Ручаюсь, никаких магнитофонных записей не будет и все сказанное в этом кабинете останется между нами.

— Ого! И отчего же такое предупредительное отношение?

— Скажите спасибо вашей безупречной биографии, господин Корин. И отсутствию у следствия прямых улик против вас. И еще кое-чему.

— Чему же, если не секрет?

Брисанд откинулся на спинку кресла и с задумчивым видом выпустил к потолку несколько сизых колец дыма.

— У вас ведь немало врагов, господин Корин?

Спасатель пожал плечами.

— Явных — нет... думаю, нет. Но та война, которую группа «Дельта» вела против ЛИМПа, не могла закончиться там, в астероидах.

Брисанд, улыбнувшись, кивнул.

— Разумеется. Я был одним из следователей ООН по делу о ЛИМПе и лучше многих других знаю, как ловко там обрезали все концы, ведущие на самый верх. Интерпол арестовал по причастности к этому делу около трех тысяч человек, и почти половина из них была осуждена на различные сроки. Но высших чиновников среди преступников — раз-два и обчелся. И никто из них не смог сказать следствию ничего существенного. Похоже, все они восприняли свою работу на ЛИМПе как обычный «левый» бизнес, подобно торговле недвижимостью или контрабанде драгоценными металлами. Все до единого клянутся, что об оружии марсиан они и слышать не слышали. А о тайных планах ЛИМПа захвата власти в Солнечной системе с целью установления там нового порядка — тем более. Все же главные свидетели, увы, погибли на марсианском корабле... Кажется, это произошло у вас на глазах?

— Да. Полицейский крейсер очень удачно обстрелял его ракетами.

Брисанд вздохнул.

— Вы же знаете, капитан корабля клянется, что произошел несанкционированный пуск. Мол, компьютер дал сбой. Техническая экспертиза, кстати, это полностью подтверждает. Такие вещи случаются, хотя и крайне редко.

Корин пытливо взглянул на инспектора.

— Вы полагаете, что некто из верхушки ЛИМПа наконец-то взялся за нашу «Дельту»? — глухо спросил он. — И я — первая жертва? Или с кем-нибудь из...

— Нет, нет, не беспокойтесь, господин Корин. Ваши друзья живы и здоровы. Правда, у господина По- плавского не очень ладится на его новом посту мэра Лунограда.

— Что-то серьезное? — обеспокоенно спросил Корин.

— Нет. Пока — нет. Но вернемся к вам. Правда ли, что ваши взаимоотношения с госпожой Горбовской были очень серьезными?

— Когда-то, три года назад, — да.

— Простите за бестактный вопрос. Я знаю, что у вас и до, и после госпожи Горбовской было немало женщин. Вы человек холостой и знаменитый... Если некто из ЛИМПа на самом деле взялся за вас, то...

— Я понял вас, Брисанд. Да, если не считать моих друзей из «Дельты», гибель Ольги — самый страшный удар, который мне могли бы нанести.

— Я так и думал. Возможно, этому таинственному Иксу не хочется просто и заурядно убивать вас. Может, он считает это слишком малым искуплением за те неприятности, которые вы с друзьями принесли его могущественной организации.

— Приятно слышать, что Интерпол пришел к таким выводам, и...

— О нет! Это я пришел к таким умозаключениям, — с вежливой улыбкой перебил его инспектор. — Однако это только гипотеза. Поэтому я и поделился ею с вами в

неофициальной беседе. Следствие же пойдет не по извилистой тропе догадок, а по шоссе твердых фактов. А они, увы, не в вашу пользу.

Корин насторожился.

— Нашли что-нибудь новенькое?

Брисанд развел руками.

— К сожалению, об этом я не могу ничего рассказать. Идет проверка кое-каких показаний... Кстати, господин Корин, зачем вы утром ездили к Черной Афродите? Наверное, воспользовались своим даром Колдуна?

— Пытался, — осторожно ответил Корин.

— И что, у вас ничего не получилось?

— Нет. Наверное, все дело в сильном дожде. Да и журналисты не дали мне как следует сосредоточиться.

Брисанд был явно разочарован.

— Жаль, жаль... Откровенно говоря, я надеялся, что вы нащупаете какой-то след. Неужто вы так ничего и не видели?

— Нет.

— Сделаете еще одну попытку? Мы можем это организовать в интересах следствия. Хотя, разумеется, ваши видения прошлого, строго говоря, фактом не назовешь. Тем более что вы в данном случае лицо заинтересованное.

— Вот именно. Какой тогда смысл ехать еще раз к Черной Афродите? Поймите, для меня это слишком мучительно.

Брисанд покрутил в пальцах очередную сигарету, но затем спрятал ее в портсигар, словно давая знать, что разговор по душам закончен.

— Если не возражаете, господин Корин, теперь мы перейдем к официальной части нашей встречи.

— Мне придется давать свидетельские показания?

— Увы, увы.

— А что потом? Меня арестуют?

— Да нет. Разумеется, если вы не признаетесь в совершении убийства своей бывшей возлюбленной.

— Не дождетесь. А после допроса я буду свободен?

— Э-э... относительно. Вы собираетесь покинуть Венерополис?

— Если не возражаете — да. Я давно хотел отдохнуть. Сами понимаете, в городе мне не хотелось бы оставаться.

Брисанд с задумчивым видом постучал пальцами по полированной поверхности стола.

— Не знаю, не знаю... — с сомнением произнес он. — Впрочем, если вы сообщите подробные данные о вашем маршруте...

— Разумеется.

— И сможете вылететь в город по первому же нашему требованию?

Корин пожал плечами.

— Постараюсь. Но вы же сами знаете: Венера — планета непредсказуемая. В сильную бурю я не рискну подняться в воздух при всем моем уважении к полицейскому управлению.

— Хм... Пожалуй, я готов обратиться к руководству с просьбой пойти вам навстречу. А теперь, если позволите, мы начнем официальную часть нашей беседы.

Инспектор нажал кнопку на столе, и в комнату вошел молодой лейтенант с черным

чемоданчиком ноутбука в руке. Брисанд тем временем вынул из ящика портативный магнитофон и вложил в него голубой информкристалл.

Допрос свидетеля начался.

Спустя полтора часа Корин вышел из здания полицейского управления и уселся в свой вездеход. Голова его буквально раскалывалась. Брисанд в своей официальной роли оказался цепким, дотошным человеком.

Он заставил свидетеля вспомнить буквально все, чем он занимался последнюю неделю. Особенно придирчиво инспектор интересовался деталями полета к вулкану Лема и обратно.

И тогда выяснилось одно малоприятное для Корина обстоятельство. Оказалось, что он пробыл возле вулкана почти на два часа дольше, чем требовалось на два облета. Это подтвердили и данные, снятые с бортового компьютера тарелки. Полицейские не поленились и проверили показания черного ящика. Они подтверждали: во время второго облета произошел странный провал во времени в один час и сорок три минуты. Что происходило в это время с тарелкой и ее пилотом, установить было невозможно. Сам Корин не мог ничего вспомнить, кроме неожиданного приступа сердечной боли и головокружения. Похоже, он даже потерял сознание, и управление машиной взял на себя автопилот. Возможно, причиной дурного самочувствия явилось обычное переутомление. Таким образом могли напомнить о себе ранения, полученные в молодости во время селигерского эксперимента. Подобный приступ случился с ним во Внемземье впервые. Но самым странным было то бессознательное состояние, которое продолжалось не считанные секунды, а без малого два часа!

В остальном же допрос скорее успокоил Корина, чем встревожил. Полицейские, как оказалось, не имели против него никаких серьезных компрометирующих фактов. Да, Ольга звонила ему домой и в офис, но ее муж Михаил Алпатов подтвердил: на ее звонки никто не отвечал. А улетел супруг столь скоростно к Венеры по очень простой причине: они с Ольгой окончательно рассорились и решили подать на развод. Молодой бизнесмен был потрясен, когда узнал, что вся эта поездка на Венеру была затеяна женой лишь с одной целью: узнать, не связан ли ее бывший возлюбленный узами брака. Рассвирепев, он собрал чемоданы и спустя всего трое суток после прибытия вновь поднялся на борт космолета, где ему и пришлось давать свидетельские показания.

О том, что делала Ольга Горбовская последующие трое суток, полиция собрала самые противоречивые сведения. Нашлись свидетели, которые утверждали, что видели ее в барах и ресторанах всегда в одиночестве и всегда заметно выпивши. Другие заявляли, что белокурая красавица проводила большую часть дня в бассейне и солярии. Одна пожилая дама, соседка Корина по лестничной площадке, якобы видела с балкона красивую светловолосую девушку, одиноко стоящую возле подъезда и глядящую вверх.

Но никто не видел их вдвоем. Никто не слышал, чтобы Корин на службе упоминал имя своей бывшей возлюбленной. Никто даже не мог утверждать, что начальник Службы Спасения выглядел последнюю неделю особенно взволнованным. Как обычно, он просиживал на работе до восьми-девяти часов вечера и явно никуда не торопился. В день убийства он решил дать себе отдых и полетел вечером на прогулку, но такие вещи он проделывал и раньше. Тем более что последний раз он брал выходной только в прошлом месяце.

У полиции мог быть лишь один, пусть и косвенный, козырь против Корина. Во время

беседы с Райнером он неожиданно точно назвал время убийства — одиннадцать часов вечера. Но, как оказалось, Райнер ни словом не обмолвился об этом своим коллегам. О письме Ольги они тоже пока не знали.

Словом, все складывалось не так уж и плохо. За исключением одного.

Корин отчетливо видел лицо человека, убившего Ольгу. Это был он сам!

От такого можно было сойти с ума. Корин просто вынужден был ухватиться за первую же попавшуюся соломинку. И он сказал себе: «Что-то в тот день было не то с моим даром Колдуна. Наверное, я был излишне взволнован. Не случайно же я впервые промахнулся во времени и увидел группу туристов, слушающую своего экскурсовода. Наверное, и картинка убийства оказалась неправильной. А что, если сработали мои угрызения совести и я увидел не истинную картину происшествия, а лишь воображаемую?»

Да, так оно и было, хотя раньше он ни с чем похожим не сталкивался. Впрочем, все это можно легко проверить. Надо вновь поехать к Черной Афродите.

Но вот как раз этого он и не мог сделать. И причиной был элементарный страх.

Приехав домой, Корин с радостью заметил, что возле здания больше нет журналистов. Видимо, эти акулы пера почуяли, что кровью возле Корины не пахнет, и переключились на иные, более свежие сенсации.

Поднявшись в свою квартиру, он некоторое время посидел в кресле возле окна, отдыхая, затем решительно нажал кнопку включения видеофона. Вскоре на экране появилось аскетическое лицо Лехтинена. Подняв глаза, финн искренне удивился.

— Господин Корин, вы у себя дома? Я уже трижды пытался до вас дозвониться.

— Что-то случилось?

— Пока нет, но... Два часа назад потеряна связь с поселком шахтеров, что на западном берегу моря Надежд. В это же время сейсмологи зарегистрировали в том же районе сильное восьмибалльное землетрясение.

— Надо послать флиттеры.

— Уже послал. Сразу две группы — Тайрана Гибса и Олега Волкова.

— Правильно. А зачем же ты мне звонил?

— Ну... У меня были определенные сомнения...

Корин усмехнулся.

— Брось, Арво. Ты — мой первый заместитель и не хуже меня знаешь, что делать в такой ситуации. Привыкай к самостоятельности. Кстати, я не думаю, что с шахтерами случилось что-нибудь серьезное. Их поселение находится на краю огромной базальтовой плиты. Никаких восьми баллов там быть не может. Это где-то в глубинах моря...

Финн заметно приободрился. Он был старше Корины, но на Венере появился лишь в прошлом году и еще не успел полностью освоиться. Зато опыта работы на других планетах у него хватало на троих.

— Вот что, Арво, — после паузы произнес Корин. — Полиция вроде бы от меня временно отстала. За отсутствием веских улик. Кажется, ищейки взяли другой след. Во всяком случае, никто приковывать меня цепями к стене темницы не собирается.

— Отлично! — просиял финн. — Может, вы тогда...

— Вернусь на свое рабочее место? И не мечтай. Раз уж так получилось, я хочу погулять две недели своего законного отпуска на всю катушку.

На лице Лехтинена появилось озадаченное выражение.

— Ну, если вы хотите отдохнуть...

— Вот именно — отдохнуть. Так и передай всем. Мол, я засиделся в кабинете, хочется немного встряхнуться.

— Понятно. Какую машину вы хотите взять?

— Новую. Флиттер «Омега».

— Но в летном режиме она еще не прошла весь цикл испытаний...

— Вот заодно и пройдет. Марсианские гравитационные двигатели уже вовсю используют на других планетах, только мы пока отстаем.

Финн кивнул без особого восторга, согласившись со своим начальником.

— Вы будете... отдыхать — один?

— Да. По крайней мере, постараюсь. Ну, удачи тебе, Арво!

— А вам приятного отдыха.

Корин выключил видеофон и, встав, пошел на кухню. Сегодня не хотелось идти в ресторан, и потому он решил проявить свое кулинарное искусство. Стараясь ни о чем особенно не думать, он достал банку с грибным супом, кусок бекона, яичный концентрат и, тихо напевая себе под нос, занялся готовкой.

За этим благостным занятием его и застала Линда. Она открыла дверь своим ключом и, не снимая плаща, сразу же бросилась Корину на шею, всхлипывая и покрывая его лицо жаркими поцелуями.

— Погоди, погоди... — бормотал он. — Испачкаешь плащ о мой фартук...

Линда постепенно успокоилась. Размазав по ресницам тушь, она сняла плащ и уселась в углу кухни на табурете. Не отрывая от Корины влюбленных, полных слез глаз, она тихо сказала:

— Господи, Игорь, я так перепугалась... Думала, что из полицейского управления ты уже не выйдешь...

— Это еще почему? — нахмурился Корин. — Яичницу будешь есть?

— Нет... Если бы ты знал, какой вчера поднялся шум! Все газеты пестрели заголовками типа «Впервые полиция Венеры напала на след убийцы!», «Кровавый след ведет в Службу Спасения» и тому подобное... Это было ужасно!

— Ты же знаешь — я не читаю газет, — спокойно ответил Корин, выкладывая себе на тарелку дымящуюся яичницу. — Но ручаюсь, утренние выпуски заметно поутихли.

— Да, но...

— Ради Бога, Линда, помолчи. Я хочу спокойно поесть.

Поев, Корин налил две чашки чая, достал из шкафа коробку с бисквитами и коротко рассказал о предстоящем путешествии.

— Хочу съездить в джунгли, подняться в предгорья Эвереста, слетать на две-три наши дальние базы, ну и еще что-нибудь в таком роде. Словом — исчезнуть из города. За это время полиция может напасть на след настоящего убийцы.

Линда покачала головой, недоверчиво глядя на него.

— Выходит, ты просто хочешь где-то отсидеться? Нет, не верю... на тебя это не похоже.

Корин насторожился. Что-то во взгляде Линды было необычным и не очень приятным... нет, совсем не приятным. Отставив тарелку в сторону, он наклонился над столом и тихо спросил:

— Что с тобой, девочка?

— Я... я хочу поехать с тобой, Игорь.

— Об этом не может быть и речи!

Линда упрямо сдвинула брови. Слезы на глазах быстро высыхали.

— Ты же знаешь, я не буду тебе обузой, — быстро заговорила она. — Не зря же я проработала два года спасателем у Тайрана Гибса. Я не слабее тебя и стреляю куда лучше. Тебе нужна помощь, я знаю.

— Почему ты так решила? — изумился Корин.

Линда в свою очередь наклонилась к нему и прошептала:

— Потому, что это ведь ты убил Ольгу, верно? Не лги, я знаю... Вы вошли в подъезд и там долго целовались...

Корин с криком отшатнулся от нее.

— Чушь! Бред! Признайся, это ты придумала, чтобы напроситься со мной в путешествие?

Линда с грустной улыбкой покачала головой.

— Глупый... ну какой же ты глупый... ведь я люблю тебя.

Утром следующего дня, когда город еще спал, Корин и Линда покинули купол через восьмой спецшлюз, предназначенный исключительно для грузовых перевозок, и, проехав около двух километров по кольцевой дороге, свернули на шоссе, ведущее к причалу. Корин хмуро молчал, сосредоточившись на управлении вездеходом, а Линда с довольным видом просматривала список вещей, загруженных в багажное отделение. Предстоящую поездку она рассматривала чуть ли не как медовый месяц. Шутка ли — впервые они с Кориным останутся вдвоем на целых две недели!

Но на причале эта розовая иллюзия, увы, была безжалостно развеяна. Пройдя через КПП с двумя вооруженными дежурными к машинному парку Службы Спасения, они увидели сидящего на большом рюкзаке человека в цивильном скафандре. Это оказался... Райнер!

Просияв, он поднялся на ноги и протянул Корину руку.

— Ну наконец-то, — бодро сказал он. — Целых полтора часа торчу здесь, поджидая сладкую парочку. Линда, надеюсь, ты хоть дала нашему бравому спасателю выспаться этой ночью?

Вспыхнув, Линда воскликнула:

— Какого черта, Эд? Что ты здесь делаешь?

— Как что? То же, что и ты.

— Но мы... неужели даже в отпуске полиция не желает оставить Игоря в покое?

Райнер нахмурился.

— Не говори глупостей, Линда. При чем здесь полиция? Я тоже с сегодняшнего дня в отпуске.

— И ради Бога! Мы-то с Игорем здесь при чем? Ты, кажется, человек семейный, вот и занимайся своей Марией и детишками. Игорь, ты что молчишь?

Корин пытливо разглядывал старого друга.

— И что вы оба ко мне привязались? — наконец в сердцах произнес он. — С чего вы решили, что меня надо спасать? Ничего особенного я делать не собираюсь — ни топиться в Свинцовом море, ни бросаться вниз головой в Большую расщелину, ни стреляться на вершине Эвереста! Мне просто хочется отдохнуть от этого проклятого города, где довольны и счастливы только шлюхи, сутенеры, игроки и денежные мешки. Три года без отдыха я только и делал, что вытаскивал всяческих болванов из болота самых отборных неприятностей. Имею я право остаться один на один со своими проблемами?

Райнер кивнул.

— Имеешь. Только ты не подумал об одном: как мы с Линдой будем чувствовать себя, узнав, что ты не вернешься в город?

— Дьявол, да почему ты решил, что я не вернусь?

— Разве у тебя нет врагов?

— А-а... понимаю... Наверное, Брисанд поделился с тобой своими домыслами. Чепуха все это. Если кому-то из сильных мира сего захотелось бы свершить надо мною суд, он мог бы это сделать и в городе, причем без всяких хлопот.

Райнер жестко усмехнулся.

— Прости, Игорь, это очень наивное рассуждение. Венеру не зря прозвали раем для убийц, и именно для тех, кто **ОБОЖАЕТ ХЛОПОТЫ**. Можешь, если угодно, назвать эт

извращением, но такова уж природа многих людей.

Корин сердито насупился.

— Пусть так, хотя это и чистой воды домыслы. Тем более я прав! Мне не хочется, чтобы из-за меня в воздух взлетело полгорода, — сам знаешь, бывают любители стрелять из пушек по воробьям.

— И ты решил подставиться где-нибудь в диком месте, подальше от города, чтобы вместе с тобой никто не пострадал? — ахнула Линда, только сейчас догадавшись, в чем была истинная цель Корины.

Корин хмыкнул.

— Ну, уж так и подставиться... Однако жить под дамокловым мечом я на самом деле не хочу. И тем более ждать, кто из моих близких окажется жертвой этого таинственного мистера Икс. Если он на самом деле существует, то вряд ли удержится от соблазна встретиться со мной один на один в каком-нибудь экзотичном местечке. Венера на самом деле рай, и не только для убийц, но и для дуэлянтов.

Райнер и Линда озадаченно переглянулись.

Корин подошел к вездеходу, открыл дверцу багажника и стал вытаскивать оттуда сумки и рюкзаки. Закончив, он хмуро поглядел на друзей.

— Теперь, надеюсь, вы оба от меня отстанете? Поймите же: защитить меня от неведомого противника вы все равно не сможете. Только сами подставьте головы под топор. Я хочу эти две недели провести один, неужели не ясно?

Райнер покачал головой.

— Так, так... А теперь скажи, Игорь: если бы подобная история случилась со мной или с Линдой, как бы ты поступил?

Корин задумчиво пожевал губы.

— Черт бы вас побрал, — вздохнул он наконец. — Ладно, полезайте во флиттер. Только сначала помогите мне перекидать вещи в багажник.

«Омега» являлась первым венерианским флиттером, на котором были применены почти все марсианские технологии — от гравитационного двигателя до силового кокона, способного защитить машину даже от падения скалы. Венера отличалась чудовищным давлением воздуха, достигавшим у поверхности почти девяноста атмосфер, поэтому корпус «Омеги» был целиком отлит из титана. В кормовой части находился реактивный двигатель, так что при выдвинутых крыльях и стабилизаторах флиттер мог совершать длительные перелеты, не уступая в маневрировании обычным тарелкам. Громоздкий атомный генератор земного производства заменили на вдвое меньший, но почти в десять раз более мощный агрегат, построенный по марсианским рецептам.

Дежурные техники проинструктировали Корины о доработках, сделанных в машине за последнюю неделю. Выглядели парни совсем нерадостно. «Омега» была пока единственным работоспособным экземпляром спасательной машины нового типа и пока не до конца прошла цикл заводских испытаний. По всем правилам ей еще недели две-три нельзя было отправляться в далекое путешествие... Но начальству, конечно, виднее. Тем более что акт о приемке машины должен был подписывать сам Корин, кстати, успевший уже налетать на «Омеге» около сорока часов.

— Смотрите, Игорь Васильевич, только не вздумайте подниматься на вершину Эвереста, — шутливо погрозил Корину один из техников.

— А что, разве это возможно? — удивился спасатель.

Техник смутился.

— Э-э... конечно, нет. То есть нельзя по техническому паспорту. Двадцатибалльный шторм — это уже слишком. Но мы с парнями прикинули: если одновременно с ракетным двигателем включить гравитационную установку и поручить автопилоту решать проблему стабилизации... Черт его знает, может,' наша птичка и утрет нос всем автоматическим зондам!

Корин улыбнулся.

— Нет, Геннадий Иванович, на Эверест я не полечу. Но вашей птичке устрою экзамен, как говорится, по всем предметам. Пора нашей службе сдавать свои тарелки в металлолом. Хватит, намучались!

— Ну, Игорь Васильевич, ни пуха ни пера!

— К черту, к черту.

Корин забрался в кабину, помахал техникам рукой и включил ракетный двигатель. Громадная, многотонная серая махина поднялась на несколько метров, а затем плавно вылетела через одно из окон причала. Достигнув края плато, «Омега» поплыла над десятикилометровой пропастью. Судя по показаниям приборов, сегодня скорость ветра возле плато не превышала трех баллов, что по венерианским меркам считалось чуть ли не штилем. Серая пелена нижней кромки облаков была на редкость плотной, без единого разрыва, поэтому Корин повел машину вниз. Автоматика сама определила, насколько выпустить телескопические крылья и стабилизаторы при таких погодных условиях, поэтому машина летела на удивление плавно, без рывков и резких раскачиваний.

Сидевший рядом с Кориным Райнер даже присвистнул:

— Вот это да! То-то у нас в полицейском управлении рассказывают об этой «Омеге» всяческие небылицы. Какая система стабилизации — просто сказка. Проклятые тарелки уже у всех сидят в печенках. И кто их только выдумал на нашу голову?

Корин с усмешкой взглянул на друга.

— Как это кто? Мы, земляне. На большее у нас ума не хватило. Пришлось позаимствовать из наследства марсиан силовую защиту. А «Омега» уже на три четверти напичкана всяческими марсианскими штучками- дрючками.

— Неужели наши чернокожие братья по разуму бывали и на Венере?

— А как же! Они освоили почти всю Солнечную систему. Если верить переводам их хроник, даже на Юпитере и Сатурне высаживались. Их рудники обнаружены на Меркурии и Уране. Наверняка и на этой милой планете находятся останки поселений марсиан... только попробуй найди их!

— Но почему марсианская цивилизация погибла? — вмешалась в разговор Линда, сидевшая на заднем сиденье.

— Ну, почему же погибла... А мы, земляне, разве не их потомки? Наша планета, как ни тужилась, ничего более совершенного, чем неандертальцы, сотворить не смогла. Почему-то марсиан такой медленный путь нашей земной эволюции не устраивал, и они начали всяческие генетические эксперименты. В результате возникли кроманьонцы — гибрид марсиан и неандертальцев.

— Но сами-то марсиане, кроме Атлантиды, поселений на Земле не устраивали? — спросил Райнер.

— Нет.

— Почему же? Казалось бы, они должны были заселить Землю — молодую, полную сил планету...

— Тем не менее, они почему-то предпочли покинуть Солнечную систему, — задумчиво произнес Корин, не отрывая глаз от альтиметра. — Ого, какая облачность сегодня низкая... Да что вы ко мне пристали, ребята? Я на Марсе не был уже лет десять. Нашли, тоже мне, специалиста...

Райнер хохотнул.

— Брось, Игорь. Все же знают, что тебя вся ученая братия, копающаяся на Марсе, почитает словно Бога. Кто раскрыл тайну марсианских городов? Ты со товарищами. Кто дал по рукам контрабандистам и расхитителям? Опять же ваша «Дельта». Думаешь, я не знаю, что тебе с Марса чуть ли не ежеквартально присылают отчеты о ходе работ? В знак уважения.

— Все-то вы знаете, — раздраженно ответила вместо Корина Линда. — Вместо того, чтобы заниматься делом, суете нос в частную жизнь граждан. Тоже мне полиция!

Райнер добродушно расхохотался.

— Линдочка, не надо кусаться. Понимаю, что я нарушил твои планы на тет-а-тет с Игорем. Но при венерианских ветрах треугольник — самая устойчивая фигура. А Марс... Ну не про Венеру же говорить, черт бы ее побрал!

Корин кивнул.

— Это точно, навенеримся мы за ближайшие две недели до тошноты, это я обещаю. Что касается Марса... Станный мне прислали последний отчет. Линда, ты прочитала его?

— Вот еще, делать мне нечего, — сердито отозвалась Линда. — Так, полистала и ничего не Поняла. У тебя на кухне вечно такой свинарник...

— Хм-м... разве? Не замечал.

— Так что же новенького ученые узнали про Марс? — с любопытством спросил Райнер.

— Они нашли один поздний документ... ему не больше тридцати тысяч лет.

— Не может быть! Ведь Марс превратился в мертвый мир значительно раньше!

— Да. Большинство городов опустели уже сто тысяч лет назад. Но, как оказалось, на Марсе еще долгое время оставались исследовательские базы. И занимались они исключительно Землей.

— Биологическими экспериментами?

— Не только... Похоже, они делали свои посевы на Земле, ожидая собрать какой-то очень важный для них урожай. И этим урожаем они собирались — не поверите — торговать! В кабине повисла тишина.

— Торговать? — произнесла сдавленным голосом Линда. — Чем? Неужто людьми? Значит, на Марсе жила раса работоторговцев?

Корин смущенно хмыкнул.

— Черт его знает. Документ очень туманный, толковать его можно по-разному. Есть такая гипотеза. Однажды сто тысяч лет назад Марс подвергся нападению некой могущественной галактической цивилизации и потерпел поражение. Но марсиане все же уцелели, благодаря, как ни странно, своей соседке-Земле. Чем-то наша древняя планета заинтересовала пришельцев, и они приказали побежденным начать эксперимент по резкому убыстрению эволюции на нашей планете. А самим марсианам было разрешено эмигрировать в какой-то другой, пригодный для их существования мир.

— Но чем Земля могла привлечь пришельцев? — удивился Райнер. — Планета как

планета, по теории вероятности таких в галактике должно быть не менее ста тысяч.

— А если все же она одна? — парировал Корин. — Что-то в этой гипотезе есть... сам не пойму, что.

— А нет ли здесь связи с ЛИМПом? — неожиданно спросила Линда.

Корин даже вздрогнул — эта мысль и ему приходила в голову.

— Не знаю... Мне самому кажется, что в этой истории мы увидели лишь надводную часть айсберга. Кто-то действительно хотел установить диктаторский контроль над Солнечной системой... но люди ли это были? Или ЛИМП — только пешка в чьих-то руках?

Райнер раздраженно похлопал Корина по колену.

— Ну, договорились... Я хотел тихо-мирно побеседовать про Марс, про последние археологические находки, а вы оба полезли в такое болото догадок. Я человек простой: мне нужны факты.

— Фактов у меня нет, — тихо ответил Корин. — Но вот одно странное совпадение...

— Какое?

— Не забывай, Эд, ты в отпуске. Так что лучше давай отложим допрос до нашего возвращения. Ну все, наконец мы вышли из этих проклятых облаков!

Действительно, спустившись на высоту двух километров над поверхностью планеты, «Омега» вынырнула из серого кислотного тумана и продолжила снижение. Видимость стала гораздо лучше, хотя вечная венерианская мгла сегодня была еще гуще, чем обычно.

Совершив широкий разворот, «Омега» полетела вдоль извилистой береговой линии Свинцового моря.

— Можно узнать, куда мы все-таки летим? — не выдержала Линда. — Кажется, ты собирался направиться в джунгли, Игорь?

— Потом, потом... Я предупреждал вас, ребята, лучше бы вам остаться в городе. А теперь сидите тихо и не мешайте. Нет у меня никакого четкого плана путешествия, ясно? Хочу полностью отдаться в руки своей интуиции.

Райнер озадаченно взглянул за него.

— И куда она тебя ведет? — осторожно спросил он. — К вулкану Лема?

— Нет! — неожиданно для самого себя заорал Корин. — Прости, Эд... Не надо было тебе упоминать про вулкан... Боюсь я туда лететь, понятно?

— Понятно.

— А летим мы... Вот уже почти месяц мне часто снится один и тот же сон. Не буду о нем рассказывать, ни к чему. Но это место я хочу разыскать.

Линда прижалась стеклом шлема к боковому иллюминатору.

— Смотрите! — крикнула она восторженно. — Яхта!

В нескольких сотнях метров от берега плыло солидных размеров сооружение, отдаленно напоминающее старинный парусный корабль. Его овальный корпус был сварен из вольфрама, а паруса сделаны из огромных листов титана. В центре судна находились трехъярусные смотровые палубы.

Корин мимолетно взглянул вниз.

— «Колумб» вышел в рейс, — заявил он. — Три дня плавания, и масса необычных приключений, начиная с роботов-китов и кончая жуткими механическими циклопами на островах Синдбада. В последний день плавания туристов искупают в озере расплавленного олова и побалуют фейерверками. Экзотичное, но очень дорогое удовольствие.

— И вовсе не дорогое! — возразила Линда. — Ты обещал мне — не забыл?

— Может, к концу года, — уклончиво ответил Корин. — Весной наша служба здорово выручила здешних фирмачей, когда в мозгах у циклопа случилось короткое замыкание и он захватил туристов в плен. Пришлось группе Алексея Зверева здорово поработать. Помнишь этот случай, Эд?

Полицейский инспектор кивнул.

— Еще бы. Сразу трое убитых — это не шутки. Слава Богу, я в это время был занят аферами в казино «Рояль», не то сослали бы меня как миленького на эти проклятые острова Синдбада. Следственная группа проторчала там целых восемь дней. Говорят, такое и в кошмарном сне не приснится. И как это находятся болваны, готовые заплатить по сорок тысяч баксов за такой ад?

— Отбою нет, — усмехнулся Корин, не сводя глаз с холмистого рельефа берега Свинцового моря. — Не поверишь, но на борту этих вольфрамовых каравелл есть даже бассейны! А когда на море поднимается шторм... но это надо видеть. Та-ак, кажется, подлетаем. Очень прошу, помолчите.

Свинцовое море осталось позади, и теперь внизу, до самого горизонта, расстилалась равнина, испещренная редкими скалами и извилистыми расщелинами. То здесь то там виднелись небольшие озера расплавленного олова, подернутые легкой серой дымкой. Из глубин трещин поднимались буро-желтые столбы газовых испарений и, подхваченные ветром, расползались по окрестностям.

Не обращая внимания на сердито замигавшую красную лампочку автопилота, Корин опустил еще ниже, одновременно уменьшив скорость до сорока километров в час — предел, при котором машина могла сохранять устойчивость при трехбалльном ветре. Он не отрывал глаз от земли. Где-то здесь должно находиться место, которое он много раз видел во снах. Не может быть, чтобы это все было лишь плодом его фантазии. Где-то здесь, на равнине, должно найтись овальное озеро олова и неподалеку — гряда скал, похожих на трезубец... да вот же они!

Не веря своим глазам, Игорь сделал над скалами и озером сначала один круг, затем другой... Линда что-то проворчала у него за спиной, но он лишь погрозил ей кулаком. Он пытался найти то место, где в десятках снов бродил между стен огромных мрачных зданий.

— Господи... — неожиданно прошептал Райнер. — Не может быть! Как же мы раньше могли пропустить ТАКОЕ?

Линда проследила за его взглядом и вскрикнула от ужаса.

Невдалеке от озера из чрева большого холма выпирало наружу крыло космического корабля. Металл был непривычного голубого цвета, изъеденный тысячами оспин. В двух местах — на краю и возле овального фюзеляжа — поверхность разрезали две ветвистые трещины.

Корин облизал пересохшие губы. Виски сжала резкая, пульсирующая боль, а сердце зашлось так, будто он бегом поднялся по крутой лестнице на пятый этаж. Да, он надеялся увидеть что-то фантастическое, но останки древнего космического корабля... И откуда он взялся? За годы освоения Венеры над этим районом наверняка пролетали десятки тарелок, и они не могли пропустить...

Землетрясение!

Ну конечно же, несколько недель назад в юго-западной части Свинцового моря произошло сильное землетрясение. Этот случай даже попал в новости Внеземелья. На море поднялись метровой высоты свинцовые волны, которые буквально смели западный мол

фирмы «Симменс» и находившуюся на причале каравеллу с гордым названием «Магеллан». К счастью, пассажиров в тот момент на борту корабля не было, но восемь членов экипажа погибли. Все усилия спасателей не привели ни к каким результатам. Он, Корин, тогда провел на берегу моря несколько дней... Ну конечно же, именно после этого у него и начались странные, завораживающие сновидения!

Они стояли рядом с огромным, торчащим вверх крылом и смотрели вниз, в разверзшуюся расщелину, где матово отсвечивал корпус космического корабля. Большая часть его была засыпана раскаленной дымящейся почвой, но и то, что можно было разглядеть, не оставляло ни малейших сомнений: от космолета сохранились лишь жалкие фрагменты. Похоже, корабль потерял управление невысоко над поверхностью планеты и рухнул на бок, глубоко зарывшись в землю. Кормовая часть была разбита всмятку, но взрыва двигателей не произошло.

Потом за корпус космолета взялась хищная венерианская атмосфера. За прошедшие сотни, а может, и тысячи лет гладкий голубой металл корабля был сплошь источен глубокими, порой сквозными воронками. Ветвистые трещины в крыле гигантской машины также оказались очень глубокими, так что трое друзей отошли в сторону, опасаясь, как бы эта многотонная громада не рухнула внезапно им на головы.

Молчание нарушил Райнер.

— Игорь, в поясе астероидов ты видел крейсер марсиан, — нервно произнес он. — Это не такой же...

— Нет, — покачал головой Корин. — Ничего похожего.

— А не было ли других космолетов марсиан?

— Насколько я знаю — нет. Даже чертежей в архивах не найдено. Правда, кое-кто из ученых полагает, что над архивами основательно поработали. Только на первый взгляд кажется, что Марс был поспешно брошен, и потому в городах можно найти буквально все. Ничего подобного! Доказано, что марсиане освоили всю Солнечную систему и Венеру в том числе, а вот об их космических аппаратах почти ничего неизвестно.

— Теперь будет известно, — отрывисто сказала Линда. — Господи, жутко здесь как... Игорь, надо связаться с учеными. Пускай летят сюда и копаются в этих железяках, сколько их душе угодно. Учтите, я к этому монстру даже приближаться не желаю.

Мужчины переглянулись.

— Что верно, то верно, — согласился Райнер. — Возвращайся во флиттер, девочка. Игорь, ты учил ее управлять этой машиной?

— Нет, хотя... — начал было Корин, но Линда, возмущенно топнув ногой, прервала его:

— Еще чего захотели! Я одна ни на минуту не желаю оставаться, ясно вам? Затащили меня на дно ада, а теперь бросаете.

— Ну уж и затащили... — тихо проворчал Райнер себе под нос.

— Ладно, пойдем, — после некоторого колебания согласился Корин. — Эд, как ты думаешь, мы сможем выжечь люк в этом решете?

— Попробуем, — отозвался Райнер. — Линда, отойди подальше. Э-эх, и достанется нам от яйцеголовых!

Двое мужчин вынули из-за поясов бластеры и, выбрав самое «дырявое» место в корпусе корабля, нажали пусковые кнопки.

На металлической стенке появилось яркое оранжевое пятно. Оно постепенно меняло цвет и вскоре стало бело-голубым. Прошла минута-другая, и стало ясно: материал, из которого сделан космолет, настолько тугоплавкий, что даже два бластера не могут прорезать его насквозь. Но в то же время корпус корабля был изъеден бесчисленными воронками —

следами воздействия ядовитой атмосферы Венеры.

Мужчины переглянулись и выключили бластеры.

— Сколько же лет эта махина пролежала здесь? — недоуменно спросил Райнер. — Наверное, не одну тысячу, иначе она вряд ли превратилась бы в подобие голландского сыра. Игорь, разве марсиане создали такой удивительный металл, который даже бластер не может взять?

Корин задумчиво покачал головой.

— Нет... вроде бы нет. Видимо, это не марсианский корабль.

— А чей же? — изумился Райнер.

— Откуда я знаю?

Линда нетерпеливо спросила:

— Долго мы будем здесь стоять? Мне даже смотреть на эту штуку жутко. Игорь, свяжись с учеными, пускай они разбираются. Мы, кажется, направлялись в джунгли?

Корин кивнул и, повесив бластер на пояс, уже хотел было отойти от погребенного в глубине холма космолета, как внезапно почувствовал мягкий толчок в сердце. Нет, он должен остаться...

Повернувшись, он сказал:

— Эд, возвращайтесь с Линдой во флиттер, ладно? Мне надо побыть одному.

Райнер нахмурился.

— Это что, шутка? А вдруг почва начнет осыпаться или...

— Я очень прошу, Эд, — мягко произнес Корин.

Райнер что-то проворчал, но поднялся на гребень холма и, взяв за руку Линду, пошел по склону к небольшой террасе, на которой стояла «Омега».

Корин выждал минуту-другую и повернулся к космолету. Подойдя к фюзеляжу, он выбрал самую крупную сквозную воронку и, собравшись с духом, заглянул внутрь.

Поначалу он не увидел ничего. Но вскоре тьма рассеялась. То там то здесь начали вспыхивать белые искры. Их становилось все больше, и наконец всю внутренность гигантского корабля заполнило сияющее облако.

Сердце Корины тревожно сжалось. Да, предчувствие его не обмануло. Все сны в последнее время начинались с подобной же игры огней. И это не случайное совпадение.

Больше сомнений не было — во время своих жутких снов он бродил по коридорам этого странного корабля. Но тогда... тогда и землетрясение, и внезапное появление космолета из глубин земли затеяно только ради него. И это могло быть лишь делом рук таинственного Икса, затеявшего над ним, Кориным, какой-то безжалостный эксперимент. Или суд. Суд?

А почему бы и нет? Где-то на Венере мог жить некто вроде жюль-верновского капитала Немо, следивший из своего невидимого убежища за ним, Игорем Кориным, но не с жалостью и сочувствием, а с ненавистью и презрением. И что бы спасатель ни делал, чего бы ни предпринимал, силы противников слишком неравны, и ему придется пройти все круги венерианского ада. Там, на плато, был круг первый. Здесь же перед Кориным разверзся круг второй, и избежать его не удастся.

Словно в подтверждение его мыслей, в корпусе космолета неожиданно открылся овальный люк. Поколебавшись, Игорь вошел внутрь, и люк за ним сразу же закрылся.

Его всосало в себя сияющее облако, состоящее из мириад искр, и он на некоторое время потерял представление о времени. Затем облако стало постепенно гаснуть, превращаясь в клубящийся серый туман. Скафандр сразу же покрылся бесчисленными

капельками влаги. Влага — здесь, на раскаленной, лишенной воды Венере?

Где-то над его головой пророкотал глухой раскат грома, второй, третий, и пошел мелкий дождь. Поглядев себе под ноги, Корин понял, что стоит на брусчатой мостовой.

Он вновь вернулся в свой бесконечно повторяющийся сон — но уже наяву.

Когда мутные потоки воды схлынули и туман рассеялся, Корин увидел себя стоящим на узкой улице хорошо знакомого ему города. Многоэтажные мрачные здания, в архитектуре которых ощущался итальянский стиль средних веков, поднимались по обе стороны от него, уходя черепичными крышами в серебристые, быстро несущиеся облака. Как и прежде, окна первого этажа были наглухо забиты потемневшими от времени досками. На этот раз он не стал искать окно с достаточно широкой щелью в небрежно сколоченных ставнях, как делал во сне, подошел к ближайшему и, ухватившись за крайнюю доску, резким движением попросту оторвал ставни.

Он ожидал увидеть нечто ужасное, но в очередной раз обманулся в своих ожиданиях.

Окно находилось словно бы на вершине горы, откуда открывался вид на огромную долину, на горизонте завершавшуюся мощным хребтом с острыми, заснеженными вершинами. В нежно-зеленом небе сияло небольшое, но очень яркое розовое солнце. Рядом с ним проплывали белые нитевидные облака — таких он прежде на Земле не видел. На Земле? Нет, конечно же, это была другая планета. Но обитали на ней люди.

В округлой чаше долины располагался удивительно красивый белый город из сотен куполообразных зданий, опоясанных посередине широкими кольцевыми галереями. Над зданиями роились летательные аппараты, похожие на жуков. В центре и особенно на окраинах было множество скверов и парков с пышными деревьями непривычного оранжевого цвета.

Город радовал глаз своеобразной красотой. Он словно бы излучал доброту и радушие, и Корин понял: «Да, именно там я и хотел бы жить! Где-то я видел подобный город... но где?»

Внезапно на вершину горы опустился один из флайеров. Откинулся полупрозрачный колпак кабины, и на землю прыгнули двое, юноша и девушка. Корин облизал пересохшие губы — это были люди! Но... какие-то странные... неестественно красивые, сложенные словно античные боги. Впрочем, толком их рассмотреть не удалось, поскольку следом за ними из машины выбралось странное ящероподобное создание, с шестью массивными короткими лапами, плоской, покрытой сине-зеленой чешуей головой и двумя рядами мелких острых зубов в широкой щелевидной пасти. Поначалу Корин подумал, что это местное домашнее животное, вроде собаки, но ящер подскочил к людям и, став на задние ноги, неожиданно положил переднюю лапу юноше на плечо. Все трое замерли, глядя на панораму чудесного города...

Потрясенный Корин заставил себя оторваться от окна и пошел по мглистой улице, пытаясь осмыслить увиденное. Почему-то он сразу поверил в реальность открывшегося перед ним на несколько минут мира. Неужели перед ним распахнулось окно... в будущее? Неужели люди когда-нибудь будут выглядеть словно боги, их города не будут напоминать клоаки, поражая контрастом ухоженного, богатого центра и мрачных, уродливых окраин?

Пройдя два квартала, Корин остановился и, выбрав наугад еще одно наглухо заколоченное окно, отодрал обветшавшие ставни.

И вновь перед ним открылась панорама далекой планеты: суровый мир поднебесных гор, скалистых массивов и синих озер. На склонах гор были вырублены широкие террасы, и на них, словно грибы, стояли бесчисленные замки, сложенные из мощных каменных блоков.

Террасы соединялись прозрачными трубами эскалаторов. Людей издали трудно было разглядеть, но через некоторое время Корин увидел, как невдалеке от окна на покрытом травой склоне появилось стадо овец. Их пасли трое мужчин, одетых в кожаные куртки и клетчатые юбочки, очень напоминающие традиционные шотландские одежды. Приглядевшись, Корин заметил висевшую за спиной одного из пастухов волынку. Она выглядела весьма странно в сочетании с бластерами, которыми были вооружены пастухи, и пятью собакоподобными роботами, окружавшими мирно пасущееся стадо.

Недоумевая, Корин прошел еще несколько кварталов, время от времени отдирая очередные ставни, за которыми появлялись различные миры. Одни из них весьма напоминали Землю, другие же выглядели чужими и экзотичными. Объединяло их лишь одно — всюду были поселения людей или, вернее, их богоподобных родичей, красивых, атлетически сложенных и, как правило, молодых. Общими также являлись каплевидные типы флайеров, оружие и наземные машины. А вот здания, храмы, одежда и даже монументальные произведения искусства разительно отличались друг от друга. Корин не был силен в истории, но все же ему казалось, будто он распознает то черты древнегреческой культуры, то спартанской, то раннесаксонской... В одном из неведомых ему миров явно воссоздавался Египет времен строительства гигантских пирамид, в другом — культура средневековой Японии... И везде он видел чужие солнца, чужие небеса, чужие пейзажи, которых нет и не может быть на родной Земле.

Устав от потока шокирующих впечатлений, Игорь оставил в покое заколоченные окна мрачных, величественных зданий и побрел дальше по узким улицам, каждая из которых заканчивалась величественной аркой. Теперь он хотел лишь одного, чего ему не удавалось сделать ни в одном из снов, — дойти до конца этого таинственного лабиринта. Может, там ему наконец откроется смысл всего увиденного? Его неведомый противник наверняка подготовил для него какой-нибудь сюрприз. Но вряд ли это будет заурядный выстрел в спину — кошки любят долго играть с пойманными мышами.

Наконец улица совершила очередной крутой поворот, и Корин оказался в тупике. Стены вокруг выглядели глухими, напоминавшими тюремные. В самом конце улицы на брусчатке стоял высокий постамент из белого с красными прожилками мрамора. На нем лежал предмет, очень напоминавший эфес меча, с витой ручкой из золотистого металла.

Поколебавшись, Корин осторожно взял эфес и, включив нашьлемный фонарь, стал внимательно его разглядывать. Увы, на ручке не оказалось никаких кнопок или рычажков, которыми могло бы управляться это оружие. Может, эфес, лишенный клинка, играл другую, чисто символическую роль? Словно бы Икс хотел подчеркнуть: НИКАКОЕ оружие не может помочь человеку по имени Игорь Корин победить в предстоящем поединке.

Поединке? Но тогда странная находка может означать и другое: поединок между Кориным и загадочным Иксом, чьи планы были нарушены группой спасателей «Дельта», неизбежен. И ему, Корину, предлагалось самому выбрать тип дуэльного оружия.

Размышляя подобным образом, Корин неожиданно вспомнил, как, еще учась в институте, ради любопытства участвовал в традиционных международных тол-киновских играх. У него был первый разряд по фехтованию на саблях, и когда он впервые в жизни взял в руки настоящий меч, то...

Эфес вдруг засветился ярко-белым светом. Когда же он погас, Корин увидел, что теперь эфес венчает искусно выкованный длинный клинок. Рука дрогнула и слегка опустилась — меч оказался довольно тяжел. Наверное, это было самое настоящее рыцарское оружие. Игорь

подумал, что вряд ли ему удастся выстоять в подобном поединке. За годы, проведенные во Внеземелье, он привык к обычному бластеру и, кажется, научился недурно стрелять...

Вновь последовала вспышка света — и в глухой стене напротив образовалась глубокая дымящаяся воронка.

Чертыхнувшись, Корин направил эфес немного в сторону и отдал мысленный приказ «пли» своему оружию. Из передней части эфеса вылетел пурпурный луч, и стена, казалось, вздрогнула от мощного лазерного удара.

Только после этого Корин смог немного перевести дыхание. Его первоначальные догадки оказались неверны. Неведомый противник вовсе не издевался над беспомощностью своей будущей жертвы и не пытался добиться того, чтобы эта жертва раньше времени пала духом. Наоборот, Икс сделал неожиданный рыцарский жест, дав Корину самому выбирать оружие для поединка. А это уже кое-что, это давало некий шанс.

Немного приободрившись, Игорь потратил еще несколько минут на эксперименты. Оказалось, что эфес мог выполнять роль и пистолета, и автомата, и даже гранатомета со снарядами небольшого калибра. Глухая стена в конце тупика послужила отличной мишенью и в конце концов стала представлять из себя гору раздробленного камня.

Увлечшись, Корин потерял контроль над собой и внезапно представил атомный гриб, вырастающий из брусчатки и сметающий все на своем пути. Ужаснувшись, он немедленно изгнал из своего разгоряченного воображения эту страшную картину, но напрасно. Никакого атомного взрыва не последовало. Оружие было дуэльным и, разумеется, не предназначалось для массового поражения.

Успокоившись, Корин решил оставить эксперименты. Осмотрев эфес, он нашел то, что искал, — выключатель: еле заметную кнопку, расположенную на заднем торце. С огромным облегчением спрятав оружие в кармане скафандра, он повернулся и хотел уже было пойти назад, но его остановила неожиданная мысль. Икс наверняка был здесь, на корабле, и совсем недавно. Значит, можно попытаться увидеть этого капитана Немо наоборот, воспользовавшись своим даром Колдуна!

Увы, спасателя ожидало очередное разочарование. Несмотря на все попытки, никакой картинки в обратном времени не возникало. Более того, стены громадных зданий вообще не носили никаких следов информации о происходивших рядом с ним событиях. Они ровным счетом ничего не видели и не слышали, и с этим ничего нельзя поделать. Впрочем, удивляться было нечему. Конечно же, внутри древнего звездолета не могло существовать никаких зданий. Наверняка Икс просто запустил в ход какую-то гипноустановку, полностью создававшую эффект присутствия и реагирующую на все действия Корина. Черт побери, но тогда нельзя исключить, что эффектное разрушительное действие эфеса — тоже иллюзия?

Встревожившись, Корин поторопился назад. При первом же удобном случае он попытается осмыслить все увиденное в странном городе, но сейчас важно другое — выйти отсюда.

И тут брусчатка под его ногами дрогнула. Игорь ускорил шаг, а затем, не выдержав, побежал. Толчки становились все сильнее и сильнее, и у него больше не оставалось сомнений — началось новое землетрясение!

Во время своих блужданий он прошел, судя по шагомеру, чуть более километра. Разумеется, это расстояние было также чисто иллюзорным — скорее всего все это время он либо кружил по небольшому кругу, либо вообще невольно изображал шаг на месте. Но машина иллюзий вовсе не собиралась выключаться из-за какого-то землетрясения.

Наверное, он должен проделать свой путь назад полностью, и только после этого вновь зажжется облако мерцающих искр, и он найдет распахнутый люк. Дьявол, но ведь люк захлопнулся, как только он вошел в космолет!

Корин всерьез заволновался. Теперь он уже бежал изо всех сил, что при венерианском тяготении сделать было совсем нелегко. Потоуловители работали на полную мощность, и все равно тело спасателя быстро покрылось потом.

И тут начали рушиться стены фальшивых зданий. На мостовую сначала стали падать черепицы с крыши, разлетаясь на множество осколков, словно гранаты. Поначалу Корин отнесся к этому довольно спокойно, но когда два обломка со звоном врезались ему в грудь, он встревожился. Если глаза не обманывали его, то на металлическом панцире скафандра появились слегка заметные вмятины. «Ого, — подумал Корин, — а если мне на шлем с этакой высоты рухнет каменный блок? Может, моя смерть будет тоже иллюзией, но что-то не хочется испытывать судьбу!»

Подземные толчки заметно усилились, и старые здания — или то, что их искусно имитировало — подернулись сетью глубоких трещин. Некоторые из зданий раскачивались, угрожая рухнуть на мостовую каменным дождем.

Икс развлекался. Одарив Корина неожиданным подарком, он решил ради смеха устроить тараканьи бега, подгоняя ничтожное насекомое длинной иглой. Может, Корину стоило остановиться и, заупрямившись, отказаться от столь унижительной игры, но это было выше его сил. Картина гибнущего от землетрясения города была настолько реальной, а удары осколков — пока, к счастью, только осколков, в бока, спину и грудь — настолько чувствительными, что он теперь и думать забыл о скрытой где-то неподалеку машине иллюзий, а просто несся вперед, как преследуемое охотниками животное, перепрыгивая через лежащие на мостовой груды камней.

Сердце его заходило, в глазах поплыли темные круги, и все же он смог одолеть километровую дистанцию в хорошем темпе. Сказались долгие часы, проведенные в тренировочных залах Службы Спасения, и если бы не острая боль в левой части груди, откуда некогда извлекли пять фашистских пуль, все было бы не так уж и дурно.

Поглядев в зеркальце заднего обзора, Корин заметил, как в нескольких десятках метров позади верхние этажи зданий начали оседать и рушиться на мостовую, подымая облака пыли.

Игла оказалась не такой уж и длинной!

Последний отрезок дистанции Игорь пробежал почти со спринтерской скоростью. У него открылось второе дыхание, и он почувствовал себя куда лучше и свежее, чем несколько минут назад, когда ноги буквально подгибались, отказываясь слушаться.

Словно из воздуха впереди него сконцентрировалось сияющее облако. Корин с разбегу влетел в него и остановился, лишь когда едва не врезался в стенку корпуса корабля. Тяжело дыша, он осмотрелся и увидел чуть в стороне распахнутый люк.

Райнер и Линда ощутили первый подземный толчок спустя минут десять после того, как оставили Корина возле корпуса космолета.

Девушка встрепенулась и в ужасе посмотрела на полицейского инспектора.

— Господи, а это что? — побелев, вымолвила она непослушными губами.

Райнер не успел ответить, когда последовал второй, более сильный толчок.

Не сговариваясь, они побежали вверх по склону холма.

Корина возле космолета не было!

— Что за чушь... — пробормотал Райнер. — Не мог же он провалиться сквозь землю...

Игорь, отвечай, черт тебя дери!

Радиофоны молчали.

Почва под ногами стала осыпаться. По голубому корпусу корабля застучали первые камни.

— Игорь! Игорь! — кричала Линда. — Эд, куда он мог пропасть?

— Может, он спустился по холму с другой стороны, — неуверенно ответил Райнер. — Хотя тогда бы он отозвался... Нет, он находится на корабле.

— Это ловушка? — больше не сдерживая слез, кричала Линда.

— Не знаю, — мрачно ответил Райнер.

— Что, ну что мы можем сделать?

— Ничего.

Последовал очередной, уже весьма сильный толчок, и Линда, не удержавшись на ногах, упала и покатила по склону воронки. Райнер рванулся за ней, рискуя споткнуться о многочисленные камни. Ему удалось поймать девушку прежде, чем она ударилась о корпус космолета.

Подняв Линду, он с тревогой спросил:

— Ты в порядке?

— Да...

— Бежим к флиттеру!

— Нет! Я не оставлю Игора!

— Но где он, где?

— Откуда я знаю? Но отсюда я не уйду!

Землетрясение нарастало, и наконец корпус космолета вздрогнул.

— Господи, да он же уходит под землю! — завопила Линда.

Райнер быстро оценил обстановку. Камни уже потоком сыпались по краям огромной воронки, и еще минута промедления — и они с Линдой просто не сумеют выбраться из этой могилы.

Он схватил девушку за руку и с силой потащил за собой.

— Бежим, пока не поздно!

— Нет! — вырывалась Линда. — Оставь меня, мерзавец! Я останусь здесь, рядом с Игорем! А ты можешь бежать, спасти свою драгоценную шкуру!

Зло выругавшись, Райнер побежал по осыпающемуся склону, безжалостно волоча за собой упирающуюся Линду. Та неожиданно проявила недюжинную силу, стараясь остаться на месте возле постепенно тонущего в недрах холма корабля.

Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка, если бы в корпусе корабля вдруг не распахнулся овальный люк, откуда выскочил Корин. Увидев друзей, он сразу же оценил обстановку и, подбежав к Линде, ухватил ее за другую руку. Девушка по инерции сопротивлялась еще несколько секунд, но, узнав Корина, радостно вскрикнула.

Взобравшись на гребень воронки, Игорь не удержался и взглянул назад. Фюзеляж космолета уже ушел на несколько метров в глубь земли, и теперь из огромной груды камней торчала лишь часть крыла. От сильной вибрации она раскололась пополам, и отколовшийся кусок почти сразу же утонул в потоке камней.

«Второй раунд закончился вничью», — подумал Корин и уже не медля побежал вслед за

друзьями вниз по склону холма, к угрожающе раскачивающемуся флиттеру.

Флиттер поднялся на высоту в несколько сотен метров и, содрогаясь от ударов не на шутку разгулявшегося урагана, сделал два круга над холмом. Оказалось, что мощное землетрясение, как ни странно, носило локальный характер и затухало уже в полукилометре от эпицентра. От корабля пришельцев не осталось и следа, и теперь было трудно поверить, что в глубинах раскаленной каменистой почвы скрыт огромный космический аппарат.

Райнер тихо выругался.

— Глазам своим не верю... — сипло пробормотал он. — Неужели это землетрясение искусственное?

— А какое же еще? — мрачно отозвался Корин. — Так же, как и то, первое, открывшее звездолет в недрах земли.

— Звездолет? — охнула Линда и вновь испуганно взглянула в боковое окно. — Почему именно звездолет?

— Долго рассказывать, — уклончиво ответил Корин. — Пожалуй, пора лететь в джунгли. Но прежде я бы очень хотел отвезти вас назад.

Райнер и Линда дружно запротестовали. Корин выслушал их гневные тирады, а затем со вздохом произнес:

— Господи, да неужели вы не осознаете, в какую серьезную игру ввязываетесь? Надеюсь, вы уже поняли, что мой противник — не миф, не плод разгоряченного воображения? И это не какой-нибудь заурядный мафиози из ЛИМПа, которому я случайно наступил на больную мозоль. Нет, этот таинственный Омен — настоящий титан. И только огромная разница в наших весовых категориях мешает ему быстро уничтожить меня. Не хватало только, чтобы вы оба попали под его удар! А там, в городе, вам ничто не будет угрожать, ручаюсь.

— Это еще почему? — с сомнением спросил Райнер.

— Да потому, что меня там не будет. Неужели не ясно!

— Хм-м... А почему ты назвал этого Икса — Оме- ном? Это, кажется, Немо наоборот?

— Да. Отныне у моего врага появилось имя.

Линда с раздражением вслушивалась в разговор двоих мужчин.

— Да разве в имени дело? — воскликнула она. — Ну что за дурацкое мальчишество! Игорь, может, ты нам все-таки расскажешь, что увидел на корабле пришельцев?

— Расскажу — если вы согласитесь вернуться в город.

— Ни за что, — отрезала Линда. — А Эд пусть летит домой. Его ждут драгоценная женушка и дети.

Райнер погрузился в мысли, вспомнив о своих родных.

— Честно говоря, я рассчитывал не только помочь Игорю, но и ухватить убийцу госпожи Горбове кой за задницу, — признался он.

Линда посмотрела на полицейского уничтожающим взглядом.

— А мы до сих пор не догадались, — ядовито отозвалась она. — Да у тебя на физиономии все написано крупными буквами! Стал бы ты так просто брать две недели в счет отпуска, как же. Нет, ты решил убить сразу двух зайцев: и другу помочь, и свою застоявшуюся карьеру сдвинуть с мертвой точки. Шутка ли — старший инспектор Райнер впервые нашел убийцу на Венере! А Игорю в твоём замысле отводилась роль живца.

Но все обернулось куда круче, чем ты рассчитывал, верно?

Райнер страдальчески поморщился, но ничего не ответил.

Корин сделал тем временем еще один круг над холмом.

— Линда, перестань грызть бравого инспектора, — недовольно произнес он. — Эд на самом деле искренне хотел мне помочь, и не его вина, что события приняли совсем другой оборот. Я сам как дурак надеялся, что мой противник где-то с меня ростом. А это оказался настоящий Гаргантюа...

И он коротко рассказал друзьям обо всем, что произошло на борту космолета пришельцев.

— Теперь вы, надеюсь, от меня отстанете, — закончил он. — Защитить вам меня не по силам, а вот мешать этому чертовому Омену вы будете. И он попросту убьет вас, что сделал чуть раньше с Ольгой. Ради того, чтобы причинить мне дополнительные мучения. Это же совершенно бессмысленно, разве вы не понимаете? Ребята, я вам очень, очень благодарен за попытку помочь, но... но ничего не выйдет. Я поворачиваю флит-тер к причалу, ладно?

На лице Райнера были заметны отголоски мучительной внутренней борьбы. Линда тоже притихла, размышляя.

— Может, тебе следует немедленно улететь с Венеры? — предложила она.

Корин горько усмехнулся.

— Разве от Омена убежишь? Не хватало только подвергать риску пассажиров космолета. Да и не доберусь я до космодрома. Хочу я того или нет, мне остается одно — идти по заранее намеченному им маршруту. Где-нибудь мы с мистером Оменом встретимся, можете не сомневаться, иначе он не стал бы оставлять мне дуэльное оружие.

— И ты надеешься справиться с этим монстром? — спросила Линда.

— Кто его знает... Но если бы у меня совсем не было шансов, Омен не стал бы затевать такую сложную и хитроумную игру. Но это МОЯ игра и МОЯ война... Что ты молчишь, Эд?

Инспектор повернул к нему побагровевшее лицо и неожиданно улыбнулся.

— Ты сам себе противоречишь, Игорь, — сказал он. — Раз у тебя есть какие-то шансы в этой драке, то неужели у нас троих их будет меньше? Если бы этот Омен был изначально неуязвим, я бы, пожалуй, мог отпраздновать труса. Но он не Бог и не дьявол, а потому все остается на своих местах. Этот человек или кто он там — преступник, и я обязан его задержать. Все эти пиротехнические эффекты с загадочным городом и землетрясением впечатляют — ну и что? Может, для мерзавцев такого масштаба уже и обычные законы не писаны?

— А как же семья? — грустно спросил Корин.

— Ты знаешь, сколько полицейских погибло на Венере за один прошлый год? — отпаривал Райнер. — Вот так-то. Мария не вчера узнала, что ее муж — полицейский. Да и чего ты меня хоронишь раньше времени? Ты еще увидишь, как я надену на твоего Омена наручники. Во всяком случае, кое-какие сюрпризы я для него припас.

Корин вспомнил об огромном рюкзаке, который Райнер погрузил в багажное отделение флиттера, и подумал, что Эд не случайно считается одним из самых крутых инспекторов Венерополиса. Он запросто мог притащить в рюкзак и разобранный на части базуку, и еще что-нибудь похлеще.

— Так куда мы летим? — безнадежным голосом произнес Корин.

— Как куда? — удивился Райнер. — Ты же, кажется, решил начать наше путешествие с джунглей? Лично я давно хотел поучаствовать в тамошних сафари, да все времени не было.

Развлекаться так развлекаться, верно, Линда?

Девушка улыбнулась, хотя на ее глазах еще блестели слезы.

— Сафари — это чудесно! — с показным энтузиазмом отозвалась она. — Мне осточертело стрелять в тире по железным мишеням. Я хочу подстрелить дерево- пантеру! У нее такой чудесный мех — все мои подруги умрут от зависти.

Корин улыбнулся и направил флиттер в юго-западную часть далекого плато, одновременно набирая высоту. В глубине души он был рад, что друзья не оставили его, так как пока еще не был готов к тому, чтобы встретиться со своим врагом один на один.

К полудню флиттер опустился на посадочной площадке базы «Венерианский рай» — одной из трех официально зарегистрированных фирм, имевших лицензии на проведение сафари на плато. Разумеется, на планете, где законы существовали в основном лишь на бумаге, туристов не меньше привлекали и несколько десятков больших и малых подпольных фирм, предлагавших гостям все мыслимые и немыслимые наборы экзотических развлечений, и в первую очередь — охоту на растительных животных, заполнявших на плато территорию почти в пятьдесят квадратных километров. Теневики, как и везде, прежде всего скрывались от уплаты немалых налогов, однако привлекали клиентов не столько пониженными ценами, сколько отсутствием каких-либо ограничений в отстреле растений, на который официально существовала довольно жесткая квота.

Понятно, что охотники — организованные и дикие — не давали покоя Службе Спасения. Чуть ли не ежедневно из джунглей поступали сигналы SOS. Пришлось основывать здесь Базу-6, на которой ныне работало более двух десятков спасателей. Руководил этой группой Олег Степанцев, один из троих заместителей Корина — очень талантливый и волевой молодой человек. Хотя, пожалуй, излишне амбициозный.

Подлетая к джунглям, покрывавшим радужным ковром почти треть гигантского плато, Корин связался с начальником Базы-6 по радио и сообщил о своем приезде. Степанцев воспринял это известие без особого восторга, но, узнав, что начальник собрался провести два-три дня в качестве рядового охотника, искренне удивился.

— Игорь Васильевич, да к чему вам это? — спросил он. — Если вы с друзьями хотите отвести душу с ружьями в руках, прошу к нашему шалашу. Лицензию я вам мигом организую. Хотите поохотиться на пятнистого вяза? Или даже на ковра-озеро? Разумеется, все за счет нашей базы. Кстати, и баланс немножко приведем в норму, а то он у нас в первом полугодии больше положительный...

— Нет. Спасибо, Олег Георгиевич, но этот барский шик мне ни к чему, — ответил Корин. — Не привык, знаете, гулять за казенный счет. Да и зачем я вам на базе? Плановая проверка назначена на конец года, и нечего начальству там без дела ошиваться. Сами знаете — хотя я и в отпуске, но ведь не удержусь и начну совать нос во все дырки. К чему вам лишние неприятности?

— Значит, не хотите приезжать к нам в гости, — с видимым облегчением отозвался Степанцев. — Очень жаль, Игорь Васильевич. Мои парни в джунглях разбираются не хуже егерей. Но если вы так решили... Выходите на связь в любой момент дня и ночи, мы будем наготове.

Корин насторожился.

— А что, разве в джунглях сейчас не спокойно? Вроде бы не сезон.

Степанцев вздохнул.

— Это точно — не сезон. Обычно зверушки расходятся ранней весной, в дни гона, и

поздней осенью, когда подрастает молодая поросль и начинает шалить. А сейчас для джунглей — середина лета, глухая, сонная пора. Но кое-где беспокойно. Как говорится, в семье не без урода.

— А именно?

— Игорь Васильевич, вы же в отпуске... А Лехтинену я уже докладывал.

— Ладно, ладно, не упирайтесь, Олег. Что случилось?

Начальник Базы-6 коротко рассказал об исчезновении одной из нелегальных групп, направлявшейся в северную часть джунглей, к Сиреневым скалам. С базой вышел на связь один из горе-охотничков, заблудившийся и отставший от группы в районе Смрадных болот. Когда он чудом все-таки вышел к Сиреневым скалам, то никакого лагеря не обнаружил. Следов недавнего пребывания людей там вообще не было. Затем в его радиофоне, настроенном на специальную частоту, раздались дикие вопли, и вскоре все стихло. На его запросы никто из товарищей не отвечал в течение двух суток, и тогда охотник решил сдать властям и вызвал помощь посредством переносной радиации. Потом на него напал восьмиметровый горный вьюн, и бедняге пришлось взбираться на вершину почти отвесной скалы, где он находится до сих пор, трясясь от вполне понятного страха.

— И что же вы предприняли? — поинтересовался Корин.

— Полчаса назад выслал тарелку к Сиреневым скалам. Но ураган внезапно усилился, и ребятам пришлось сесть на вершине Плешивой сопки. Трое из них на всякий случай остались в машине — а вдруг ветер стихнет? А четверо пробираются к Сиреневым скалам пешком.

Корин удовлетворенно кивнул и взглянул на приборную доску.

— Странно, а здесь, на востоке плато, ветра почти нет — ну, каких-то три балла.

— Такое часто бывает в джунглях, Игорь Васильевич. Здесь общего климата нет, зато полным-полно самых различных микроклиматов. Ученые из Биологической лаборатории объясняют это каким-то таинственным влиянием растений на скорость ветра, атмосферное давление и даже температуру. Я поначалу поднимал их на смех, а теперь, пожив в джунглях год, уже во все готов поверить.

— Ладно, Олег, удачи. Свяжитесь со мной сегодня к вечеру и доложите о ходе спасательной операции. — Корин покосился на заинтересовавшегося Райнера. — И не забудьте поставить в курс дела полицию. Если группа горе-охотников все же уцелела, надо будет надрать задницу егерям-нелегалышкам. Хватит либеральничать, пора сажать этих мерзавцев в тюрьму или вообще высылать с Венеры.

Корин выключил связь и взглянул на ухмыляющегося Райнера.

— Ты чего скалишься? — недовольно спросил он. — Разве я не прав?

— Прав, прав, — хохотнул Райнер. — Только это то же самое, что молот в ступе воду. Мэрия никогда не начнет воевать с нелегальным бизнесом всерьез, иначе ей не выжить даже за бронированными стенами. Могу ручаться, что половину таких левых групп организуют официально зарегистрированные фирмы. Вся их бурная деятельность — только так, дымовая завеса. Настоящие деньги крутят егеря-нелегалы.

— А это мы еще посмотрим, — проворчал Корин. — Что скажешь о «Венерианском рае»?

— При даме предпочту промолчать.

Линда фыркнула.

— Что-то я не замечала, Эд, чтобы ты раньше щадил мои уши. С каких это пор самый

крутой и грубый полицейский инспектор Венеры стал джентельменом?

Райнер примирительно ответил:

— С тех пор, девочка, как я взял двухнедельный отпуск и сел в эту машину.

— Не называй меня девочкой! Тоже мне папаша — всего на десять лет старше.

— О-о, а я и не знал, что тебе семнадцать! Надо сказать, что для этого возраста ты недурно сохранилась.

— Брек, — скомандовал Корин, которому вечная пикировка друзей успела надоесть. — Кончайте свои петушинные бои. Мы, кажется, отдыхать летим. Или вы каждый день ездите на сафари, где одна лицензия стоит двенадцать тысяч баксов?

Райнер широко улыбнулся, сверкнув несколькими золотыми зубами.

— Черт, я и забыл... Да это же уйма деньжищ! Я и не знал, что в Службе Спасения сыпется долларовый дождь.

Корин снисходительно улыбнулся и начал снижение.

— Какой там дождь... Просто пан Ежи Вланевский давно зазывал меня в свой «Рай». Как-никак, я пару раз вытаскивал его фирму из очень больших луж. Думаю, он с удовольствием предоставит нам скидку. Только учтите — в этом чертовом «Раю» надо держать ухо востро. Олег прав, на охотничьих базах что-то нечисто...

Флиттер приземлился рядом с десятком других тарелок и пассажирских флайеров. Охранник в фирменном сине-зеленом скафандре на всякий случай взял автомат наперевес и подошел к «Омеге». На его рябом, круглом лице было написано удивление — таких машин на Венере он еще не видел.

Корин первым спустился по трапу и коротко представился.

Охранник с вежливой улыбкой отдал ему честь.

— Рад видеть вас, мистер Корин, а также ваших друзей. Жаль, что вы не предупредили по. радио хозяина. Господин Вланевский, наверное, захотел бы лично встретить вас.

Корин подмигнул охраннику.

— Я предпочитаю устроить для пана Ежи сюрприз. Он у себя в кабинете?

— Нет, минут пять назад проследовал во второй корпус гостиницы. У нас, знаете ли, последние дни большой наплыв, так что всем службам приходится работать в две смены. Если не секрет, с какой целью вы посетили нашу базу?

Корин добродушно улыбнулся.

— С целью сафари — с какой же еще?

Охранник кивнул.

— Господа, зарегистрируйтесь в первом корпусе. А я пока схожу предупрежу о вашем прибытии хозяина. То-то он будет рад!

Тем временем Райнер и Линда также спустились на посадочную площадку. Им приходилось по два-три раза бывать в джунглях, но чисто по служебным делам, а не ради охоты. Сейчас они получили возможность взглянуть на джунгли иными глазами.

Это было уникальное место, единственное во Внеземелье, где была обнаружена жизнь — не в виде микроорганизмов, а в облике могучих растений, наиболее крупные из которых достигали высоты десяти-пятнадцати метров. Размером они напоминали земные деревья, но внешне больше походили на мхи, лишайники и земные грибы, навроде известных Корину по подмосковным лесам лопастников, строчков и опят. Почти все растения венерианских джунглей отличались мощными, мясистыми стволами и ветвистыми кронами с зонтикоподобными листьями, старательно аккумулирующими мглистый солнечный свет,

едва процеживающийся через плотные, многокилометровой толщины облака. Небелковая, кремниевая основа клеток позволяла растениям недурно существовать на каменистой почве и переносить ядовитый туман, двухсотградусную жару и кислотные дожди.

И все же многое в венерианских джунглях, по мнению ученых, не очень-то подходило к суровым условиям, царящим на планете. Так, ничем нельзя было объяснить их необычно яркую, радужную окраску — ведь никаких животных, птиц или даже простейших насекомых на Венере нет и, судя по всему, никогда не было. Плохо переносили растения и высокую плотность воздуха. Во всяком случае, все попытки биологов посадить их где-нибудь вне плато до сих пор кончались неудачей. Все это и породило гипотезу о том, что венерианские джунгли являются плодом развития пресловутых «спор жизни», попавших в древности на плато при выпадении метеоритного вещества.

Но самым необычным, конечно же, был образ жизни деревьев и кустарников. Из-за малого наклона оси Венера практически лишена смены времен года, но джунгли твердо придерживались своего календаря, в котором присутствовали все обычные для Земли четыре времени года, но только каждый из них длился около сорока земных суток. Зимой и летом обитатели джунглей вели себя в основном как обычные растения, реагируя лишь на атмосферные явления и почти не замечая, скажем, людей и различные машины и механизмы. Весной же они словно пробуждались от спячки и начинали напоминать своей активностью земные хищные растения типа росянок или морских актиний. В этот период джунгли реагировали на все, что движется, хотя ни люди, ни машины им в пищу совершенно не годились. Увы, это было малым утешением для тех несчастных, кто попадал в объятия гигантским деревьям и кустарникам. Прежде чем растения понимали, что пойманный человек не представляет для них интереса, от бедняги оставался лишь кусок окровавленного мяса в изжеванном и перекрученном, словно мокрая тряпка, скафандре. Не лучшей была и судьба вездеходов, попавшихся агрессивным деревьям под горячую ветку.

В осенний же период джунгли переходили в фазу жуткой борьбы за существование. Это было время, когда в преддверии зимы (память о которой, по-видимому, была заложена в растениях на генетическом уровне) обитатели джунглей начинали миграцию в поисках более уютных и плодородных участков почвы. Выдирая корни из щелей между камнями, они проходили по несколько километров, приглядывая новое местечко по вкусу. Как правило, оно уже было занято, и тогда растения вступали в схватки, которые, наверное, ужаснули бы даже земных динозавров. Проигравшие немедленно разрывались на части победителем, а также соседями, обычно соблюдавшими кодекс «двое дерутся, третий — в стороне».

Однако в любом правиле есть свои исключения, и потому даже сонной зимой неудачливый охотник мог напороться на дерево-шатуна. Потому сафари в венерианских джунглях считалось опасным и щекочущим нервы приключением, привлекающим сотни состоятельных людей Земли и Внеземелья. Корин давно собрался попробовать счастья с ружьем в руках, да как-то не находил для этого времени.

И вот сейчас этот давно ожидаемый день настал.

Но какую ему предстоит сыграть роль в предстоящем сафари — охотника или жертвы?

На следующее утро маленькая группа охотников отправилась в путь. Вид у троих друзей был утомленным. Встреча с паном Ежи быстро переросла в пирушку, которая плавно перетекла в бурный вечер с танцами и обильным винопитием. Как на грех, в обоих корпусах гостиницы находилось почти полсотни гостей, прибывших на самое увлекательное в Солнечной системе сафари. Прознав, что на базе появился знаменитый спасатель Игорь Корин с товарищами, светские львы и львицы пожелали провести вечер в их компании. Пан Ежи, как истый бизнесмен, не мог удержаться от соблазна таким образом еще более подогреть интерес к своему заведению, что в условиях острой конкуренции было совсем не лишним.

Корин не смог ему отказать, хотя после бурных событий последних дней предпочел бы просто спокойно отоспаться. Линда тоже имела свои виды на предстоящую ночь и поначалу пришла в ярость, но, узнав, что на предстоящей вечеринке будет немало теле- и кинозвезд, а также известных спортсменов, писателей и прочих сливок земного общества, сменила гнев на милость. К великому удивлению Корины, она пришла в банкетный зал в роскошном вечернем платье. Оказалось, что девушка на всякий случай захватила его с собой.

Райнеру тоже доставило немало удовольствия хоть немного погреться в лучах чужой славы. Он явился в своем полицейском мундире, с изящной тросточкой, моноклем в золотой оправе и с дымящейся трубкой в зубах. Это был явный перебор, но светские дамы сразу же окрестили его «венерианским Мегрэ», пролив целебный бальзам на неутоленное тщеславие старшего инспектора.

Но гвоздем программы был, конечно же, Корин. Во время банкета, устроенного хозяином охотничьей базы за счет заведения, в его честь было поднято немало тостов. Оказалось, что на Земле до сих пор не утихали волны, поднятые крушением тайной империи ЛИМПа. Долгое и явно не случайное молчание мировых СМИ сменилось бесчисленными потоками публикаций, репортажей, телефильмов и даже несколькими киноклассиками. Успели выйти четыре толстых монографии, где ученые — в зависимости от их политической ориентации — пытались возложить ответственность за попытку установления диктаторского режима в Солнечной системе либо на неонацистов, либо на неокommunistов. Как обычно бывает, недостаток фактов с лихвой возмещался домыслами и мифотворчеством. Одним из таких мифов стало преувеличение роли группы «Дельта» в истории с разоблачением и крушением ЛИМПа. Корины и его товарищей было принято представлять как команду суперменов, вставших на защиту демократии с оружием в руках. Анонимных же столпов ЛИМПа беспредельно демонизировали. Дошло до того, что папа римский назвал их слугами дьявола, решившими испепелить родину Христа в адском пламени.

Корина немало повеселили все эти нелепые истории, и он в который раз похвалил себя за мудрое решение перебраться на Венеру, откуда из-за плотной пелены облаков этот фейерверк человеческой глупости попросту не был виден. Где-то к полуночи, когда светская вечеринка все больше начала напоминать пьяный шабаш и когда языки солидных джентельменов и их дам стали понемногу развязываться, Игорю стало ясно, что интерес к его особе был подогрет еще кое-чем.

Оказалось (хотя прямо об этом не было сказано ни слова), что буквально все участники будущего сафари знали о том, что знаменитый спасатель Игорь Корин ныне является

подозреваемым в убийстве своей бывшей возлюбленной. И тем не менее по каким-то неясным причинам он до сих пор не арестован и не посажен в тюрьму. Почему? С какой целью ему разрешили во время следствия спокойно отправиться в путешествие? Почему его сопровождает такая странная парочка — молодая красавица и бравый полицейский? Может, это его сообщники? На Венере произошло уже около сотни убийств, и до сих пор ни одного преступника не схватили за руку. Не к этой ли колоритной троице тянутся кровавые следы?

Во время нескончаемых танцев Корину все это выболтали дамочки разных возрастов и степеней привлекательности. И хотя они пытались говорить недомолвками, их выразительные взгляды досказали всю правду до конца. Да, его **СЧИТАЛИ ПРЕСТУПНИКОМ**, неким венерианским Джеком-Потрошителем. Самые экзальтированные красотки, не сводя с Корина восхищенных, на все готовых глаз, упоминали словно между прочим стивенсоновскую «сладкую парочку», доктора Джекиля и мистера Хайда.

Не сразу, но до Корина все же дошло, почему так обрадовался его появлению старый приятель Ежи Вланевский. Сюда, на базу, съезжаются любители острых ощущений со всего света. Но разве предстоящее сафари на растительные животные и встреча со **ЗНАМЕНИТЫМ УБИЙЦЕЙ** могут сравниться?

Придя в ужас от этой мысли, Корин поспешил ретироваться в свой номер, но не тут-то было! Дамочки буквально облепили его, настойчиво требуя внимания — **ЛЮБОГО** внимания. Мужчины следили за ним с откровенным интересом и, кажется, заключали пари. Кого убьет этот парень ночью? Чью супругу, или дочь, или любовницу?

Вряд ли Корину удалось бы добраться этой ночью до постели, если бы не Линда. Поначалу скромная секретарша купалась в отблесках лучей славы своего шефа и успела пококетничать с десятком-другим блистательных кавалеров, как вдруг заметила вокруг Игоря настоящий «женоворот». Взбеленившись от ревности, она рванулась в бой, который закончился ее полной и безоговорочной победой.

Райнер же успел удалиться в своей номер сразу после второго тура танцев, прихватив с собой в качестве трофея одну юную кинозвезду. Видимо, что-то у них не сложилось, поскольку на место сбора он явился первым, вооруженным до зубов и явно не в духе.

Его встретили двое егерей — двое **ЛУЧШИХ** егерей, как вчера вечером предупредил пан Ежи. Один из них, невысокий светловолосый крепыш Кирк Шеннинг, родился на Аляске и провел весьма бурную молодость, работая егерем, охотился на гризли и белых медведей. Затем в поисках приключений он перебрался в Африку, где в течение почти десяти лет помогал богатым клиентам истреблять слонов, львов и носорогов. Прослышав, что на Венере обнаружено великое множество растительных животных, он потратил весь свой капитал, чтобы добраться до плато Королева, но там с огорчением обнаружил, что идея бизнеса на венерианской охоте уже пришла в головы по крайней мере трем десяткам людей, и куда более обеспеченных, чем он. После безуспешных попыток основать свое дело он попался на организации левого сафари и был вызволен из тюремной камеры своим давним приятелем паном Вланевским. Шеннинг отличался сильным, волевым характером, чисто немецким хладнокровием (его предки были выходцами из Нижней Саксонии) и, что называется, бульдожьей хваткой. Среди егерей он заслужил славу человека, с которым ничего не случается, и пользовался большим доверием хозяина «Венерианского рая».

Его напарник Эжен Лафаер, француз, родом из Марселя, был полной противоположностью своему другу. Худошавый, очень энергичный молодой человек, авантюрист по складу характера, порывистый, непредсказуемый, но в решающие минуты

отличавшийся поразительной расчетливостью и выдержкой. Он любил риск и неожиданные решения, так что сопровождаемым им охотникам-любителям скучать, как правило, не приходилось. Выше всего Эжен ценил артистизм при убийстве венерианского «зверя» и потому обожал превращать сафари в трагикомическое представление, разумеется, с хорошим финалом. Завсегдатаи «Рая», и особенно богатые дамочки, платили бешеные деньги за такого классного егеря, полагая, что остальные его коллеги лишены необходимой изюминки.

Оба егеря пришли, как и следовало, за двадцать минут до назначенного времени и, негромко переговариваясь, на всякий случай проверяли вещи, уложенные в багажник небольшого, обтекаемой формы вездехода. Увидев Райнера, они захлопнули крышку багажника и, представившись, пожали руку своему клиенту.

— Как вы себя чувствуете, мистер Райнер? — полюбопытствовал Эжен. — Надеюсь, вы знаете, что перед началом похода всем охотникам по правилам следует как следует выспаться?

Райнер хмыкнул.

— Не беспокойтесь, парни, я-то выспался, и даже слишком хорошо. Голова вот только побаливает после вчерашней попойки... И все равно здорово вырваться из семейного гнездышка хоть раз в году. Надеюсь, вы меня понимаете...

Егеря рассмеялись.

— Еще как понимаем, — отозвался Кирк. — Среди наших клиентов обычно бывает не меньше половины таких же временных холостяков, причем обоего пола. И честное слово, с ними куда спокойнее, чем с семейными парочками.

— Точно, — подтвердил Эжен. — Молодожены обычно пытаются все время уединиться, словно ЭТО можно делать не снимая скафандров. А пожилые супруги то и дело ворчат — и друг на друга, и на нас, и на весь белый свет... Кстати, а где господин Корин с подругой?

— Наверное, все еще уединяются, — с ухмылкой пояснил Райнер. — Я честно постучал в двери их номеров, но без прокурора вламываться не решился... Ага, вот и они!

Со стороны корпуса к стоянке машин действительно шли Корин с Линдой, о чем-то энергично споря. Поздоровавшись с егерями, Корин спросил:

— И какой же для нас приготовлен маршрут?

Линда выглядела очень сердитой. Кивнув Райнеру, она демонстративно отвернулась, уставившись хмурым взглядом на укутанные серым туманом могучие лишайникоподобные деревья, нависавшие над пятиметровой бетонной оградой. Ветви деревьев колыхались, то ли из-за порывов ветра, то ли просто реагировали на появление людей.

Кирк откашлялся и, достав из висящего на плече планшета пластиковую карту, доложил.

— Пан Ежи предлагает вам недлинный, но очень интересный маршрут номер четыре. Мы пройдем на вездеходе три километра по Главной трассе, затем свернем на лесную тропу, проедем мимо Черных болот и там остановимся на день-два. Согласно лицензии, мы имеем право отстрелить три дерева-быка. Увлекательная это штука, доложу я вам!

Корин с Райнером переглянулись и согласно кивнули. В Венерополисе немало ходило разговоров о буйном, неукротимом нраве этих деревьев, но лишь единицы счастливиц могли похвастаться трофеями в виде ярко-синей пушистой коры, отличавшейся фантастической эластичностью и прочностью. На Земле из коры деревьев-быков шили самые дорогие дамские сапожки, цена которых достигала порой десятков тысяч долларов.

Линда обернулась и уже более приветливо посмотрела на егерей.

— Надеюсь, нам полагается в качестве трофея хоть кусочек коры? — спросила она.

Эжен ответил девушке добродушной улыбкой.

— Разумеется, мисс Лаймен. Во всяком случае, на сапожки вам хватит.

Кирк недовольно взглянул на напарника и добавил свою ложку дегтя:

— Только вряд ли на Венере вам сошьют эти самые замечательные сапожки. Куда проще продать кору перекупщикам, и...

Линда фыркнула, смерив американца презрительным взглядом.

— Как же, нашли дуру, — заявила она. — Не беспокойтесь, в городе при желании можно найти хорошего сапожного мастера. Я за звонким лейблом не гонюсь... А когда мы будем охотиться за деревом-пантерой?

Егеря переглянулись.

— В конце сафари, в районе Сиреневых скал, — сообщил Эжен, указывая на карте участок, расположенный почти в тридцати километрах от базы. — Туда мы поедем на вездеходе через Львиную чащобу.

Корин потряхнул головой.

— Черт, совсем забыл... Ребята, мне надо связаться по радио со Службой Спасения.

Кирк приглашающе указал рукой на кабину.

Эжен тем временем провел пальцем по карте, показывая гостям маршрут предстоящего путешествия.

— Но прежде, чем мы доберемся до дерева-пантеры, нам предстоит увлекательное соревнование на ловкость и силу с Паутинным ковром. Поверьте моему слову, удачей в этой схватке могут похвастаться не многие охотники!

Райнер недоуменно пожал плечами — о Паутинном ковре ему слышать не приходилось. А вот Линда сразу же насторожилась.

— Что значит — удачей? — резко спросила она. — В каком это смысле?

— Во всех, — ухмыльнулся француз. — Да вы не беспокойтесь, мисс Лаймен, в джунглях в эту пору нет смертельно опасных растений. Ну разве что трава-змея и еще кое-что, но встретиться с ними шансов очень мало.

Линда состроила егерю недовольную гримаску.

— Спасибо, утешил, — заявила она. — Эд, ты чего смеешься?

Полицейский инспектор снисходительно похлопал ее по плечу.

— Линда, милая, ты что-то сегодня не в настроении, — сказал он. — Мы же не на пикник направляемся, а на венерианское сафари! Если хочешь поразвлечься, лучше останься в гостинице. Дня через три-четыре мы с Игорем вернемся. Надеюсь, к джунглям ты нашего brave спасателя ревновать не собираешься?

Эжен расхохотался, обнажив красивые, чуть крупноватые зубы.

— Что верно, то верно, — согласился он, — женщин в джунглях не густо. Ну, разве кто из нелегалов отобьется от своей группы — бывали такие случаи. Правда, среди нас, егерей, ходит много дурацких слухов... например, о дереве-Еве. Хотя лично я ничего подобного не встречал.

Линда выразительно показала молодому французцу кулак.

Распахнулась дверца кабины, и Корин с Шеннингом соскочили на землю. Вид у обоих был озабоченный.

— Дела неважные, — сообщил Корин. — Группа нелегалов все еще крепко сидит где-то в районе Сиреневых скал. Тарелка вернулась из-за все усиливающегося урагана, а от

наземного отряда сообщений не поступало со вчерашнего вечера.

Француз сложил карту и спрятал ее в планшет.

— Это бывает, — равнодушно заметил он. — И микроураганов, и микросмерчей здесь хватает. И особенно часто они бушуют именно возле Сиреневых скал, черт знает почему. Насчет радиосвязи... обычная ситуация. Ученые с биостанции толкуют про какие-то излучения деревьев, но это дело темное.

Корин некоторое время стоял, с задумчивым видом пожевывая губы, затем решительно сказал:

— А почему бы нам не начать сафари именно со скал? А на обратном пути займемся всем остальным.

Оба егеря дружно запротестовали.

Так не пойдет, господин Корин, — мягко, но решительно заявил Шеннинг. — Я понимаю, ваша душа спасателя неспокойна, но не надо смешивать работу с развлечением. Здесь, в джунглях, каждый день что-нибудь происходит. То один человек потеряется, то целая группа. На этот случай у нас есть свой отряд спасателей, и на остальных базах — тоже. Если они не справляются, то связываются с вашими парнями и действуют совместно. Но мы, егеря, имеем строжайшие инструкции. Каждый отвечает только за своих клиентов, понимаете? Если мы начнем дергаться из стороны в сторону и реагировать на всяческие вопли о помощи, то и нам, и клиентам каюк. Если вы хотите лететь на помощь нелегалыщикам на вашем замечательном флиттере, это ваше дело. Только предупреждаю: ни черта вы не найдете!

Француз поддержал его.

— Это точно. Да и стоит ли рисковать головой ради проклятых нелегалыщиков? Среди них каждый второй — заурядный контрабандист, а остальные и того хуже. Я понимаю, у ваших парней работа такая — всех вытаскивать из дерьма, но я так считаю: деревья чувствуют, кто к ним приходит в гости. И всякому отребью умеют давать отпор.

Линда с интересом взглянула на него.

— Скажите, Эжен, а вы любите джунгли? — вкрадчиво спросила она.

Молодой егерь слегка зарделся.

— Ну конечно, мисс Лаймен. Да все егеря любят. Здесь без этого нельзя. А охота... ну, это как санитарная рубка земного леса, понимаете? Поначалу, конечно, здесь много дров в дугу нарубили, но теперь лицензии без визы Биологической лаборатории не получишь. И по-моему, очень правильно.

Корин размышлял. Служебный долг боролся со здравым смыслом. Конечно, был большой соблазн одним броском преодолеть на «Омеге» расстояние до Сиреневых скал и там самому возглавить ход операции по спасению нелегалыщиков. Но вряд ли Олег Степанцев будет в особом восторге от появления своего непосредственного начальника. Он может расценить это как акт недоверия, да и рядовые спасатели не очень-то любят действовать под двойным контролем.

И потом, он сейчас в отпуске. А мистер Омен вполне может начать дуэль именно в джунглях — более подходящего места трудно придумать.

— Ладно, — наконец махнул он рукой. — Сдаюсь.

Райнер заметно повеселел, а Линда послала Корину воздушный поцелуй.

Через пару минут вездеход, громя гусеницами по гранитным плитам, выполз за ворота базы и, свернув направо, въехал в джунгли.

Корину трижды приходилось бывать по долгу службы в венерианских джунглях во время самых сложных спасательных операций, но всегда ненадолго и не покидая салона тарелки. Как ни странно, внешне очень опасные и даже жутковатые заросли растительных животных считались в Службе Спасения довольно спокойным местом. Да, неприятности тут случались нередко, порой охотники получали ранения и даже гибли, но никаких глобальных стихийных бедствий вроде землетрясений, могучих ураганов или извержений вулканов здесь замечено не было. Нечасто тут встречались и сорви-головы, которых было хоть пруд пруди возле Большой расщелины, свинцовых морей и, конечно же, на склонах венерианского Эвереста. Настоящие хлопоты приносили лишь нелегалычики, но они давали о себе знать, естественно, лишь в случаях крайней необходимости. Зато специфика работы в джунглях была особой, и Корин это остро почувствовал, пытаясь покомандовать группой своих спасателей в те три опрометчивых прилета. Его советы, разумеется, вежливо выслушивались, но каждый раз у начальника Спасательной Службы складывалось малоприятное ощущение, что Олег Степанцев и его парни попросту пропускали их мимо ушей и действовали исходя из своего личного опыта.

Проехав вдоль бетонной ограды, вездеход свернул на трассу. Это была довольно широкая, отлично укатанная дорога, ровная, словно стрела. По обе ее стороны стояли бетонные столбы, между которыми были натянуты кабели толщиной в руку. Из-за густого тумана стволы деревьев разглядеть не удавалось, но наверху серые облака рассеивались, и было видно, что мощные лохматые кроны нависают над столбами, не заходя за их ряды.

— Это что, линия электропередач? — с интересом спросила Линда, сидевшая вместе с Кориным и Райнером на широком заднем сиденье.

Шеннинг, управляющий машиной, усмехнулся.

— Ну что вы, мисс. Это защитные барьеры. Биологи из лаборатории обнаружили, что наши зверушки не очень-то любят электромагнитные поля определенной структуры. Возможно, на той планете, откуда они прибыли, подобные поля возникали во время каких-то катаклизмов — может, землетрясений или еще чего похуже. Эти поля — единственное, чего зверушки побаиваются, да и то не всегда. Скажем, во время весеннего гона их и бластером не остановишь.

Райнер полюбопытствовал:

— Интересно, а как вы сотворили в джунглях такую чудесную трассу? Неужто вырубали все подряд?

Шеннинг даже крикнул от удивления.

— Вырубали? Да побойтесь Бога, мистер Райнер!

Если бы здесь начали махать топорами, джунгли бы разъярились и смели нашу базу, словно карточный домик. Нет, тут нужен другой, деликатный подход. Сначала мы протянули через чащобу оба кабеля, затем включили ток и начали осторожно разводить их в стороны. Деревья понемногу отступали, и таким образом образовалась просека. Ну и жуткая работенка, доложу я вам! Деревья нервничали, часто вступали в схватки — свободного пространства ведь в джунглях мало, никому неохота уступать свой ареал. Людям тоже порой доставалось. Помню, на меня ни с того ни с сего бросилось дерево-слон...

Егерь спохватился и замолчал.

— И на что он вам наступил? — с живым интересом спросил Райнер.

— Вообще-то в джунглях трепаться вредно для здоровья, — неохотно отозвался Шеннинг. — Здесь надо держать ухо востро.

— Потому мистер Лафаер и сидит в кормовом отделении в обнимку с пулеметом? — усмехнулся Корин.

— А как вы думали? Зверушки кодексам чести не обучены и любят нападать сзади... А вот и мой старый приятель. Полнобуйтесь: дерево-слон!

Шеннинг притормозил возле очередного бетонного столба и кивнул направо. Пассажиры дружно посмотрели в эту сторону. Поначалу они ничего не увидели из-за тумана, но когда порыв ветра немного рассеял серую пелену, перед их взорами на несколько секунд приоткрылось приземистое, с чудовищно толстым стволом дерево, немного напоминающее земной баобаб. Кора его была ярко-желтой, покрытой крупными шишкообразными наростами, крона — шарообразной, листья напоминали длинные конусообразные трубки. Ветви мягко колыхались, и сразу было заметно, что причиной этого являлся отнюдь не ветер.

— Узнал, паршивец, — добродушно произнес Шеннинг и трижды нажал на клаксон, приветствуя старого знакомого. — Иногда в выходные дни я приезжаю к этой зверушке, привожу всякую всячину. Не поверите, но он просто обожает сахар! Бывало, протянешь на ладони несколько кусочков рафинада, а он опускает одну из своих ветвей и берет сахар бахромистыми концами трубки, словно губами. Ну, как жеребенок, честное слово! Зато если он не в настроении, к нему лучше не подходить. Соседним деревьям здорово от него достается, все корни им оттоптал, черт неуклюжий...

Линда восторженно захлопала руками.

— О-о, да это же чудесно! Кирк, выходит, ваших зверушек можно приручать?

Шеннинг покачал головой и вновь нажал на педаль газа.

— Нет, мисс. Уж больно у деревьев сложный характер. И потом, они две трети года проводят в растительной спячке, и за этот период из их кремниевых мозгов начисто вылетает все такое, не заложенное природой в генетической памяти. Потому весной и осенью мне приходится с моим слоненком как бы заново знакомиться, да еще держать при этом нос по ветру: а вдруг зверушке захочется пободаться?.. Та-ак, а теперь взгляните налево — отличный экземпляр куста-волка..

Райнер и Линда слушали Егеря с неподдельным интересом, а Корин, откинувшись на спинку мягкого сиденья, полузакрыв глаза и позволил себе расслабиться. Почему-то он чувствовал себя на удивление спокойно и комфортно. Теперь он уже почти не жалел, что друзья не поддались на его уговоры и не вернулись в город. Конечно, было бы куда лучше, если бы его сопровождали товарищи по «Дельте», но и Райнер стоял в опасной ситуации троих. В Управлении он считался образцовым полицейским, цепким, дерзким и, если нужно, — беспощадным. Местные торговцы наркотиками и дельцы игорного бизнеса от него просто стонали, и ничто — ни крупные взятки, ни кулаки, ни угрозы не могли заставить этого, казалось бы, заурядного инспектора поднять кверху лапки. Среди друзей Эд прослыл крепким орешком. Наверное, потому он и не сделал до сих пор достойной для своих дарований карьеры.

Линда... это, конечно, другое дело. Ввязывать девушку в свои разборки с мистером Оменом Корин не собирался. Но без нее странным образом возникало чувство одиночества. Ольгу он вродебы любил куда сильнее, но три года разлуки пережил довольно спокойно. А

вот без Линды почему-то чувствовал себя словно в воду опущенным. И если бы не постоянное ощущение надвигающейся грозы, он был бы сейчас почти счастлив.

— Все, трасса кончилась, — чуть хриплым голосом произнес Шеннинг и притормозил. Корин немедленно открыл глаза и огляделся.

Вездеход стоял на краю большой поляны, заросшей мелким кустарником. Свободное пространство со всех сторон окружали белые трубчатые деревья, напоминающие морские актинии. Их бесчисленные суставчатые ветви беспокойно шевелились. Временами от корней до вершин то одного, то другого растения прокатывалась волна, напоминавшая судорогу.

— А это что за представление? — удивился Шеннинг. — Эжен, ты видишь?

— Вижу, — отозвался молодой француз. — Что-то этих зверушек сегодня беспокоит. Может, ураган надвигается?

Шеннинг взглянул на барометр, расположенный в приборной доске, и кивнул.

— Точно. Давление быстро падает. Надо уносить отсюда ноги. Пассажиры, пристегнитесь! Сейчас мы поскачем, словно на мустанге.

Как оказалось, егерь ничуть не преувеличивал. С окончанием трассы закончилась и хорошая дорога. Вездеход взревел и, разбрасывая гусеницами вееры камней, помчался через поляну к одному из нешироких прогалов, где начиналась малонаезженная просека. Никаких защитных кабелей здесь и в помине не было, но через каждые тридцать-сорок метров по обеим сторонам дороги возвышались невысокие столбы с шарообразными нащепками. Возможно, они также были призваны держать деревья подальше от дороги, но никто из пассажиров не рискнул сейчас спрашивать об этом водителя. Все знали, что такое венерианские ураганы, и никому не хотелось в очередной раз испытывать судьбу.

Насчет мустанга Шеннинг тоже отнюдь не преувеличивал. В отличие от трассы эту дорогу вдоль и поперек пересекали сотни стелющихся корней. Титановые гусеницы безжалостно перемалывали их, разбрасывая в обе стороны волокнистые клочья, но тряска возникла ужасная. Линда вцепилась в руку сидевшего рядом Корина и тихо постанывала после самых сильных толчков. Мужчины терпели, лишь изредка упоминая дьявола и его слуг.

Поначалу казалось, что такая спешка излишняя, но вскоре в зеркале заднего обзора стало видно, как над недавно покинутой поляной туман стремительно сгущается, на глазах превращаясь в черные грозовые тучи. Деревья по обеим сторонам дороги качались словно сумасшедшие, сгибаясь чуть ли не до земли. Наконец где-то над поляной сверкнула первая молния, скромная по венерианским меркам, но чудовищная с точки зрения землян. Раскат грома в плотной атмосфере произвел впечатление разорвавшейся неподалеку бомбы. За ним последовал второй, третий... Водитель выжимал из машины все, что мог, пытаясь уйти от грозы, но ливень все-таки настиг вездеход. Когда по стеклолитовой крыше кабины застучали первые капли серного дождя, Шеннинг выругался и затормозил.

— Не успели, — уныло заявил он. — Черт побери, не хватило каких-то десяти-пятнадцати секунд!.. Эжен, раздай охотникам оружие.

— Ого, — негромко промолвил Корин. — Выходит, мы уже не просто пассажиры?

— Да. Увеселительная прогулка кончилась. Лучше бы, конечно, нам в грозу не попадать, тем более что до Черных болот осталось километров пять, не больше.

— А что нам угрожает? — полюбопытствовала Линда.

— Посмотрим, — коротко ответил егерь.

Сзади распахнулась дверца, и через нее протиснулся Лафаер, держа в руках три

охотничьих ружья. Это были автоматические карабины, стреляющие специальными разрывными пулями. Опыт показывал, что двух-трех попаданий в ствол дерева обычно хватало, чтобы удержать его на безопасной дистанции от человека, разумеется, за исключением периода весеннего гона, когда деревья становились почти нечувствительными к физическим воздействиям такого рода. Как оружие охоты карабины годились лишь в случае стрельбы по кустарникам и уступали охотничьим лучевым ружьям и бластерам во всех отношениях, кроме одного: в сильный туман и тем более во время дождя лазерные лучи становятся малоэффективными. Француз раздал карабины и вновь скрылся в кормовом отсеке.

Шеннинг пояснил:

— Обычно в это время года деревья настроены довольно миролюбиво. Но вот кислотные дожди для них — далеко не сахар. Вряд ли на их родной планете с неба льется подобная едкая дрянь. Если ливень продлится больше трех минут, зверушки начнут раздражаться. И тогда карабины нам могут очень пригодиться. Только чур — стрелять исключительно по моей команде.

Трое охотников молча кивнули и дружно передернули затворы своих карабинов. Все они побывали не в одной передрыге и потому не собирались излишне нервничать.

К счастью, гроза столь же быстро завершилась, как и началась. Микроураган продолжал еще буйствовать несколько секунд, но потом внезапно стих и превратился в ливень. Черные облака рассеялись, и наступила оглушающая тишина.

Шеннинг шумно вздохнул и инстинктивно поднял руку, чтобы стереть пот со лба, но, вспомнив про шлем, разразился смачным проклятием.

— Простите, мисс Лаймен, — опомнившись, извинился егерь. — Как-то случайно с губ сорвалось...

— Ничего, я вас понимаю, — натужно улыбнулась заметно побледневшая девушка. — Была бы мужчиной, тоже помянула бы сейчас всех святых... Хорошо, что возле Венерополиса нет таких ураганов!

— Это точно, — хрипло отозвался Райнер. — Дьявол, до чего хочется курить... Может, снимем на пару минут шлемы, а? Я с собой захватил пачку сигарет.

Корин оживился — ему тоже хотелось слегка отвести душу. Но егерь упрямо помотал головой.

— Нет, господа. Когда встанем лагерем у Черных болот, разобьем палатки — тогда травитесь, сколько угодно. А сейчас расслабляться рано... Ну, поехали.

Кислотные потоки еще продолжали бурлить на узкой дороге, неся с Собой бесчисленные мелкие камешки и обрывки листьев, но их глубина уже не превышала нескольких сантиметров. Окружающие машину деревья тоже приходили в себя. Они начали с протяжным скрипом распрямляться и отряхиваться, словно собаки, поднимая облака брызг и не обращая внимания на проезжающий мимо вездеход.

— Э-эх, уходит самое драгоценное время для охоты, — с сожалением произнес Шеннинг, постепенно увеличивая скорость. — После сильного дождя у зверушек одна забота — побыстрее высохнуть. Сейчас даже к дереву-быку можно запросто подойти и подергать его за хвост... Эжен, как там дела?

— Все вроде бы нормально, — прозвучал в радиофонах голос француза. — Никто пока не преследует. Один раз за нами сдуру помчался куст-волк, да вляпался корнями в поток и вернулся на место.

Шеннинг пояснил:

— У зверушек есть дурная привычка бросаться сзади на все движущееся. Поэтому кто-то постоянно должен находиться в кормовом отсеке возле турели... А теперь взгляните вот на это чудо.

Слева от дороги открылась небольшая поляна, заросшая по краям невысокими суставчатыми деревьями, чем-то похожими на бамбук, но со стволами толщиной около полуметра и странным пузырем у основания пышных, словно у пальм, ветвей, венчающих дерево на почти десятиметровой высоте.

— Это деревья-богомолы, — объяснил Шеннинг. — Ученые из Биологической лаборатории полагают, будто эти зверушки по организации ближе других к животным. Вот те полупрозрачные пузыри наверху ствола играют роль и рта, и желудка.

— Рта? — удивился Корин. — Выходит, в джунглях все-таки водятся птицы или насекомые?

Шеннинг хохотнул.

— А что, в городе ходят такие слухи? — спросил он с довольной улыбкой. — Признаюсь, это я их распускаю. Просто так, для интереса. И потом — надо же заманивать на базу новых клиентов... Глядите, глядите, сейчас будет небольшое представление.

Через дорогу рядом с вездеходом довольно шустро перебежал невысокий серый куст, почти шарообразный, с тонкими червеобразными ветвями. Добравшись до поляны, он мигом запустил короткие цепкие корни в почву и потянулся ветвями к островку синей травы.

— Куст-заяц, — почему-то шепотом произнес Шеннинг. — Их в этих местах видимо-невидимо...

Деревья не шелохнулись, делая вид, будто появление зайца их нисколько не заинтересовало. Куст тем временем быстро разделался с травой и перебежал к другому синему островку, затем к третьему...

Неожиданно одно из ближайших суставчатых деревьев с шумом согнулось, повернувшись вокруг одного из своих суставов, словно это был шарнир. Пальмообразные ветви хлестнули зайца с такой силой, что бедняга несколько раз перекувырнулся, беспомощно суча корнями в воздухе. Он попытался было бежать, но богомол деловито подгрел зайца ветвями к лежащему на земле пузырю и неспешно заглотнул широким конусообразным ртом.

— Фу, — брезгливо фыркнула Линда, не отводя тем не менее глаз от удивительного зрелища. — Первый раз вижу, как эти твари пожирают друг друга... А для человека эти ваши богомолы опасны?

— Вообще-то на крупную добычу они обычно не нападают, — ответил егерь. — Рот маловат. Но однажды охотники нашли в лесу сдохшего богомола — его со всех сторон облепили кусты и рвали на части. Оказалось, что в желудке дерева лежал... человек! Личность его так и не удалось установить — видно, кто-то из нелегалов. Желудочный сок у богомолов будь здоров, посильнее серной кислоты, но скафандр, естественно, взять не смог. Парень попросту задохнулся, когда кончился кислород в баллонах... Но как он попал в этот бурдюк — вот в чем вопрос.

Корин насторожился.

— А мои парни знают об этих богомолах? — спросил он.

— А как же. Ваш Олег Степанцев — мужчина обстоятельный. Раз в неделю обязательно прилетает в Биологическую лабораторию, да и с нашим братом-егерем любит поболтать за кружкой... то

есть чашкой чая. К тому же среди ученых дамочек есть такие курочки... еще раз прошу прощения, мисс.

Поляна богомоллов осталась позади, и вскоре начался довольно крутой спуск. Дорога петляла среди деревьев, то сужаясь, то вновь широко расходясь в стороны. Туман стал светлее и прозрачнее, и трое охотников оживленно крутили головами, показывая друг другу все новые и новые деревья, одно причудливее другого. Заметно уставший егерь сосредоточился на скользкой дороге, лишь изредка реагируя на особенно восторженные реплики клиентов.

Сделав очередной крутой поворот, машина внезапно затормозила. Ремни безопасности сделали свое дело, но Райнер больно прикусил язык и сразу же сообщил об этом водителю в весьма нелестных для последнего выражениях.

— Просту прощения, — озадаченно пробормотал тот, глядя вперед. — Что за дела?.. Эжен, ты видишь?

— Ничего я не вижу, — сердито отозвался француз. — Глаз на затылке пока нет.

— Надо выйти. Возьми с собой на всякий случай пулемет.

— Даже так? Ладно, пошли. Давно пора поразмяться.

Не сказав пассажирам ни слова, Шеннинг вынул из «бардачка» бластер и, откинув вверх боковую дверцу, выбрался наружу. Корин с Райнером переглянулись и, взяв карабины, последовали за ним.

Слева от дороги, рядом с грудой Камней, виднелся очередной металлический столб с шаровидной верхушкой. Он был вырван из каменистой почвы, невероятным образом перекручен и брошен на придорожную траву.

Оба егеря подошли к останкам столба, озабоченно оглядываясь по сторонам. Лафаер держал наперевес длинноствольный пулемет и тихо ругался по-французски. Корин с Райнером подошли к егерям.

— Что случилось? — спросил Корин. — Кто его так?

Шеннинг обернулся. Глаза у него стали мутными, лицо — красным и потным.

— Похоже, дерево-бык... Точно, оно! Гляди, Эжен, какие борозды на земле остались. Семь глубоких и шесть мелких. Бык-шатун, ясное дело.

Француз нервно передернул затвор пулемета, вглядываясь в буро-зеленые заросли.

— И какого дьявола эта скотина так далеко ушла от Черных болот? — спросил он. — Жрать ей там, что ли, стало нечего? Но столб... зачем бык напал на столб? Не помню, чтобы зверушки нападали на нашу систему дорожной защиты.

— И я не помню, — отозвался Шеннинг. — Гляди, дорога уже начинает затягиваться!

Действительно, присмотревшись, мужчины заметили, что деревья, растущие по обе стороны дороги, медленно, очень медленно, но все же двигались друг к другу, используя мощную корневую систему, как ноги.

— Надо вызвать дорожных мастеров, — озабоченно заявил Шеннинг. — Пускай ставят новый столб... а то и два, иначе на обратном пути мы здесь можем и не проехать. А этого быка надо бы разыскать. Чего удумал — крушить систему защиты!

Оба егеря казались не на шутку встревоженными. Когда все четверо мужчин вернулись в вездеход, Шеннинг первым делом связался с базой и доложил о происшествии. Ответа он толком не расслышал, поскольку внезапно началась сильная радиобуря — вещь обычная для джунглей.

Вездеход продолжил спуск по крутой извилистой дороге и через несколько минут

выехал на ровное, открытое пространство, окруженное со всех сторон лесистыми холмами. Почти треть его занимало знаменитое Черное болото — единственное место на Венере, где была найдена вода, хоть и изрядно разбавленная серной кислотой. В этой своеобразной долине царил свой, уникальный микроклимат, с постоянными несильными ветрами и температурой, редко превышающей сто градусов по Цельсию — дикий холод по венерианским меркам. Деревья почему-то избегали этого места, а из кустарников здесь прижились лишь несколько видов. Зато на берегах болота буйно росли черная копьеподобная трава и огромные, трехметрового диаметра фиолетовые лопухи на высоких граненых ножках.

Линде долина сразу же не понравилась. Поморщившись, она спросила:

— И что же, мы будем жить на этой пролысине?

Шеннинг удивленно взглянул на пассажирку.

— А чем вам здесь не нравится, мисс? Это единственное место в джунглях, где в палатках можно себя чувствовать почти в полной безопасности. Не то, что на обычных полянах — там от деревьев можно ожидать всего. А здесь Черное болото действует на зверушек лучше любой электромагнитной защиты. И климат как на французской Ривьере. Хоть снимай скафандр, купайся и загорай!

Девушка не восприняла эту шутку.

— Вот видите — даже деревья этого места боятся, — заявила она. — И наверное, не зря. Игорь, ну что ты молчишь?

Корин предостерегающе поднял руку. С соседнего холма в долину спустилось странное косматое дерево и стало наискосок пересекать равнину, держась в сторону от болота. В отличие от своих собратьев оно двигалось держа синий ствол параллельно земле и опираясь на многочисленные толстые сучья. Короткие белые корни торчали впереди, а сзади тянулся длинный шлейф змеевидных светло-зеленых ветвей.

— Дерево-бык! — догадался Райнер. — Линда, не скули. Ты только взгляни на этого красавца. Кажется, ты хотела получить его кожу на новые сапожки?

Недовольное выражение на лице девушки немедленно исчезло. Она взвизгнула от восторга и, схватив карабин, вскочила с сиденья.

— Я хочу охотиться! — крикнула она. — Держу пари, что свалю быка тремя... нет, двумя выстрелами в голову! Кирк, что же вы медлите?

Егерь рассмеялся.

— Мисс, я бы дорого дал, если бы кто-нибудь показал мне, где у этой зверушки находится голова. И есть ли она у быка вообще. Одно я знаю твердо: стрелять с такого расстояния по дереву совершенно бессмысленно. Охота на него — тонкое дело. Впрочем, Эжен вам все объяснит, он мастер в таких делах.

Линда сердито топнула ногой.

— Но до быка всего метров сто пятьдесят! Я запросто попадаю с такого расстояния мухе в глаз. Игорь, подтверди!

Корин кивнул.

— Это точно, Линда стрелок прекрасный, не нам с Эдом чета. Может, разрешим ей попытать счастья?

Поколебавшись, Шеннинг остановил вездеход и откинул вверх боковую дверцу. Линда встала во весь рост и взяла на мушку неторопливо трусящего вдали быка.

— Куда стрелять? — хладнокровно осведомилась она.

— В основание ствола, примерно на полметра выше корневой системы, — неохотно сказал Шеннинг. — Там есть такие округлые выступы... Если поразить три из них, то у быка возникает нечто вроде паралича. Э-э, да что толку говорить! Отсюда выступы все равно не различишь. Мисс Лаймен, вы хоть представляете, какую поправку надо ввести в прицел при таком ветре и давлении воздуха?

Линда презрительно фыркнула и легкими движениями пальцев настроила механический прицел. Затем она почти без пауз выстрелила пять раз.

— Мимо, — констатировал Шеннинг. — Только человек с орлиными глазами и стальными руками может отсюда...

Дерево зашаталось, слегка замедлив бег. Затем оно начало отчаянно мотать корнями, словно бы пытаясь сбросить с себя назойливых насекомых. Движения быка выглядели все более и более неуверенными, и наконец мощное дерево рухнуло на землю, сломав часть своих ног-ветвей.

Корин рассмеялся.

— Недурно для начала, Линда, — сказал он. — Правда, я считал, что ты обойдешься четырьмя выстрелами.

Райнер молча взял свободную руку девушки и, наклонившись, прижался к ней стеклом шлема, выразительно чмокнув.

— Целую ручку, мадам, — галантно произнес он. — Я делаю вам официальное предложение: бросайте этого сквалыжного спасателя и переходите на службу к нам, в Управление. Будете учить нашего брата-полицейского, с какой стороны у ружья находится ствол. А уж если они научатся хоть немного стрелять, наш полковник произведет вас в генералы!

Неожиданно со стороны кормы послышался грохот выстрелов — француз все-таки пустил в ход пулемет.

Сразу же посерьезневший Шеннинг схватил свой карабин и выскочил наружу. За ним последовали все трое охотников. Корин и Райнер еще не успели толком осмотреться, как егерь и Линда, взяв навскидку карабины, начали стрелять в сторону стены из низкорослых белых деревьев.

Лагерь было решено разбить метрах в двухстах от Черного болота, среди редких кустов-ежей. Их острые, почти метровой длины иглы создавали вокруг двух палаток нечто вроде изгороди, пусть и с заметными прогалами. По словам егерей, ежи отличались добродушным характером, но могли дать отпор кому угодно. И это было совсем не лишним, поскольку в лесу ощущалось беспокойство.

Несмотря на выразительные взгляды Линды, егеря разместились в одной палатке, меньшей, а охотники — в другой, побольше. Когда насосы сделали свое дело и жесткость надувной конструкции стала достаточной, чтобы выдерживать давление воздуха, трое друзей с облегчением сняли надоевшие скафандры. Собрать надувные койки было минутным делом, и охотники, несмотря на голод, улеглись, чтобы прийти в себя после пережитых неприятных минут.

Там, на склоне, им пришлось выдержать нешуточный бой. К изумлению егерей, около двух десятков деревьев повели себя очень агрессивно, а некоторые попросту напали на вездеход и его пассажиров. Это были небольшие, не более пяти метров высоты, экземпляры — молодежь, как назвал их Лафаер. Возможно, их растревожила необдуманная стрельба, затеянная Линдой. Не исключалось, что убитый ею бык мог быть одним из лидеров местного сообщества. Одно было несомненно: деревья явно пытались не только прогнать непрошенных гостей, но и столкнуть машину с обрывистого склона.

Поначалу град пуль остановил их, но затем юнцы, словно бы посоветовавшись, двинулись в решительное наступление. Остальные деревья на склоне, к счастью, не поддерживали своих молодых собратьев, но все же пришли в неопишное волнение. Тысячи ветвей раскачивались, словно от порывов бешеного ветра, и это было страшно. В воздухе висел жуткий шум и треск. Не выдержав, Лафаер выхватил из-за пояса бластер, но более опытный и хладнокровный Шеннинг успел остановить его. Когда наступление юнцов было остановлено, Шеннинг приказал всем немедленно вернуться в машину и погнал вездеход по извилистой дороге с такой скоростью, что всем стало не по себе. Тем не менее спуск в долину прошел успешно. Когда машина остановилась неподалеку от Черного болота, оказалось, что джунгли уже успокоились. На склонах было все по-прежнему, только от дороги, ведущей к базе, не осталось и следа.

Встревоженный Корин попросил егерей немедленно связаться с базой, что те и сделали. Увы, в эфире царил такой свист и шум, что ни о каких радиопереговорах и речи не могло идти.

— Такое впечатление, будто в джунглях наступила весна, — озабоченно сказал Шеннинг. — Перед началом гона такие штучки случаются. Но сейчас, зимой.

— Может, нам не стоит здесь задерживаться предложил Райнер... — Черт с ними, с этими быками. Одного Линда свалила — хватит ей на сапожки. Линда я бы хотел побыстрее выбраться из этой долины. Вот затянет и выездную дорогу, мы окажемся словно в ловушке. Как считаешь, Игорь?

Корин колебался, и вместо него ответила Линда. Глаза девушки сияли от возбуждения — она давно мечтала пострелять всласть! Боязливые рассуждения Райнера она отвергла напрочь.

— Не знала, что вы, полицейские, такие трусы, — безапелляционно заявила Линда. —

Еще не хватало драпать из джунглей, поджав хвосты! Мы приехали сюда не загорать на пляже, а охотиться. Подумаешь, деревья немного пошалили. Так даже интереснее. Это же не тир с бумажными мишенями, чтобы им провалиться!

Райнер приложил руку к груди.

— Линда, девочка, я же не о себе беспокоюсь...

— О себе я сама могу побеспокоиться, — отрезала девушка. — Первый раз я дорвалась до сафари и уезжать отсюда с пустыми руками не собираюсь!

Оба егеря смотрели на нее с явным восхищением.

— Мисс, вы просто молодец, — прочувственно заявил Лафаер. — Если бы вы знали, как мы с Кирком устали от нервных дамочек... На базе все они — настоящие амазонки, с утра до вечера только и щебечут про то, как они охотились в Африке на львов. А стоит нашим зверушкам проявить характер, дамочки сразу же падают в обморок. Нет, господа, венерианские джунгли — это не луна-парк, здесь получить удовольствие от охоты могут лишь рискованные люди. Впрочем, если мистер Корин считает, что нам надо возвращаться...

Корин протестующе махнул рукой.

— Ну уж нет. После города мне и в жерле вулкана будет казаться тепло и уютно. Может, направимся сразу к убитому быку?

Но егеря дружно запротестовали. Существует определенный порядок, заявили они. Сначала надо разбить лагерь, перекусить, часа два отдохнуть, а затем можно заняться охотничьими делами. Тем более что стрельба из машины строго запрещена и на ближайшие два дня у них останется одно средство передвижения — ноги.

...Лежа на мягкой, пружинистой койке, Корин старался ненадолго задремать, но у него ничего не получалось. В который раз он укорял себя за то, что не смог отбиться от назойливой помощи Райнера и особенно Линды. Одному путешествовать было бы куда спокойнее. А теперь буквально все выходящее за рамки обыденного казалось ему знаком надвигающейся беды. Волнение в джунглях могло быть вызвано множеством причин, но как отделаться от мысли, что это — привет от Омена? Этот человек — если он, конечно, человек — мог на самом деле оказаться всесильным, словно дьявол. Возможно, он умел даже каким-то образом управлять джунглями. Если деревья взбунтуются и пойдут всерьез в атаку, никакие пулеметы и бластеры их не удержат. И эфир они легко перекроют помехами, так что никто не успеет прийти на помощь маленькой группе.

Но как же тогда понимать найденное в космолете дуэльное оружие? Нет, это не было случайностью. Рано или поздно ему, Корину, придется встретиться со своим могущественным противником один на один. А джунгли не очень-то подходят для дуэли. Вряд ли Омен выбрал такое шумное и в общем-то людное место в качестве своей обители. Другое дело склоны вулкана Лема. Чем черт не шутит, может, они уже встречались — в те час сорок три минуты, которые начисто выпали из его, Корина, памяти? Или он попросту провалился в заурядную хронотрещину? Должны же они быть на Венере... Хотя до сих пор ни одной не обнаружено.

Корин обрадовался, случайно выйдя на другую, благодатную почву для размышлений. Он страшно устал от мыслей о таинственном Омене, о бедной Ольге и ее убийце, как две капли воды похожем... «Стоп, — сказал он себе. — Я хотел порассуждать о природе хронотрещин. Очень приятная и полезная тема».

Физическая природа этих расколов в пространстве-времени уже почти раскрыта.

Работы Стельмаха, Ярокавы и Ван Майера заложили солидный фундамент современной хронофизики. Наука наконец-то получила мощный внутренний толчок и после застоя конца двадцатого века стремительно стала продвигаться к основе основ — теории единого поля, некогда оказавшейся не по плечу самому Эйнштейну. А на горизонте уже смутно сияли такие вершины, как провременной двигатель, который мог бы раскрыть перед человечеством Вселенную, и пресловутая «машина времени», и прочее, прочее...

Одно только оставалось совершенно неясным — откуда эти самые хронотрещины появились. И когда. И почему. И по какой причине они начали расползаться по Земле. Прежде их вроде бы было несравненно меньше: ну, некоторые зоны в знаменитом Бермудском треугольнике, ну, район в сибирской тайге, куда провалился Тунгусский метеорит... Подобных нечистых мест на Земле, если верить данным истории, было не более двух-трех десятков... Впрочем, планета раньше была мало заселена, а об океанах и обоих полюсах и говорить нечего.

Еще более странным представлялось то, что пока — разумеется, только пока — хронотрещины были обнаружены лишь на трех планетах: Земле, Марсе и Меркурии. Остальные миры Солнечной системы исследованы куда меньше, и хронофизики до сих пор возвращались оттуда с пустыми руками. На Луне же явно ничего подобного не встречалось.

Одно время были модны теории, по которым причиной нарушения провременного поля служили какие-то изменения в недрах Солнца. Затем начали дружно грешить на недра планет. Кое-кто из молодых хронофизиков стал увязывать появление хронотрещин с жизнедеятельностью разумных существ: в далеком прошлом — марсиан, а ныне — людей. Очень много надежд возлагалось на Венеру, где так же, как и на Меркурии, марсиане некогда вели активную добычу полезных ископаемых. Но хронодатчики здесь пока молчали...

И вот новая находка — звездолет. Можно представить, какой подымется шум, когда Корин вернется в Венерополис и сообщит там о сенсационной находке. И даже если он захочет промолчать, либо Райнер, либо Линда непременно проговорятся. Пока они выполняют условия уговора и держат рты на замке, но останавливает их лишь страх за него, Кори́на. Омен явно имеет отношение к звездолету — скорее всего это ЕГО корабль! Излишний шум вызовет раздражение этого всемогущего, а возможно даже, и бессмертного существа, поставившего себе цель с помощью марионеток из Лиги Мирового Правительства взять под диктаторский контроль всю Солнечную систему. Зачем? Из чистого властолюбия? Или система Солнца располагает чем-то очень редким, имеющим высокую цену в Галактике? Но чем? Люди, которых можно использовать в качестве рабов на далеких планетах? Чушь. Земные технологии? Очень сомнительно. Природные ресурсы? Хм-м, вряд ли в Галактике есть проблема с полезными ископаемыми. Что же тогда привлекает внимание таинственного галактического диктатора? Разве что...

Неожиданно ожил стоявший на полу карманный радиотелефон.

— Немедленно надевайте скафандры, берите оружие и выходите! — послышался взволнованный голос Шеннинга. — Быстрее!

Линда мигом вскочила с койки — она, так же как и Корин, не сомкнула глаз. Зато мирно посапывающего Райнера пришлось изрядно потрясти, прежде чем он с великой неохотой продрал глаза.

— Что случилось? — промямлил инспектор. — Уже пора на службу?

Линда, не стесняясь в выражениях, объяснила, куда пора пойти bravому полицейскому.

Тот сразу же пришел в себя и тоже стал торопливо натягивать скафандр.

Через несколько минут трое охотников уже стояли. возле своей палатки, держа наготове карабины. К их удивлению, палатка егерей оказалась пуста и вездехода в маленьком лагере тоже не было.

Загадка разрешилась очень просто. Из-за зарослей черного камыша выехал вездеход и на всех парах помчался к лагерю. Известие, которое привезли егеря, поначалу ни на кого из охотников особого впечатления не произвело.

— Что? — переспросил недовольный Райнер. — Подстреленное дерево исчезло? Ну и хрен с ним. Было из-за чего будить людей.

Корин проворчал, опуская карабин:

— Эд прав. Не вижу причин для аврала. У меня только-только в голове появились дельные мыслишки, а вы их спугнули. Пойду полежу часок-другой, может, меня еще раз осенит...

Линда так взглянула на спасателя, что тот осекся.

— Ну и охотнички эти мужики! — с презрением воскликнула она. — Один только и мечтает о мягкой подушке, другой ударился в размышления о мировых проблемах... У меня кто-то украл добычу, ясно вам? Я что, зря палила из карабина, руки белые ломала? Ну и черт с вами, возвращайтесь в палатку и дрыхните, коли больше ни на что не способны. Егеря — не вам, лежебокам, чета, это настоящие мужчины. Кирк, поехали, пока этот чертов бык не успел убежать далеко!

Шеннинг криво усмехнулся.

— Боюсь, вы не поняли меня, мисс. Бык не убежал. Его утащили сородичи. Следов на земле осталось сколько угодно, а в них мы с Эженом разбираемся.

Настал черед недоумевать Линде.

— А в чем проблема? — спросила она. — Раз раненный мною бык не смог уйти сам, тем проще его будет догнать. Да и заодно пристрелить парочку его друзей. Кажется, у нас есть лицензия на отстрел трех быков?

Егеря мрачно переглянулись.

— Мисс Лаймен, вы не поняли, — проникновенным голосом объяснил Лафаер. — Это же не звери, а всего лишь деревья. Порой они действительно ведут себя словно животные, но это кажущееся сходство. Ученые давно установили, что разума у местных растений не больше, чем у земной росянки. И никакого коллективного разума у них тем более нет, хотя на эту тему было одно время много спекуляций. И потом — разве земные животные, кроме обезьян или китов, способны действовать таким образом?

Линда нахмурилась.

— Ну... не знаю. Наверное, нет. Я не зоолог.

— И мы не зоологи, — продолжил Лафаер. — Но мы не один год провели в этих проклятых джунглях и можем утверждать: НИКОГДА еще местные зверушки не вели себя так. Понимаете — никогда! Наоборот, они действовали обычно как акулы, которые миглом разрывают на части раненого собрата. Однако почему-то на этот раз произошло иначе. Быки впервые действовали словно люди, и это нас с Кирком беспокоит.

Райнер выразительно поднял палец.

— Я же говорил, — многозначительно заметил он. — У меня, как у любой полицейской ищейки, очень развит нюх на всяческие неприятности. Тем более что необычные вещи происходят не только у вас в джунглях...

Он выразительно взглянул на Корина. Тот тихонько чертыхнулся.

— И какая здесь связь? — сердито спросил он. — Не вижу никакой связи.

— А я вижу, — посерьезнел Райнер.

И он очень коротко рассказал о двух странных землетрясениях вблизи Свинцового моря и о находке древнего звездолета. Об убийстве Ольги Горбовской и о таинственном Омене Райнер умолчал.

Лафаер присвистнул от изумления.

— Ого... — пробормотал он. — На этой планетке никогда не было особенно скучно, но теперь, похоже, начнется нечто вроде бесконечного бразильского карнавала...

Шеннинг обвел охотников испытующим взглядом, словно проверяя, не насмехаются ли над ним, и с досадой ударил себя рукой по бедру.

— Только этого не хватало. Звездолет пришельцев! Но почему вы не сообщили об этом в город? Да вас же ученая братия линчует! Впрочем... если вы воспользуетесь рацией нашей базы, пан Ежи возражать не станет. Если пару раз упомянете в сообщении про наш замечательный «Венерианский рай», то отныне и вовеки веков вас здесь будет ждать бесплатное сафари и целая куча отборных лицензий...

Корин с улыбкой похлопал Шеннинга по плечу.

— Вы отличный работник, Кирк, и можете не сомневаться, что я при случае расскажу об этом пану Ежи. Но, с вашего разрешения, до конца нашей охоты я все-таки сохраню этот секрет.

— Почему, черт побери? — воскликнул раздосадованный американец. — Это же золотое дно...

— Не хочу оказаться в дураках, — объяснил Корин. — Очень может быть, что при раскопках того холма ученые не найдут вообще ничего. Например, там может внезапно открыться хронотрещина... Затем она закроется, и никакие хроноизлучатели ее не возьмут.

Шеннинг пытливо взглянул на него.

— Я знаю, мистер, вы были известным хроноспасателем, и вам, конечно, виднее... — медленно произнес он. — Но почему вы так в этом уверены?

Вместо Корина ответил Райнер.

— Да потому, что быки впервые унесли своего раненого товарища, — объяснил он. — И я предлагаю начать их преследование. До звездолета нам не добраться, тут я с Игорем согласен, но за эту ниточку с внезапно поумневшими деревьями надо, пока не поздно, потянуть. Что скажешь, Линда?

— Всегда готова, — отозвалась, девушка и выразительно передернула затвор карабина.

Егеря вовсе не разделяли энтузиазма своих подопечных. Однако после того, как очередная попытка связаться с базой не удалась, они сдались. Единственное, от чего они напрочь отказались, — это идти по следам быков на вездеходе.

— Господа, это против наших правил, — заявил Шеннинг. — Понимаю, ситуация складывается, мягко говоря, необычная, но за такие штучки нас с Эженом могут запросто вытолкнуть взащей с базы.

— И к тому же вездеход нам особо не поможет, — поддержал своего напарника Лафаер. — Вы же сами видели, среди деревьев здесь на машине не очень-то поездишь.

Никто с егерями и не спорил.

Минут через двадцать, нагрузив рюкзаки запасными кислородными баллонами и другими припасами, маленький отряд выступил в путь. С собой решено было взять весь

наличный арсенал, за исключением тяжелого ручного пулемета. Корин, не сказав никому ни слова, положил в карман свой «дуэльный пистолет».

Шеннинг повел охотников на северо-восток, в обход Черного болота. Он то и дело поглядывал на небо, где облака заметно потемнели и опустились. Начал накрапывать редкий дождь, но ветра почти не было, а это означало, что в ближайшее время вряд ли можно ожидать начала урагана или грозы.

Копьевидный тростник встретил людей странным волнением. По черным зарослям прошла одна волна, затем другая... Несколько молодых особей, выдрав корни из земли, выдвинулись в сторону отряда, изгибаясь, словно вставшие на хвост кобры.

Замыкавший колонну Лафаер тихо присвистнул от удивления.

— Ну и ну... — пробормотал он. — Кажется, все зверушки здорово нервничают. Кирк, может, сегодня сильная магнитная буря?

Шеннинг проворчал:

— Не знаю. Вроде солнце не должно быть особо активным... Что-то я прежде не замечал, чтобы джунгли реагировали на такие вещи.

— Зато я реагирую, — отозвался Лафаер. — У меня всегда в дни магнитных бурь побаливает голова. Черт, да она и точно болит! Надо было в лагере выпить пару таблеток.

Трое охотников помалкивали. Волнение в тростниках произвело на всех сильное впечатление, особенно на Линду, которая до ужаса боялась змей. Девушка судорожно сжимала в руках карабин и старалась смотреть в сторону от болота, на далекий, густо заросший деревьями склон. Райнер сосредоточенно посасывал псевдосигарету — белую палочку с отличным табаком и специальными добавками, разлагающими табак без огня и дыма, совершенно незаменимую для заядлых курильщиков в скафандрах. Споткнувшись о камень, он выронил из губ сигарету и разразился проклятиями.

— Давно пора усовершенствовать шлемы, — заявил он, отведя душу. — Для мужчин надо прямо под стеклом устраивать портсигары.

— А для женщин — косметические наборы, — с улыбкой отозвался Корин. — С помадой, аэрозольными духами и тушью для ресниц. Только чем всем этим добром управлять — носом, что ли?

— Почему носом? — удивился Райнер. — Снаружи шлема надо установить маленькую панель управления. А что? Нажмешь на кнопку — и из гнезда портсигар появляется сигарета. Или помада. Нажмешь еще раз — и все это исчезает. Линда, ты хотела бы сейчас подкрасить свои очаровательные губки?

— Я бы с удовольствием подкрасила твой чудесный глазик, — мрачно отозвалась девушка. — И обошлась бы без всякой помады. Нашел время трепаться!

Райнер легкомысленно ухмыльнулся.

— Ну, зачем так грубо? — укоризненно промолвил он. — Охота должна быть веселой, с шутками и прибаутками. Мы же не на войну идем, в самом деле! Я, например, знаю массу охотничьих анекдотов.

— И я тоже, — заявил шедший за ним Лафаер.

— Приличные? — с подозрением спросила Линда.

— Разумеется, — хохотнул француз. — Да и как же иначе — ведь у этих замечательных зверушек нет половых органов в нашем понимании. Ведь у них все как у растений. Но с опылением при венерианской жаре и кислотной атмосфере большая проблема. Наверное, потому они и устраивают нечто вроде гона. Вы бы только видели, мисс, какие битвы за

деревья-самки устраивают слоны или те же быки! Но если в этот момент им под ветку попадается хорошенькая девушка, то они, невзирая на скафандр...

— Перестань трепаться, — прервал француза Шеннинг. — Анекдоты будем травить в лагере, за чашкой пунша. Дамы и господа, а вам я бы посоветовал получше глядеть под ноги. Место здесь каменистое, и его обожает трава-змея. Да и болото тоже не подарок. Порой из него выползает черт знает что... даже вспоминать неохота.

Миновав Черное болото, отряд вышел на равнину, кое-где заросшую мелким бурым кустарником. Дождь прекратился, и потому Шеннинг легко нашел следы быков — множество неглубоких борозд, тянувшихся на другую сторону долины, к скалистым, крутым склонам.

Остановившись, Шеннинг указал рукой в их сторону.

— Быки — самые редкие деревья в джунглях, — заявил он. — И они не имеют в отличие от многих других постоянного ареала. Ученые установили с помощью специальных радиопуль, что бык даже в глухой летний период перемещается за стандартные сутки на двести-триста метров. Порой встречаются и быки-шатуны, эти запросто могут отмотать за день и по два-три километра. Думаю, тот бык, которого так ловко подстрелила мисс Лаймен, как раз и относится к таким бродягам-одиночкам. Злобные же, доложу вам, создания! Во время гона от них просто спасу нет, нападают на всех без разбора, кроме самок, конечно.

— Но почему же тогда такому шатуну помогли его собратья? — любопытствовал Корин. — Казалось бы, беднягу должны разорвать на части, а его унесли, словно раненого генерала...

Он замолчал, недовольный тем, что проговорился, но было уже поздно. Шедшая впереди Линда внезапно остановилась и, резко повернувшись, спросила:

— Генерала? Что ты имеешь в виду, Игорь?

Тот попытался отшутиться.

— Только то, что шкура подбитого тобой быка, наверное, из хромовой кожи и ты сошьешь сапожки госпожи генеральши.

Линда смерила его холодным взглядом.

— Очень смешно, просто обхохочешься. Но ты не сапожки вовсе имел в виду. Неужто ты думаешь, что твой Омен сколачивает из деревьев войско и готовится бросить его на нас?

Корин облизал пересохшие губы.

— Побойся Бога, Линда, — как можно убедительнее произнес он. — Тебе уже сто раз объясняли: у этих деревьев нет разума! Никто не может ими управлять.

— Но тот бык...

— При чем здесь бык? Любой спасатель знает: джунгли — дело темное. Вот сейчас возле Сиреневых скал происходит что-то непонятное. Скажешь, тоже Омен постарался?.. Впрочем, если хочешь, я с удовольствием отвезу вас с Эдом в город хоть сегодня.

— Еще чего! — фыркнула девушка. — И не кипятись. Спросить, что ли, нельзя?

Оба егера с интересом вслушивались в их пререкания.

— Что за Омен? — спросил Лафаер. — Объединение международных наркодельцов? Я слышал, что эта организация уже подбирается к джунглям. Что-то их разведчики здесь нашли... то ли травку какую-то, то ли листья... Говорят, очень способствует увеличению дальности наркополетов, чуть ли не до двух недель полной отключки.

— Нет, это другой господин, — сдержанно ответил Корин. — У Линды появилась

мания преследования, только и всего.

Судя по выражениям лиц, этот уклончивый ответ явно не удовлетворил егерей, но они не стали пускаться в расспросы.

Пройдя около двух километров, маленький отряд подошел к серым скалистым склонам. Между каменных массивов виднелось узкое, довольно крутое ущелье, ведущее наверх, в джунгли. Следы быков терялись на каменной осыпи, но было ясно, что деревья ушли этим путем.

Шеннинг замялся, стоя у подножия ущелья. Ему почему-то явно расхотелось подыматься наверх.

— Что с тобой? — удивился Лафаер. — Мы же с тобой двадцать раз совершали подъем по ущелью. Конечно, здесь случаются осыпи, но если идти аккуратно...

— Не в этом дело, — поморщившись, ответил Шеннинг. — Я просто не могу представить, как быки шли этим путем, да еще с таким грузом.

Француз развел руками.

— Да мало ли чего мы с тобой не можем представить! Они здесь поднялись, это факт. И понятно, почему — до ближайшей подходящей для подъема расщелины километра два, не меньше.

— Верно — если идти отсюда. Но от того места, где был подбит бык, до обоих ущелий приблизительно одинаково. Почему же они пошли именно сюда, где запросто можно переломать себе все корни?

— А черт его знает, — раздраженно отозвался француз. — А почему муравей тащит травинку к себе в муравейник, тупо перебираясь через все препятствия? Пыхтит, бедняга, надрыгается — а ведь стоило бы ему отойти чуть в сторону, нашлась бы дорога и полегче.

— Муравей? — с иронией спросил Шеннинг. — А вот ответ: ты бы какой подъем выбрал, если бы за тобой гнались охотники? Этот, потруднее, или соседний, полегче?

Поразмыслив, Лафаер пробормотал:

— Пожалуй, этот...

— Почему же?

— Ну... Разве от опытных охотников убежишь? Зато оттуда, со скал, запросто можно сбросить на головы преследователям камни — там их до черта лежит. А тех, кто уцелеет, снесет к чертовой бабушке осыпь.

— Вот видишь!

Лафаер уставился на друга, а затем выразительно покрутил пальцем возле шлема.

— Ты чего, Кирк? Перегрелся, что ли? Или поверил всерьез рассказам мисс Лаймен про некого Омена, управляющего джунглями?

Шеннинг только отмахнулся от него.

— Чушь, конечно же, нет. Но факт остается фактом: наши зверушки ведут себя сегодня как-то странно. И радиосвязи с базой нет. А камней на вершинах этих скал действительно навалом. Если как следует толкнуть корешком хотя бы один из них...

Лафаер поднял глаза к горе, что-то шепча, затем хлопнул себя рукой по бедру и молча стал подниматься по склону. Райнер немедленно увязался за ним, но француз, заметив это, обернулся:

— Стойте пока там, внизу. Когда поднимусь, настанет ваша очередь.

Райнер неохотно повиновался.

Егерь не прошел и полусотни метров, как с одной из скал сорвался крупный валун и с

протяжным грохотом рухнул на дно расщелины. Осыпь дрогнула и ожила.

Шеннинг в ужасе крикнул:

— Эжен, возвращайся! Быстрее!

Но было уже поздно. Мощный поток сбил егеря с ног и за считанные секунды засыпал его толстым слоем камней.

Четверо стоявших внизу людей едва успели отбежать в сторону, иначе и им бы несдобровать.

Когда оползень кончился, все, не произнеся ни единого слова, бросились на поиски Лафаера.

Его удалось откопать лишь через четверть часа.

Стекло шлема было разбито вдребезги. Стоградусная жара и дикое давление сделали из лица француза жуткое кипящее месиво.

Линда долго рыдала, стоя на коленях. Ее тело содрогалось в конвульсиях, и Корин ничем не мог ее успокоить. Он сидел рядом на корточках и терпеливо гладил девушку по спине, но металл скафандра сводил на нет все его попытки утешить подругу. Он отлично понимал, что Линду ужаснула не только гибель Лафаера. Как-никак, она провела два года в группе спасателей и навидалась всякого. Увы, смерть на Венере выглядела куда страшнее, чем, скажем, на Земле или на Марсе, но и к этому можно было привыкнуть.

Конечно же, Линду потрясло то, КАК погиб егерь. До сих пор все разговоры с всесильным враге Корина она воспринимала как совершенно абстрактные предположения. Даже загадочное появление из недр холма останков звездолета, а затем не менее таинственное его исчезновение Линда не связывала напрямую с Оменом. Но сейчас все сомнения рассеялись.

На Шеннинга было страшно смотреть. Внезапная гибель друга потрясла его так, что он откровенно растерялся. Зато Райнер преобразился. От его флегматичного благодушия не осталось и следа. Отпуск, так толком и не начавшись, плавно перетек в его обычную, будничную работу полицейского.

Пока Шеннинг бестолково суется возле тела погибшего, инспектор развязал оба рюкзака, которые несли егеря, и нашел там то, что искал — объемистый сверток с четырьмя мешками-саванами. Таков был обычай, принятый во всем Внеземелье и особенно четко исполнявшийся на горячих планетах — Меркурии, Венере и Луне. С помощью Корина полицейский умело упаковал тело француза в саван и подключил к его клеммам плоскую батарею. Через несколько минут мини-холодильное устройство савана должно было сработать, и останки бедного егеря могли сохраняться в замороженном состоянии в течение не менее двух недель.

Разумеется, если за эти две недели егерь и трое охотников доберутся до базы...

Когда тело Лафаера застыло, Корин и Шеннинг подняли его на плечи и понесли к лагерю. Об охоте на быков никто не вспоминал. Люди вообще больше не разговаривали. Сейчас важно было одно: побыстрее вернуться к вездеходу и вызвать по радио тарелку. А если этого не удастся сделать — что было вполне возможно, — самим выбираться из долины. Рассуждения на тему: что, как и почему откладывались.

Время от времени мужчины менялись, поскольку нести тело, да еще с рюкзаками за спиной, оказалось совсем нелегким делом. Линда окончательно скисла, и ее порой приходилось вести за руку. Она не произнесла ни слова, но по ее покрасневшим, воспаленным глазам было ясно — она уже не верила в то, что им удастся выбраться из джунглей.

Дойдя до лагеря, мужчины первым делом погрузили тело Лафаера в багажное отделение вездехода, а затем Корин с Райнером стали торопливо разбирать палатки, а Шеннинг забрался в кабину и в очередной раз попытался связаться с базой. Эфир вновь был наглухо забит помехами, и егеря это ничуть не удивило. Он уже не сомневался, что джунгли восстали против них.

После недолгого совещания было решено не тратить понапрасну сил и времени, пытаться вернуться на базу прежним путем, а направиться по дороге в сторону Сиреневых скал. Даже если спасатели уже покинули те места, можно будет попробовать взобраться на вершину

скалы с радиопередатчиком и вызвать оттуда помощь. В случае неудачи все равно останутся два пути к спасению — на юг, в сторону Биологической лаборатории, и на восток, к базе спасателей.

Однако сначала нужно любым способом выбраться из долины, превратившейся в ловушку.

Шеннинг погнал машину на северо-восток, в сторону пологого склона, по которому вверх вела извилистая дорога. Склон густо покрывали радужного цвета кустарники шаровидной формы. Заметив приближение машины, они в испуге отпрянули от дороги, катясь по земле, словно мячи. Никто из пассажиров прежде не видел таких растений, но вопросов егерю не последовало. Охота кончилась... или, вернее, она только что началась, но дичью были уже они сами, а где-то неподалеку, наверное, стоял Охотник, держа в руках огромных размеров карабин...

Двигатель натужно загудел на подъеме. Титановые гусеницы стали пробуксовывать, сердито разбрасывая по сторонам камни. Если бы сейчас разразился сильный ливень или начался ураган, участь людей оказалась бы печальной — вездеход попросту могло снести с дороги назад, на дно гигантской чаши. Но ничего подобного не произошло, и спустя полчаса машина, тяжело въехав на вершину холма, остановилась.

Впереди плотной стеной стояли сотни приземистых деревьев-слонов с могучими стволами и мощными, узловатыми корнями. Несмотря на довольно сильный ветер, их кроны почти не колыхались, и это странное затишье казалось неестественным и угрожающим. Однако дорога была не затянута джунглями, и серебристые столбы с шаровидными верхушками выглядели нетронутыми.

Шеннинг еще раз попытался связаться с базой, и вновь с нулевым результатом.

— Придется сворачивать на дорогу, — хриплым голосом произнес он. — Другого пути нет.

— Но эти деревья... они выглядят угрожающе, — тихо сказала Линда.

— Они всегда так выглядят.

— А если дружно набросятся на нас со всех сторон... они смогут смять вездеход?

— Как жестянку из-под пива, мисс.

— Ну что ж, тогда поехали.

Корин взял карабин, пачку патронов и открыл дверцу.

— Пожалуй, я посижу на крыше, — сказал он.

Райнер кивнул и, тоже вооружившись, последовал за спасателем. Шеннинг хотел возразить, но только безнадежно махнул рукой. Он знал, что разъяренных слонов не остановишь даже бластерами, но понимал обоих мужчин: в такой ситуации хуже всего бездействие.

Линда молча открыла заднюю дверцу и, согнувшись, прошла в кормовое отделение. Это решение далось ей нелегко — ведь рядом, за тонкой стенкой, лежало замороженное тело Лафаера.

— Мисс, а вы умеете стрелять из пулемета? — вдогонку крикнул Шеннинг, но девушка даже не удостоила его ответом.

И началась гонка по джунглям. Обоим мужчинам, сидевшим на крыше салона, пришлось привязать себя к скобам наружного багажника, чтобы не свалиться на крутых поворотах. Они настороженно вглядывались в джунгли, готовые при малейшей угрозе открыть огонь. Однако деревья вели себя спокойно, даже слишком спокойно, и все же Корин не мог отделаться от ощущения, будто за ними следят сотни холодных, недоброжелательных

глаз.

Спустя час стена деревьев стала редеть, дорога вновь начала подниматься, петляя среди невысоких холмов. То там то здесь на склонах виднелись черные жерла пещер. Возле самых больших тянулись черные полосы словно бы пропаханной плутами земли.

— Это Львиная чащоба, — сказал Шеннинг. — Будьте внимательны, в пещерах живет всяческая дрянь вроде кустов-львов. Но без нужды не стреляйте!

Первые холмы вездеход преодолел без проблем, но тут, словно по команде, из пещер высыпали рыжекрасные растения-шары, с длинными иззубренными шипами на концах ветвей. Они ничем не походили на земных львов, кроме разве агрессивности. Волей-неволей охотникам пришлось открыть стрельбу. По совету егеря они целились в самый центр шаров, где пряталась округлая вершина короткого ствола. Действительно, при удачных выстрелах кусты-львы рассыпались, словно земные шары-одуванчики на ветру. Особенно крупный урон нападавшим наносил пулемет Линды, но те и не думали уgomониться и десятками рвались к вездеходу. Несколько львов погибли под широкими гусеницами, а двум или трем даже удалось взобраться на крышу после неожиданно высоких прыжков. Корин и Райнер сожгли их бластерами, лишь чудом избежав ударов острых шипов.

Наконец холмы остались позади, и рыже-красные шары неохотно стали возвращаться в свои пещеры.

Райнер смачно выругался и принялся перезаряжать карабин.

— Ничего себе охота, — процедил он сквозь зубы. — Кирк, эти дьяволы всегда такие озлобленные?

— В это время года — нет, — отозвался егерь. — Обычно нужно провести день-два, прежде чем удастся выманить из пещер хоть несколько штук... Мисс Лаймен, вы просто молодец. Так хладнокровно стрелять из пулемета сможет не каждый мужчина.

— А я не «каждый мужчина», — глухо отозвалась девушка. — Игорь, как дела?

— Нормально, — ответил Корин и по давней привычке приложил руку к стеклу шлема и стал вглядываться в даль, словно ему мешало яркое солнце. — Кирк, там вдали — Сиреневые скалы?

— Они самые. Часа через полтора мы до них доберемся.

— Связи по-прежнему нет? — спросил Райнер.

— Нет.

Проехав несколько километров, вездеход остановился на развилке. Правая дорога вела к скалам, а левая — к Белому холму, на котором располагалась Биолaborатория. Корин, мучимый неприятными предчувствиями, предложил именно этот путь, но Шеннинг решительно воспротивился.

— Во-первых, до Белого холма на пять километров дальше, — заявил он. — А во-вторых, этот район джунглей — далеко не подарок. Там есть такие лощины и овраги, что деревья запросто могут взять нас в кольцо.

Корин возразил:

— Кирк, по-моему, вы несколько преувеличиваете. Если бы джунгли и в самом деле хотели уничтожить нас, они запросто могли бы сделать это, натравив на нас слонов.

— Но львов же на нас явно кто-то натравил!

— Да, — неохотно согласился Корин. — Но эти кусты вряд ли могли с нами справиться. У меня сложилось впечатление, что они... ну, словно бы играли роль охотничьих псов. Может, нас просто загоняют в какую-то особо изощренную ловушку? Эд, ты что думаешь об

этом?

Райнер колебался, поглядывая то на далекие скалы, у подножия которых клубился туман, то на дорогу, ведущую к Биолаборатории.

— Кирк, а вы уверены, что, поднявшись на скалы, мы сможем с кем-нибудь связаться? — с сомнением спросил он. — А вдруг эфир забит помехами и на высоте двухсот метров тоже?

Егерь чертыхнулся.

— Я прожил в джунглях пять лет, — проникновенно сказал он. — Видел их всякими — и сонными, и активными, и даже разъяренными. В различные переделки попадал не раз. И всегда следовал одному правилу: надо выбраться из чащи на малозаселенное зверушками место и залезть повыше на какую-нибудь скалу с радиопередатчиком, их природные «генераторы» довольно слабы, это давно установлено. На большой высоте они с нами ничего сделать не смогут. Но если мы сунемся в самую чащу... А насчет того, что нас загоняют именно к скалам, я отвечу так: на кой черт тогда джунгли оставили в покое дорогу к Биолаборатории? Если хотите, это куда больше похоже на ловушку.

В разговор вмешалась Линда.

— Не нравится мне все это, — резко заявила она.

— Что именно? — спросил Корин.

— Да все не нравится. Но Сиреневые скалы особенно. Игорь, помнишь, сколько из тех мест приходило просьб о помощи? Только за прошлый год раз пятнадцать. То нелегалы заблудятся, то скалолазы попадут в страшную грозу, то тарелка упадет где-то рядом в джунглях... Помнишь, как Олег Степанцев клял Сиреневые скалы на чем свет стоит? Он называл их не иначе, как большим дерьмом. Нет уж, поедem к Биолаборатории. Люди — это не скалы, они всегда помогут.

Шеннинг недобро рассмеялся.

— Вы так считаете? — с иронией спросил он. — Пойдемте, я вам кое-что покажу. Да и размяться пора.

Оружие можете оставить. На развилке всегда тихо, словно в могиле.

— Размяться — это вы неплохо придумали, — оживился Райнер. — У меня аж вся задница онемела от этой бешеной тряски.

Оставив карабины, Корин и Райнер спустились с крыши салона и, встав на землю, сделали несколько разминочных движений. Дверца кабины распахнулась, егерь прыгнул на землю и, приглашающе махнув рукой, зашагал в сторону джунглей. Чуть позже из машины вышла Линда. Вид у нее был усталый и раздраженный.

— Нашли время для прогулок, — проворчала она, однако все же пошла вслед за друзьями, настороженно поглядывая по сторонам.

Подойдя к приземистому, бочкообразному дереву с кроной, похожей на индюшачий хвост, егерь обернулся и, похлопав по упругому стволу, спросил:

— Ну так что, к Сиреневым скалам или нет?

Трое друзей недоуменно переглянулись.

— Мы предпочли бы Биолабораторию, — мягко объяснил Райнер и внезапно выхватил из расстегнутого кармана бластер.

Но Шеннинг опередил его.

Голубой луч рассек полицейского инспектора пополам. Линда дико закричала и бросилась вперед, стараясь закрыть Корина своим телом.

Егеръ выстрелил второй раз, прицелившись себе в голову.

Корин и Линда стояли некоторое время, словно громом пораженные. Затем спасатель бросился к вездеходу и вскоре вернулся, неся в руках два савана. Линду била нервная дрожь, но на этот раз девушка не уронила ни слезинки.

Они как смогли упаковали обе части тела Райнера. То же самое пришлось сделать и с останками егеря, начисто лишившегося головы. Вид у обоих тел был настолько ужасен, что даже привыкшего к смерти Корина замутило. Линда неумело помогала ему, потом обессиленно опустилась на землю, закрыв стекло шлема руками.

Корин перенес останки в вездеход и уложил рядом с телом уже одеревеневшего Лафаера. Вернувшись, он присел на корточках рядом с Линдой.

— Нам надо ехать, — произнес он каким-то чужим, незнакомым самому себе голосом.

После долгого молчания Линда тихо спросила:

— К Сиреневым скалам?

— Да.

Девушка кивнула и с помощью Корина поднялась на ноги.

Они забрались в кабину вездехода. Игорь уселся в кресло водителя и нажал педаль газа. Машина нехотя сдвинулась с места.

Линда тем временем неумело пыталась включить передатчик.

— Не стоит, — мягко посоветовал Корин.

— Не стоит... А что делать? — бесцветным голосом спросила Линда. — Ехать, склонив голову, словно скот на бойню?

— Ты что-то хочешь предложить? — отозвался Корин, постепенно увеличивая скорость.

— Нет... но это же унижительно — ощущать себя настолько беспомощными!

Корин кивнул, не отрывая глаз от неровной, каменистой дороги.

— В этом-то все и дело, — глухо произнес он. — Омен, кто бы он ни был, хочет прежде всего унижить меня и причинить боль. А когда я начинаю трепыхаться и проявлять упрямство, он попросту уничтожает близких мне людей. И делает это, надо признать, с большой долей выдумки и фантазии, демонстрируя свои неограниченные возможности.

Линда всхлипнула, но удержалась от слез.

— Упрямство... Ты имеешь в виду отказ ехать к Сиреневым скалам?

— Не только...

И Корин рассказал о своем путешествии к вулкану Лема, о странном провале в памяти и о том, что человек, убивший Ольгу, был как две капли воды похож на него самого.

Линда слушала, не перебивая. Казалось, ее уже ничто не могло поразить.

— Выходит, Ольга погибла из-за того, что ты проявил упрямство? — спросила она почти безразличным тоном.

— Похоже. Я ничего не помню о том, что делал, но не сомневаюсь, что был там, на склоне вулкана. Возможно, Омен чего-то требовал от меня, но я отказался. И тогда мой враг послал на плато моего двойника, и заварилась вся эта ужасная, кровавая каша. Сейчас я вновь попробовал проявить своеволие, и Омен убил Райнера руками егеря.

— Егеря... Выходит, Кирк находился под контролем Омена с самого начала нашего путешествия?

— Наверняка. Лафаер его хорошо знал и вроде бы начал подозревать. Тогда его убрали.

— А Райнер тоже...

Корин кивнул.

— Эд не зря считался в Управлении одним из лучших полицейских. Мне он слова не сказал, но сам после убийства Лафаера выглядел будто сжатая пружина. Однако Омен опередил и его.

— Но что могло навести Райнера на мысль, что Шеннинг находится под контролем?

Корин пожал плечами.

— Я же не полицейский.

Преодолев небольшой подъем, он остановил вездеход на берегу небольшого озера с серой кипящей массой. Достав из «бардачка» набор инструментов, он решительно стал откручивать винты передней панели рации.

При виде аккуратно перекушенных проводов и разбитых микросхем Линда воскликнула:

— Господи, да что же это такое?

Корин вновь поставил панель на место, хотя в этом не было никакой необходимости.

— Вот так-то... — пробормотал он. — Наверное, Лафаера смутило то, что связь прекратилась уж слишком круто и беспросветно.

— Но он же почти все время провел на корме!

— Точно! В багажном отделении должна храниться запасная рация. Пойду погляжу...

Вернувшись в кабину, Корин вновь уселся в водительское кресло и задумчиво посмотрел на Линду.

— Переносная рация тоже выведена из строя, — сказал он с нервной усмешкой. — Лафаер пытался ее исправить. Почти все провода спаяны, а часть микросхем заменена. Но он не успел.

— Но почему... почему он не предупредил нас? — пробормотала Линда.

Корин усмехнулся и тронул машину с места.

— Откуда он мог знать, кто из нас еще находится под контролем? Кому можно довериться? По-моему, Эжен попросту собирался бежать и потому первым вызвался подняться по ущелью между скал там, в долине. Помнишь, как он отшил Райнера, когда Эд вздумал за ним увязаться?.. Даже джунгли его пугали меньше, чем мы.

Линда взглянула на Корина покрасневшими, безумными глазами, но промолчала. И правильно сделала, так как этот разговор мог бы завести их слишком далеко.

После жуткой двухчасовой гонки они наконец достигли подножия Сиреневых скал. Несколько десятков иззубренных громад высотой от двухсот до трехсот метров образовывали обширный массив со своими ущельями, перевалами, а в центре была ровная как стол долина. Из-за многочисленных вкраплений руд марганца и меди каменистые утесы имели редкий, приятный для глаз сиреневый цвет. Однако скалы были более знамениты своими прихотливой формы кручами, которые вызывали восторг даже у опытных скалолазов. Ни на Марсе, ни на Луне не было ничего подобного, потому экскурсии к Сиреневым скалам всегда пользовались бешеным успехом. Как правило, скалолазы сюда добирались на летающих тарелках, поскольку долгий путь через опасные джунгли их не привлекал. Посадочной площадкой служила долина, окруженная со всех сторон каменными стенами, которые надежно укрывали ее от сильных ветров.

Корину трижды приходилось пролетать над этим районом на тарелке, и потому он уверенно повел машину в сторону узкого прохода среди скал. Если кто-то находился сейчас в этих местах, то их лагерь мог быть разбит только там, в долине.

Через несколько минут вездеход, сделав очередной крутой поворот, въехал по довольно крутому склону на перевал и оказался на краю обширной каменистой площадки. И сразу же Линда издала восторженный вопль.

Посреди плато стояла тарелка!

Корин облегченно вздохнул и впервые за прошедший кошмарный день улыбнулся. «Ну, кажется, все закончилось, — подумал он. — Не для меня, конечно, а для Линды. Больше я не намерен потакать ее упрямству. Гибель бедного Райнера должна послужить ей хорошим уроком. Помочь мне она все равно не в силах, так что самым лучшим для нее будет отправиться в город. А я пойду туда, куда укажет Омен. Хватит бессмысленных смертей. Здесь, на Венере, из близких мне людей осталась одна Линда, и рисковать ее жизнью я не собираюсь. Если Омен потребует, чтобы я спустился в пылающее жерло вулкана, то подчинюсь без колебаний. Куда угодно, хоть в ад, только бы побыстрее закончился этот кошмар. Остается надеяться, что в дуэли у нас двоих будут равные шансы...»

Присмотревшись, Корин вздрогнул и резко остановил машину, так что взвизгнули тормоза.

В центре плато стояла не тарелка. Это была «Омега».

Спустя полтора часа флиттер взмыл в небо и направился в сторону вулкана Лема. Сильный ветер гнал над джунглями клочья тумана, предвещая скорую грозу, но Корин надеялся, что Олег Степанцев и его ребята прилетят к Сиреневым скалам еще до того, как прозвучат первые раскаты грома. Спасатели обещали ему поторопиться. Пройдет минут двадцать — двадцать пять, и их тарелка сядет рядом с вездеходом, где осталась Линда. Одна. С тремя трупами в багажном отделении. Дьявол, Олег должен поторопиться!

Расставание оказалось еще более тяжелым, чем ожидал Корин. Он знал, что Линда любит его, но она никогда не походила на самоубийцу, да и в отсутствии здравого смысла ее также нельзя было обвинить. Ее возлюбленный был обречен, и с этим ровным счетом ничего нельзя было поделать. Тем не менее Линда, не переставая плакать, предлагала один безумный вариант спасения за другим. Немедленное бегство с Венеры. Немедленное бегство в самый дальний из горняцких поселков, с целым арсеналом оружия. Признание вины в убийстве Ольги, и опять же бегство — но уже в самую крепкую камеру местной тюрьмы. И прочее, прочее, один нелепый вариант за другим. Все это Игорю пришлось терпеливо выслушать, разумеется, не вступая в бесплодные споры. А затем — в который уже раз! — объяснять, что нашла коса на камень. Уж раз Омен смог управлять бортовым компьютером «Омеги» с большого расстояния, то вариант с бегством отпадал сам собой. Еще не хватало подвергать опасности ни в чем не повинных людей — пассажиров космического корабля! А на Венере от Омена спрятаться негде.

Линда плакала и говорила, что никогда не оставит его. Пришлось Корину попросту запереть снаружи дверцы вездехода и поспешно подняться на борт флиттера. Единственное, что он мог сделать.

Когда плато осталось позади, флиттер попал в небольшой ураган, изрядно потрепавший нервы пилоту. Поначалу Корин пытался бороться с бешеным ветром, убрав крылья и отдавшись на волю стихии, как нередко это делал на обычных тарелках, но, вспомнив об огромных возможностях новой машины, он включил двигатель на всю мощь и почти вертикально взмыл в небо. На высоте пяти километров ветер заметно стих, и Корин взял курс на северо-запад, в сторону Эвереста.

Он уже не сомневался в том, что Омен обитает где-то на этой фантастической горе. Впрочем, почему где-то? Если жюль-верновский Немо управлял таинственным островом, сидя на борту «Наутилуса» в одной из подземных пещер, то его антипод, следуя логике, должен выбрать себе самую высокую и недоступную для людей точку Венеры — вершину Эвереста, уходящую в нижнюю кромку облаков и потому постоянно овеваемую ураганными ветрами под аккомпанемент чудовищных раскатов грома и блеск гигантских молний. Шестнадцать раз самые отчаянные пилоты Земли и Внеземелья пытались хотя бы приблизиться к этому адскому месту, и только троим удалось уцелеть, так и не преодолев даже восьмикилометрового рубежа. Сотни самых искусных альпинистов почти беспрестанно штурмовали крутые склоны, но гора оставалась неприступной, даже близко не подпуская людей к своему пику. Ученых не волновали слава и спортивные достижения, и потому они просто запускали по крайней мере раз в месяц автоматические зонды, телеметрические ракеты и прочие чудеса техники, нацелив их на таинственный мир пика Эвереста, но так ни разу и не смогли получить хотя бы плохонькую его фотографию.

Конечно же, Омен мог выбрать только это фантастическое место, подходящее для кресла Бога. И с самого начала ждал Корина именно там. И жестоко наказывал его, когда ничтожный человечек проявлял упрямство и осмеливался ослушаться приказа.

На полпути к Эвересту, достигнув высоты трех километров, Корин передумал. Прежде чем встретиться с Оменом лицом к лицу, ему хотелось разгадать одну загадку.

Он повернул машину на юг, в сторону далекого вулкана Лема. Он хотел найти то место на склоне, где некогда провел почти два часа, которые впоследствии начисто выпали из его памяти. Что-то там произошло, что-то очень важное, решившее судьбу бедной Ольги. И его судьбу тоже. Надо разобраться с этой тайной, а затем уже ринуться на штурм Эвереста, полагаясь на мощь «Омеги».

Когда плато осталось позади, Корин был вынужден пойти на снижение из-за внезапно начавшейся мощной бури. Когда же ветер стих, он уверенно нажал на рычаг управления закрылками, стремительно приближаясь к земле. Никакой особой цели у него не было — просто хотелось по пути к вулкану взглянуть на холм, в глубине которого, возможно, все еще лежали останки звездолета пришельцев. Линда наверняка расскажет о них в городе, и вскоре в сторону Свинцового моря ринутся сотни ученых, энтузиастов и просто туристов. Но пока на отрогах холма еще пустынно, и любопытно взглянуть в жерло, где совсем недавно перед ним открылись окна в какие-то странные, чужие и вместе с тем во многом знакомые миры.

Корину пришлось изрядно поплутать, прежде чем он нашел знакомое озеро олова. Однако черного дымящегося холма, похожего на дуплистый зуб, рядом не было! Соседние, небольшие, холмы вроде бы остались на месте, а самого крупного и след простыл.

— Вот как это у вас делается, — прошептал Корин, дрожа всем телом. — Так-то вы скрываете следы своего пребывания на Венере!..

«Открыть и закрыть хронотрещину для вас — пустяк, — размышлял Корин. — А мы-то, умники, грешили на таинственные силы природы и удивлялись, почему хронотрещины существуют только на обитаемых — в прошлом или настоящем — мирах, а на других планетах пространство и время ведут себя очень прилично. А вы — уже не знаю кто, боги или дьяволы — использовали хронотрещины в качестве рабочего инструмента. Скажем, для телепортации объектов... или даже больших участков суши и океана. Куда? Быть может, в иную, параллельную галактику? Или в другие миры этой галактики? А обратную телепортацию совершать не спешили — да и зачем тратить впустую огромную энергию.

Подумаешь, образуется на Земле какой-нибудь Бермудский треугольник, в котором то и дело бесследно исчезают корабли и самолеты, — эка проблема. Если людям очень захочется что-то извлечь из какой-либо хронотрешины, они могут постараться и сами, потратив на это СВОИ силы и СВОЮ энергию.

Черт побери, да ведь именно так действовали люди ЛИМПа на Марсе, когда грабили древние марсианские города! А если, допустим, существа, к расе которых принадлежит и мой друг Омен, тоже некогда занимались тем же в Солнечной системе? То есть попросту грабили ее, унося то, что считали ценным, в другие миры? А взамен на месте некогда цветущего сада земной цивилизации оставляли ямы с обрубленными корнями, которые мы по недомыслию принимали за природные явления?

Но что же может представлять ценность там, в далеких мирах? Кто знает... Ясно одно — никакой благотворительностью или чисто научной любознательностью здесь и не пахнет. Оменом и его собратьями наверняка двигали и движут чисто практические цели. Комиссар Книшевич, Мелвилл и сотни других людей занимались разграблением Марса ради тривиального обогащения, нисколько не переживая, что от древней культуры после их трудов остаются только рожки да ножки. Руководство ЛИМПа использовало тот же Марс, а также Книшевича, Мелвилла и других примитивных грабителей с иной, куда более глобальной целью — захвата власти в Солнечной системе. Зачем? Ради самой власти, конечно же. Но и они могли не подозревать, что контроль над Землей и другими мирами нужен пришельцам из галактики — для того, чтобы, скажем, грабить ее не исподволь, как прежде, а напрямую. Пока люди не вышли далеко в космос и не стали их реальными конкурентами.

И всем этим планам помешала наша группа «Дельта»! Разумеется, во многом случайно, но ведь и слон может свернуть с дороги, испугавшись мыши. А главной мышью, увы, оказался я, с моим так некстати появившимся даром Колдуна. Подобные вещи в истории нередко случались. Так некогда Псков был спасен блаженным Николаем, вставшим на пути Ивана Грозного и его опричного войска, только что утопившего в крови Господин Великий Новгород...»

Размышления Корина прервал пульсирующий сигнал. Встряхнув головой, он уставился на панель управления, стараясь быстрее вернуться в реальность. Ну конечно, это был сигнал SOS!

Оказалось, что флиттер, управляемый автопилотом, все еще продолжал кружить вокруг места, где совсем недавно находился холм с погребенным в его недрах древним звездолетом.

Корин включил радиосвязь и спустя несколько мгновений понял, что сигнал бедствия идет откуда-то неподалеку, со стороны Свинцового моря. Отключив автопилот, он сделал крутой вираж и помчался на северо-запад.

Километрах в трех от берега моря, сильно накренившись, лежала тарелка, видимо, совершившая неудачную посадку. Чертыхнувшись, Корин начал снижение. В его планы не входило задерживаться где бы то ни было, растягивая и без того затянувшуюся пытку. Но он был прежде всего спасателем.

Когда он подбежал к тарелке и, взобравшись по трапу, распахнул дверцу кабины, сердце у него упало.

В кресле пилота, обмякнув, сидела Линда. Лицо ее было окровавлено, глаза закрыты. Девушка находилась без сознания, но еще дышала.

К полудню Корин, держа на руках спящую девушку, добрел до причала на берегу Свинцового моря. Трехкилометровый переход по раскаленной равнине дался ему с огромным трудом. То и дело на пути попадались озерца расплавленного олова, расщелины и небольшие холмы, поэтому ему приходилось делать крюк за крюком, выбирая более или менее подходящую дорогу. Кроме того, что-то, наверное, случилось с охлаждающей установкой скафандра, и он нередко останавливался, обливаясь потом и задыхаясь, чувствуя глухие удары сердца.

Хотя вполне возможно, причиной его дурного состояния являлись изрядно расшатавшиеся нервы. Неожидавшее появление Линды, которая, по его расчетам, должна была находиться в городе, в полной безопасности, окончательно вывело его из себя. А потом выяснилось, что рация выведена из строя, а силовая установка флиттера просто не работает. Однако самым ужасным было то, что все эти вредительские действия, похоже, совершил он сам! Вновь, как когда-то на склоне вулкана, у него случился провал памяти, на этот раз минут на десять, не больше. Очнувшись, он увидел открытую панель рации, а рядом — кусачки, которыми были перекушены десятки проводов и выдраны с мясом некоторые из микросхем.

Омен повторил с ним ту же злую шутку, что и некогда с бедным Шеннингом. Наверное, аналогичным образом он поступил и с Линдой, поскольку ее тарелка тоже пребывала в нерабочем состоянии. Рация и радиомаяк были — для разнообразия — сожжены бластером, и случилось это, судя по дыму в кабине, уже после приземления Корина.

И опять Корин оказался в положении жука, которого злой мальчишка подгоняет длинной иглой, требуя пройти по извилистому лабиринту среди камней.

А ведь всего этого, наверное, могло и не произойти, если бы он не проявил в очередной раз глупого своеволия! Омен явно ждал Корина на вершине Эвереста, а никак не на склонах вулкана Лема. За это бедный жук получил болезненный укол в задницу. Но хуже всего, если за его гордыню расплачиваться придется — в который уже раз! — близкому человеку. А ближе Линды на Венере у него никого не было...

Когда до зданий причала осталось около полукилометра, Корин решился и осторожно положил девушку на землю, а затем торопливо зашагал в сторону моря. Силы окончательно покинули его, но теперь он мог рассчитывать на помощь. На берегах Свинцового моря находилось пять причалов, принадлежащих различным фирмам, и там работали сотни людей. Туристический бизнес здесь процветал как нигде более на Венере, превосходя по размаху и Эверест, и даже джунгли. Только за последние годы в него было вложено около полу-миллиарда долларов. На первый взгляд это казалось абсурдным, поскольку природа не создала в этих местах ничего, кроме моря расплавленного свинца и двух десятков островов с гротами, пещерами и причудливого вида скалами. Никаких форм жизни ни в Свинцовом море, ни в его окрестностях, разумеется, не было. Больше того, крахом обернулись все попытки пересадить на местную почву растительные животные с плато Королева — даже их кремнеорганическая плоть не смогла выжить в условиях чудовищного атмосферного давления и огромных температур.

Но зато в распоряжении предприимчивых бизнесменов оказалась готовая площадка для будущего театрально-карнавального действия. И в самом деле, если природа не смогла

населить эти колоритные места своими созданиями — почему бы ее роль не взять на себя людям? Появилась идея развернуть на Свинцовом море и его берегах нечто вроде суперсовременного Диснейленда, только рассчитанного не на детей, а на взрослых. И такая сказочная страна была создана в считанные годы, прославившись на все Внеземелье как «Приключение номер 1 всех времен и народов».

...Последние метров сто до причала Корин, не выдержав, пробежал, несмотря на дрожь в ногах. Почему-то на все его настойчивые призывы никто не отвечал. Странно, так как еще во флиттере он предусмотрительно перенастроил радифон своего скафандра на общую волну.

И только подбежав к первому из куполообразных зданий, он понял причину этого тягостного молчания. Не сдержавшись, Игорь закричал, словно раненый зверь, и заколотил перчатками по гладкой стене бывшей гостиницы. Такой же бывшей, как и все вокруг: здание администрации, развлекательный центр, техноцентр, гаражи, доки...

Корину опять невероятно «повезло». Он вышел к Старому причалу, брошенному на произвол судьбы четыре года назад.

Такое на Венере тоже случалось. Одни фирмы разорялись и, не желая продавать недвижимость, замораживали ее до лучших времен, оставляя на объектах лишь небольшую охрану. Порой по недомыслию развлекательные центры воздвигались в неудачных местах — в зонах повышенной тектонической активности или районах, по каким-то причинам часто посещаемых свирепыми ураганами и грозами.

Но со Старым причалом вышла другая история. Его хозяина — южно-корейский концерн «Дайово» — попросту выжили более могущественные конкуренты. Разными путями: от сравнительно честных финансовых действий на бирже до организаций бесчисленных аварий, которые вскоре отпугнули даже самых отчаянных искателей приключений. Шестой причал на Свинцовом море оказался явно лишним, и его гибель была неизбежна. Так и произошло после крушения одной из двух каравелл фирмы, по нелепой случайности напоравшейся на рифы возле острова Циклопов. Корин сам руководил той спасательной экспедицией и до сих пор не мог окончательно избавиться от шокирующих воспоминаний.

Впрочем, сейчас он ощущал себя ничуть не лучше. Старый причал безнадежно умер, и вызвать отсюда помощь было просто нечем. Остальные пять причалов находились на противоположном берегу моря, и добраться до них пешком совершенно невозможно.

Оставался лишь один путь — по морю. Торопливо пройдя между обветшалых зданий к причалу, Корин удостоверился, что вторая каравелла стоит, как и прежде, возле дока. Время, казалось, пощадило корабль, но вряд ли можно было рассчитывать на его двигательную установку. А это значило, что есть только один шанс на спасение — идти в плавание на парусах.

Повернувшись, Корин заторопился назад, к Линде, однако вскоре увидел девушку, торопливо шагавшую через равнину к зданиям. Она наконец пришла в себя, и это было единственным радостным событием за последние дни.

— Что случилось? — задыхаясь, спросила Линда, растерянно глядя на друга. — Я ничего не понимаю... Где мы? Кажется, я заснула, когда ожидала спасателей в вездеходе... а как же я... то есть мы перенеслись на берег моря?

Линда явно не помнила, что произошло с ней за последние часы. Поразмыслив, Корин не стал ей ничего объяснять. Ей и так предстоит немало пережить в скором будущем — так

стоит ли сейчас шокировать ее правдой?

И Корин рассказал наскоро придуманную историю о том, как он вернулся на флиттере в долину и, найдя Линду спящей, улетел вместе с ней в город. Но по пути попал в сильный ураган и после аварии в двигательной системе вынужден был совершить посадку.

Линда с изумлением выслушала его.

— Неужели я все это время проспала? — с сомнением спросила она. — Странно... А рация — рация тоже вышла из строя?

— Да, — кивнул Корин. — Флиттер так тряхнуло при посадке, что у нее, бедной, аж все кишки повывернуло.

— Кошмар... — прошептала девушка, глядя на него расширенными глазами. — Над нами словно властвует злой рок... А тарелка? Кажется, рядом с флиттером стоит чья-то тарелка?

Корин не стал вдаваться в подробности.

— Это старая история, — уклончиво ответил он.

Линда, к счастью, удовлетворилась столь туманным ответом. Обведя куполообразные здания настороженным взглядом, она неожиданно спокойно спросила:

— Это что, Старый причал?

— Да.

— Везет же нам... Значит, все кончено? Или ты попытаешься починить рацию?

— Пустая трата сил.

— Ах вот как...

Корин успокаивающе погладил ее по плечу.

— Еще не все потеряно, милая. На причале стоит каравелла. Если нам удастся поднять паруса, у нас есть шанс добраться до западного берега. А если нам повезет, нас обнаружат радары еще раньше.

Линда удивленно выгнула брови.

— Разве ты умеешь управлять судном?

— А что еще остается делать? Попробую. Пойдем посмотрим.

Корину не раз приходилось бывать на каравеллах по служебным делам, а однажды он даже совершил небольшое плавание — расщедрилась фирма «Сони», владевшая третьим, самым крупным причалом. Из любопытства он тогда посетил не только капитанскую рубку, но и помещения всех технических служб. Особенно его интересовали способы управления судном с помощью парусов, казавшиеся ему таким романтическим излишеством. Однако сейчас это излишество могло спасти им с Линдой жизнь.

Они прошли по широкому причалу и остановились возле каравеллы. Внешне она куда больше напоминала нефтяной танкер — мощный пятидесятиметровой длины корпус из вольфрама, две овальной формы пассажирские палубы и три телескопические мачты со специальными веерными парусами. Судно было рассчитано на пятнадцатибалльный шторм, при котором высота волн расплавленного свинца достигала почти полуметра. Однако такие бешеные ветры в этих местах были редкостью, чаще на море стояла мелкая зыбь. Местные моряки порой шутили, что плавание на Венере — единственный вид морских путешествий, где ни один пассажир гарантированно не заболит морской болезнью. И это было чистой правдой.

От причала к борту судна вел узкий трап с высокими поручнями. Пройдя по нему, Корин и Линда оказались на палубе, усыпанной слоем мелких камней, принесенных ветрами

с берега. Судя по всему, люди не посещали каравеллу уже несколько лет, бросив ее на произвол судьбы. Конкурентов это судно не интересовало из-за ряда серьезных конструктивных недочетов, а бывшие владельцы причала демонтаж корабля посчитали лишней тратой денег и обошлись простой консервацией.

Побывав в капитанской рубке и машинном отделении, Корин заметно приободрился. Почти все приборы и агрегаты сохранили работоспособность. После долгих поисков они с Линдой обнаружили два небольших атомных генератора и подсоединили их к механизмам управления стальными парусами. Затем, мысленно перекрестившись, Корин включил автомат, и телескопические стойки мачт ожили. Со страшным скрежетом они стали раздвигаться и вскоре выпустили боковые «ветви». Из них выдвинулись сотни стальных пластин, тотчас вставших перпендикулярно к направлению движения ветра. Громадное судно чуть подалось вперед, и теперь на месте его удерживала лишь мощная якорная цепь.

Опомнившись, Корин торопливо переключил автомат на режим «убрать паруса» и повернулся к стоявшей рядом с ним Линде.

— Кажется, нам все-таки повезло, — сипло произнес он, с трудом скрывая сильное волнение. — Ты, помнится, давно хотела в увеселительный круиз?

Линда слабо улыбнулась и кивнула.

— Да. С тобой вдвоем.

— Вот видишь, нам везет. А теперь запасись терпением. Мне надо сделать одну-две ходки до флиттера и обратно. Нам нужны кислородные баллоны, вода и хотя бы немного еды.

— Я пойду с тобой... — вяло предложила Линда.

— Нет. Тебе надо отдохнуть. Пойдем выберем каюту.

Они спустились на нижнюю палубу по длинному темному коридору и занялись поисками незапертой двери. Такая вскоре нашлась, и они вошли в просторную каюту. Охлаждающая система судна все эти годы бесперебойно работала, и потому горячий, едкий воздух не смог полностью уничтожить богатую обстановку: мебель, палас и даже белье на широкой двуспальной кровати. Правда, стены в каюте теперь были лишены ковров, а от люстры остались лишь обрезанные клочья проводов, но тем не менее гости почувствовали себя очень уютно и комфортно. Подойдя к широкому окну, Корин поднял металлические жалюзи и увидел панораму Свинцового моря с далекими, еле заметными в серой дымке скалистыми островами.

— Ложись, поспи, — ласково сказал он, погладив девушку по плечам. — Я вернусь через пару часов.

Глаза Линды слипались, но тем не менее она упорно покачала головой.

— Нет. Я лучше посижу пока в кресле. Не хочу пачкать белье скафандром.

Корин озадаченно взглянул на нее.

— Неужели ты хочешь... — начал было он, но Линда перебила его.

— Да. Мы подключим один-два баллона к системе воздухообеспечения каюты и хотя бы на несколько часов сбросим эти ужасные костюмы.

— Но это нерационально...

Линда сверкнула глазами.

— Плевать! — заявила она. — Мы оба не знаем, что нас ждет впереди. Пусть хотя бы это плавание будет нашим медовым месяцем. Я так хочу!

Корин кивнул.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Только прошу — никуда из каюты не уходи. Договорились?

Линда улыбнулась, послушно уселась в кресле и почти сразу же закрыла глаза. События последних дней донельзя утомили ее, и можно было лишь удивляться, как у этой хрупкой на вид девушки хватило сил все вынести.

Впрочем, главное их ждало впереди...

Корин торопливо покинул корабль и, поднявшись на причал, потратил некоторое время на исследование давно заброшенных зданий. У него еще теплилась надежда, что где-нибудь найдется радиопередатчик или, на худой конец, какой-нибудь вездеход. Увы; административное здание и гараж были совершенно пусты, а в одном из огромных ангаров он обнаружил лишь отдельные агрегаты тарелок. Зато в приземистом складе удалось найти отличную самоходную тележку, да еще с работающим электродвигателем. Усевшись на нее верхом, Корин покинул территорию причала и поехал в сторону флиттера, объезжая стороной крупные камни и лужи расплавленного олова.

В глубине души он все еще надеялся на то, что Омен сжалится и даст ему возможность вызвать помощь. Увы, рация на «Омеге» пребывала в прежнем плачевном состоянии, а двигатель упрямо отказывался работать. Не лучше обстояло дело и на лежащей неподалеку тарелке.

Плавание становилось неизбежным, и это вызывало у Корина приступ хандры. На просторах Свинцового моря он окажется совершенно беспомощным, если Омену вздумается именно там свести счеты с упрямым Колдуном. А самое главное, он ничем не сможет защитить Линду. Если корабль потерпит крушение или, того хуже, выйдут из строя источники энергии... Бр-р, о таком даже думать было жутко!

Почти полчаса он потратил на загрузку тележки, что называется, под завязку. Кислородные баллоны — все до единого. Атомный генератор с борта тарелки. Оружие. Вся еда и вся вода. Запасной скафандр. Обе аптечки и другие полезные мелочи.

Обратный путь по раскаленной равнине занял куда больше времени, чем он надеялся. Дважды тележка застревала среди камней, и ее приходилось подталкивать сзади плечом. А когда он все-таки въехал на причал, поднялся ветер. Он дул в юго-западном направлении, что было, в общем, совсем неплохо.

Перенеся груз на корабль (с атомным генератором пришлось немало повозиться), Корин не выдержал и, оставив все как есть, поспешил на нижнюю палубу. На все его призывы по радиофону Линда не отвечала, и это его тревожило. Впрочем, девушка могла глубоко заснуть, а в этом случае ее можно было разбудить только пушкой — уж это Корин знал прекрасно. И все же...

Толкнув дверь, он вошел в каюту и остановился на пороге как вкопанный: Линды в каюте не было.

Она лежала навзничь на носу судна, недалеко от фок-мачты, на груде мелких камней. Судя по оставшимся следам, девушка долго бродила по палубе широкими кругами, то подходя на опасно близкое расстояние к решетчатым поручням, то почти соприкасаясь со стенами нижней пассажирской палубы. Сейчас она находилась в бессознательном состоянии. Возможно, причиной послужила неисправность в дыхательной системе скафандра или перегрев из-за сбоев в системе охлаждения.

Взяв Линду на руки, Корин поспешно спустился в каюту и уложил ее на кровать, потом принес два баллона с кислородом, воду и аптечку. Присоединив баллоны к автономной системе вентиляции, он едва дождался момента, когда в каюте восстановился нормальный кислородный баланс, и сейчас же снял с Линды скафандр, а затем торопливо разоблачился сам.

Навыки спасателя помогли ему быстро привести девушку в чувство. Вдохнув раз-другой чистого кислорода из шланга, она закашлялась и медленно открыла глаза.

— Что... что случилось? — еле слышно спросила Линда.

— Ничего, милая, — натужно улыбнулся Корин. — Лежи спокойно. Что-нибудь болит?

— Голова... раскалывается...

— А сердце?

— Ничего...

Корин кивнул и, порывшись в аптечке, достал флакон с общеукрепляющими таблетками. Линда, давась, проглотила лекарство и жадно прильнула к бутылке с водой. Утолив жажду, она встряхнула волосами, словно пытаясь стряхнуть с себя наваждение, и произнесла уже чуть более окрепшим голосом:

— Я спала?

— Да.

— Долго?

— Часа два, даже чуть больше.

— Странно... — прошептала Линда. — Мне кажется... я только что закрыла глаза...

Не выдержав, Корин спросил:

— Ты ничего не помнишь?

Глаза девушки удивленно округлились.

— Нет... А что я должна помнить?

— Ровным счетом ничего, — ответил он, проклиная себя за бестолковость. — Я просто так спросил, на всякий случай. Хочешь поесть?

— Нет... А где мы, милый?

Корин облизал внезапно пересохшие губы и осторожно ответил:

— В безопасном месте, Линда.

Девушка нахмурилась и непонимающе взглянула на него.

— Что с тобой, Игорь? Почему ты назвал меня Линдой?

Щеки Корина разом одеревенели, улыбка стала блеклой и натужной. Его худшие предположения подтверждались — Линда явно отравилась углекислым газом. Ее психика была поражена, и вопрос состоял лишь в том, насколько сильно.

— А как же мне тебя называть? — мягко спросил он.

— Как? — В глазах девушки появились слезы. — Господи, да что же это такое... Когда я летела на эту проклятую планету, то надеялась, что ты тоскуешь обо мне. Какой же я была дурой! А ты попросту мерзавец, жалкий мерзавец!

Линда разрыдалась, уткнувшись лицом в подушку.

Корин машинально погладил ее по вздрагивающим плечам. Слова Линды насторожили его. Что значит: «Когда я летела на планету, то надеялась...»? Они же познакомились здесь, на Венере, и прошло целых полтора года, прежде чем у них завязался роман. А потом, Линда, несмотря на всю свою вспыльчивость, была очень тактичной девочкой. Слово «мерзавец» не из ее лексикона, она умела высказать свое неудовольствие другими способами, не задевая самолюбие мужчины. Зато... зато так обожала говорить...

Он несколько раз судорожно сглотнул, а затем неуверенно спросил:

— А твой... твой муж — разве он не мерзавец?

Девушка состроила такую выразительную гримаску, что он окончательно убедился — это не Линда!

— Михаил, к твоему сведению, просто осел, — безапелляционно заявила она. — Ему нужна была не я, а красивая двуногая вешалка для роскошных платьев. Господи, пожалуйста, на здоровье! Нашел бы себе манекенщицу с калькулятором вместо мозгов — тоже мне проблема! А ему досталась журналистка с длинным, вечно куда-нибудь встречающим носом. Он так и звал меня в последнее время — Буратино. Намекал на мои якобы деревянные мозги. Это после той скандальной статьи в «МК», где я вывернула наизнанку весь их смердящий нефтяной бизнес... Игорек, ты что, обиделся? Милый, прости меня, кретинку... Я же так люблю, тебя!

Со сдавленным всхлипом девушка приподнялась с подушки и обняла оцепеневшего Корина, спрятав голову у него на груди. Она вся дрожала... впрочем, нет, это дрожал он.

Прошло несколько минут, прежде чем хаос в его мыслях немного поулегся и он смог произнести каким-то чужим, лишенным всякого выражения голосом:

— Ольга...

Она сразу же перестала плакать и, подняв голову, с надеждой заглянула ему в глаза:

— Да, милый?

— Тебе... тебе ничего не кажется странным?

Девушка огляделась и озадаченно нахмурила лоб.

Линда никогда так не делала, опасаясь появления морщин.

— Какой странный номер... — пробормотала она. — Что за гостиница? Уж лучше бы ты опять привел меня к себе домой. Или... или ты боишься, что твоя сучка Лайма нас засечет?

Корин нервно рассмеялся, продолжая гладить девушку по плечам.

— Ее зовут Линда. И она вовсе не сучка.

Ольга с силой оттолкнула его от себя.

— Не спорь, я знаю, что говорю! Знаю, видела... Я подстерегла эту дрянь, когда она после работы направилась в супермаркет. Типичная секретутка, длинноногая и бесстыжая, как все они. У моего дорогого муженька таких девок в свое время перебивало — ого- го сколько! И все же даже у него хватило мозгов жениться на мне, послать этих проститарш подальше и взять в секретари толкового мужика. А ты... Неужели ты не мог выбрать настоящую женщину? Я помню, как три года назад на тебя тарацились все дамочки, и местные, и заезжие... И ты вроде бы не воротил от них морду... ох, прости, прости...

Ольга вновь привлекла Корина к себе и осыпала его жаркими поцелуями, шепча бессвязные любовные слова. Лед и пламень. Грубость и нежность. Проницательный ум и чуть ли не детская наивность. Фантастическая активность и частые периоды беспросветной депрессии. Доверчивость и подозрительность, особенно обостряющаяся во время частых приступов ревности. В этом и во всем другом — полная противоположность Корину. Наверное, это и послужило причиной их бурного, но быстро завершившегося романа. Романа, который он старательно и безуспешно пытался забыть и который так внезапно и страшно напомнил о себе несколько дней назад на площадке возле Черной Афродиты.

Корин потихоньку оторвал от себя Лин... Ольгу и произнес довольно твердым голосом:

— Прости, Оленька, но я должен ненадолго уйти. А ты лучше попытайся еще немного вздремнуть. Ладно?

Ольга послушно кивнула и, послав ему воздушный поцелуй, с детским вздохом улеглась на кровать. Но тут же с криком вскочила, с ужасом глядя на свои руки.

— Черт побери, а это еще что? — спросила она. — Это... что это?

— Твоя рука, — наклонившись к ней, твердо произнес Корин. — Запомни — это ТВОЯ рука.

Ольга испуганно взглянула на него. Затем ужас в ее глазах стал постепенно таять, уступая место усталой покорности.

— Да, это моя рука, — согласилась она бесцветным голосом.

Набравшись решимости, Корин вынул из кармана своего скафандра зеркальце и вложил его в податливую руку девушки.

— И это — ТВОЕ лицо, — еще более жестко продолжил он. — Повтори!

Сотрясаясь всем телом, Ольга пролепетала:

— Конечно... это... мое лицо...

— А теперь ты будешь спать.

— Да... я буду... спать...

Когда Ольга заснула, Корин надел скафандр и, подойдя к герметичной двери, стремительно открыл ее и быстро закрыл, не позволяя воздуху из каюты смешиваться с затхлой, бедной кислородом атмосферой коридора. «Во время плавания надо в свободное время заняться системой воздухоснабжения, — подумал он, шагая по темному коридору. — Баллоны баллонами, но если герметичность каюты нарушится, неприятностей не избежать. Хорошо еще, что внутри пассажирских палуб при консервации не пустили ядовитый воздух Венеры».

Поднимаясь по узкому трапу на верхнюю палубу, он мысленно пытался представить, каким образом будет запускать кислородный агрегат каравеллы. Система воздухоснабжения корабля не слишком отличалась от аналогичных систем, скажем, в горняцких поселках, и потому он должен с ней справиться. Тем более, имея два хотя и маломощных, но все же атомных генератора. Жаль, что ему оказалось не под силу снять энергетическую установку с флиттера...

Сейчас он готов был думать о чем угодно, о любой технической проблеме, лишь бы только не вспоминать о той страшной метаморфозе, что произошла с Линдой.

Омен приготовил ему очередной жуткий сюрприз. Слово желая продемонстрировать свои безграничные возможности, он возродил умершую Ольгу, убив при этом личность Линды. И дал знать: я держу Ольгу под полным своим контролем.

Не выдержав, Корин дико закричал. Его трясло от лютой ненависти. Едва передвигая

ноги, он дошел до капитанской рубки, нашел на панели управления кнопку поднятия якоря и принялся за дело.

Спустя несколько минут судно с поднятыми парусами плавно отошло от причала и направилось к далеким скалистым островам. Дул несильный попутный ветер. Над матовой поверхностью жидкого свинца, подернутой мелкой рябью, курился легкий туман испарений.

Убедившись, что автомат-штурман работает нормально, Корин вышел на палубу, чтобы наконец перенести брошенные вещи в трюм. Но вместо этого он подошел к поручням на носу судна и, подняв сжатые в кулаки руки, крикнул:

— Проклятый Омен! Да есть ли предел твоему изощренному садизму? Что ты от меня хочешь, что? Если я, на твой взгляд, заслужил наказание, уничтожь меня, растопчи, сожги в своем дьявольском огне! Или лучше встретиться со мной один на один. Но оставь в покое моих близких, понятно, подонок? Пусть мертвые останутся мертвыми, а живые — живыми. Если ты ждешь, что я сойду с ума, то не дождешься! Я никогда не верил в Бога, но ты, дьявол, на самом деле существуешь. И если я доберусь до тебя, то убью, слышишь — убью!

Он опомнился, поняв всю нелепость своих истеричных криков. Дьявол Омен или нет, но он жестоко и беспощадно погоняет иглой упрямого жука. И наказывает, если ничтожное насекомое пытается проявлять своеволие. Если бы он, Корин, не свернул с пути к вершине Эвереста, все могло произойти иначе. Линда не угнала бы тарелку из-под носа зазевавшихся спасателей и не произошел бы весь этот кошмар. Как ни крути, во всем виноват он сам...

Несколько часов он потратил на то, чтобы привести в действие кислородную установку. Это оказалось нелегким делом, и к концу работы Корин был вымотан до предела. Выждав некоторое время после запуска, он по показаниям приборов убедился, что все помещения пассажирских палуб наполняются пригодным для дыхания воздухом. Система охлаждения, к счастью, тоже не подводила. Это давало им шанс, несмотря ни на что, добраться до западного берега, даже если плавание займет несколько суток.

Впрочем, он предпочел бы закончить свою одиссею раньше.

К полудню корабль миновал Огненную бухту и вышел в открытое море. Ветер сразу же сменил направление на юго-восточный, но автомат-штурман немедленно отреагировал на это, выпустив дополнительные паруса и развернув все три мачты так, чтобы судно продолжало идти в заданном направлении, лишь сменив галс. Порывы ветра порой достигали пяти-шести баллов, и вместо ряби на поверхности Свинцового моря стали гулять небольшие волны. Они с шумом бились о вольфрамовый корпус, создавая малоприятное ощущение, что по ватерлинии мерно ударяет молотом кузнец-великан.

Ольга продолжала спать. Корин прошелся по всем палубам с воздухоанализатором в руках. К счастью, герметичность окон и дверей нигде не нарушилась и заметных утечек не было. Вскоре очистительные установки избавились от избытка углекислого газа, и тогда Корин снял шлем и вновь спустился в каюту.

Словно услышав его шаги, Ольга открыла глаза и пристально посмотрела на Игоря.

— Где мы? — сипло спросила она.

— На корабле.

— Корабле? Разве на Венере есть корабли?

Корин промолчал.

Ольга выскользнула из постели и подбежала к окну. Открыв жалюзи, она охнула.

— Господи, какое жуткое зрелище... — прошептала девушка, непроизвольно поглаживая дрожащими пальцами толстый стеклолит. — Это... это Свинцовое море?

Корин подошел к ней и ласково обнял сзади за плечи.

— Помнишь, ты хотела совершить круиз на каравелле? Считаю, что я выполнил твое давнее желание.

Ольга обернулась и встревоженно заглянула ему в глаза.

— Что значит — «считаю»? — спросила она. — И как мы здесь оказались? Я пришла на свидание с тобой к Черной Афродите, как ты и просил, присела на скамейку, чтобы собраться с мыслями... А потом очнулась здесь, в каюте. Ничего не могу понять!

Корин криво усмехнулся.

— Считаю, что я украл тебя на тарелке и привез к причалу, — нарочито легкомысленно произнес он, но Ольга не приняла его шутливого тона. Глаза ее потемнели, лицо посуровело.

— Опять ты произнес это «считаю», — резко заявила она. — Что это значит? То, что все это сделал не ты?

— Да, не я.

— А кто же? Михаил?.. Чушь, он же улетел три дня назад обратно на Землю...

Корин смотрел на нее, не зная, какую утешительную ложь придумать. Его поражало, насколько изменилось лицо Линды, когда проклятый Омен вселил в нее душу бедной Ольги. Обе девушки внешне совершенно не походили друг на друга, и сейчас это начало сказываться. Разумеется, черты лица оставались прежними, но вот мимика, жестикация, походка и даже голос... «Господи, если бы я, словно последний кретин, не свернул с пути к Эвересту, — тоскливо подумал Корин. — Но тогда я никогда бы не смог поговорить с Ольгой — а я так этого хотел!»

Эта мысль ошеломила его. А что, если его всемогущий враг проявил нечто вроде сострадания? Разумеется, у дьявола свое представление об этом чувстве — извращенное,

даже садистское, но все же... Омену ничего не стоило оставить вокруг своего беспомощного врага выжженную пустыню, но он создал нечто вроде оазиса... если, конечно, это не было очередным миражем.

Взяв Ольгу за руку, Игорь молча повел ее на верхнюю обзорную палубу. Пройдя среди многочисленных шезлонгов и кресел, они остановились возле широкого окна и, обнявшись, молча стали наблюдать за тем, как корабль, рассекая килем мелкие волны, медленно приближался к скалистым островам. Невдалеке на поверхность внезапно выплыло чудовищное существо размером с кита, с многоголовым туловищем и длинными суставчатыми щупальцами. Издав протяжный вопль, чудовище обрушило на свинцовые волны могучие удары, подняв фонтан раскаленных брызг, и вновь ушло в глубину.

Ольга вскрикнула и прижалась к Корину всем телом.

— Что это, Игорь? Откуда появилось это чудище?

Корин улыбнулся.

— Началось представление, — объяснил он. — Свинцовое море — огромный аттракцион, нечто вроде Диснейленда для взрослых. Неужели ты забыла?

— Да... кажется, я что-то такое слышала... А почему на корабле не видно людей?

Корин собрался с духом и ответил:

— Потому что их нет. Я хотел остаться с тобой наедине и потому отвез на старый, давно заброшенный причал.

— А кто... кто управляет судном?

— Автоматика.

— И как долго продлится плавание?

Корин пожал плечами.

— Это зависит от ветра и многих других причин...

Думаю, через три-четыре дня мы достигнем западного берега.

Глаза Ольги впервые засияли. Она бросилась Корину на шею и осыпала его горячими поцелуями.

— Ох, как здорово ты все придумал, Игорек... — прошептала она. — Этот город... он навевал на меня тоску. Я чувствовала себя такой одинокой... Ты вечно был занят, и мне приходилось подстерегать тебя по ночам возле подъезда. Я вела себя как последняя дура, но ничего не могла с собой поделать...

Корин осторожно спросил:

— И ты... и мы проводили эти ночи вместе?

Ольга удивленно заморгала.

— Ну конечно... Все, кроме одной. Разве ты забыл? Ты вел себя так странно... быстро засыпал, а во сне часто ворочался и стонал... Тебя мучали кошмары?

— Да, — растерянно ответил он и подумал: «Выходит, бедная Линда была права. Я тоже все те дни находился под контролем... по крайней мере, по вечерам и ночам».

— А твой муж... он разве не ревновал?

Ольга жестко усмехнулась.

— Еще как. Но он во всем виноват сам. Эти три года оказались для меня сущим кошмаром. Михаил так и не смог понять, почему я так быстро разлюбила такого высокого, красивого, во всех отношениях преуспевающего мужчину.

— А он... он любил тебя?

— По-своему — да. Но очень по-своему. Я хотела поначалу стать частью его Жизни, а

таковой у него не было. По крайней мере, этот образ существования я жизнью не могу назвать. Все холодное, претенциозное, очень дорогое... Все — напоказ, все — наружу, а внутри — пустота. Словом, мы оказались совершенно разными людьми. А потом я начала публиковать статьи в тюменских независимых газетах под разными псевдонимами, и он поклялся меня убить.

Корин вздрогнул.

— Не понял... Как убить?

Ольга снисходительно улыбнулась.

— Ну, конечно, не меня, а авторов этих заметок и статей. Я кое-что знала об изнаночной стороне его нефтяного бизнеса и не удержалась... Если бы ты только знал, Игорек, какие это люди! Лощеные снаружи и напрочь прогнившие внутри. Я долго терпела, притворялась полной дурой, но я же видела, как они безжалостно расправляются со всеми, кто становится у них на пути. Три года нашего брака — и два десятка заказных убийств людей, связанных с тюменским нефтяным бизнесом. И всегда концы в воду. Но я-то понимала... Слышала обрывки разговоров, видела лица, находила на столе мужа кое-какие записи... Конечно же, он не был главой этой банды, но и пешкой тоже не считался.

— И однажды он вычислил тебя?

— Да. При его связях это оказалось совсем несложно, хотя я вела себя очень хитро...

— Он угрожал тебе?

— Еще как! Он обозвал меня дурой, которая пилит сук, на котором сидит. А потом начал рассказывать всякие грязные вещи про отца...

— А-а... Он, кажется, тоже занимался в свое время нефтью?

— Да. Но он был другим, настоящим человеком! Пусть волком, а не овцой, но отец по крайней мере жил, а не существовал! И он был фанатично предан своему делу. Он был крепким хозяином, а не прыщом на заднице, понимаешь?

Корин промолчал. Ольга обожала своего отца, и всяческие реплики на этот счет были бы сейчас неуместны.

— Почему ты вспомнила обо мне? — задал он мучавший его вопрос. — Понимаю, жизнь с Михаилом у тебя не сложилась... но при чем здесь я? Три года молчала, а тут...

— Обрушилась словно снег на голову? — с кривой усмешкой продолжила за него Ольга. — Да, есть такой грех. Поначалу я посчитала наш роман простым девичьим увлечением... ведь ты тогда был так знаменит! А здесь, на Венере, ты показался мне просто Богом. Когда ты сумел посадить тарелку на Мраморном утесе, наша альпинистская группа уже потеряла надежду на спасение, понимаешь? Ты выглядел просто мальчишкой по сравнению с нашими проводниками, а проявил себя в отличие от них настоящим мужиком. Но вот в быту ты был, прости, сероват. Вернее, мне тогда так казалось по молодости и по дурости. А когда я наелась досыта всех этих бразильских карнавалов, Таити и Монте-Карло, я вдруг поняла, что совершенно одинока... А ты был таким замечательным другом!

Корин внимательно посмотрел на нее.

— Другом? — переспросил он. — Так вот в чем дело...

Ольга приподнялась на цыпочки и нежно поцеловала его в лоб.

— Прости, Игорек, если я тебя обидела. Пойми — в жизни долгие годы моим главным мужчиной был отец. Но после его смерти осталась пустота... и ты, только ты сумел заполнить ее. Наверное, это тоже любовь, хоть и немного другая, чем я себе представляла.

Корин нервно рассмеялся и с силой потер одеревеневшее лицо.

— Ты что? — с испугом спросила его Ольга.

— Да так... Наверное, это судьба. Только три женщины по-настоящему волновали меня, и каждая видела во мне прежде всего друга. Разве это не смешно? Пылкая любовь, обожание, страсть — это все достается таким, как Володя Поплавский... да Господи, всем достается! Я же словно прокаженный... Когда я узнал, что ты прилетела на Венеру, то подумал, осел, что... Ладно.

— Что ладно? — тихо произнесла Ольга.

— Богу — Богово, а кесарю — кесарево, — объяснил Корин. А сам подумал: «Вот так рушатся воздушные замки. Бедная Линда, как нам с тобой обоим не повезло. Ты, по крайней мере, не пыталась лишать меня иллюзий. А Ольга... она совсем иная. Как говорится: что на витрине, то и в магазине. Та самая простота, что хуже воровства».

Кажется, лицо выдало его невеселые мысли. И Ольга грустно спросила:

— Ты уже жалеешь, что увез меня из города?

После некоторой борьбы Корин кивнул, отведя глаза в сторону.

— В общем, да.

Ольга помрачнела и, оттолкнув его в сторону, стремительно пошла через зал к выходу. А Игорь достал из кармана комбинезона пачку сигарет и с наслаждением закурил, глядя на заметно приблизившиеся острова. Он понимал, что вел себя глупо, но ничего не мог поделать со своим разочарованием. Но сейчас он был почти благодарен Омену. Ольга неожиданно встала между ним и Линдой, и он на время потерял покой, воображая Бог знает что... Если бы сейчас душа Линды вернулась в свое тело, о большем и мечтать нельзя было. По крайней мере, он знал бы, ради кого дальше жить и, если надо, умереть. В ее любви было слишком много жалостливого, материнского... так могла бы к нему относиться старшая сестра. Но все же это была любовь!

Выкурив одну за другой несколько сигарет, Корин полюбовался на стаю механических птиц, пролетающих над фок-мачтой в сторону островов, и спустился в капитанскую рубку. Там его ожидал сюрприз — автомат-штурман самовольно изменил курс! Вместо того, чтобы продолжать следовать в сторону третьего причала на западном берегу, он повернул корабль на юго-запад, к островам. Все попытки Корина вернуть каравеллу на путь истинный ни к чему не привели — ни руль, ни паруса не желали его слушаться.

А это означало, что там, на архипелаге, его ожидало новое испытание. И нетрудно было догадаться, какое.

Он провел ревизию своего вооружения. Два карабина, два бластера, два стуннера и «дуэльный пистолет», который постоянно лежал в одном из карманов скафандра. Целый арсенал! Хотя сейчас ему бы не помешала небольшая пушка и несколько десятков гранат.

Жестокая игра продолжалась.

Когда до ближайшего острова осталось менее километра, корпус корабля сотрясся от жестокого удара. Не удержавшись на ногах, Корин упал и больно ударился лицом о приборную стойку. Тотчас же раздался сигнал тревоги. На световой панели возле двери вспыхнула пурпурная надпись: «Разгерметизация». А чуть позже ее сменила другая: «Нижняя палуба изолирована».

Корин похолодел. Там же находилась Ольга! Если она не догадается немедленно надеть скафандр, а дверь в каюту не закрыта...

Чудовищный удар повторился, и теперь стало совершенно ясно, что судно вовсе не напоролось на риф, как показалось Корину поначалу. На этот раз Игорь устоял на ногах и

успел увидеть через окно, как из свинцовых волн рядом с судном вынырнул механический многоголовый монстр и обрушил на палубу удар своих могучих щупалец.

Корин встревожился. Он не знал, насколько прочно построено судно и сможет ли оно выдержать атаку механического монстра. А если к нему на подмогу приплывут и другие искусственные обитатели моря? История с джунглями, взятыми Оменом под контроль, повторялась, но на этот раз ситуация была еще тревожнее.

До острова было недалеко, но атаки чудовища становились все настойчивее. Поняв, что механический гигант так просто не отстанет, Корин торопливо надел запасной скафандр, взял оба бластера и, улучив подходящий момент, выбежал на палубу.

Кальмароподобный монстр плыл метрах в десяти от судна. Его стальное тело судорожно вибрировало. Два из восьми щупалец уже превратились в жалкие огрызки, а остальные были помяты. Но и корпус каравеллы заметно пострадал. В верхней его части, в местах сварки вольфрамовых листов появились щели, а на самих листах образовались вмятины. Еще несколько точных ударов — и вольфрам может лопнуть. Последствия нетрудно предугадать. Если свинец хлынет в трюм, судно, разумеется, затонет, тем более что вольфрам тяжелее свинца.

Когда щупальца вновь взметнулись в воздух, готовясь обрушиться на палубу, Корин выстрелил сразу из обоих бластеров. Ему удалось скосить одно из щупалец, а еще три получили изрядные ранения. Монстр сразу же отпрянул — в его электронный мозг была заложена программа самосохранения. Корин, воспользовавшись этим, подбежал к палубе и сделал еще несколько выстрелов, целясь в центр массивного туловища — кажется, где-то там находился центр механического существа. Монстр ответил страшным ударом щупальца по поверхности моря, отчего ввысь взметнулся фонтан свинцовых капель.

Корин едва успел отвернуться, опасаясь, что эти капли словно пули пробьют стеклолитовое окошко шлема. Через несколько мгновений на его голову и плечи обрушился свинцовый дождь. Ощущение оказалось не из приятных, однако Корину было не до собственных переживаний. Вновь обернувшись, он сделал очередные выстрелы, но уже прицелившись в боковую часть туловища. На этот раз его замысел сработал. В боку образовалась довольно большая дыра, куда хлынул расплавленный свинец. Корин сразу же отбежал под защиту фок-мачты — и вовремя, поскольку в воздух поднялось целое облако раскаленных брызг. Палуба завибрировала от дождя. Хорошо еще, что сработала защитная автоматика, а на окна быстро спустились металлические ставни, иначе не миновать бы большой беды.

Агония работа продолжалась несколько минут. Постепенно чудовище отстало от судна, и тогда Корин поспешил в капитанскую рубку. До острова оставалось чуть более двух сотен метров, и его волновало, сможет ли автомат-штурман обеспечить причаливание. Убедившись, что соответствующая программа уже включена, Корин побежал на нижнюю палубу. Как и следовало ожидать, дверь во входной кессон была намертво заблокирована. А это означало, что утечка воздуха не устранена и автоматика попросту отрезала аварийную палубу от остальных, чтобы не дать распространиться раскаленной, ядовитой атмосфере. Но насколько она успела проникнуть в коридор? Опустились ли герметичные перегородки? Остался ли кислород в баллоне, подключенном к автономной системе воздухообеспечения каюты, где должна находилась Ольга? Конечно, Линда в такой ситуации вряд ли бы растерялась — как-никак, за ее плечами немалый опыт работы спасателем. Но Ольга...

Корин стоял, лихорадочно размышляя. Затем он поднял бластеры и решительно

направил два голубых луча на дверь. Она была сделана на совесть, так что лишь спустя несколько минут Игорю удалось взломать мощные запоры. Войдя в темный коридор, он побежал, готовя себя к самому дурному. Движения легко давались ему, а это означало, что давление на нижней палубе все еще низкое и воздух планеты еще не успел наполнить внутренние помещения. Это вселяло кое-какие надежды.

Подбежав к знакомой двери, Корин хотел было взяться за ручку, но передумал, а вместо этого просто постучал.

Во внутреннем радиophone зашуршало, и он услышал голос Ольги — он был еле слышен из-за экранирующего действия стен каюты.

— Игорь...

— Да, это я! — заорал восторженно Корин. — Молодец, что догадалась надеть скафандр! Произошла авария системы воздухообеспечения. Пойдем, нам надо торопиться. Вот-вот корабль причалит к островной пристани!

Последовало долгое молчание. Обеспокоившись, Корин на всякий случай еще несколько раз постучал по двери.

— Ольга, что с тобой? — встревоженно спросил он. — Плохо чувствуешь себя? Наверное, ты наглоталась углекислоты, и...

— Нет... — послышался ответ. — Дело не в этом. Кто я, Игорь? Я не узнаю себя...

Корин чертыхнулся. Только этого сейчас не хватало!

— Оленька, открой! — попросил он. — Я тебе все объясню!

— Я... я тебе не верю...

Не выдержав, Корин выстрелил из бластера, целясь в край двери. Замок легко поддался, а через несколько секунд он ворвался в каюту.

Ольга сидела на кровати, одетая в скафандр. Она держала в руке бластер. Черт побери, да как же он не догадался вынуть оружие из скафандра Линды! Просто вылетело из головы...

Корин улыбнулся и хотел было подойти к девушке, но та, глядя на него широко открытыми глазами, выразительно приставила бластер к своему шлему.

— Стой на месте, — тихо посоветовала она. — Если ты сделаешь хоть один шаг, я выстрелю.

Корин замер, боясь пошевелиться. Во взгляде Ольги светилась такая беспросветная тоска, что он понял: она не блефует. Ольга действительно была способна на все, и когда она писала ему о своем возможном самоубийстве, то отнюдь не шутила.

— Ты мне солгал, Игорь, — после долгой паузы сказала Ольга. — Все время лгал. Откуда... откуда это чужое лицо? Волосы? Руки? Кто я?

Корин судорожно сглотнул, лихорадочно пытаясь продумать свои будущие слова — так, чтобы не спровоцировать Ольгу на непоправимый поступок. Наконец он решился.

— Это... это тело Линды, — упавшим голосом произнес он.

Ольга ничуть не удивилась.

— Я так и думала, — слегка кивнула она. — Это лицо мне знакомо. А где... где я?

Настал критический момент. Корин попытался изобразить нечто вроде улыбки и ответил:

— Не знаю... Наверное, в городе, где же еще? Произошла невероятная вещь, которую можно назвать обменом разумов. Я сам до сих пор не могу поверить!

Последнюю фразу он произнес совершенно искренне, но Ольгу ничуть не убедил.

— Нет, ты лжешь. Я же вижу, что ты лжешь!.. Не двигайся, я уже предупреждала.

Корин умоляюще приложил руку к груди.

— Послушай, Ольга, это долгий и сложный разговор. Поверь, я на самом деле мало что знаю! Но сейчас не время для бесед по душам. На корабль только что напал механический монстр — ты, наверное, слышала страшные удары. А через несколько секунд мы причалим к одному из островов. Пойми, мы должны быть сейчас там, на палубе!

Ольга жестко усмехнулась.

— Если хочешь, можешь уходить. Однако потом ты горько раскаешься, что не захотел ответить ни на один из моих вопросов.

Корин ощутил горечь во рту. Голова просто раскалывалась от пульсирующей боли. Сейчас, вот сейчас корабль причалит... и что произойдет дальше? Что это за остров? Какие механические создания здесь обитают и как они себя поведут? И как поведет себя Ольга, если он на самом деле попытается уйти?

Наконец ему в голову пришла удачная мысль.

— Ольга, сейчас нет времени рассуждать, как все произошло и почему, — торопливо произнес он. — Но так уж случилось, что ты — это гибрид двух самых любимых моих женщин. Если ты покончишь самоубийством, то убьешь СРАЗУ ДВУХ ЖЕНЩИН! И тогда : останусь совершенно один. Ты этого хочешь?

В глазах Ольги промелькнула тень сомнения. Казалось, ее рука слегка дрогнула.

— Н-нет... — пробормотала она. — Я чертовски ревнива, но убить готова лишь саму себя.

— Вот видишь! — с облегчением улыбнулся Корин. — А теперь пойдем на палубу. У нас еще будет время поговорить.

— Ты обещаешь мне все рассказать? — сдвинула брови Ольга.

— Да.

— Поклянись памятью своей матери!

— Клянусь.

— Хорошо. Но учти, бластера я не отдам. Он еще может мне пригодиться.

— Договорились.

— И ты не будешь пытаться его отнять? — с подозрением спросила она.

— Нет. Клянусь.

К его огромному облегчению, Ольга поднялась с кровати и спрятала бластер в карман.

Они вышли на палубу, и вовремя. Под шелест металлических парусов судно медленно разворачивалось, одновременно продолжая приближаться к берегу. Автоматика, несмотря на пятилетнее бездействие, работала отлично, и спустя несколько секунд каравелла почти беззвучно причалила.

Корин опустил трап, и они спустились на бетонный причал.

— Что это за остров? — спросила Ольга, оглядывая причудливые черные скалы, ветвящиеся словно гигантские кораллы.

— Не знаю... я здесь не был, — ответил Корин. — Но, кажется, догадываюсь. Если я прав, у нас появится шанс связаться с западным берегом. Пойдем.

Ольга серьезно взглянула на него.

— Хорошо. Но прежде ты мне все расскажешь.

И Корин рассказал — другого выхода у него не было.

Ольга заметно побледнела, но в целом отнеслась к его словам спокойно. Опустив голову, она прошептала:

— Выходит, я умерла...

— Только твоё тело!

— Только... — горько усмехнулась она. — Зачем ты убил меня?

— Я не убивал!

— Но ты же сам говорил...

— Да, я видел человека с бластером, очень похожего на меня, и то лишь на картинке.

Но я находился в это время на склоне вулкана, почти в сотне километров от плато. Скорее всего, это очередные садистские шутки Омена. Он играет со мной, как сытая кошка с мышью, и пока хочет лишь одного — доставить мне как можно большую душевную боль.

Ольга задумчиво взглянула ему в глаза.

— Надо было тебе с самого начала полететь на вершину Эвереста, — с упреком сказала она. — Тогда бы не случилось этого ужасного плавания, и я бы не воскресла так страшно.

— Да, ты права.

— Всему виной твоё упрямство... твоё гордость, — задумчиво продолжила Ольга. — Наверное, твоего всемогущего врага очень раздражает, что такое ничтожное существо не хочет покорно идти на заклятие, словно жалкая, безмозглая скотина.

— Похоже на то, — со вздохом согласился Корин. — До сих пор, наверное, ему приходилось встречать совсем других людей.

— Тех, кто служил ему в ЛИМПЕ? — спросила Ольга.

— Конечно. По-моему, Земля для Омена и его расы была испокон веков чем-то вроде фермы... или питомника. Помнишь, я тебе рассказывал о странных мирах, которые видел сквозь окна города-лабиринта? В них жили существа, очень похожие на людей, но куда более прекрасные и совершенные. А вот их одежда, здания, обычаи... Это всё взято с Земли! Наверное, наша планета — питомник цивилизаций для расы Оменов. По-моему, они даже заимствуют у нас растительный и животный мир.

— Но зачем?

— Откуда я знаю? Это лишь догадки... Но представь себе, что Земля — уникальный мир, каких больше нет в Галактике. Только здесь эволюция создала мириады растений и живых существ, начиная с простейших и кончая высшими животными. Дарвин полагал, что стимулом к бесконечному обновлению является заложенная в генотипах всего живого так называемая борьба видов за существование. А если этот «ген борьбы» заложен в нас искусственно?

— Питомник... — прошептала Ольга. — Это ужасно... Наверное, Омен и его раса — жестокие, безжалостные существа.

Корин усмехнулся.

— А это с какой точки зрения смотреть. Возможно, без их вмешательства на Земле до сих пор бродили бы племена неандертальцев. А так за считанные тысячи лет расцвела цивилизация, сумевшая выйти в космос! Но этот «ген борьбы» дорого нам обошелся. А что ты хочешь: цивилизация-скороспелка! Мы словно дети-переростки, с развитыми телами и крепкими кулаками, но мозгами младенцев. Однако потихоньку мы все же созрееваем, проявляем самостоятельность, осваиваем космос. Глядишь, века через два-три выйдем в Галактику и станем конкурентами расе Оменов. Вот потому-то они и решили подкрутить кое-какие гайки. Сначала они затормозили прогресс науки, сделали все, чтобы наш выход в ближний космос замедлился. Ещё бы Оменам не заволноваться! За каких-то двенадцать лет человечество прошло путь от запуска первого спутника до высадки на Луну. А затем почти

сорок лет топтания на месте — и не только в космосе. Но когда полеты на планеты возобновились, Омены решили — все, баста! Зверей пора загонять назад, в клетки. И они руками марионеток из ЛИМПа попробовали установить в Солнечной системе диктаторский режим. Взять нас всех под контроль.

Он запнулся, заметив, как странно исказилось лицо Ольги. Она слабо вскрикнула и, закрыв глаза, обмякла. Корин едва успел подхватить ее под руки.

Прошло несколько томительных минут, Ольга вновь открыла глаза и крепко встала на ноги. Внимательно взглядевшись в нее, Корин отшатнулся, выхватив из кармана бластер.

— Глупо, — тихо зазвучал знакомый, и в то же время бесконечно чужой голос.

Корин с проклятием опустил оружие.

— Да, глупо, — сдавленным голосом произнес он. — Так уж мы, люди, устроены — очень часто делаем необдуманные вещи. Но не всегда.

— К сожалению, не всегда, — произнес Омен. — Зато за вами любопытно наблюдать. И ставить эксперименты.

— И какой эксперимент вы ставили надо мной?

— А ты не догадался? — тихо рассмеялся Омен.

Корин задумался.

— Вы хотели... вы ждали, когда я наконец ПОЙМУ? — тихо спросил он.

— Да. Я хотел узнать, сколько раз надо уколоть жука в лабиринте, чтобы он дошел до конца.

— Значит... значит, это не было мстью?

Омен презрительно улыбнулся.

— Конечно, нет. Просто из всех людей ты дальше всех забрался в этот лабиринт. Кого-то надо было выбрать в качестве подопытного, а ты для этой роли подошел лучше других.

Кровь бросилась Корину в голову, и он вновь, не сознавая зачем, поднял бластер.

— И ради этого опыта вы убили всех моих близких? — с ненавистью выкрикнул он.

Омен холодно взглянул на него.

— А почему бы и нет? — безразличным тоном произнес он. — Если бы ты оказался умнее, то все понял бы уже после того, как мы стали внушать тебе сны. Но ты испугался лабиринта, робко заглядывал лишь в щели окон, вместо того чтобы просто отодрать все доски до единой. Тогда бы ты увидел землемиры. Но ты обрел решимость только там, в нашем старом корабле, — после того, как мы убили Ольгу. Однако и после этого ты не созрел, и нам пришлось сделать еще несколько болезненных уколов. Но не слишком много.

Омен скосил глаза чуть в сторону. Корин обернулся и увидел возле одной из скал механического гиганта с шестью парами клешнеобразных рук, мощным вороненым туловищем и сверкающим единственным глазом посреди выпуклого лба.

— Циклоп... — выдохнул Корин. — Он... он должен был убить...

— Да. Тело одной твоей подруги и разум другой были следующей ставкой в этой игре. Но твоя мысль, к счастью для тебя, наконец-то попала в цель. И теперь игру можно остановить.

— Игра... — пробормотал Корин, покачивая головой. — Ну конечно же, это была просто игра на догадливость... с кнутами и пряниками... Я проиграл почти все, а вы... Вы выиграли?

— Да, — улыбнулся Омен. — Пока — да. Но и ты — тоже.

— Значит — ничья? — с надеждой спросил Корин.

— Можно сказать и так, — снисходительно согласился Омен. — Ты был прав — долгое время Земля служила для нашей расы питомником. Сначала мы заимствовали отсюда образцы животного и растительного миров, которых на Земле — с нашей помощью — рождалось куда больше, чем во всей остальной Галактике. Затем мы открыли на вашей планете питомник цивилизаций. То, что для землян становилось историей, а то и просто исчезало в пыли веков, для нас стало рабочим материалом, из которого мы лепили миры наших далеких колоний.

— Это вы и называете землемирами?

— Да. Но вы, люди, вряд ли когда-нибудь увидите их.

— Почему же?

— Да потому что мы сегодня навсегда покидаем Солнечную систему. И человечество остается один на один со своими проблемами. Ты был прав: вы — скороспелки, и ваша мощь намного превосходит ваш разум. Отныне мы не собираемся вас ни подталкивать к войнам, ни охранять от них. Все теперь находится в ваших собственных руках. «Ген борьбы» будет непрерывно производить зло, а добро сможет создавать лишь человеческий разум. И мы не знаем, чем в конце концов окончится эта схватка. Но это нас не очень интересует. И дело здесь не в досадном крушении ЛИМПа и не в твоей догадливости. Это было двумя последними каплями, переполнившими чашу нашего терпения. Истинная причина в ином — Земля стала очень много брать и очень мало отдавать. Наверное, созидательные силы человечества исчерпаны. В прошедшем веке ваша планета создала мало истинно ценного, но зато породила целый океан уродства — в культуре, технике, обычаях и прочем. ЛИМП мог исправить положение, но это лишь продлило бы вашу агонию.

Корин смотрел на Омена, лихорадочно размышляя. Почему-то его сейчас меньше всего интересовало человечество. Он думал о другом... Так было во все времена — человек, обращаясь к Богу, всегда прежде всего просил чего-то для себя лично или для своих близких. Не мира на всей Земле, не здоровья всем детям и старикам, а того же самого, но только для себя, для своего ребенка или для своих родителей. И он сейчас хотел...

Омен понимающе улыбнулся.

— Ты такой же, как и все остальные, — мягко произнес он. — Не лучше и не хуже, не талантливее и не бездарнее. И ты хочешь попросить у нас того же, что попросил бы на твоём месте любой другой человек: воскрешения друга и обеих подруг. И надеешься, что мы скажем, что это НЕ ТЫ убил Ольгу.

— А разве... разве ее убил я?

— Да. На склоне вулкана мы установили нуль-транспортную кабинку и гипноизлучатель. Он освободил твое подсознание, и, перенесясь на место свидания с Ольгой, ты сделал то, о чем давно тайно мечтал.

— Я — мечтал? — в ужасе воскликнул Корин.

Омен кивнул.

— Ну конечно же. В этом было своеобразное изящество — одновременно наносить тебе болезненные уколы и в то же время выполнять твои подсознательные желания. Ты опасался Райнера и правильно делал — он действительно подозревал тебя в убийстве Ольги, и потому-то он и отправился в путешествие. Ты назвал точно время убийства — потому что убил своими же руками. И Райнера насторожило это и еще многое другое.

— Он видел меня с Ольгой? — помрачнел Корин.

— Да.

— А этот француз... Лафаер?.. Хотя... ну конечно, я стал ревновать его к Линде. Он так похотливо на нее смотрел...

— И он тоже понравился твоей девушке, — согласился Омен. — Линда устала от твоих проблем, а Лафаер был как раз из той счастливой породы людей, которые живут так же просто и легко, как летают птицы.

— И она... из-за этого и погибла?

Омен пристально взглянул на Корина. Впервые в его темных, холодных глазах промелькнуло нечто вроде сострадания.

— А разве она погибла? — спросил он.

Корин долго смотрел на него непонимающим взглядом, и вдруг на него накатилась волна дикого, животного ужаса.

Только сейчас он понял, что предстоит ему пережить в конце лабиринта.

Ему предстояло сделать выбор.

— Нет... — прошептал он, качая головой и медленно птясь к причалу в сторону корабля. — Нет, только не это! Ольга умерла, и...

Омен недобро усмехнулся.

— Ты верно все понял — под конец мне хочется провести еще один крошечный эксперимент. Такого еще не случалось ни с кем из вас, людей. Ты дошел до конца лабиринта и заслуживаешь поощрения. И я предоставляю тебе выбор. В наших информкристаллах записаны обе личности — Ольги и Линды. А вот тело сохранилось только одно. И тебе самому решать, кто из двух любимых женщин останется жив, а кто — окончательно умрет. Мы можем, если хочешь, снять у Ольги все комплексы насчет чужого тела — это сделать несложно. Но выбор ты должен сделать сам. Наш корабль сегодня стартует с Венеры, и у меня нет времени. Ну, что решил? Вспомни — на этой планете нередко любовные треугольники решались с помощью убийства. Но тебе стрелять не придется.

Оцепенев, Корин долго молчал, не в силах пошевелить губами. Затем, вспомнив, он открыл один из карманов скафандра и вынул оттуда «дуэльный пистолет», найденный им в древнем космолете.

— Я сделаю свой выбор, — хрипло произнес он. — Но сначала я хочу встретиться с тобой один на один.

— Глупо, — пренебрежительно улыбнулся Омен.

— Пусть так, но я хочу этого! Или ты боишься?

Омен озадаченно взглянул на него.

— Это не самый лучший способ самоубийства, — произнес он. — И очень хлопотный. Я нахожусь сейчас на вершине Эвереста, почти в сотне миль отсюда. А нуль-кабинок на этом острове нет.

— Тогда я сам прилечу к тебе! — яростно крикнул Корин. — Пришли мне флиттер!

— А как же тело Линды? — поинтересовался Омен. — Лишенное разума, оно быстро придет в негодность. Тебе все равно придется сделать выбор. Или ты желал бы, чтобы на Эверест мы полетели вместе?

— Нет. Мне понадобится секундант.

— Райнер? На всякий случай мы записали и его разум.

— Н-нет... Вы могли бы сделать копию моего разума и переселить его в тело бедной Линды?

Омен с интересом взглянул на своего противника.

— Конечно. Признаюсь, это очень любопытный ход, я его не предвидел... Хорошо, пусть будет по-твоему.

Омен закрыл глаза, и тело Линды вновь обмякло. Корин осторожно усадил его на ближайшую скамейку и стал ждать, нетерпеливо прохаживаясь по причалу. Механический циклоп тем временем ожил и, не обращая внимания на человека, огромными шагами направился назад, в лес ветвистых скал. Казалось, он сожалел, что не придется проявить в бою свою свирепость и невероятную силу.

Корин проводил гиганта почти сожалеющим взглядом.

Ему предстояло встретиться с соперником посерьезнее.

«Омега» взмыла с причала и, постепенно набирая высоту, направилась в сторону плато. Корин прильнул к окну и некоторое время наблюдал за уходящим вниз островом Циклопа. Отчаливший от него корабль медленно совершал маневр разворота, производя сложные эволюции парусами. Наверное, Омен намеревался вернуть его на прежнее место стоянки, дабы не вызывать у людей лишних вопросов и нездорового любопытства. А возможно, он готовился к следующему шагу в этой страшной игре, которую его противник из упрямства и гордыни не захотел закончить там, на берегу среди скал.

Корин вздохнул, подумав об этом, — и тут же услышал, как одновременно вздохнула Линда, сидящая рядом с ним в кресле второго пилота.

Линда?!

Корин повернул голову, словно ужаленный острой мыслью, и встретился взглядом с девушкой, в глазах которой сияло изумление.

— Господи... — одновременно прошептали они, а затем так же дружно нервно рассмеялись.

— Выходит, Омен не обманул... — произнесли они начало одной и той же фразы, но тут Корин предостерегающе поднял палец.

— Помолчи, ладно? — просительно сказал он. — Еще не хватает, чтобы мы говорили хором и шагали в ногу, словно солдаты в строю. Толк от нашего раздвоения будет лишь тогда, когда мы сумеем отойти хоть немного в сторону друг от друга.

— И тогда возникнет нечто вроде стереоскопии, — закончил за него Корин-2. — Что называется, ум хорошо, а два лучше, верно?

Корин кивнул, изучающе разглядывая лицо Линды. Оно вновь изменилось. В нем появилась мужская суровость, неулыбчивость, глаза сощурились, возле губ появилась знакомая жесткая складка... Изменения были незначительными, но они не оставили от бывшего очарования девушки и следа. Этакой синий чулок, сухарь в юбке. Словом, Корин в женском облике сам себе не понравился.

— Неужели я так паршиво выгляжу? — спросил Корин-2.

— Ну... на конкурс красоты я бы тебя не послал... Господи!

— Что такое?

— Да разве ты не понял? Мы уже начали РАСХОДИТЬСЯ!

Корин-2 усмехнулся.

— Точно, черт побери. Глядишь, скоро мы начнем с тобой беседовать, словно два РАЗНЫХ человека.

— А мы уже начали.

— Хм-м... точно. И нам надо решить эту жуткую головоломку, которую нам задал Омен, прежде чем мы долетим до Эвереста.

— Раньше, — поправил сам себя Корин. — До высоты километров двух-трех автопилот нас вытянет, а там мы попадем в зону ураганов, и нам станет не до разговоров.

— Но нам вдвоем будет проще управлять машиной, верно?

— Конечно. Это была одна из причин, почему я решил раздвоиться. Линда толком не умеет управлять флиттером, а одному мне там, под облаками, не справиться.

— Я знаю, — усмехнулся Корин-2.

— Тыфу, забыл. Прости. Никак не могу понять, как с тобой разговаривать.

— И я тоже. Ничего, как-нибудь приспособимся.

— Попробуем. Ты думаешь, Омен догадается, что вся эта затея с дуэлью — лишь способ оттянуть время?

— Я не знаю, насколько он контролирует мои мысли. Наверняка для него это не представляет трудностей, но вряд ли он опустится до таких мелочей, да еще после окончания эксперимента.

— Неужели мы с тобой на самом деле победили в этой игре?

— Ну конечно. Раз один человек, пусть после некоторых подсказок, догадался, в чем на самом деле состоит секрет ЛИМПа, то расе Омена действительно больше нечего делать в Солнечной системе. Вспомни — наши ученые на Марсе уже сделали первые шаги в этом направлении. Они почти догадались о том, что марсиане столкнулись с расой пришельцев, проиграли войну и вынуждены были отнюдь не по своей воле оставить свою планету. И о том, что их генотип был использован при искусственном убыстрении эволюции человека. Отсюда один шаг до мысли, что Земля — чья-то собственность. А если прибавить к этому странную историю с ЛИМПом и хронотрещины... Тот, кто догадается, что хронотрещины — следы нуль-транспортировок целых участков земной поверхности куда-то к звездам, разгадает и загадку Оменов.

— Точнее — незакрытые следы, — подправил сам себя Корин-2. — В обитаемых областях Земли Омены вынуждены были действовать осторожно и потому тратили немалую энергию на затягивание следов от нуль-пространственных перемещений. А в тех районах, куда люди редко заглядывали, Омены оставляли все как есть. Вот так и возникали многочисленные Бермудские треугольники, на которые люди натыкались лишь изредка и случайно.

Корин пренебрежительно махнул рукой.

— Ну, это уже детали. Главное, что рабству человечества настал конец! И мы с тобой, дружище, приложили к этому руку.

Корин-2 жестко усмехнулся и хотел было инстинктивно поправить спустившийся на лицо локон длинных волос, но, наткнувшись пальцем на шлем, смачно выругался.

— Дьявол, и почему Линда носит такие длинные волосы? — проворчал он. — Страшно неудобно.

— Дружище, хватит трепаться, — отозвался Корин, не отрывая глаз от показаний приборов. — Мы уже поднялись довольно высоко. До уровня плато осталось километра три, а затем начнется самое интересное. Пора решать.

— Линда или Ольга? — понимающе кивнул Корин-2.

— Да. Страшный выбор, но мы должны его сделать.

— И самое страшное, что в гибели их обоих виноваты мы. Вернее, наше подсознание.

— Верно, — глухо отозвался помрачневший Корин. — В моей подкорке такое порой творится... Я могу представить себе вещи, от которых самому становится не по себе. Впрочем, кому я говорю...

— Этот ад таится в душе каждого, — утешил его Корин-2. — Помнишь, Линда однажды в подпитии поделилась с тобой своими эротическими фантазиями? Садизм, мазохизм, жуткие извращения... И это у такой очаровательной девушки! Помнишь, как мы были шокированы?

Корин досадливо поморщился, но предпочел пропустить это нелепое МЫ мимо ушей.

— Это хорошее утешение, верно? — произнес он, глядя, как в серых облаках клубящегося тумана то там то здесь проглядывала черная стена основания гигантского плато. Флиттер продолжал набирать высоту, но ему мешали резкие порывы ветра. Однако пока автопилот без труда справлялся со всеми проблемами. Все-таки замечательная машина эта «Омега»!

— Напрасно ее называли «Омегой», — неожиданно произнес Корин-2, скептически глядя на приборную панель.

Корин вздрогнул и с удивлением взглянул на свою женоподобную копию.

— Это еще почему?

— А потому, что флиттер еще далек от совершенства, — заявил уверенным тоном Корин-2. — Конечно, он на порядок лучше тарелок, но ты только взгляни, как он жрет энергию! Раза в три больше, чем нужно при его массе. Динамические характеристики тоже не очень.

Корин закашлялся, с изумлением глядя на соседа.

— Кх-кхе... мы что, спорим? — выдавил он из себя.

Корин-2 красиво приподнял тонкие брови — так, как это нередко делала Линда.

— А что тебя удивляет? — произнес он нежным, бархатистым голосом. — Разве ты редко споришь сам с собой? По-моему, ты только и делаешь, что сомневаешься во всех своих действиях и терзаешь себя за сделанные ошибки. Согласись, куда сподручнее это делать мне.

— Тебе?!

Корин-2 обиженно поджал губы.

— А кому же еще? По-моему, это будет лучшим решением всех проблем. Ты надеялся, что я помогу сделать выбор между Линдой и Ольгой? И тем самым как бы возьму на себя половину груза ответственности. Ведь цена этого выбора нешуточная: жизнь и смерть.

— Я совсем не это имел в виду... — растерянно попытался возражать Корин, но его сосед пренебрежительно махнул рукой.

— Брось. Кого ты хочешь обмануть? Я знаю все твои мысли, потому что был тобой.

— Был? — возмутился Корин. — Да ты и есть я!

Корин-2 снисходительно помахал в воздухе пальцем.

— Э-э нет, дружище, — ласково отозвался он. — Не совсем так. Ты находишься в своем собственном теле, и опасаться тебе нечего — кроме Омена, разумеется. А я должен бояться за ВАС ОБОИХ. Ощущаешь разницу?

Корин уставился на соседа, судорожно соображая.

— Постой... ты хочешь остаться в женском теле? — вымолвил он, не веря своим же словам.

Корин-2 улыбнулся уголками губ, в остальном сохраняя серьезность.

— Вот именно, дружище. Это будет лучшим выходом из создавшегося положения. Сам посуди: какой бы ты ни сделал выбор между своими возлюбленными, одна из них будет до конца жизни преследовать тебя в ночных кошмарах. Да и как выбрать? Ты больше любишь Ольгу, но тебя больше любила Линда. И обе на самом деле тебя не любили. Хорош любовный треугольник, верно? Как его ни решай, ты останешься все равно на бобах. Для Ольги ты — лишь соломинка, за которую она отчаянно пыталась ухватиться во время крушения брака. Но ты же сам убедился — и часа не прошло, как вы начали ссориться. Слишком уж разные вы личности. Скорее всего она использует тебя словно ракету-носителя, а затем найдет либо очередного процветающего Михаила, либо другого суперспасателя,

окутанного романтической славой. Разве я не прав?

— Говори, говори, — мрачно усмехнулся Корин.

— Я уже не говорю про то, что испытает бедная девочка, когда вновь очнется в чужом теле, — продолжил Корин-2. — Натура она темпераментная, эмоциональная... дело может закончиться и шоком или еще чем похуже. Ведь ее тело все еще лежит, закутанное в саван, в морге полицейского управления. Весело, верно?

— А Линда? — сухо напомнил Корин. — С ней таких проблем не будет.

— Конечно. И такой выбор будет означать, что ты своими руками забил гвозди в гроб Ольги — обожаемой тобой Ольги, которую ты убил собственными руками. Понимаешь — не Омен, а ты! Убил — и не дал ей шанса восстать из праха.

— Но что же Линда? — упрямо произнес Корин.

— Надеешься, она останется с тобой — после всего, что произошло? Да одни твои нынешние колебания заставят ее возненавидеть тебя!

— Она может о них и не узнать...

Корин-2 расхохотался.

— Отлично! Вот такой, господа присяжные заседатели, Игорь Корин, знаменитый хронофизик и спасатель, покоритель Марса, Меркурия и прочее, прочее, а заодно и спаситель человечества от расы галактических пришельцев. Прошу любить и жаловать. Грешен, весьма грешен. Готов обманывать до конца жизни единственную женщину, которая пусть по-своему, но все-таки любит его. Ничего не получится, дружище. Этот Омен не так прост. Часть памяти Линды он не тронул, так что, очнувшись вновь в своем теле, она все — слышишь, ВСЕ будет знать.

— Лжешь! — крикнул в ярости Корин. — Ты хочешь обмануть меня с корыстными целями! Можешь доказать свои слова?

Корин-2 поджал губы и задумался.

— Если хочешь, я проникну в этот изолированный блок памяти. Но вряд ли это тебе что-то даст — это же воспоминания Линды, о которых ты ни черта не знаешь.

— И снова ты лжешь! Но зачем? Мы же были одним целым — ты и я, и вновь станем им!

Корин-2 зло взглянул на него.

— Тебе легко рассуждать — ведь исчезнешь не ты, а я.

— Но ты... это ведь женское тело?

— Что поделаться... Я предпочел бы, конечно, мужское. Впрочем, это уже мои проблемы.

Корин-2 защелкал тумблерами, переключая управление флиттером на себя.

— А теперь отдохни, дружище, — спокойно сказал он. — Дальше машину поведу я.

— Куда? На Эверест?

— Конечно, нет, — хладнокровно объяснил Корин-2. — Забудь о поединке, все это чистой воды мальчишество. Омен — вовсе не злой гений. Для нас, людей, — это нечто вроде стихии, могучего явления природы. Что ты докажешь, выйдя на поединок с ним? Только то, что человек еще слаб. Но когда-нибудь человечество выйдет в далекий космос, и тогда люди встретятся с Оменами.

— Тогда начнется война? — мрачно спросил Корин.

— Нет, конечно, нет! Да, очень обидно узнать, что Землю многие тысячелетия попросту использовали. Но без Оменов она выглядела бы совсем иначе, и человечество могло еще даже не возникнуть... Смотри, Эверест!

Флиттер наконец поднялся над краем плато и, подвергаясь командам второго пилота, полетел в сторону громадной горы, возвышающейся на западе. Вершина Эвереста, как всегда, была окутана мощными облаками. Сейчас там, на двенадцатикилометровой высоте, расцветала десятками извилистых молний страшная гроза. Чудовищные раскаты грома постепенно приближались, и вскоре по фюзеляжу флиттера застучали первые капли начинающегося серного дождя.

Корин с тоской глядел вверх. Он понимал, что даже «Омега» не сможет прорваться через грозовые облака. А ведь Омен сказал, что он и его товарищи через несколько часов покинут Венеру и навсегда уйдут из Солнечной системы!

— Боги жили на вершине Олимпа... — прошептал он. — Они были могущественны, жестоки и непостижимы. И всегда наказывали смертных, посмеявшихся из гордыни даже помыслить о соревновании с ними...

Флиттер поднимался все выше и выше. Ураганной силы ветер заставил автопилот полностью выдвинуть крылья и включить двигательную установку на всю мощь. Корпус машины стал вибрировать. На контрольном пульте тревожно вспыхнула красная лампочка, сигнализируя о том, что гироскопическая система сигнализации не справляется с внешними возмущениями. Однако Корин, ни на что не обращая внимания, неотрывно глядел на такую, казалось бы, близкую, но совершенно недоступную для него вершину.

— Друзья или враги?.. — продолжал бормотать он. — Хозяева или братья? Кто вы, черт вас поберет? Неужели я так никогда не разгадаю этой тайны?

На его глаза навернулись слезы отчаяния. Да, галактические Боги оказались жестоки с ним, но он не испытывал к Оменам ненависти. Сейчас он готов был отдать все на свете, чтобы хоть краем глаза увидеть их замок на вершине Эвереста.

— Не плачь... — ласково произнес кто-то рядом.

Корин повернул голову и увидел Линду. Ее взгляд был полон глубокого сострадания.

— Господи... Линда... Да ты, наверное, теперь возненавидишь меня!

Девушка нежно погладила его рукой по стеклу шлема.

— Глупый, какой же ты глупый... — тихо произнесла она. — То, что мы пережили, было ужасно... но зато я теперь, кажется, стала понимать тебя...

— Я... страшный человек? — горестно спросил он.

Линда помотала головой.

— Нет. Такой же, как и я, и как все остальные. Такими нас сделали Омены — по своему образу и подобию. Они долго не хотели признавать в нас своих собственных детей, но...

— Но жук все-таки дошел до края лабиринта? — попытался улыбнуться Корин.

— Да. А теперь мы возвращаемся в город, верно, милый?

Корин еще раз взглянул на вершину Эвереста, окутанную черными грозовыми тучами с десятками ветвистых молний, и молча кивнул. Затем засунул руку в карман — туда, где лежал «дуэльный пистолет». Но извлек оттуда два информкристалла...

— Что это? — ошеломленно пробормотал он.

Линда улыбнулась и выразительно постучала пальцем по его шлему прямо напротив лба.

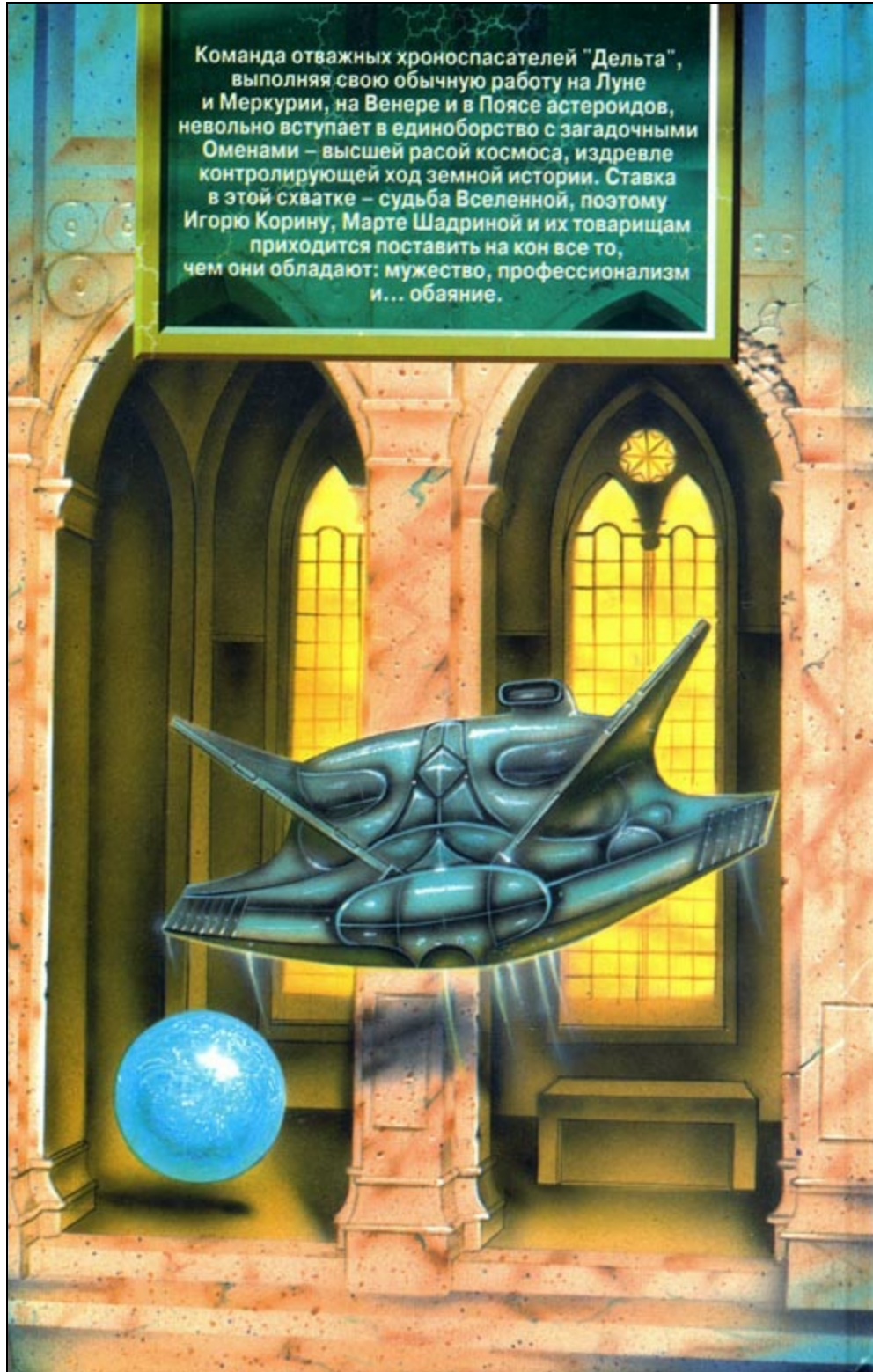
— А ты еще не понял?

— Ольга... Райнер... — прошептал Корин, не сводя глаз с голубых, сияющих кристаллов. — Господи, да что я буду делать со всем этим? Или Омен полагает, что мы когда-нибудь встретимся, и тогда...

Дождь еще больше усилился и наконец перешел в настоящий ливень. На плато появились ветвящиеся ручьи, которые, сливаясь в широкие потоки, низвергались с огромной высоты на поверхность Венеры. Раскаты грома звучали все ближе и ближе, и наконец флиттер оказался в самом центре разбушевавшейся грозы.

Линда отключила автопилот и, взявшись покрепче за штурвал, повела машину вниз, в сторону сияющего купола Венерополиса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Примечания

См. Повесть «Грабители Марса» из книги С.Сухинова «Звездная застава», издательство «ЭКСМО», 1997 г.